

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Петров А.В., Горбатова М.К. Педагогический потенциал
российского конституционализма в формировании
идеологической работы в системе высшего
образования 4

Масягина Ю.Б., Зиновьева И.В. Гражданское общество
как правовая категория 8

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Азарова В.Б. Правовое регулирование положения
самозанятых на рынке труда 12

Бобылев И.А. Возникновение синдицированного
кредита (займа) в силу закона 17

Вуколова А.Р. Правовое регулирование
дополнительного профессионального образования
судей: опыт России и зарубежных стран 21

Гадиятова М.В. Основания вступления прокурора
в гражданский процесс в целях дачи заключения
по делу 25

Глускер Е.А. Связывание как форма злоупотребления
доминирующим положением на рынке цифровых
технологий: понятие и проблемы правового
регулирувания 29

Гурьев О.П. Применение обеспечительных мер
при рассмотрении заявления об индексации
присужденных денежных сумм 33

Кахаров А.С. Правовое регулирование экономической
сферы в условиях цифровизации 37

Купчина Е.В. Искусственный интеллект в системе
рассмотрения и разрешения гражданско-правовых
споров: опыт Республики Колумбия 43

Лобзов А.В. К вопросу о характеристике предмета
договоров на выполнение НИОКР 48

Лобзова А.В. Одностороннее волеизъявление
и презумпция согласия при сделках с общим
имуществом супругов 53

Матвеева Е.Ю. Государственные закупки в оценке
советской цивилистики в 20-х годах XX века 59

Равоян Р.А. Обеспечение свободы вероисповедания
в условиях цифровизации 67

*Сташина Ю.С., Краснослободцева Е.А., Кулешов Г.Н.,
Смагин А.А., Чинарян Е.О.* Правовая природа
договоров об осуществлении технологического
присоединения к электрическим сетям 71

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государствен-
ный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук,
проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана
Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский
технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф.,
Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александро-
вич**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия есте-
ственных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Все-
российский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**,
д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических
наук, Московский государственный институт международных отношений (универ-
ситет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская акаде-
мия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько
Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН;
Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия на-
родного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Мах-
тай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц.,
Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р
юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Руза-
кова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный
институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владими-
рович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян
Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государствен-
ный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия
Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид.
наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной служ-
бы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Мо-
сковский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
Чихладзе Леван Теймуразович, д-р юрид. наук, проф., Российский университет
дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский го-
сударственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татья-
на Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**,
д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической де-
ятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор
Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-
правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»;
Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия на-
родного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия
Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко
Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процес-
са и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:
Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.12.2022

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему ре-
цензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

Ткачева Л.В. Анализ нормативно-правового регулирования обращения криптовалюты: российский и международный опыт 75

Хамидулина С.Г. Актуальные вопросы правового регулирования национальной платежной системы Российской Федерации 81

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Зацепин М.Н., Зацепин А.М., Глушкова Е.М. Актуальные вопросы проведения криминологических экспертиз с целью выявления экономических преступлений 86

Мамаев А.А. Применение категории «взыскатель» в аспекте права на принудительное исполнение 93

Мартынова С.В. Организационно-правовые проблемы и основные тенденции развития системы кассационных судов общей юрисдикции 97

Пермяков М.В., Рачева Н.В., Долинин В.Н. Сбор образцов для сравнительного исследования в деятельности правоохранительных структур 102

Потапова Л.В. К вопросу о предмете и пределах прокурорского надзора за исполнением законодательства Российской Федерации о государственной гражданской и муниципальной службе 106

Терентьев А.В. Актуальные вопросы системы профилактики подростковой преступности в России 110

Холина И.С., Краснослободцева Е.А., Кулешов Г.Н., Чинарян Е.О., Смагин А.А. Актуальность профилактики безнадзорности несовершеннолетних 113

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Любаев В.С. Уголовно-правовые меры противодействия коррупционным преступлениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд в США 121

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Васева И.С., Огарков А.В. К вопросу об участии прокурора в арбитражном процессе 125

Алешин Д.Ю. Система правовых статусов субъектов долевого строительства 127

Васева И.С. Нормативно-правовое регулирование банковского финансирования инвестиционной деятельности 133

Рутковская О.А. К вопросу об определении предмета семейного права Российской Федерации 136

Соболык В.М. О некоторых отличиях состава преступления от административного правонарушения по делам о порче земли 141

Омельченко Т.А., Астафурова О.А., Кулагина И.И. Отдельные аспекты разработки и применения программного комплекса оценки знаний государственных служащих по вопросам противодействия коррупции 147

Разов П.В., Чернов В.В., Гараганов А.В. Документы стратегического планирования как источник целеполагания в системе оценки устойчивости регионального развития с точки зрения эффективности деятельности государственных процедур и научных институтов 151

Кужахметова С.Н. Правовые основы деятельности советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в условиях распада СССР 155

Эльканова Е.А., Кибакин М.В., Штанова К.А. Правовое регулирование разработки и внедрения системы показателей устойчивости регионального развития с точки зрения эффективности государственных процедур и научных институтов в условиях санкций 161

Кузнецов А.В. Особенности реализации принципа добросовестности в вещном праве 165

Лапшина И.Е., Лядовская Н.И., Писанова В.А. Реализация принципа светскости в российском конституционном праве 169

Разов П.В., Вольф К.В., Кибакин М.В. Сравнительный анализ отечественного и зарубежного нормативно-правового регулирования, научных методов и инструментария системы оценки устойчивого социально-экономического территориального развития 173

Эльканова Е.А., Вольф К.В., Чернов В.В. Нормативная база и научные методы зарубежных стран системы оценки устойчивого регионального развития 177

Лапина Е.В., Хаустов Н.С. Правовая природа преимуществ статуса залогового кредитора при несостоятельности (банкротстве) должника 181

Роженцева А.П., Иванов В.Р., Зинченко Д.Р. Сравнительно-правовой анализ трудового законодательства России, США и Китая 187

Ужахов М.К. Современные государственно-политические и правовые механизмы противодействия финансирования терроризма. Международный опыт взаимодействия 194

Филоненко Т.В. Формирование института пробации в России: аспекты нормативного закрепления механизма правового регулирования 197

TABLE OF CONTENTS

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

<i>Petrov A.V., Gorbatova M.K.</i> The pedagogical potential of Russian constitutionalism in the formation of ideological work in the system of higher education.....	4
<i>Masyagina Ju.B., Zinoveva I.V.</i> Civil society as a legal category	8

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

<i>Azarova V.B.</i> Legal regulation of the position of the self-employed in the labor market	12
<i>Bobylev I.A.</i> Emergence of a Syndicated Credit (Loan) in Force of Law	17
<i>Vukolova A.R.</i> Legal regulation of additional professional education of judges: the experience of Russia and foreign countries	21
<i>Gadiyatova M.V.</i> Grounds for entry of the prosecutor in civil proceedings for the purpose of giving an opinion on the case	25
<i>Glusker E.A.</i> Tying as a form of abuse of a dominant position in the digital technology market: the concept and problems of legal regulation.....	29
<i>Guryev O.P.</i> Application of interim measures when considering an application for indexation of the awarded sums of money.....	33
<i>Kakharov A.S.</i> Legal regulation of the economic sphere in the context of digitalization.....	37
<i>Kupchina E.V.</i> Artificial intelligence in the system of consideration and resolution of civil disputes: the experience of the Republic of Colombia.....	43
<i>Lobzov A.V.</i> On the Characteristics of the Subject of R&D Contracts	48
<i>Lobzova A.V.</i> Unilateral Expression of Will and Presumption of Consent in Transactions Involving the Common Property of Spouses.....	53
<i>Matveeva E. Yu.</i> Public procurement in the assessment of Soviet civil law in the 20s of the twentieth century.....	59
<i>Ravoyan R.A.</i> Ensuring freedom of religion in the context of digitalization.....	67
<i>Stashina J.S., Krasnoslobodtseva E.A., Kuleshov G.N., Smagin A.A., Chinaryan E.O.</i> Legal nature of agreements on technological connection to electric networks.....	71
<i>Tkacheva L.V.</i> Analysis of the Legal Regulation of Cryptocurrency Circulation: Russian and International Experience...	75
<i>Khamidulina S.G.</i> Current issues of legal regulation of the national payment system of the Russian federation	81

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

<i>Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Glushkova E.M.</i> Topical issues of conducting criminological examinations in order to identify economic crimes	86
<i>Mamaev A.A.</i> Application of the category "recoverer" in the aspect of the right to enforcement.....	93
<i>Martynova S.V.</i> Organizational and legal problems and main trends in the development of the system of cassation courts of general jurisdiction	97
<i>Permyakov M.V., Racheva N.V., Dolinin V.N.</i> Collection of samples for comparative research in the activities of law enforcement agencies.....	102
<i>Potapova L.V.</i> To the question of the subject and limits of prosecutorial supervision over the implementation of the legislation of the Russian Federation on the state civil and municipal service.....	106

<i>Terentyev A.V.</i> Topical issues of the system of prevention of juvenile delinquency in Russia.....	110
<i>Kholina I.S., Krasnoslobodtseva E.A., Kuleshov G.N., Chinaryan E.O., Smagin A.A.</i> The relevance of the prevention of neglect of minors.....	113

OVERSEAS EXPERIENCE. INTERNATIONAL LAW

<i>Lyupaev V.S.</i> Criminal law measures to counteract corruption crimes in the field of procurement of goods, works, services to meet state or municipal needs in the United States.....	121
--	-----

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAWMAKING

<i>Vaseva I.S., Ogarkov A.V.</i> On the question of the participation of the prosecutor in the arbitration process.....	125
<i>Aleshin D. Yu.</i> The system of legal statuses of shared-equity construction entities	127
<i>Vaseva I.S.</i> Regulatory and legal regulation of bank financing of investment activities	133
<i>Rutkovskaia O.A.</i> On the definition of the subject of family Law of the Russian Federation	136
<i>Sobolyk V.M.</i> About some differences between the corpus delicti and an administrative offense in cases of land damage	141
<i>Omelchenko T.A., Astafurova O.A., Kulagina I.I.</i> Some aspects of the development and application of a software package for assessing the knowledge of civil servants on anti-corruption issues.....	147
<i>Razov P.V., Chernov V.V., Garaganov A.V.</i> Strategic planning documents as a source of goal-setting in the system of assessing the sustainability of regional development from the point of view of the effectiveness of state procedures and scientific institutions.....	151
<i>Kuzhakhmetova S.N.</i> Legal basis for the activities of the Soviet militia in the protection of public order and the fight against crime in the conditions of the collapse of the USSR.....	155
<i>Elkanova E.A., Kibakin M.V., Shtanova K.A.</i> Legal regulation of the development and implementation of a system for monitoring the sustainability of regional development from the point of view of the effectiveness of state procedures and scientific institutions.....	161
<i>Kuznetsov A.V.</i> Features of the implementation of the principle of good faith in property law.....	165
<i>Lapshina I.E., Lyadovskaya N.I., Pisanova V.A.</i> Implementation of the principle of secularism in Russian constitutional law	169
<i>Razov P.V., Wolf K.V., Kibakin M.V.</i> Comparative analysis of domestic and foreign legal regulation, scientific methods and tools of the assessment system of sustainable socio-economic territorial development.....	173
<i>Elkanova E.A., Wolf K.V., Chernov V.V.</i> Regulatory framework and scientific methods of foreign countries systems for assessing sustainable regional development.....	177
<i>Lapina E.V., Khaustov N.S.</i> The legal nature of the advantages of the status of a secured creditor in case of insolvency (bankruptcy) of the debtor	181
<i>Rozhentseva A.P., Ivanov V.R., Zinchenko D.R.</i> Comparative legal analysis of the labor legislation of the Russia, USA and China.....	187
<i>Uzhakhov M.K.</i> Modern state-political and legal mechanisms for combating the financing of terrorism. International experience of interaction.....	194
<i>Filonenko T.V.</i> Formation of the institute of probation in Russia: aspects of regulatory fixing of the mechanism of legal regulation..	197

Педагогический потенциал российского конституционализма в формировании идеологической работы в системе высшего образования

Петров Александр Васильевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: avpetrov@unn.ru

Горбатова Марина Константиновна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: mk-g@mail.ru

В статье указывается на необходимость в современных условиях активизации и изменения форм идеологической работы в вузах. Это обусловлено особой ролью студенчества в социальной структуре общества и рядом негативных факторов, которые характерны для мировоззрения значительной части современного российского студенчества. Именно последовательная идеологическая работа служит основным путем и способом формирования мировоззрения студентов, основывающегося на национальных российских ценностных ориентирах. Обращается внимание на то, что учебный процесс в современном российском высшем образовании практически лишился идеологического компонента, который в скромном объеме переместился в воспитательную работу со студентами. Обосновывается важность перехода от сугубо воспитательных форм к внедрению идеологических элементов непосредственно в учебный процесс. В качестве одного из направлений предлагается введение для всех бакалавров и специалистов дисциплины «Российский конституционализм» и раскрываются идеологические аспекты содержания этой дисциплины.

Ключевые слова: национальные ценности, ценностные ориентиры студенчества, идеология в вузе, идеология гражданственности, российский конституционализм.

В непростой исторический период, который сейчас переживают российское общество и государство, особую значимость приобретают консолидация социальных сил, не формальная, а внутренняя нацеленность людей на осуществление общих целей. Такая консолидация произрастает из духовной общности народа, ощущения личной принадлежности к общей истории страны, понимания выработанных в процессе исторического развития ценностей и идеалов и стремления их реализовать в актуальной жизни. Обобщая, можно сказать, что единение народа обеспечивается его общенациональной идеологией.

Не рассматривая здесь совокупность условий и причин, приведших к нынешнему состоянию идеологии, отметим лишь как факт, что ценности и идеалы, выработанные российским обществом, подверглись и подвергаются в постсоветский исторический период серьезным деформациям. Не случайно на высоком официальном уровне заявлено об угрозах в этом направлении, которые исходят от экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и некоммерческих организаций.

Как констатируется в Указе Президента РФ, их деятельность через идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет «к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей (далее – деструктивная идеология), включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» [1].

Не берясь анализировать эту проблему в отношении всех социальных групп, слоев и структур российского общества, поскольку эта задача предполагает более масштабное исследование, ограничимся рассмотрением особенностей в плане формирования ценностей и идеалов у российского студенчества как наиболее динамичной части общества, с находящимся в стадии формиро-

вания мировоззрением, за которой стоит будущее российского общества и государства. Отдельные аспекты этой проблемы уже рассматривались нами в ряде работ [2, 3], и можно отметить, что со времени их написания мало что поменялось в этом направлении.

Многими исследователями отмечается явно негативное смещение ценностных ориентаций и идеалов студенчества, и прежде всего от высоких принципов и идеалов – к узкому прагматизму; от приоритета общественного и коллективного – к частному и личному; от устоявшихся моральных норм – к вседозволенности и цинизму. У значительной части студенческой молодежи отмечается социальный и политический инфантилизм, когда человеку в целом безразлично, что происходит в государстве и обществе, если это напрямую не затрагивает его личные интересы. Карьера, материальное благополучие, личный успех – вот сегодня преимущественные ориентиры значительной части студенчества.

Такой настрой вряд ли гарантирует активное участие этой группы студенчества, а затем работников и руководителей в созидании успешного, самодостаточного, сильного и независимого от внешних обстоятельств российского общества и государства. Однако причины этого состояния следует, полагаем, искать не только в происках внешней пропаганды и тлетворном влиянии иностранных сил. В значительной мере оно объясняется сконструированной системой самого образования, в котором, по крайней мере в высшей школе процесс обучения лишился более или менее четкой идеологической основы.

Что мы хотим от высшего образования? Снабдить обучающихся профессиональными знаниями и навыками как можно более высокого уровня? Очевидно, что да. Но если цель только эта, тогда есть смысл всем дружно перейти на систему дистанционного образования, до минимума свести подчас довольно непродуктивное и содержащее много излишних элементов личное общение студентов с преподавателем и получить в итоге идеальный университет с электронными преподавателями и электронными студентами.

Российское высшее образование традиционно противилось и противится такому утилитарному подходу по одной простой, но фундаментальной причине. Для нас система высшего образования – это не просто инструмент переливания знаний из одной головы в другие. Для нас это среда, в которой воспроизводится национальная культура и продуктом которой является наделенная специальными профессиональными знаниями и компетенциями, и сформированная в процессе обучения в вузе востребуемая обществом и государством личность.

Личность обладает многогранными характеристиками и далеко не все из них могут и должны становиться предметом внимания вузовской системы. Но среди них есть элементы, которые на более высоком уровне качества могут быть дополнены или сформированы и развиты именно в вузов-

ской среде. Как представляется, мышление и воля студента в процессе обучения в вузе, помимо профессионального функционала, должны быть обязательно сориентированы на:

патриотизм как систему ценностей, определяющую отношение человека к своему народу и государству и включающую уважение к историческому прошлому своего народа и государства, гордость за народные подвиги и великие свершения, уверенность в способности народа преодолевать кризисные периоды и вера в великое будущее страны;

гражданственность как систему ценностей, определяющую отношение человека к другим людям как членам гражданского общества и включающую признание за любым человеком возможности свободного развития, уважение общепризнанных прав человека, ответственное исполнение своих гражданских обязанностей;

человечность как систему ценностей, определяющую отношение человека к другому человеку как равному духовному существу и включающую нравственное отношение к человеку, стремление делать по отношению к людям добро и избегать зла, отношение к человеку как цели, и никогда как к средству для достижения целей.

Обратим внимание на важную деталь и одновременно насущную проблему. Речь идет о формировании элементов мировоззрения студентов, которые не могут появиться сами по себе, а продуцируются в результате целенаправленной и системной идеологической работы. Есть ли она как таковая в вузах – это большой вопрос. Специальный просмотр публикаций по рубрике «идеологическая работа в вузе» показал интересную деталь. В основном об идеологической работе в вузе говорят ученые из Белоруссии, Китая [4, 5]. Тогда как российские ученые предпочитают говорить о различных направлениях воспитательной работы со студентами.

Разумеется, никто не собирается отрицать значимость воспитательной работы в вузе. Но, во-первых, в российских вузах она формально отделена от процесса обучения в вузе, что выражается в автономности соответствующих управленческих структур (зам. декана по учебной работе и зам. декана по воспитательной работе, проректор по учебной работе и проректор по воспитательной работе). Принимаются отдельные планы и идет соответствующая отчетность.

Во-вторых, содержательно она, по сути, сведена ко внеучебной работе, а к учебному процессу имеет отношение главным образом в плане освобождения студентов от учебных занятий для проведения массовых мероприятий. Конечно, танцы и пение, спортивные соревнования и студенческие посиделки, смешилки вроде КВН и т.п. мероприятия оказывают влияние на формирование культуры студенчества и несут определенный идеологический заряд. Однако они не являются инструментами, вполне пригодными для системного внедрения в студенческую среду необходимых идеологических ориентиров.

Сравним в этом плане вузовское обучение в советский период, где понимали и даже в определенной степени фетишизировали значимость идеологии. Каждый год обучения в вузе по любой специальности включал в учебный план предметы, содержание которых имело четкую и открыто выраженную идеологическую направленность. История КПСС, диалектический и исторический материализм, политическая экономия, научный коммунизм – вот последовательный ряд учебных дисциплин, нацеленных на формирование соответствующего тому историческому периоду мировоззрения студентов. Причем одна из этих дисциплин обязательно выносилась на выпускной государственный экзамен.

Что в этом отношении дает обучение в современном вузе, думаю, понятно. Практически ничего, если не считать попыток внедрения как общей для всех студентов дисциплины «история России», которую, как и всякую фактологическую дисциплину, можно понимать по-разному и, соответственно, также по-разному обучать студентов. Для кого-то история России – это история великих свершений великой страны, а для кого-то история не достигнутого уровня западной цивилизованности народа и его недемократических или тоталитарных режимов.

Сделаем некоторые промежуточные обобщения. Во-первых, российским вузам нужно перестать чураться термина «идеология», ибо идеологическая работа это, не что иное как необходимый путь и способ формирования национальных российских ценностных ориентиров в мировоззрении студенчества. Эти ориентиры по содержанию отчасти совпадают с общечеловеческими, отчасти уникальны, как уникальны российский народ и исторический путь российского общества и государства. Назовем этот путь возвращением к национализации российского высшего образования.

Во-вторых, эта идеологическая работа должна рассматриваться как приоритетное направление в деятельности любого вуза, прежде всего государственного. Несмотря на значимость всяких иных форм работы со студентами, через которые в той или иной мере осуществляется идеологическое воздействие, наиболее продуктивной, эффективной и значимой для студентов формой является сам учебный процесс. Здесь нет иного пути, кроме как введение комплекса дисциплин, целенаправленно внедряющих продуманную в содержании и последовательности российскую национальную идеологию.

Не будет специально останавливаться на путях решения иных проблем современного российского высшего образования, как и выдать готовые рецепты по развитию всех элементов идеологии в системе высшего образования. Полагаем, если необходимость внедрения в систему высшего образования российской национальной идеологии будет понята и принята, ее конкретные направления должны стать предметом разработки всего вузовского сообщества и структур, управляющих системой образования. Ограничимся здесь лишь не-

которыми общими соображениями и конкретным предложением, которое основывается на исчисляемом уже десятилетиями личном преподавательском опыте.

Начнем с головы, с государственных образовательных стандартов. Не ставя здесь в целом проблему тенденций развития и содержания ныне действующих стандартов высшего образования, заметим только, что в предметном плане они становятся все более и более размытыми. Чему учить, в какой последовательности и в каком объеме – все это остается как бы за пределами стандартов. С идеологией так не пройдет. Дисциплины, имеющие специальную идеологическую направленность, должны иметь четко обозначенное содержание, закрепленное в стандартах место в учебном плане и формы итоговой отчетности. В этих вопросах не должно быть места для самостоятельности.

В качестве одного из возможных направлений для обеспечения идеологической направленности учебного процесса могли бы предложить включение в него для всех бакалавров и специалистов дисциплины «Российский конституционализм». Такая дисциплина четко направлена на формирование в мировоззрении студентов ценностей гражданственности, которые закладываются уже в школе, но, как показывает вузовская педагогическая практика, явно не достигают там уровня, необходимого для ответственного понимания своего статуса гражданина великой и во многих отношениях особенной державы.

В идеологическом плане эта дисциплина должна продемонстрировать значимость конституционного пути развития для российского общества и государства, задачи конституционного строительства, основные направления этого строительства, особенности и достижения российского конституционализма, которые по ряду направлений опережали конституционное развитие других стран [6, 7]. Здесь следует также выделить последовательно прогрессивную трансформацию основ конституционного строя российского общества и государства, уникальность формы государственного устройства России, специфику организации публичной власти в стране.

Особого внимания заслуживает проблематика прав человека, которая по-прежнему остается одной из центральных в борьбе различных идеологий. Здесь важно донести до сознания студента, что права человека никогда не носят абсолютно-го характера, а естественно ограничены правами других субъектов социальной жизни. Конституционные права человека и гражданина в качестве своего необходимого продолжения имеют конституционные обязанности, неисполнение которых влечет за собой применение мер юридической ответственности. Поэтому на самом деле нет как таковой проблемы прав человека, есть проблемы конституционного комплекса прав, обязанностей и ответственности человека и гражданина.

Можно обратить внимание и на другие элементы содержания предлагаемого курса, но, как ка-

жется, уже из сказанного ясно, что дисциплина «Российский конституционализм» носит, во-первых, всеобщий характер и может рассматриваться в качестве одного из направлений формирования основ мировоззрения современного российского студента, если, конечно, вузовская система ставит перед собой задачу выпуска не просто грамотных специалистов, но и сознательных граждан своей страны.

Литература

1. Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» – <http://publication.pravo.gov.ru>
2. Стронгин Р.Г., Петров А.В. О формировании ценностных ориентиров российского студенчества. – Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 1. Часть 1. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. С. 17–23;
3. Стронгин Р.Г., Петров А.В. О ценностных ориентирах российского студенчества и воспитательной работе в вузе // Высшее образование в России. 2013, № 7. С. 3–9.
4. Инновационный опыт идеологической, воспитательной и информационной работы в вузе. Материалы VIII Международной научно-практической конференции / Гомель, 2021.
5. Дун С., Син Я. Анализ современного состояния идеологической работы в китайских университетах. Перспективы науки. 2021. № 3 (138). С. 12–15.
6. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. Москва: Норма, 2008. – 544 с
7. Виноградова Е.В. Российский конституционализм: элементы системы. Москва, 2022.

THE PEDAGOGICAL POTENTIAL OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM IN THE FORMATION OF IDEOLOGICAL WORK IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION

Petrov A.V., Gorbatova M.K.

Nizhny Novgorod State University named by N.I. Lobachevsky

The article points to the need in modern conditions to activate and change the forms of ideological work in universities. This is due to the special role of students in the social structure of society and a number of negative factors that are characteristic of the worldview of a significant part of modern Russian students. It is consistent ideological work that serves as the main way and way of forming the worldview of students based on national Russian value orientations. Attention is drawn to the fact that the educational process in modern Russian higher education has practically lost its ideological component, which has moved to a modest extent in educational work with students. The importance of the transition from purely educational forms to the introduction of ideological elements directly into the educational process is substantiated. As one of the directions, the introduction of the discipline “Russian Constitutionalism” for all bachelors and specialists is proposed and the ideological aspects of the content of this discipline are revealed.

Keywords: national values, student values, ideology at the university, ideology of citizenship, Russian constitutionalism.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 of 09.11.2022 “On the approval of the Foundations of state Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values” – <http://publication.pravo.gov.ru>
2. Strongin R.G., Petrov A.V. On the formation of value orientations of Russian students. – Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. No. 1. Part 1. – N. Novgorod: Publishing House of the N.I. Lobachevsky National Research University, 2013. pp. 17–23;
3. Strongin R.G., Petrov A.V. On the value orientations of Russian students and educational work at the university // Higher education in Russia. 2013, No. 7. pp. 3–9.
4. Innovative experience of ideological, educational and informational work at the university. Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference / Gomel, 2021.
5. Dong S., Sin Ya. Analysis of the current state of ideological work in Chinese universities. Prospects of science. 2021. No. 3 (138). pp. 12–15.
6. Kutafin O.E. Russian constitutionalism. Moscow: Norma, 2008. – 544 p
7. Vinogradova E.V. Russian constitutionalism: elements of the system. Moscow, 2022.

Гражданское общество как правовая категория

Масягина Юлия Борисовна,

к.ю.н., доцент кафедры математики, информатики и общегуманитарных наук Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: masyagina.iul@yandex.ru

Зиновьева Ирина Викторовна,

к.ф.н., доцент кафедры математики, информатики и общегуманитарных наук Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: razrabirin@yandex.ru

В данной статье ставится вопрос о гражданском обществе как правовой категории. Правовым данное понятие делает его принадлежность к признакам правового государства. *Цель:* определить основные элементы, составляющие гражданское общество и причинно-следственные связи, выявляющие взаимодействие гражданского общества и правового государства. *Методологическая основа:* совокупность диалектического, метафизического и системного методов исследования, а также анализ источников и литературы по указанной проблематике. *Результаты:* аргументирована авторская позиция относительно необходимости формулирования понятия гражданского общества в законодательстве об общественных объединениях. *Выводы:* при формулировании гражданского общества как правовой категории в нормативном массиве нужно включать в данное понятие и субъектов, таких как семья, и правовые идеи, составляющих теоретическую основу гражданского общества, таких как свобода.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, свобода, территориальное общественное самоуправление, семья, общественные организации.

В современной России термин «гражданское общество» является актуальным и в теоретической и в практической плоскости. Практическая значимость гражданского общества может быть подтверждена реальными юридическими фактами, такими, например, как растущее количество общественных организаций, в том числе организаций территориального местного самоуправления.

Наиболее авторитетные и российские, и зарубежные политологи отмечают большую бытовую свободу российского общества на уровне общественного сознания и реальной социальной жизни. Исследование гражданского общества на теоретическом уровне представляется значимым вследствие выяснения влияния правовых средств на формирование и развитие данного явления и его взаимодействия с правовым государством. Правовые средства в данном случае показывают существенную связь гражданского общества с правовым государством и формируют гражданское общество как правовую категорию.

Теоретическое исследование гражданского общества, естественно, начинается с понятия. Думается, общепризнанно, что определение гражданского общества нуждается в доработке, так как это не совсем правовая категория, определение которой столь важно для законодательного текста. Это подтверждается тем, что правовое государство является элементом текста Конституции РФ, а гражданского общества мы в тексте не видим.

Самым известным и авторитетным автором по определению термина «гражданское общество» является Г.В.Ф. Гегель, который считал, что гражданское общество есть совокупность семей, создаваемое с целью охраны материальных и нравственных интересов индивида. Г.В.Ф. Гегель говорит о гражданском обществе как дифференциации между семьей и государством. Потребности гражданского общества должны обеспечиваться посредством правосудия, полиции, а также корпорациями. Гражданское общество – это живая организация, в которой существует целостная свобода людей.[1, С. 12]

Все гегелевские определения гражданского общества, представленные элементы содержания данного определения нуждаются в уточнениях для современного российского общества, которое сталкивается с вызовами и проблемами, не актуальными для буржуазной эпохи XVIII века. На первое место в структуре гражданского общества Гегель ставит семью, а только потом труд, предпринимательство и другие элементы. Для современного общества характерен кризис традиционной семьи, что связано с влиянием другого важнейшего структурного элемента гражданского обще-

ства – изменившегося характера труда. По сравнению с буржуазной эпохой, доля ручного труда существенно снижена в производстве и само производство вместе с сельским хозяйством вытеснено сферой услуг.

Вследствие произошедших изменений женщины также участвуют в производстве и обслуживании как и мужчины, поэтому доля традиционной семьи в современном обществе неуклонно снижается. На первое место в структуре гражданского общества выходят общественные объединения, создаваемые на основе общности различных интересов индивидуумов. Это экономические, политические, культурные, экологические и даже хозяйственные интересы, объединяющие личностей и имеющие для них более важное значение, чем семья.

Право в данных обстоятельствах может фиксировать произошедшие изменения, но также и консервировать ценности, разделяемые большинством общества. Российское общество в этом смысле более традиционное, чем в большинстве европейских государств, в нашей правовой системе твердо закреплены положения о том, что брак – это союз мужчины и женщины, семья создает наилучшие, защищаемые государством условия для воспитания детей.

Свобода для Гегеля является основным содержанием гражданского общества и в этом определение гражданского общества по-прежнему безупречно, так как именно она и является стержневым в структуре гражданского общества. Остальные элементы могут меняться местами, их значение может становиться иным, но живая самоорганизация свободных людей остается неизменной.

Необходимо обратить внимание на гегелевское настоятельное подчеркивание дифференциации гражданского общества и государства, точнее правового государства, так как именно оно и может обеспечивать наиболее полно потребности гражданского общества. Правовое государство, по Гегелю, обеспечивает правосудие и полицию, то есть на нем лежит обязанность обеспечивать в гражданском обществе правопорядок и законность. Государство закономерно не может быть областью самостоятельности, это напротив вертикальная структура взаимного подчинения, которая всегда будет иметь тенденцию к усилению своей роли в жизни общества. Гражданское общество с его горизонтальностью и самостоятельностью успешно противостоит этой тенденции в развитии государства. Различного рода корпорации или объединения дают отдельным индивидам возможность успешно противостоять узурпации власти в государственном механизме.

Гражданское общество не строится как юридическая конструкция и не содержит в себе элементов, определение строится на том, что это область деятельности граждан с минимальным вмешательством государства. При этом гражданское общество не противостоит государству, безусловно, являясь его частью, но это область самостоятель-

ности людей. В этом смысле Конституция РФ, как основной закон и документ прямого действия является одним из основным правовых инструментов пользования граждан.

Члены гражданского общества самостоятельно и по своему усмотрению могут пользоваться правом как правилами поведения для повседневной жизни. Граждане и все люди, проживающие на территории нашей страны могут получить право на то-то и то-то, предоставить право тому-то и тому-то, добиться такого-то права, лишиться кого-то права, ограничить в праве, наконец, отвоевать право, то мы, таким образом, хотим того или нет, понимаем право именно в смысле определенного инструмента. Ведь и инструмент можно использовать, получить, его можно лишиться.

В этом случае мы сталкиваемся не только с правовыми средствами воздействия на гражданское общество, но и с пониманием права как средства. Понимание права, как средства воздействия, часто подвергается критике. Это понятие как бы огрубляет право, представляет его в качестве инструмента в руках государства, политики. Считаем, что это не верно, так как именно инструментальный подход к праву можно считать наиболее приемлемым для человека как субъекта гражданского общества. Уже отмечалось, что гражданское общество есть область самостоятельности субъектов, и индивидуальных, и коллективных, но в любой самостоятельности и творческом процессе субъекты пользуются различными средствами для осуществления собственных целей и задач.

Право, как средство, исходя из самого понятия средства, фиксирует в правовой материи нечто предметное, измеряемое (его можно дать, лишиться, ограничить), то есть сугубо материальное. Например, право фиксирует, с какого возраста субъект права становится дееспособным, устанавливается четкое жизненное обстоятельство, используемое в качестве юридического факта и порождающее правовое отношение.

Право часто понималось в качестве орудия, средства и инструментальный аспект права стал разрабатываться в конце XIX–XX веках. Это связано с выделением в отдельные дисциплины – социологии, психологии и других наук. Данное направление изучения права получило название социологического аспекта в понимании права или социологической юриспруденции.

Это направление политико-правовой мысли начало развиваться в Европе – французскими учеными Контом О., Дюги Л., Ориу М., австрийским ученым Эрлихом Е., а затем, в XX веке, получило наибольшее распространение в США. (Роско Паунд). Для социологической юриспруденции характерно акцентирование главного внимания не на том, что есть право, а на том, как право действует.

У социологии права было несколько идейных предшественников. Это «... представители юриспруденции интереса – право как защищенный интерес» (Р. Иеринг), «право как порядок отношений» (С.А. Муромцев), наконец, право как некая

психологическая (психологически переживаемая) реальность (Петражицкий Л.), «как биопсихическая реальность» (Тимашев Н.С.).[2, С. 352]

Немецкий правовед Рудольф фон Иеринг выступал против понимания права, как вытекающего из отвлеченной идеи, из нее получающей свои логические формулировки. По его мнению, оно связано с жизнью общества и индивида и создается с целью приспособить их к условиям среды.

Такое приспособление происходит не болезненно и немирно: у отдельных индивидов и общественных групп существуют различные интересы, между которыми могут возникнуть противоречия – всем свойственно стремление к достижению большего блага, к получению большей выгоды, а задача права – уравновесить эти интересы, найти компромисс между ними. Отсюда и слова: «Цель права – мир, средство для этого – борьба».[3, С. 30]

Государственный и частно-правовой порядок отношений создается путем борьбы личностей и их групп, связанных одинаковыми интересами. «Право, по Иерингу, плод деятельности личности, ее борьбы; оно служит обеспечению интересов личности и создается путем соглашения, следовательно, – механически».[4, С. 380] Право является продуктом власти и умственного творчества личности (юридической техники юристов). Иеринг на основе этих положений создал целое учение о юридических конструкциях. Сочинения Иеринга оказали огромное влияние на его современников.

Обратим внимание на то, что развитие инструментального понимания права, как теоретического понятия, идет одновременно с практическим развитием гражданского общества. Это не случайно, так как индивид и его интересы выступают в это время на первый план. Субъект права и члены гражданского общества при достижении своих целей и задач нуждаются в различных средствах, но чаще всего экономических и правовых. Собственность становится основной правовой и экономической категорией гражданского общества. Членом гражданского общества, по мнению И. Канта, становится гражданин, в первую очередь, владеющий собственностью и именно поэтому обладающий политическими правами.

В современный период развития гражданского общества политические права никак не увязаны с владением собственностью, но никак нельзя отрицать прямой связи между заинтересованностью именно собственников участвовать в территориальном местном самоуправлении. Зачем проявлять заинтересованность в благоустройстве территории тем гражданам, которые не являются собственниками, а например арендаторами жилых помещений. Подобную взаимозависимость можно проследить между участием граждан а общественных организациях. Крупные собственники и предприниматели образуют собственные союзы и наемные рабочие объединяются в иные организации.

Гражданское общество как соединение различных элементов, таких как семья, предприниматель-

ство, общественный объединения, руководствуются в своей деятельности различными правовыми средствами, но главными среди них выделяются конституционные. В данном исследовании нельзя не коснуться изменений, внесенных в наш Основной закон 1 июля 2020 года. Сказать, что данные изменения существенно отразились на правах граждан и иных членов гражданского общества нельзя, но нельзя не отметить расширение правовых средств и возможностей, которыми можно воспользоваться.

В первую очередь хотелось бы привести примеры из области местного самоуправления. Сам институт местного самоуправления долгое время не был точно определен, разные ученые относили его то к политической системе российского общества, то к механизму государства. На данный момент времени в современной редакции Конституции РФ окончательно определились две части местного самоуправления, органы местного самоуправления окончательно названы элементом публичной власти, а самостоятельная деятельность населения может быть отнесена сугубо к институтам гражданского общества.

В самом определении местного самоуправления отмечена самостоятельность, под свою ответственность деятельность населения, которое говорит за отнесение данного института не только к правовым и политическим, но и к институтам гражданского общества. Государство и законодатель передают часть функций государства в руки местного самоуправления и переносят, тем самым, важнейшие хозяйственные вопросы в сферу самостоятельного определения таких объединений, как территориальное местное самоуправление.

Собственники жилья коллективно и индивидуально определяют для себя благоустройство территории, стоянки автотранспорта, детские площадки, территории для выгула домашних животных, действуя при этом свободно, в соответствии с собственными целями и задачами, которые могут существенно различаться в силу нашего климатического, географического и культурного разнообразия.

Другим важным примером конституционного средства регулирования гражданского общества можно назвать уточнение определения семьи. Семья традиционно является важнейшим институтом гражданского общества, и, одновременно, наиболее подвергаемым изменениям и даже деградации. Подчеркивание в нашем Основном законе традиционных ценностей как основы государства; определения семьи в Семейном Кодексе как союза мужчины и женщины создает важнейшее средство регулирования гражданского общества. Гражданское общество, при его свободном развитии не может отрицать союзы, создающие квазисемьи, тем более запрещать их, но граждане, создающие такие семьи должны понимать, что правовые средства, имеющиеся в их распоряжении ограничены.

Таким образом, если в закон об общественных организациях было бы предложено внести положение о гражданском обществе, наше определение

выглядело бы следующим образом. Гражданское общество – это совокупность правовых средств, используемых гражданами и организациями для осуществления собственных интересов на основе свободы и самостоятельности.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 528 с.
2. История политических и правовых учений. Учебник п/р Нерсисянца В.С. М., 1995, 678 с.
3. Прянишников Е. Рудольф фон Иеринг. // Законность, 1992, № 2., с. 30
4. Энциклопедический Словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1894, т. XII, с. 645

CIVIL SOCIETY AS A LEGAL CATEGORY

Masyagina Ju.B., Zinoveva I.V.

Smolensk branch of Financial University under the Government of the Russian Federation

This article raises the question of civil society as a legal category. What makes this concept legal is that it belongs to the signs of a state governed by the rule of law. Objective: to determine the basic elements that make up civil society and the causal relationships that reveal the interaction between civil society and the rule of law. Methodological basis: a combination of dialectical, metaphysical and systematic methods of research, as well as the analysis of sources and literature on these problems. Results: the author's position on the need to formulate the concept of civil society in the legislation on public associations is argued. Conclusions: when formulating the civil society as a legal category in the normative array it is necessary to include in this concept and subjects, such as family, and legal ideas that constitute the theoretical basis of civil society, such as freedom.

Keywords: civil society, legal state, freedom, territorial public self-government, family, public organizations.

References

1. Hegel G.W.F. Philosophy of law. – M.: Thought, 1990. – 528 p.
2. History of political and legal doctrines. Textbook by Nersisyan V.S. M., 1995, 678 c.
3. Pryanishnikov E. Rudolf von Iering. // Legality, 1992, No. 2., p. 30
4. Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. SPb., 1894, vol. XII, p. 645

Правовое регулирование положения самозанятых на рынке труда

Азарова Валерия Борисовна,

аспирант, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: 9570@arpo.ru

В статье рассматривается проблематика вопроса нормативно-правовых аспектов развития занятости населения, что обосновано необходимостью проведения правовых реформ по вопросам самозанятости населения.

Проведен анализ сложившейся ситуации правового обеспечения деятельности и гарантий защиты категории «самозанятых» в мире и России. Разработаны предложения по совершенствованию нормативно-правовых документов по регулированию деятельности самозанятого населения, с целью повышения эффективности использования трудового потенциала и усиления конкурентоспособности на рынке труда. Особого внимания заслуживают законы о правовом обеспечении социальной защиты самозанятых.

Автор считает, что предлагаемые в исследовании рекомендации будут способствовать снижению существующей безработицы, а также уменьшения удельного веса лиц, занятых в «теневой» экономике.

Ключевые слова: трудовая занятость, самозанятость, трудоустройство, рынок труда.

Постановка проблемы. На сегодня сложилась объективная необходимость в изменении принципиальных подходов к организации труда в условиях «цифровой экономики» и развитии новых форм занятости, таких как дистанционная работа, самозанятость, полужанятость и т.п., что естественным образом требует существенной проработки трудового законодательства и его адаптации.

Соответствующие тенденции не только активизируют дискурс в области правового регулирования трудовых правоотношений, но и вызывают бурную реакцию со стороны общественности, тем самым увеличивая социальное напряжение в обществе.

Сохранение паритета интересов работодателей и работников в настоящее время является вопросом социально-экономической безопасности государства, что и актуализирует тему нашего исследования.

Анализ научных исследований и публикаций. Научной базой исследования стали работы Аксененко М Ю, Берцинская В.А., Гобрис Ж.А., Каюмов Р.В., Комольцева А.П., Левкин Е.В., Покида А.Н., Сербиновская Н.В. и других.

Целью исследования является анализ действующего законодательства по обеспечению паритета интересов работодателей и работников в условиях внедрения новых форм организации труда, таких как «самозанятость».

Введение. В условиях преодоления результатов экономического кризиса 2008 года, последствий пандемии Covid-19, существенных изменений в мировой экономике 2022 года, проблема трудоустройства и сохранения рабочих мест и заработной платы крайне актуальна, поскольку перед многими встает реальная угроза безработицы.

В то же время обеспечение паритета интересов работодателей и работников является залогом эффективных трудовых правоотношений в дальнейшем развитии государства.

Изложение основного материала исследования. Ситуацию в сфере защиты прав работающих ухудшает и общая тенденция к либерализации в области регулирования трудовых отношений, которая характеризуется смещением акцентов от жесткого нормативно-правового регулирования к коллективному договору.

С одной стороны, государство предоставляет больше свободы в регулировании социально-

трудовых отношений профессиональным союзным комитетам, с другой – несостоятельными реализоваться.

При этом мы забываем, что соответствующие тенденции, которые мы охотно экстраполируем по примеру англо-американской правовой системы, которые сформировались в более жестких социально-экономических условиях, основываются на других принципах функционирования судебной системы и учитывают другую ментальность.

Так, Соединенные Штаты Америки имеют намного более высокий уровень эффективности деятельности судебной системы и сложившуюся ментальную традицию у большинства населения по защите собственных интересов в суде, там соответствующая либерализация уместна.

И даже в таких условиях сегодня в мире наблюдается тенденция к уменьшению доли работников, охваченных коллективно-договорным регулированием. По данным Организации экономического сотрудничества и развития, в среднем для стран G20, данные которых доступны для анализа, сейчас только 38% работников попадают под действие коллективно-договорного регулирования (для сравнения – в 1985 г. соответствующий показатель равнялся 55%). Этот показатель является ключевым для сравнения относительной силы коллективных переговоров. Во всех странах он фиксирует степень фактического влияния работников на условия коллективного контракта[1].

В первую очередь это касается закрепления новой формы организации труда, а именно дистанционной (надомной) работы, то есть когда работа выполняется работником по месту его проживания или в другом месте по его выбору, в том числе с помощью информационно-коммуникационных технологий. При этом правовое регулирование дистанционной работы уже сейчас рождает больше вопросов, чем ответов.

Однако, теоретически рассчитать размер компенсаций и выплат работнику возможно, при этом в случае дистанционной (надомной) работы следует разработать отдельное положение с более упрощенной процедурой исчисления выплат.

В случае, когда стороны не пришли к соглашению о размере компенсационных выплат, должна начинаться действовать досудебная процедура урегулирования трудового спора. И тогда третьей стороной урегулирования спора выступают именно профсоюзные комитеты.

Сегодня участие профсоюзных комитетов в дистанционном формате достаточно спорно, поскольку профсоюзные комитеты удалены от работников, интересы которых они должны представлять.

Само понятие «коллективно-договорное регулирование трудовых правоотношений» предполагает наличие коллектива, в случае же новых форм организации труда понятие «коллектив» либо нивелируется вообще, либо достаточно условно.

Следовательно, обеспечение соответствующего участия требует кардинального изменения подходов и методов работы профсоюзных комитетов

и правой защиты таких категорий как, к примеру, – «самозанятых», в частности. Это как? Если самозанятые не находятся в трудовых отношениях?

Сегодня, достаточно эфемерна реализация работником права участвовать в управлении предприятиями, учреждениями, организациями, гарантированное КЗоТ, как, собственно, и проведение общего собрания трудового коллектива, если работник работает дистанционно.

Логично предположить, что выходом из этой ситуации является проведение общего собрания трудового коллектива в формате видеоконференций, что значительно сэкономит время и средства, а значит, необходимость в легализации такой формы работы.

Что касается новейших форм занятости, которые все больше приобретают актуальность в последнее время, то западные ученые сегодня говорят о наличии бинарного разрыва между подчиненным или в зависимости нанятым работником, с одной стороны, и автономной или независимой самозанятостью – с другой[2]. Поскольку сегодня между категориями работающих и самозанятых работников хаотично возникают промежуточные формы занятости, поэтому назрела необходимость разработки критериев нормативной определенности правоотношений, являющихся трудовыми.

Одной из причин недостаточного внимания к правовому регулированию такой формы трудовой занятости как «самозанятость, специалисты считают восприятие самозанятой формы труда, как остаточной.

Большинство законодательных систем европейских стран до сих пор придерживаются бинарного подхода при коллективно-договорном регулировании трудовых отношений.

Практика, где коллективные соглашения охватывают также внештатных работников, как это предусмотрено в Австралии, является скорее исключением, чем правилом.

Например, в Испании существует прямой запрет на участие в коллективных переговорах с работодателями самозанятых работников, за исключением экономически зависимых самозанятых работников (TRADE)[3].

Соответствующая категория работающих полностью лишена возможности защиты собственных трудовых интересов со стороны профсоюзных комитетов, поскольку на них не распространяется коллективно-договорное регулирование.

При такой форме занятости фактические работодатели экономят средства на обеспечении надлежащей техники безопасности таких работников, объеме социальных гарантий, страховых и налоговых выплат. В проигрыше при этих обстоятельствах оказывается не только сам работник, но и государство.

Альтернативой деятельности профсоюзных комитетов могут стать неприбыльные профильные общественные организации по примеру Соединенных Штатов Америки. В этой стране создаются рабочие центры, которые занимаются поддерж-

кой низкооплачиваемых работников, мигрантов и в том числе и самозанятых работников. Рабочие центры не ведут коллективные переговоры с работодателями по образцу профсоюзных комитетов – они осуществляют юридическое и консультационное сопровождение работников, предоставляют адвокатские юридические услуги и сплачивают индивидуальных работников с целью обеспечения представительства их интересов на всех уровнях. О популярности и эффективности деятельности таких общественных организаций свидетельствует их прогрессирующая скорость роста. Так, если в 1990 году в США действовало только 5 таких общественных организаций, то сегодня их 240[4].

Другим примером отстаивания интересов самозанятых работников является создание Smart-компаний по примеру Бельгии. Smart-компания оказывает самозанятым работникам помощь в получении заработной платы, в том числе взыскании задолженности по заработной плате с работодателей, получении других социальных гарантий, оказывает консультационную помощь по оформлению выписок со счетов и декларации о доходах и т.д.[5].

При этом такие общественные организации при любых обстоятельствах не могут стать заменой профсоюзным комитетам, поскольку не могут обеспечить коллективное представительство интересов, а следовательно, не могут заставить представителей целых отраслей или корпораций учитывать интересы работников, не занимаются лоббированием интересов указанных работников на отраслевом и общегосударственном уровне.

Следовательно, все вышеупомянутое позволяет сделать вывод об имеющейся проблематике в области правового регулирования самозанятого гражданина, фрагментарность и устарелость действующего законодательства при регулировании новых форм занятости, что свидетельствует о необходимости обновления законодательного регулирования новых форм занятости.

Поэтому есть необходимость коренного изменения подходов, форм и методов деятельности профсоюзных комитетов РФ, с целью гарантирования трудовых прав всех категорий работающих граждан.

В последнее десятилетие зарубежные эксперты отмечают рост временной занятости во всем мире, в частности в странах-членах ЕС: Франции, Германии и Италии, а также таких странах, как Япония и Канада. Правовое закрепление вышеупомянутой формы занятости за границей обычно содержит стандартные срочные контракты (т.е. договоры с точно определенной конечной датой), сезонные работы и, договоры о выездах с ограниченной продолжительностью, контракты на проекты, контракты на обучение и договоры TWA между работником и агентством, если они ограничены.

Рассмотрим вопрос категории «самозанятых» более подробно на сегодняшней ситуации в Российской Федерации.

На сегодняшний момент в Российской Федерации на рынке труда сложилась достаточно высокая гибкость и устойчивость, что дает возможность об-

разовывать новые формы занятости и труда и для эффективного преодоления проблематики безработицы. Наиболее широкая форма занятости в качестве одной из нестандартных и новых как раз и выступает самозанятость граждан.

Следует обратить внимание, что в законодательстве нет однозначной трактовки понятия «самозанятость», так как не существует легального закрепления. Таким образом, с целью обобщения и анализа трактовки «самозанятости» необходимо проанализировать существующие, наиболее распространенные мнения исследователей, изложенных в научной литературе.

Одни из исследователей выделяют следующие признаки самозанятости: отсутствие факта трудовых отношений; реализация деятельности осуществляется на возмездной основе; в одном лице сочетаются признаки и предпринимателя, и наемного работника[6].

Другие исследователи считают, что самозанятость имеет признаки индивидуального предпринимательства, но различие состоит в том, что у самозанятых граждан отсутствует право на наем лиц, поэтому они выполняют собственную трудовую деятельность на единоличной и самостоятельной основе. Таким образом, в данном случае самозанятость определяется как специфическая форма занятости, которая направлена на получение вознаграждения напрямую от заказчика, без привлечения посредников[7].

По статистическим данным ФНС России, на начало 2022 г. численность самозанятых составила 4,3 млн человек, а к февралю 2022 г. количество самозанятых выросло на 400 тыс. человек[8]. Данный факт указывает на крайнюю актуальность данного вопроса для граждан, которые индивидуально занимаются профессиональной деятельностью.

При отсутствии единого взгляда касательно самозанятых граждан, как в научной литературе, так и на практическом уровне правоприменения, наиболее объективным видится целесообразность закрепления в действующем законодательстве понятия «самозанятые граждане» аналогично, к примеру, с понятиями «индивидуальный предприниматель», «юридическое лицо». Согласно такому подходу, понятие «самозанятый гражданин» можно трактовать как: «физическое лицо, которое зарегистрировано согласно законодательного порядка, и осуществляющее личностную экономическую деятельность с целью получения прибыли». С этой целью можно рекомендовать внедрение новой категории занятых граждан – «самозанятые» введением этого определения в содержание Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032–1 «О занятости населения в Российской Федерации».

При этом, принимаем во внимание то обстоятельство, что лица определяемой нами в исследовании категории достаточно сложны касательно формализации их статуса, таким образом, основывать правовое регулирование деятельности самозанятых объективно необходимо на методе дозволения[9].

На сегодняшнем этапе самозанятость – новейшее важнейшее явление, актуальность и приверженность которому набирает масштабность по всему миру и, таким образом, происходит рост его актуальности и происходит его активное развитие. Касательно ситуации в нашей стране, то по данным Федеральной налоговой службы РФ, число граждан, имеющих статус самозанятых, к концу 2020 года составило около 1,6 млн человек, к 2021-му – 3,8 млн, а уже к концу 1 квартала 2022 года – 4,2 млн человек[10]. То есть численность самозанятых показала рост в 2,7 раза. Схожая ситуация формируется в большинстве государств мира. К примеру, даже в США количество самозанятых составляет 30% от общего количества занятых[11].

Основной целью введения в экономический и правовой обиход категории «самозанятые» состоит в попытке обеспечения легализации статуса гражданам, оказывающим услуги без фактической регистрации своей деятельности. Подобная легализация оказывает влияние на формирование предпринимательской инициативы, так как содействует расширению возможности к официальной саморекламе, что дает рост привлечения новых клиентов, появляется возможность кредитования и т.п. Естественно и государства заинтересованы в легализации «самозанятых» так как эта категория способна обеспечить дополнительные объемы налоговых поступлений в бюджет, что способствует уменьшению нагрузки на социальные внебюджетные фонды, что невозможно эффективно реализовать при «теневой» трудовой деятельности граждан.

В Российской Федерации основным нормативно-правовым актом, регламентирующим деятельность категории самозанятых граждан, является Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» № 422-ФЗ от 27.11.2018. Согласно содержания ст. 4 данного закона, статус самозанятого может быть предоставлен физическим лицам или индивидуальным предпринимателям, не имеющих наемных сотрудников, осуществляющих деятельность по реализации своих товаров, работ или предоставляющих услуги, либо занимающихся сдачей жилья, и объем годового дохода которых не более 2,4 млн руб. Не попадают под такую возможность получения статуса самозанятого лица, осуществляющие реализацию алкогольных и табачных изделий, и прочих товаров, которые регламентированы к обязательной маркировке средствами идентификации согласно законодательства РФ; занимающиеся добычей и продажей полезных ископаемых; ведущих деятельность по перепродаже имущественных прав и товаров, не использующихся лицом в личных целях; осуществляющих предпринимательскую деятельность в интересах другого лица на основании заключаемого агентского договора, договора поручения (комиссии), а также выполняющих доставку товаров при нали-

чи факта денежных переводов за данные товары в интересах других лиц (исключая предоставление подобных услуг при условии наличия у налогоплательщика зарегистрированной продавцом товаров контрольно-кассовой техники)[12].

В целом, анализируя содержание Закона № 422-ФЗ, можно определить, что самозанятость, или налог на профессиональную деятельность, является формой специального налогового режима, при котором граждане осуществляют самостоятельную деятельность по предоставлению услуг в рамках договоров, носящих гражданско-правовой характер. Если обобщенно и кратко, то самозанятость определяется как форма предпринимательской деятельности, осуществляемой физическими лицами.

Выводы. Вопросы нормативно-правового обеспечения самозанятости населения требует значительных усилий в первую очередь со стороны государства, а именно принятия необходимых законов и нормативных актов. На сегодняшний день государственная политика занятости представляет собой преимущественно пассивный характер. Реализация предложенных мер будет способствовать развитию экономики, обеспечению эффективной самостоятельной занятости, повышению доходов и платежеспособности людей, что в конечном случае положительно повлияет на уровень жизни общества в целом.

Проведя исследование правового статуса самозанятых граждан, можно предложить определенные меры касательно улучшения их положения, а также в направлении совершенствования правовой, экономической и социальной системы в обществе в целом: формирование законодательной базовой основы, для построения механизмов и инструментария регулирования деятельности самозанятых, к примеру, путем включения их в структуру 12 Раздела ТК РФ, для закрепления специфики регулирования деятельности отдельных категорий работников; перечень социальных гарантий и льгот на законодательном уровне; через проведение консультационного сопровождения путем проведения бесплатных тренингов (онлайн и оффлайн) для поддержки стартапов лиц, желающих начать предпринимательскую деятельность; включений в образовательный процесс проведение специальных лекций в ВУЗах и школах по вопросам бизнеса самозанятых; обязательное ужесточение мер по наказанию за осуществление незаконной предпринимательской деятельности.

Литература

1. Аксененко М Ю. Российский и международный опыт правового регулирования самозанятости // Аграрная наука и образование: проблемы и перспективы: Сборник. 2022. С. 3–7.
2. Берцинская В.А. Анализ опыта США и стран Евросоюза в политике самозанятости для использования в РФ // Сила систем. № 4. 2019. С. 13–16.

3. Гобрис Ж.А. Некоторые проблемы самозанятости в Российской Федерации // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: Байкальский студенческий юридический форум-2019: Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции. – Иркутск. 2019
4. Каюмов Р.В. Проблемы института самозанятости в Российской Федерации // Моя профессиональная карьера. № 2. 2020. С. 103–111.
5. Комольцева А.П. Самозанятость в России и за рубежом: истоки развития, значимость и перспектива // Молодой ученый. 2021. № 6. С. 342–345
6. Левкин Е.В. Актуальные проблемы самозанятости в российской федерации //Материалы Всероссийской научно-практической конференции. «Защита прав человека в периоды внешнеполитической напряженности». Саранск. 2021. С. 111–114.
7. Официальный сайт Федеральной налоговой службы РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения 19.09.2022).
8. Покида А.Н. Развитие самозанятости на современном рынке труда // Экономическое развитие России. № 29. 2022. С. 55–64.
9. Сербиновская Н.В. Самозанятость: от настоящего к будущему. Вестник науки и образования Северо-Запада России. № 8. 2022. С. 73–91.
10. Шуманский И.И. Коллективно-договорное регулирование социально-трудовых отношений // Актуальные проблемы экономики, менеджмента, права и информационных технологий: теория и практика. 2021. С. 265–271.
11. The emergence of new forms of work and their implications for labour relations. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). (2018). Buenos Aires, Argentina, 20–21 February 2018.
12. Theemergence-of-new-forms-of-work.pdf (last accessed: 19.09.2022).

LEGAL REGULATION OF THE POSITION OF THE SELF-EMPLOYED IN THE LABOR MARKET

Azarova V.B.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article deals with the problems of the issue of regulatory and legal aspects of the development of employment of the population, which is justified by the need for legal reforms on self-employment of the population.

An analysis of the current situation of legal support for activities and guarantees for the protection of the category of “self-employed” in the world and in Russia was carried out. Proposals have been developed to improve the legal documents on regulating the activities of the self-employed population, in order to increase the efficiency of using labor potential and strengthen competitiveness in the labor market. Laws on the legal provision of social protection for the self-employed deserve special attention.

The author believes that the recommendations proposed in the study will help reduce the existing unemployment, as well as reduce the proportion of people employed in the “shadow” economy.

Keywords: employment, self-employment, employment, labor market.

References

1. Aksenenko M Yu. Russian and international experience of legal regulation of self-employment // Agrarian science and education: problems and prospects: Collection. 2022. P. 3–7.
2. Bertsinskaya V.A. Analysis of the experience of the USA and EU countries in the policy of self-employment for use in the Russian Federation // Force of Systems. No. 4. 2019. P. 13–16.
3. Gобрис Zh.A. Some problems of self-employment in the Russian Federation // Modern problems of lawmaking and law enforcement: Baikal Student Law Forum-2019: Proceedings of the All-Russian Student Scientific and Practical Conference. – Irkutsk. 2019.
4. Kayumov R.V. Problems of the institution of self-employment in the Russian Federation // My professional career. No. 2. 2020. P. 103–111.
5. Komoltseva A.P. Self-employment in Russia and abroad: the origins of development, significance and prospects // Young scientist. 2021. No. 6. P. 342–345.
6. Levkin E.V. Actual problems of self-employment in the Russian Federation // Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. “Defending Human Rights in Times of Foreign Policy Tensions”. Saransk. 2021. P. 111–114.
7. Official site of the Federal Tax Service of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (accessed 19.09.2022).
8. Покида А.Н. Развитие самозанятости на современном рынке труда // Экономическое развитие России. № 29. 2022. С. 55–64.
9. Serbinovskaya N.V. Self-employment: from the present to the future. Bulletin of science and education of the North-West of Russia. No. 8. 2022. P. 73–91.
10. Shumansky I.I. Collective-contractual regulation of social and labor relations // Actual problems of economics, management, law and information technology: theory and practice. 2021. S.265–271.
11. The emergence of new forms of work and their implications for labour relations. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). (2018). Buenos Aires, Argentina, 20–21 February 2018.
12. Theemergence-of-new-forms-of-work.pdf (last accessed: 19.09.2022).

Возникновение синдицированного кредита (займа) в силу закона

Бобылев Игорь Анатольевич,

аспирант, кафедры частного права Гуманитарного института
АНО ВО «Российский новый университет»
E-mail: i.bobylev@yahoo.com

В статье раскрываются обстоятельства, при которых может возникнуть, в силу закона, договор синдицированного кредита (займа). Автор проводит анализ действующее законодательство по вопросам возникновения обязательств и обязательств, которые можно классифицировать как синдицированный кредит и приходит к выводу, что возможно возникновение кредита (займа) в силу закона. Автор описывает проблематику такого способа возникновения правоотношений между несколькими кредиторами и заемщиком, а также проблемы правовой неопределенности, которые в связи с этим возникают. В работе сделан вывод, что возникновение синдицированного кредита (займа) в силу закона может создать негативные финансовые последствия для его участников. Также автор отмечает, что при возникновении синдицированного кредита (займа) не приводит к естественному появлению специального субъекта – кредитного управляющего, что создает трудности в управлении кредитом. В конце исследовательской работы автор приходит к выводу, что положения закона, регулирующие возникновение синдицированного кредита, нуждаются в уточнении путем внесения в соответствующий закон поправок о том, что правоотношения синдицированного кредитования возникают, если это прямо установлено сторонами, в ином случае возникает множественность лиц в обязательстве, правоотношения которых регулируются положениями Гражданским кодексом Российской Федерации, а не Закона о синдицированном кредите.

Ключевые слова: синдицированный кредит, закон о синдицированном кредите, договор синдицированного кредита, финансовое право, банковское право, гражданское право, возникновение обязательств.

Как известно, российский правовой порядок допускает возникновение гражданских прав и обязанностей в силу закона.

Возникновение таких прав и обязанностей происходит ввиду прямого указания на это в законе, без соблюдения установленной законом формы сделки.

Самым ярким примером такого способа возникновения обязательств является случай, когда купленный в товар кредит признается находящимся в залоге у продавца для обеспечения исполнения покупателем его обязанности по оплате товара, если иное не установлено договором (Статья 488 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В приведенном примере очевидно, что такое регулирование является обоснованным, поскольку направлено на соблюдение прав и законных интересов продавца и покупателя, но может оказаться неожиданным для последнего при возникновении спора по оплате товара, так как при заключении договора купли-продажи стороны не достигли соглашения о залоге предмета договора купли-продажи.

Таким образом, порядок возникновения гражданских прав и обязанностей в силу закона не всегда приводит к абсолютному благу для участников гражданских правоотношений и не всегда привносит правовую определенность.

В силу положений Федерального закона от 31.12.2017 № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вступившим в законную силу 01.01.2018» (далее – Закон о синдицированном кредите) договор синдицированного займа может возникнуть не только в виде соглашения сторон, но и в силу закона. А это ввиду множественности участников договора синдицированного займа и обязательного наличия специального субъекта таких правоотношений – кредитный управляющий – может создать ситуацию правовой неопределенности и породить множество споров.

Нельзя не отметить, что принятие указанного выше Закона стало важным этапом развития института синдицированного кредитования в Российской Федерации, но в настоящее время остаются дискуссионные моменты связанные с регулированием синдицированного кредитования, которые требуют дальнейшего исследования.

Одним из таких вопросов является вопрос о возникновении правоотношений, урегулированных Законом о синдицированном кредите, в силу закона.

В рамках настоящего исследования были проанализированы работы в области правового регули-

рования синдицированного кредитования, но особое внимание уделено исследованиям, содержащим анализ действующего законодательства.

Ученые указывают, что договор синдицированного кредита (займа) может возникнуть как совокупность нескольких гражданско-правовых сделок.

Л.А. Попова рассматривает договор синдицированного кредита (займа) как систему различных гражданско-правовых договоров регулирующих взаимоотношения между заемщиком, кредиторами, кредитным управляющим, управляющим залогом, но при реализации которых возникают правоотношения кредитор-заемщик [7 С. 11].

Д.А. Ефимов в своем исследовании также поддерживает позицию, что договор синдицированного кредита (займа) включает в себя несколько различных договоров и указывает, что на практике различные договоры могут быть искусственно объединены под общим названием договор синдицированного кредита (займа) [3 С. 23–24].

Анализ Закона о синдицированном кредите, показывает, что исследователи пришли к верному выводу, что несколько на первый взгляд независимых друг от друга соглашений могут породить правоотношения, которые можно охарактеризовать как синдицированный кредит (заем).

Кроме того, в Законе о синдицированном кредите прямо предусмотрено, что договор может содержать другие обязательства заемщика по отношению к одному или нескольким кредиторам, обязательства одного из кредиторов по отношению к другим кредиторам, связанные с договором синдицированного кредита (займа), либо иные обязательства сторон договора синдицированного кредита (займа) (по управлению залогом, по организации предоставления кредита (займа) и другие), что является своего рода доказательством «от противного» (лат. *contradictio in contrarium*): того, что договор синдицированного кредита может возникнуть как совокупность множества отдельных сделок.

Для определения факта возникновения договора синдицированного кредита (займа) надлежит определить, когда и при каких обстоятельствах при множественности кредиторов у одного заемщика возникают правоотношения, урегулированные Законом о синдицированном кредите, что не всегда очевидно.

В соответствии с частью 1 статьи 2 Закона о синдицированном кредите в силу договора синдицированного кредита (займа) несколько кредиторов (синдикат кредиторов) обязуются согласованно друг с другом предоставить или предоставлять заемщику денежные средства в размере и сроки, предусмотренные договором для каждого кредитора, а заемщик обязуется возратить кредиторам полученные от них денежные средства, уплатить проценты за пользование денежными средствами, а также иные платежи, если обязанность их уплаты предусмотрена договором.

Из дословного толкования определения синдицированного кредита (займа), установленного законом, следует, что договор является консенсуаль-

ным и обязательства синдиката кредиторов предоставить кредит заемщику возникают после его заключения.

Между тем, частью 5.1 статьи 2 Закона о синдицированном кредите предусмотрено, что договор синдицированного кредита (займа) считается заключенным также в случае, если между заемщиком и кредитором ранее был заключен кредитный договор или между заемщиком и займодавцем был заключен договор займа и стороны такого кредитного договора или договора займа соответственно впоследствии заключили с третьим лицом (третьими лицами) соглашение, в силу которого третье лицо (третьи лица) принимает на себя обязанность согласованно с первоначальным кредитором (займодавцем) предоставить или предоставлять заемщику денежные средства в установленных указанным соглашением размере и сроки и (или) вступает в первоначальное обязательство на стороне кредитора (статья 321 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Из приведенной нормы видно, что договор синдицированного кредита (займа) может возникнуть в силу закона, в случае передачи части обязанностей кредитора по предоставлению денежных средств заемщику третьему лицу (новому кредитору). Важно отметить, что в данном случае, чтобы возникли правоотношения регулируемые Законом о синдицированном кредите необходимо чтобы новый кредитор соответствовал требованиям установленным частью 3 статьи 2 Закона о синдицированном кредите, а в случае, если он не соответствует таким требованиям, то права и обязанности, предусмотренные Законом о синдицированном кредите не возникают, согласно части 5 статьи 8 Закона о синдицированном кредите, и каждый кредитор имеет право требовать исполнения, если иного не вытекает из соглашения кредиторов и должника.

Таким образом, если в случае с заключением договора синдицированного кредита (займа) стороны изначально имеют намерение вступить в определенные правоотношения, то в случае возникновения правоотношений, урегулированных Законом о синдицированном кредите, ввиду частичного перехода обязательств кредитора к иному лицу, наделенному специальной правосубъектностью, между участниками может возникнуть правовая коллизия по вопросу их прав и обязанностей из возникшего договора синдицированного кредита (займа) которые они ранее заключать не собирались.

Поскольку кредитный договор является консенсуальным, в соответствии с положениями Гражданского кодекса Российской Федерации, то с момента его заключения у кредитора возникает обязанность по предоставлению денежных средств, при этом, как следует из диспозиции части 5.1 статьи 2 Закона о синдицированном кредите, множественность на стороне кредитора может возникнуть в силу заключения соглашения о переводе долга по правилам статьи 391 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В указанной ситуации возникает конфликт норм Гражданского кодекса Российской Федерации и Закона о синдицированном кредите (займе) поскольку в силу пункта 3 статьи 391 Гражданского кодекса Российской Федерации первоначальный кредитор и новый кредитор будут нести солидарную ответственность перед заемщиком, если соглашением не будет предусмотрено, что первоначальный кредитор освобождается от исполнения обязательств переданных новому кредитору. Тогда как согласно части 2 статьи 6 Закона о синдицированном кредите предусмотрено, что, если иное не предусмотрено договором синдицированного кредита (займа), каждый участник синдиката кредиторов не отвечает за неисполнение иными участниками синдиката кредиторов их обязательства по предоставлению заемщику денежных средств.

Вторым спорным моментом при возникновении договора синдицированного кредита (займа) является то обстоятельство, что несколько кредиторов оказываются в ситуации при которой они должны выбрать управляющего кредитом, так как в силу закона синдицированный кредит не может существовать без указанного специального субъекта – кредитного управляющего.

Законом о синдицированном кредите предусмотрена ситуация, когда при заключении договора синдицированного кредита (займа) не определен кредитный управляющий. В такой ситуации кредиторы должны определиться с кандидатурой кредитного управляющего на собрании большинством голосов. Однако, представляется, что данная норма не закрывает проблему выбора кредитного управляющего, при возникновении договора синдицированного кредита (займа) в силу закона.

Как указывалось ранее, кредитный управляющий является специальным субъектом в договоре синдицированного кредита (займа), который имеет специальные права и обязанности. Определенно, что реализация таких прав и обязанностей повлечет за собой финансовые издержки для кредитора, выбранного кредитным управляющим или для всех кредиторов, если кредитный управляющий будет избран не из их числа. Также остается открытым вопрос о компенсации этих издержек на сопровождение синдицированного кредита (займа) ввиду отсутствия соглашения о его организации с заемщиком.

Кроме того, возможна ситуация, что при возникновении договора синдицированного кредита (займа) на основании части 5.1 статьи 2 Закона о синдицированном кредите может возникнуть ситуация, когда 2 кредитора имеют равные права к заемщику и, как следствие, равное количество голосов в синдикате кредиторов. Принимая во внимание финансовые затраты, которые будут возложены на кредитного управляющего, он может быть вообще не выбран, тогда может возникнуть ситуация, что синдицированный кредит, с одной стороны, возник в силу закона, а с другой стороны нельзя считать его действующим, поскольку отсутствует кредитный управляющий.

На основании изложенного можно заключить, что правовое регулирование синдицированного кредитования, в части возникновения соответствующих правоотношений требует дополнительного регулирования путем внесения соответствующих изменений в Закон о синдицированном кредите.

Предлагается внести изменения в положения статьи 2 Закона о синдицированном кредитовании о том, что правоотношения, урегулированные указанным законом, возникают только в том случае, если в соглашении между несколькими кредиторами, соответствующем требованиям Закона о синдицированном кредите, и заемщиком прямо указано на регулирование их правоотношений как синдицированного кредита (займа). В случае, если такое соглашение не достигнуто, то применению подлежат положения статьи 321 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022).
2. Федеральный закон от 31.12.2017 № 486-ФЗ «О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.06.2021).
3. Ефимов Д.А. Правовые особенности договора синдицированного кредита в Российской Федерации // Устойчивое развитие науки и образования. 2021. № 2. С. 21–27.
4. Ефимова Л.Г. Правовые особенности договора синдицированного кредита // Вестник Университета Имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 10. С. 20–43.
5. Иванов О.М. О свободе договора, синдицированном кредите и направлениях развития гражданского права // Вестник Университета Имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 1. С. 114–121.
6. Матвеева Н.А. Правовая природа договоров синдицированного кредита и об организации синдицированного кредита // Банковское право. 2020. № 3. С. 21–27.
7. Попкова Л.А. Правовая конструкция синдицированного кредита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017.
8. Попкова Л.А. Правовая конструкция синдицированного кредита: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017.

EMERGENCE OF A SYNDICATED CREDIT (LOAN) IN FORCE OF LAW

Bobylev I.A.
Russian New University

The article reveals the circumstances under which, by virtue of law, a syndicated credit (loan) agreement may arise. The author analyzes the current legislation on the emergence of obligations and obligations that can be classified as a syndicated loan and comes to the conclusion that a credit (loan) may arise by virtue of the law. The

author describes the problems of this way of legal relations between several creditors and the borrower, as well as the problems of legal uncertainty that arise in connection with this. The author describes the problems of this way of legal relations between several creditors and the borrower, as well as the problems of legal uncertainty that arise in connection with this. The paper concludes that the emergence of a syndicated loan (loan) by virtue of the law can create negative financial consequences for its participants. The author also notes that when a syndicated loan (loan) arises, it does not lead to the natural appearance of a special subject – a credit manager, which creates difficulties in managing a loan. At the end of the research work, the author comes to the conclusion that the provisions of the law governing the emergence of a syndicated loan need to be clarified by amending the relevant law to the effect that the legal relationship of syndicated lending arises if it is expressly established by the parties, otherwise there is a plurality of persons on the side creditors whose legal relations are regulated by the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: syndicated loan, syndicated loan law, agreement of syndicated loan, financial law, banking law, civil law, occurrence of obligations.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on February 25, 2022) (as amended and supplemented, effective from September 1, 2022).
2. Federal Law No. 486-FZ dated December 31, 2017 "On a syndicated loan (loan) and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" (as amended and supplemented, effective from June 21, 2021).
3. Efimov D.A. Legal features of a syndicated loan agreement in the Russian Federation // Sustainable development of science and education. 2021. No. 2. P. 21–27.
4. Efimova L.G. Legal features of a syndicated loan agreement // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSAL). 2018. No. 10. P. 20–43.
5. Ivanov O.M. On freedom of contract, syndicated credit and directions of development of civil law // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin (MSAL). 2017. No. 1. P. 114–121.
6. Matveeva N.A. Legal nature of syndicated loan agreements and the organization of a syndicated loan // Banking law. 2020. No. 3. S. 21–27.
7. Popkova L.A. The legal structure of a syndicated loan: Ph.D. dis. ... cand. legal Sciences. – M., 2017.
8. Popkova L.A. Legal structure of a syndicated loan: dis. ... cand. legal Sciences. – M., 2017.

Правовое регулирование дополнительного профессионального образования судей: опыт России и зарубежных стран

Вуколова Александра Романовна,

аспирант кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности, Российский государственный университет правосудия
E-mail: avukolova@list.ru.

Компетентность в профессиональном обучении судей может гарантировать только комплексное специальное образовательное учреждение, такое как Российский государственный университет правосудия. Поэтому представляется важным в целях обеспечения независимости судей, повышения качества правосудия, реализации возможности на профессиональное образование судей установить, в первую очередь, на законодательном уровне статус Российского государственного университета правосудия как уникального специализированного учебного заведения, ответственного за дополнительное профессиональное образование судей.

Представляется целесообразным установить в законодательных актах Российской Федерации строго определенные сроки профессионального обучения судей, в течение которых они смогут усвоить минимально необходимую информацию и выработать соответствующие профессиональные навыки. Учитывая значение, осуществляемых судьями профессиональных функций и предъявляемых к их профессиональным качествам повышенных требований, срок переподготовки должен быть не менее шести месяцев. В целях повышения качества дополнительного профессионального образования судей закрепить в Законе «О статусе судей в Российской Федерации» особенности разработки программ дополнительного профессионального образования судей, предусмотрев для представителей судебных органов, органов судейского сообщества, учебных заведений юридического профиля, научно-исследовательских организаций и юридической общественности в целом возможность принимать участие в разработке указанных программ.

Ключевые слова: Закон «О статусе судей в Российской Федерации», дополнительное профессиональное образование судей, Российский государственный университет правосудия.

Значимость функций и роли судебной власти требует от лиц, замещающих должности судей, наличие хорошей правовой подготовки, имея которую, они, с одной стороны, будут знать и глубоко понимать сущность права, его проблемные аспекты, а с другой стороны, обладать навыками по организации, ведению и руководству судебными заседаниями, разбираться в многообразных процессуальных тонкостях, влияющих на вынесение правомерного и объективного решения.

Из изложенного очевидно, что наличие только одного высшего юридического образования и опыта работы (службы) по юридической специальности не достаточно для того, чтобы вновь назначенный судья мог эффективно рассматривать и разрешать различные категории дел.

Более того, учитывая особенности формирования в Российской Федерации судейского корпуса, связанные с законодательно закрепленной возможностью «доступа в судейскую профессию представителей других юридических профессий» [1], становится ясным, что всем судьям, впервые назначенным на должность судьи, следует проходить дополнительное профессиональное обучение, в ходе которого они должны приобрести минимальные навыки, позволяющие им в дальнейшем организовывать различные судебные процессы и разрешать проблемные вопросы в сфере правоприменения в качестве арбитров.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о высокой роли института дополнительного профессионального образования судей в повышении качества правосудия.

Аналогичного мнения придерживается и Пухнарович С.И., который указал, что «профессиональная подготовка судей, а также повышение их квалификации имеют решающее значение для эффективного функционирования отечественной судебной системы» [2].

Именно поэтому представляется необходимым рассмотреть правовое регулирование дополнительного профессионального образования судей в Российской Федерации через анализ законодательных положений.

В статье 20.1 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132–1 (ред. от 16 апреля 2022 года) «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закона «О статусе судей в Российской Федерации») содержатся положения, которые определяют основы дополнительного профессионального образования судей в Российской Федерации, предусматривающие две формы дополнительного образования судей: профессиональ-

ная переподготовка судей, назначенных впервые на должность судьи, и повышение квалификации судей [3].

Анализ настоящего законодательного положения в целом позволяет обозначить ряд проблем, которые могут возникнуть при реализации форм дополнительного образования судей, а также сделать вывод о невозможности устранения указанных проблем без совершенствования правового регулирования дополнительного профессионального образования судей путем внесения соответствующих изменений в законодательные акты Российской Федерации.

Первая ключевая проблема правового регулирования вопросов дополнительного профессионального образования судей усматривается из положений Закона «О статусе судей в Российской Федерации», согласно которым судьи федеральных судов проходят обучение по программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации в образовательных организациях высшего образования и организациях дополнительного профессионального образования, осуществляющих дополнительное профессиональное образование судей.

Из этого следует, что на законодательном уровне отсутствует указание на существование какого-либо специализированного учреждения, осуществляющего обучение судей по программам профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

Подобное представляется неправильным, поскольку одним из важнейших условий независимости судебной власти в Российской Федерации должна быть законодательно гарантированная возможность переподготовки судей и повышения их квалификации в специальном учебном заведении независимым от органов исполнительной власти.

На необходимость функционирования специального автономного учреждения, осуществляющего подготовку судей, указано и в пункте 17 Рекомендации Консультативного совета европейских судей № 4 «О соответствующей начальной подготовке и подготовке после назначения для судей национального и европейского уровней» [4].

Более того, в ряде зарубежных стран подготовку судей осуществляют специальные заведения.

Так, во Франции профессиональная подготовка судей в соответствии с Указом № 72–355 от 4 мая 1972 года «О Национальной школе магистратуры (с изм. от 19 декабря 2021 года) возложена на Национальную школу магистратуры [5].

В Испании согласно Постановлению «О создании Судебной школы Испании» от 7 июня 1995 года повышение квалификации судей осуществляет специализированное учебное заведение [6].

В Республики Армения согласно Закону Республики Армения «Об Академии юстиции» от 2 мая 2013 года действует специализированное учебное заведение, которое осуществляет профессиональное обучение не только судей, но и служащих дру-

гих органов юстиции (прокуроров, следователей и судебных приставов) [7].

Таким образом, опыт зарубежных государств свидетельствует о возложении задач профессионального образования судей на специальные учебные заведения.

В Российской Федерации также существует подобное учебное заведение.

Так, в соответствии с пунктом 1.4. Положения о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей федеральных судов, утвержденного постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2018 года (ред. от 22 июля 2020 года) реализация дополнительных профессиональных программ профессиональной переподготовки судей федеральных судов, впервые назначенных на должности судей, и повышения квалификации судей федеральных судов осуществляется федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Российский государственный университет правосудия» (далее – Российский государственный университет правосудия) [8].

Однако ни один из законодательных актов Российской Федерации, регламентирующих статус судебных органов, судей и иные вопросы, касающиеся функционирования судебной власти (Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ (ред. от 16 апреля 2022 года) «О судебной системе Российской Федерации», Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ (ред. от 16 апреля 2022 года) «О Верховном Суде Российской Федерации», Закон «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральный закон от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 года) «О мировых судьях в Российской Федерации» и иные) не содержит положений и указаний на существование Российского государственного университета правосудия как заведения, осуществляющего обучение судей по программам дополнительного профессионального образования.

Поэтому представляется важным в целях обеспечения независимости судей, повышения качества правосудия, реализации возможности на профессиональное образование судей установить, в первую очередь, на законодательном уровне статус Российского государственного университета правосудия как уникального специализированного учебного заведения, ответственного за дополнительное профессиональное образование судей.

Схожую позицию о закреплении на законодательном уровне статуса Российского государственного университета правосудия ранее выдвигала и обосновывала Е.В. Бурдина, заведующая кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент.

Следует заметить, что при закреплении в законодательных актах Российской Федерации статуса Российского государственного университета пра-

восудия, нужно также предусмотреть, чтобы в законодательных положениях о статусе заведения был отражен характер его функционирования (деятельности).

Полагаю, что характер его функционирования (деятельности) должен быть комплексным.

Как следует из пункта 2.3. Европейской хартии о статусе судей (Страсбург, 8–10 июля 1998 года), для подготовки отобранных кандидатов для исполнения судейских функций необходимо соответствующее обучение, обеспечиваемое государством. При этом, характер функционирования структур, осуществляющих обучение кандидатов, должен гарантировать компетентность, беспристрастность и необходимую открытость [9].

Компетентность в профессиональном обучении судей может гарантировать только комплексное специальное образовательное учреждение, такое как Российских государственный университет правосудия.

Комплексность специального образовательного учреждения выражается в осуществлении им широкого круга деятельности, включающего в себя, помимо дополнительного профессионального образования судей, образовательную деятельность по программам подготовки высшего образования, научно-исследовательскую деятельность, а также наличие соответствующей базы в виде специализированных кафедр, научно-исследовательских структурных подразделений, квалифицированного в различных областях права профессорско-преподавательского состава, сложившихся научных школ.

Только такое многофункциональное специализированное научно-образовательное учреждение сможет обеспечить надлежащее и качественное обучение судей в отличие от учреждения узкого профиля, нацеленного исключительно на реализацию программ дополнительного образования.

Потребность в получении судьями дополнительного профессионального образования высокого качества объясняется повышенными требованиями, предъявляемыми к профессиональным знаниям и навыкам судей в отличие от представителей других юридических профессий.

Такие высокие требования вызваны необходимостью судей систематически разрешать различного рода проблемные ситуации правового характера.

Следующая проблема в правовом регулировании дополнительного профессионального образования судей заключается в отсутствии в законодательстве Российской Федерации строго определенных сроков профессиональной переподготовки судей.

Считаю данное обстоятельство значительным упущением в правовом регулировании, поскольку существует опасность сокращения периода профессионального обучения до минимума, что не позволит у вновь назначенных судей сформировать глубокое понимание сущности права, необходимое в дальнейшем для разрешения целого спектра проблем, которые возникают при применении

права, приобрести им необходимые практические навыки в части организации и ведения судебных процессов, и как итог, сведет смысл профессиональной переподготовки судей на нет.

Поэтому представляется целесообразным установить в законодательных актах Российской Федерации строго определенные сроки профессионального обучения судей, в течение которых они смогут усвоить минимально необходимую информацию и выработать соответствующие профессиональные навыки.

Учитывая значение осуществляемых судьями профессиональных функций и предъявляемых к их профессиональным качествам повышенных требований срок переподготовки должен быть не менее шести месяцев.

Следующий вопрос, касающийся правового регулирования дополнительного профессионального образования судей, который не был затронут законодателем, связан с особенностями разработки программ дополнительного профессионального образования судей.

Согласно пунктов 2.4 и 3.3 Положения о профессиональной переподготовке и повышении квалификации судей федеральных судов, утвержденного постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2018 года (ред. от 22 июля 2020 года), программы профессиональной переподготовки и повышения квалификации судей федеральных судов разрабатываются Российским государственным университетом правосудия.

Полагаю целесообразным в целях повышения качества дополнительного профессионального образования судей закрепить в Законе «О статусе судей в Российской Федерации» особенности разработки программ дополнительного профессионального образования судей, предусмотрев для представителей судебных органов, органов судейского сообщества, учебных заведений юридического профиля, научно-исследовательских организаций и юридической общественности в целом возможность принимать участие в разработке указанных программ.

На потребность привлечения к разработке программ дополнительного образования судей представителей различных структур и юридических профессиональных групп также указывают Сенякин Н.Н. и Балашова И.Н. [10].

При этом закрепление подобной возможности в законодательстве Российской Федерации полностью согласуется с положениями Заключения № 10 (2007) Консультативного совета европейских судей «О судебной системе на службе общества» (Принято г. Страсбурге, 23 ноября 2007 года) об учете различных точек зрения, существующих в обществе, в целях придания судебной системе большей легитимности [11]. Другой проблемой является то, что в соответствии с пунктом 4 статьи 20.1 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» дополнительное профессиональное образование мировых судей осуществляется за счет ассигнований

бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации. По мнению Сиротюк А.З., качество дополнительного профессионального образования страдает в силу его недостаточного финансирования из бюджетов в ряде субъектов Российской Федерации [12].

Очевидно, что объем настоящей статьи позволил обозначить только ключевые проблемы в сфере правового регулирования дополнительного профессионального образования судей в Российской Федерации и некоторые механизмы их разрешения. Однако указанный вопрос требует дополнительного и более детального исследования.

Литература

1. Бурдина Е.В. Конституционно-правовое содержание требования об образовании кандидатов в судьи // Российский судья. 2021. № 2. С. 41–46. СПС Консультант Плюс.
2. Пухнаревич С.И. Правовые формы обучения судей по программам дополнительного профессионального образования: понятие, виды, содержание // Российское правосудие. 2020. № 6. С. 67.
3. СПС Консультант Плюс.
4. <https://rm.coe.int/1680747d37>.
5. <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORF-TEXT000000513355/>.
6. <https://www.poderjudicial.es/cgpj/es/Temas/Escuela-Judicial/Presentacion-de-la-Escuela/Regulacion/>.
7. https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=127377.
8. СПС Консультант Плюс.
9. <https://docs.cntd.ru/document/901927869?section=text>.
10. Сенякин Н.Н., Балашова И.Н. Профессиональная переподготовка и повышение квалификации судей: Комментарий к статье 20.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» // Юрист. 2011. № 19. С. 11–16. СПС Консультант Плюс.
11. СПС Консультант Плюс.
12. Сиротюк А.З. Повышение квалификации и профессиональная переподготовка судей: нормативно-правовое регулирование и отдельные аспекты реализации // Мировой судья. 2018. № 6. С. 12–17. СПС Консультант Плюс.

LEGAL REGULATION OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION OF JUDGES: THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Vukolova A.R.

Russian State University of Justice

Competence in the professional training of judges can only be guaranteed by a comprehensive specialized educational institution, such as the Russian State University of Justice. Therefore, it seems important, in order to ensure the independence of judges, improve the quality of justice, and realize the opportunity for professional education of judges, to establish, first of all, at the legislative level, the status of the Russian State University of Justice as a unique specialized educational institution responsible for additional professional education of judges.

It seems expedient to establish strictly defined terms for the professional training of judges in the legislative acts of the Russian Federation, during which they will be able to assimilate the minimum necessary information and develop the appropriate professional skills. Given the importance of the professional functions performed by judges and the increased requirements placed on their professional qualities, the period of retraining must be at least six months. In order to improve the quality of additional professional education of judges, to enshrine in the Law “On the Status of Judges in the Russian Federation” the specifics of developing programs for additional professional education of judges, providing for representatives of the judiciary, bodies of the judiciary, educational institutions of a legal profile, research organizations and the legal community in the opportunity to participate in the development of these programs.

Keywords: Law “On the Status of Judges in the Russian Federation”, additional professional education for judges, Russian State University of Justice

References

1. Burdina E.V. Constitutional and legal content of the requirement for the education of candidates for judges // Russian judge. 2021. No. 2. P. 41–46. SPS Consultant Plus.
2. Pukhnarevich S.I. Legal Forms of Training Judges in Additional Professional Education Programs: Concept, Types, Content // Russian Justice. 2020. No. 6. P. 67.
3. ATP Consultant Plus.
4. <https://rm.coe.int/1680747d37>.
5. <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORF-TEXT000000513355/>.
6. <https://www.poderjudicial.es/cgpj/es/Temas/Escuela-Judicial/Presentacion-de-la-Escuela/Regulacion/>.
7. https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=127377.
8. ATP Consultant Plus.
9. <https://docs.cntd.ru/document/901927869?section=text>.
10. Senyakin N.N., Balashova I.N. Professional retraining and advanced training of judges: Commentary on Article 20.1 of the Law of the Russian Federation “On the Status of Judges in the Russian Federation” // Lawyer. 2011. No. 19. P. 11–16. SPS Consultant Plus.
11. ATP Consultant Plus.
12. Sirotyuk A.Z. Advanced training and professional retraining of judges: legal regulation and certain aspects of implementation // Magistrate judge. 2018. No. 6. S. 12–17. SPS Consultant Plus.

Основания вступления прокурора в гражданский процесс в целях дачи заключения по делу

Гадиятова Мария Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорской деятельности, ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет» (УрГЮУ)
E-mail: gadiyatovam@inbox.ru

Цель настоящего исследования: обозначить основания, позволяющие представителю прокуратуры вступить в гражданский процесс с целью дать заключение по делу. В рамках работы проанализированы нормативно-правовые акты, среди которых необходимо отметить следующие: Приказ Генерального прокурора № 2 от 09.01.2021 г.; положения и статьи Семейного Кодекса Российской Федерации; статьи Жилищного Кодекса РФ. Кроме того, проанализирована позиция Верховного суда РФ по указанному вопросу. В результате приходим к следующим выводам: исчерпывающий перечень категорий дел обязательной формы участия прокурора отнюдь не позволяет говорить об исчерпывающем перечне требований, состав которых, не только не является конечным, но и, наоборот, неизменно расширяется. Указанное позволяет взглянуть на рассматриваемый аспект критически и напомнить об обязанности суда привлечь прокурора в процесс. Кроме того, требования, заявленные в рамках определенных категорий дел, не могут свидетельствовать об обязательности или необязательности участия представителя прокуратуры в судебном заседании. При этом следует говорить о том, что термин «категория дел» опосредует участие представителя прокуратуры в судебных заседаниях и обеспечение им законных интересов истца и ответчика в делах, косвенно касающихся тех, что требуют обязательного присутствия представителя прокуратуры в рамках судебного процесса.

Ключевые слова: прокурор, категория дел, отчуждение имущества, законность, исковые требования, обязательное участие, причинение вреда, ВС РФ.

Участие прокурора в гражданском судопроизводстве путем вступления в уже начавшийся процесс и дачи заключения по делу является самостоятельной формой участия прокурора в рассмотрении гражданских дел судами, в литературе называемой как «обязательная форма». Ее обязательность обусловлена рядом факторов, первым из которых выступает обязанность суда привлечь прокурора к участию в делах, предусмотренных гражданским процессуальным кодексом, а также иными федеральными законами. В качестве второго фактора выступает обязанность в данном случае прокурора фактически участвовать в судебном заседании, однако уже не в силу положений закона, а в соответствии с положениями Приказа Генерального прокурора № 2 от 09.01.2021 г. [1.], закрепляющего необходимость участия прокурора по всем гражданским делам, предусмотренным законом, а также ведение в прокуратуре строго учета дел данной формы участия.

В научной литературе к признакам данной формы, помимо вышеперечисленных, традиционной относят: специфический правовой статус прокурора как лица, участвующего в деле, наличие у прокурора специального правового средства – заключения по делу, а также исчерпывающий перечень гражданских дел, предусмотренных законом. Каждый из указанных признаков может быть предметом самостоятельного исследования ввиду недостаточности правового регулирования полномочий прокурора в анализируемой форме участия. Однако предметом настоящей статьи выступает последний из них, а именно: основания вступления прокурора в процесс, с которыми закон связывает обязанность суда привлечь в дело прокурора, а неисполнение указанной обязанности рассматривается как нарушение норм процессуального права.

С одной стороны, категории дел обязательной формы участия прокурора регламентированы Гражданским процессуальным кодексом и иными федеральными законами. Между тем, несмотря на имеющийся исчерпывающий перечень категорий дел, являющийся основанием для привлечения прокурора в процесс, предмет требований не всегда можно соотносить и отождествить с какой-либо из указанных категорий. В теории гражданского процесса среди классификации категорий дел выделяют исковые и неисковые дела, в требовании которых присутствует или, наоборот, исключен спор о праве [2]. Следуя утверждению И.В. Решетниковой основное число споров, возникающих из гражданского оборота, разрешается в порядке гражданского процесса [3]. Указанное позволя-

ет использовать содержание понятия «категория дел» в широком смысле слова, расширяющим его содержание до сфер общественных отношений, выделив гражданские, семейные, жилищные, земельные и другие дела.

Следует говорить о том, что на сегодняшний день, согласно законодательству РФ, представитель прокуратуры вступает в судебный процесс с целью дать заключение по следующим вопросам: судебное заседание, в рамках которого решается вопрос о выселении гражданина/гражданки из жилого помещения; в рамках решения вопроса о том, возможно ли восстановить трудоспособного гражданина на его рабочем месте; в рамках дела, предметом которого является причинение вреда здоровью потерпевшего, которое повлекло за собой последствия различной степени тяжести; в рамках решения вопроса о дееспособности или отсутствии таковой у гражданина. Следует также акцентировать внимание на том, что в сферу интересов представителя прокуратуры входит дача заключения по делам особого производства, среди которых необходимо отметить усыновлении или удочерение лица, не достигшего возраста совершеннолетия. Кроме того, прокурор способен определить, может ли лицо в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, распоряжаться финансовыми средствами самостоятельно.

Следует говорить о том, невозможно проведение судебных заседаний без участия прокурора в рамках решения следующих вопросов: следует ли лишать родителей прав на воспитание ребенка или же восстанавливать указанные права, согласно части 2 статьи 70 Семейного Кодекса Российской Федерации; следует ли ограничивать родителей в их правах, согласно пункту 4 статьи 73 СК РФ; следует ли отменять процесс усыновления или удочерения, согласно пункту 2 статьи 140 СК РФ.

Следует также говорить о том, что законодательство РФ регламентирует список дел, в рамках которых вступление прокурора в процесс может быть как одноименным предметом заявленных требований (например, требование о выселении заявляется в исковом заявлении о выселении и т.д.), так и первичным требованием, с которым закон связывает возможность заявления последующих исков вследствие наличия причинно-следственной связи между поданным заявлением и ранее заявляемыми требованиями. Последние, в свою очередь, должны быть отнесены законодателем к определенной категории дел. В качестве примера необходимо привести следующие категории дел. В случае, если судебная инстанция удовлетворяет требования потерпевшей стороны, в рамках которых последний требует возместить вред, который был причинен жизни или здоровью, то указанная ситуация является основанием для последующих исковых требований. Последние, в свою очередь, предполагают, что потерпевшая сторона будет требовать возместить моральный вред, причиненный совершенным преступлением.

Следует также говорить о том, что определенные категории дел также требуют непосредственного участия прокурора в процессе. Среди таких дел следует отметить ситуацию, в рамках которой гражданин утратил право пользоваться жилым помещением. По причине того, что удовлетворение указанных требований ведет к выселению гражданина, необходимо участие представителя прокуратуры. Таким образом, в рамках рассмотрения одной категории дел можно встретить несколько подкатегорий дел или разных требований, в основе которых лежат схожие правоотношения или правовые последствия.

Следует отметить, что немалую роль в установлении указанных подкатегорий играют акты толкования. Обратимся к позиции Верховного суда Российской Федерации.

Согласно позиции ВС РФ, следует связать дела о возмещении вреда с категорией дел, предполагающей наличие случая страхового характера, имеющего место, например, в происшествиях с участием транспортных средств [4]. Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что ранее названные требования встречаются в исковых требованиях, в рамках которых истец требует взыскать выплату компенсационного характера, штраф, расходы, сопряженные с судебной деятельностью, которые возникли по причине причиненного его жизни и здоровью вреда в рамках происшествия с участием транспортных средств. Кроме того, согласно позиции ВС РФ, к этой же категории дел относятся ситуации, в рамках которых решается вопрос о получении пособия единовременного характера в случае гибели военнослужащего, исполнявшего соответствующие обязанности [5]. К этой же категории относятся дела, в рамках которых истец требует компенсировать моральный вред, который был причинен в результате смерти кормильца [6].

Кроме того, согласно позиции ВС РФ, следует связать дела о выселении с категорией дел, в рамках которой у собственника изымается жилплощадь посредством выкупа государством, причиной чего является изъятие земельного участка для нужд муниципального или государственного характера, в соответствии со статьей 32 Жилищного кодекса Российской Федерации. Верховный суд объединяет указанные дела в одну категорию по причине того, что выселение представляет собой последствие правового характера при изъятии жилплощади в обоих случаях [7].

Вышеизложенное позволяет заключить, что исчерпывающий перечень категорий дел обязательной формы участия прокурора отнюдь не позволяет говорить об исчерпывающем перечне требований, состав которых, не только не является конечным, но и, наоборот, неизменно расширяется. Указанное позволяет взглянуть на рассматриваемый аспект критически и напомнить об обязанности суда привлечь прокурора в процесс. Именно заявление связанных с обязательными категориями дел требований как правило являются причиной

непривлечения судами прокурора в процесс и как, следствие, отмены судебных актов. При этом следует указать, что иные способы правового регулирования оснований для участия прокурора в процессе существуют и содержатся в Арбитражном процессуальном кодексе. Так частью первой статьи 52 АПК РФ, предусматриваются в качестве основания для предъявления исков прокурором указание именно на предмет требования в иске (например, иски о признании недействительными сделок, а также иск, в рамках которого имущество муниципального или государственного характера истребуется из чужого владения, наступившего по обстоятельствам, исключаящим законность). Замена понятия «категории дел» применительно к основаниям для обязательного участия прокурора в процессе на конкретный предмет требования или иск позволит четко регламентировать все возможные основания для привлечения прокурора в процесс, исключит произвольное привлечение прокурора по инициативе суда, и, как следствие, минимизирует случаи непривлечения прокурора в процесс по ошибке суда.

Тем не менее представляется, что именно такое понятие, как «категория дел», а не требований является наиболее оптимальным решением для гражданского процессуального законодательства. Широкая и постоянно меняющаяся сфера гражданских правоотношений, предусматривающая возможность деления категории гражданских дел на подкатегории, позволяют не изменяя основания для вступления прокурора в процесс, относить к выделенным законодателем категориям дел все новые и новые требования, заявление которых в недавнем прошлом еще не могло иметь место ввиду отсутствия правового регулирования (например, возмещение вреда здоровью перевозчиком транспортного средства регламентируется в настоящее время специальным законодательством об обязательном страховании ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров). В противовес данному доводу применительно к арбитражному законодательству следует признать, что последнее обстоятельство послужило основанием для постепенного расширения оснований для предъявления иска прокурором в арбитражном процессе, связанном именно с невозможностью прокурора предъявлять иски по смежным или даже сходным, но не тождественным требованиям.

Кроме того, полагаем необходимым отметить, что требования, заявленные в рамках определенных категорий дел, не могут свидетельствовать об обязательности или необязательности участия представителя прокуратуры в судебном заседании. При этом следует говорить о том, что термин «категория дел» опосредует участие представителя прокуратуры в судебных заседаниях и обеспечение им законных интересов истца и ответчика в делах, косвенно касающихся тех, что требуют обязательного присутствия представителя прокуратуры в рамках судебного процесса.

Литература

1. Приказ Генерального прокурора от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве»
2. Марченко А.Н. Выделение отдельных категорий гражданских дел: к актуализации проблемы // Право: история и современность. № 3(8), 2019
3. Решетникова И.В. Ярков В.В. Гражданский процесс: учебное пособие. 7-е издание. Перераб. М. Юр. Норма. Инфра-М, 2016, с. 304.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации».
8. Файрушина Р.Д. Организация прокурорского надзора в процессе осуществления предварительного расследования в форме дознания (по материалам территориального органа) // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 8 (159). – С. 337–339.

GROUNDS FOR ENTRY OF THE PROSECUTOR IN CIVIL PROCEEDINGS FOR THE PURPOSE OF GIVING AN OPINION ON THE CASE

Gadiyatova M.V.

Ural State Law University

The purpose of this study: to outline the grounds that allow a representative of the prosecutor's office to intervene in civil proceedings in order to give an opinion on a case. As part of the work, the normative legal acts have been analysed, among which the following should be noted: Order of the Prosecutor General No. 2 of 09.01.2021; provisions and articles of the Family Code of the Russian Federation; articles of the Housing Code of the Russian Federation. In addition, the position of the Supreme Court of the Russian Federation on the above issue was analysed. As a result we come to the following conclusions: the exhaustive list of categories of cases of mandatory participation of a prosecutor does not allow to speak about an exhaustive list of requirements, the composition of which, not only is not final, but on the contrary, is invariably expanding. This allows a critical view of the aspect under consideration and reminds us of the court's obligation to involve the prosecutor in the proceedings. Furthermore, claims made in certain categories of cases cannot indicate that the participation of a representative of the prosecutor's office in the trial is mandatory or optional. However, it should be said that the term «category of cases» mediates the participation of a representative of the prosecutor's office in court proceedings and its securing the legitimate interests of plaintiff and defendant in cases indirectly related to those that require the presence of a prosecutor's representative in court proceedings.

Keywords: prosecutor, category of cases, alienation of property, legality, claims, compulsory participation, infliction of harm, Supreme Court of RF.

Reference

1. Order of the Prosecutor General of January 11, 2021 № 2 «On ensuring the participation of prosecutors in civil and administrative proceedings»
2. Marchenko A.N. Identification of certain categories of civil cases: to the actualization of the problem // Law: history and modernity. No. 3(8), 2019
3. Reshetnikova I.V. Yarkov V.V. Civil process: a study guide. 7th edition. Revised M. Yur. Norm. Infra-M, 2016, p. 304.
4. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 8, 2022 № 31 «On the application by the courts of legislation on compulsory insurance of civil liability of vehicle owners»
5. Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 4 (2020) approved. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 23, 2020).
6. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 26, 2010 № 1 «On the application by the courts of civil law governing relations on obligations due to harm to the life or health of a citizen»
7. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 02.07.2009 № 14 «On some issues that have arisen in judicial practice in the application of the Housing Code of the Russian Federation».
8. Fayrushina R.D. Organization of Prosecutor's Supervision in the Process of Preliminary Investigation in the Form of an Inquiry (Based on the Materials of a Territorial Body) // Eurasian Legal Journal. – 2021. – No. 8 (159). – S. 337–339.

Связывание как форма злоупотребления доминирующим положением на рынке цифровых технологий: понятие и проблемы правового регулирования

Глускер Евгений Александрович,

аспирант, Департамент правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: eglusker@yandex.ru

Статья посвящена особенностям правового регулирования злоупотребления доминирующим положением путем связывания на рынке цифровых технологий. В статье автором дана характеристика понятию связывание как форме злоупотребления доминирующим положением на рынке цифровых технологий. В данной статье делается попытка пролить свет на причины, которые позволили концепции связывания эволюционировать в цифровом контексте. Представлен авторский подход к уязвимости рынка цифровых технологий к такой форме злоупотребления доминирующим положением, как связывание. Автором проведен анализ судебной практики как в России, так и за рубежом. Представлен авторский подход к ключевым элементам связывания, негативно влияющим на конкуренцию. Автор отмечает необходимость проведения работ по дальнейшему правовому регулированию рынка цифровых технологий. Автор приходит к выводу, что связывание достаточно распространенная форма злоупотребления доминирующим положением на рынке цифровых технологий. Представлен авторский подход к изменениям в российское конкурентное законодательство.

Ключевые слова: рынок цифровых технологий, доминирующее положение, злоупотребление доминирующим положением, связывание, цифровизация, цифровая платформа.

Без конкуренции сегодня не существовало бы большинства мировых инноваций. Будь то спорт, политика или бизнес, конкуренция необходима для того, чтобы все стороны вели себя справедливо и не создавали препятствий для выхода новых сторон на арену. В случае бизнеса компании вынуждены держать свои цены на низком уровне и выводить на рынок новые и инновационные продукты, чтобы процветать. Без конкуренции компании просто делали бы самый минимум и устанавливали любые цены, которые им нравятся.

Несомненно, появление Интернета сопровождалось невиданным расширением сферы действия юридических доктрин из всех областей права. Законодатели часто слишком медлили с решением проблем оцифровки, требуя от судей применять правовые доктрины, которые изначально были задуманы для аналогового мира, и тем самым модифицировать их. Это особенно верно в отношении законодательства о конкуренции, где материальное право практически не менялось с момента его создания [10]. Таким образом, концепции конкуренции, созданные для традиционной экономики, необходимо было расширить, чтобы они могли справиться с Google, Ebay, Facebook и т.д. Что касается случаев злоупотребления доминирующим положением, едва ли какая-либо доктрина конкурентного права была расширена более заметно с появлением интернет-экономики, чем такая форма злоупотребления доминирующим положением как связывание. Связывание существует, когда продавец продукта А требует, чтобы его покупатели также покупали продукт Б. В деле *Northern Pacific R. Co.v. United States* Верховный суд США дал следующее определение связыванию [8].

«Связующее соглашение – это «соглашение стороны продать один продукт, но только при условии, что покупатель также купит другой (или связанный) продукт или, по крайней мере, согласится, что он не будет покупать этот продукт у какого-либо другого поставщика»».

Связывание требует, чтобы покупатель купил продукт Б, который ему не нужен, чтобы получить продукт А, который ему нужен. Концептуально связана практика комплектования, при которой продавец настаивает на том, чтобы покупатель приобрел пакет товаров, объединенных вместе и предлагаемых по единой цене за комплект [6].

Суды порицают соглашения о связывании, основанные на допущении, что фирмы используют свою рыночную власть на одном рынке для моно-

политики второго рынка («рынка связанных товаров») [4].

Верховный Суд США заявил в деле *Standard Stations*, что «соглашения о связывании едва ли служат какой-либо цели, кроме подавления конкуренции» [9].

Соглашение о связывании существует, когда продавец отказывается продавать один продукт, если покупатель также не соглашается приобрести другой отдельный продукт («связанный продукт»). Стоит заметить, что соглашения о связывании могут потенциально наносить ущерб конкуренции во многих отношениях. Например, продавец может использовать связывание, чтобы подавить конкуренцию на рынке связанного товара. Соглашения о связывании могут также создавать барьер для выхода на рынок сопутствующих товаров. В отсутствие доказательств законной цели соглашения о связывании, которое не может быть достигнуто с помощью менее ограничительных средств, ученые уже давно утверждают, что «разумно предположить, что цель продавца при использовании связывания состоит в том, чтобы ограничить конкуренцию».

Для анализа связанных устройств в первую очередь следует различать основной продукт и продукт, который связан с основным продуктом (привязан к нему). Потому что для связывания требуется как минимум два отдельных изделия. В типичном случае основной продукт обычно доступен, продается на конкурентной основе и используется вместе с продуктом Б. Большинство продуктов, которые мы используем в повседневной жизни, можно разделить на компоненты или части. Пальто можно продать без пуговиц, письменный стол без ящиков, а машину можно продать без дворников. В какой степени связывание продуктов будет считаться законным или незаконным? На наш взгляд, можно использовать несколько подходов к этой проблеме. Одним из них было бы принятие правила, максимизирующего благосостояние потребителей в очень краткосрочной перспективе. Такое правило может позволить любому потребителю в любой степени разделить любую покупку. Дилер, продающий автомобиль, должен будет снять одну шину для любого покупателя, который хочет купить автомобиль, но уже имеет шину дома. Такое правило повлечет за собой огромные расходы для продавцов, и потребители в конечном итоге будут платить более высокие цены за продукт в долгосрочной перспективе.

Критический вопрос для нового продукта: когда объединение ранее отдельных продуктов действительно является «новым» продуктом, а когда это просто связывание? Прежде всего нам нужно решить, работает ли комбинация продуктов лучше, чем отдельный продукт, и затем мы должны посмотреть, не может ли потребитель достичь того же результата, комбинируя товары для себя. Так, Деннис У. Карлтон приводит следующий информативный пример для принятия решения о том перед нами один единый продукт, состоящий из нескольких

частей, или несколько разных продуктов связанных друг с другом.

«...обувь со шнурками обычно продается со шнурками; всем, кто покупает обувь на шнуровке, нужны шнурки. Пока вкусы людей к шнуркам для ботинок не отличаются кардинально, они более эффективны (это снижает транзакционные издержки) продавать обувь со шнурками со стандартными шнурками, чем продавать обувь шнурки и обувь отдельно» [5].

Таким образом, правовая политика, направленная на максимизацию благосостояния потребителей, не обязательно сделает каждого отдельного потребителя лучше в любой ситуации. Следует определить такие сопутствующие продажи, которые улучшают положение большинства потребителей или приносят потребительскую выгоду, которая перевешивает потребительские потери.

По сути, в соглашении о связывании как таковом есть четыре элемента:

- основной и связанный продукт на самом деле представляют собой два разных продукта;
- существует соглашение или условие, прямо выраженное или подразумеваемое, которое устанавливает связывание;
- организация, обвиняемая в связывании, имеет достаточную экономическую власть на рынке связываемого продукта, чтобы исказить выбор потребителей в отношении связанного продукта;
- связывание исключает значительный объем торговли связанным продуктом на рынке [3].

Если истец сможет доказать наличие этих четырех элементов, суды в большинстве юрисдикций мира придут к выводу, что ответчик нарушил антимонопольное законодательство. Однако, стоит заметить, что в американской правовой системе даже если истец не сможет доказать эти элементы, то суд все равно может – по крайней мере теоретически – осудить связывание в соответствии с правилом взвешенного подхода. Правило взвешенного подхода заключается в том, что действия, которые не являются нарушением сами по себе, но приводят к необоснованному ограничению доступа на рынок будут являться нарушениями антимонопольного законодательства.

Поскольку разные соглашения о связывании имеют разные последствия для конкуренции, каждый из перечисленных элементов должен помочь провести различие между поведением, которое является благоприятным (или способствующим конкуренции), и поведением, которое наносит ущерб и, следовательно, должно быть осуждено (при условии, что другие элементы основания для иска являются доказанными). Первые три элемента дают представление о том, действительно ли оспариваемая привязка наносит ущерб конкуренции. Например, поскольку соглашения о связывании являются отрицательными за то, что они наносят ущерб конкуренции, используя рыночную власть на разных рынках. Первый элемент – два отдельных продукта – гарантирует, что рыночная власть

на одном рынке (рынке связывающих товаров) используется для искажения конкуренции на другом отдельном рынке (связанный товарный рынок). Если два отдельных продукта не связаны, то ответчик не использует свое экономическое влияние на одном рынке для нанесения ущерба конкуренции на другом рынке.

Переходя ко второму элементу, нужно заметить, что суды формулируют второй элемент по-разному, например, обуславливая, принуждая и заставляя. Второй элемент требует, чтобы ответчик неправомерно манипулировал потребителями, а не отвечал на потребительский спрос на определенные наборы продуктов. Почти полвека назад Верховный суд США постановил, что «обуславливая продажу одного товара покупкой другого, продавец принуждает покупателей отказаться от независимого суждения покупателей о достоинствах «связанного» товара и ограждает его от конкурентной нагрузки на открытом рынке» [11].

Главная идея третьего элемента заключается в том, что ответчик обладает экономической властью на рынке связующих товаров, – некоторым образом связан со вторым, поскольку продавец связующих товаров должен иметь экономическую власть, чтобы быть в состоянии заставить своих клиентов согласиться на соглашение о связывании. Верховный Суд США сформулировал элемент экономической власти как «достаточную экономическую власть в отношении связующего продукта, чтобы заметно ограничить свободную конкуренцию на рынке связанного продукта» [8]. Если ответчик не обладает экономической властью, маловероятно, что он наносит ущерб конкуренции. Таким образом, каждый из этих первых трех элементов связывающего требования помогает отличить поведение, наносящее ущерб конкуренции и потребителям, от поведения, которое является либо благотворным, либо способствующим конкуренции.

Таким образом, остается четвертый элемент незаконного соглашения о связывании как такового: соглашение о связывании затрагивает значительный объем торговли. Этот элемент, в отличие от первых трех, не кажется эффективным, помогая судам определить, является ли оспариваемая сделка о связывании антиконкурентной.

Механизмы связывания не обязательно приводят к потерям из-за неэффективности и могут привести к увеличению объема производства. Но их также можно использовать стратегически как инструмент для нанесения ущерба конкурентам и создания барьеров для выхода на рынок.

В российском законодательстве, а именно в Федеральном законе РФ «О защите конкуренции» [1] в части 1 статьи 10 нет прямого упоминания о связывании в перечне запрещенных Законом злоупотреблений. Этот перечень, однако, не является исчерпывающим. И как Федеральная антимонопольная служба России (далее ФАС России), так и российская судебная практика признают связывание незаконным злоупотреблением, запрещен-

ными ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции».

ФАС России разработала правоприменительную практику о злоупотреблении доминирующим положением путем связывания со стороны цифровых компаний. Однако, по сравнению с соответствующим правоприменением со стороны США и ЕС российская судебная практика весьма ограничена.

Редким примером является дело Google (решение и предписание по делу № 1–14–21/00–11–15 от 18.09.2015) [2]. В этом деле ФАС России установила, что компания Google использовала свое доминирующее положение на рынке магазинов предустановленных приложений для ОС Android в качестве рычага воздействия в отношениях с производителями для ограничения конкуренции на других рынках. Google использовала свое положение на одном рынке (магазины предустановленных приложений для ОС Android), чтобы выйти на смежные рынки, такие как веб-поиск, электронная почта, музыка и видео, потоковая передача контента и т.д., которые были конкурентоспособными. Это было сделано путем связывания, обязывая производителей мобильных устройств предварительно устанавливать пакет приложений Google, чтобы иметь возможность установить Google Play (продукт, в котором Google доминировал). Это создало серьезное препятствие для выхода разработчиков конкурирующих приложений на эти смежные рынки, что привело к эффекту исключения.

Интересно, что ФАС России признала компанию Google в нарушении части 1 статьи 10 Федерального Закона «О защите конкуренции» без ссылки на конкретный пункт, тем самым подтверждая, что ФАС России не ограничивается в своем анализе некоторыми устоявшимися злоупотреблениями.

В заключение ФАС России заявила, что Google влияет на общие условия обращения товаров в смежных продуктовых рынках (мобильных приложений) в связи с доминирующим положением на рынке предустановленных магазинов приложений, создавая льготные условия для собственных приложений, проводя обеспечение того, чтобы конечные пользователи отдавали приоритет приложениям Google и, как следствие, получая монопольную прибыль на рынках мобильных приложений.

Таким образом, в данной статье была предпринята попытка рассмотреть особенности такой формы злоупотребления доминирующим положением, как связывание.

Правоприменительная практика в отношении цифровых гигантов поставила вопрос о необходимости внесения соответствующих изменений в российское конкурентное законодательство для выработки правовых механизмов борьбы со злоупотреблением доминирующим положением со стороны игроков цифрового рынка.

Однако, в предложенных изменениях отсутствуют вопросы, относящиеся к связыванию. Исходя из приведенных примеров, данная проблема явля-

ется одной из самых актуальных в области правового регулирования злоупотребления доминирующим положением на рынке цифровых технологий.

Поэтому, на наш взгляд следует внести в Федеральный закон «О защите конкуренции» определенные связывания.

Связывание – это действия хозяйствующего субъекта, занимающего доминирующее положение, заключающиеся в намерении продать один продукт, но только при согласии покупателя на покупку другого(связанного) продукта, при этом хозяйствующий субъект, занимающий доминирующее положение, имеет достаточную экономическую власть на соответствующем товарном рынке, чтобы исказить выбор потребителей в отношении связанного продукта.

Литература

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ, 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3434.
2. Решение и предписание по делу № 1–14–21/00–11–15 от 18.09.2015// [Электронный ресурс]: URL: <https://fas.gov.ru/documents/378526/> (дата обращения 05.12.22).
3. Borschow Hospital and Medical Supplies, Inc., Plaintiff – appellant, v. Cesar Castillo Inc., et al., Defendants – appellees, 96 F.3d 10 (1st Cir. 1996) // [Электронный ресурс]: URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-1st-circuit/1074436.html> (дата обращения 05.12.22).
4. Christopher R. Leslie, Cutting Through Tying Theory with Occam’s Razor: A Simple Explanation of Tying Arrangements, 78 TUL. L. REV. 727, 732–36 (2004).
5. Dennis W. Carlton. Modern industrial organization// [Электронный ресурс]: URL: <https://archive.org/details/modernindustrial00carl/> (дата обращения 05.12.22).
6. Frederic M. Scherer, Industrial market structure and economic performance, (2 edition) // [Электронный ресурс]: URL: <https://archive.org/details/industrialmarket00sche/> (дата обращения 01.12.22).
7. Herbert Hovenkamp. Federal Antitrust Policy: The Law of Competition and Its Practice(1999)
8. Northern Pacific R. Co.v. United States, 356 U.S. 1, 5–6 (1958)// [Электронный ресурс]: URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/356/1.html> (дата обращения 01.12.22).
9. Standard Oil Co. of Cal.v. United States, 337 U.S. 293, 305–06 (1949). // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/337/293> (дата обращения 05.12.22).
10. Stefan Holzweber, Tying and Bundling in the Digital Era (October 12, 2018). European Competition Journal, Forthcoming// [Электронный ресурс]: URL: <https://ssrn.com/abstract=3265095> (дата обращения 05.12.22).
11. Times-Picayune Publ’g Co.v. United States, 345 U.S. 594, 605 (1953). // [Электронный ресурс]: URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/105/670/1975579/> (дата обращения 05.12.22).

TYING AS A FORM OF ABUSE OF A DOMINANT POSITION IN THE DIGITAL TECHNOLOGY MARKET: THE CONCEPT AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Glusker E.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the peculiarities of the legal regulation of the abuse of a dominant position by tying in the digital technology market. In the article, the author characterizes the concept of tying as a form of abuse of a dominant position in the digital technology market. This article attempts to shed light on the reasons that have allowed the concept of tying to evolve in a digital context. The author’s approach to the vulnerability of the digital technology market to such a form of abuse of dominance as tying is presented. The author analyzed the judicial practice both in Russia and abroad. The author’s approach to the key tying elements that negatively affect competition is presented. The author notes the need for work on further legal regulation of the digital technology market. The author comes to the conclusion that tying is a fairly common form of abuse of a dominant position in the digital technology market. The author’s approach to changes in the Russian competition legislation is presented.

Keywords: digital technology market, dominance, abuse of dominance, tying, digitalization, digital platform.

Reference

1. Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006 (as amended on December 5, 2022) “On Protection of Competition” // Collection of Legislation of the Russian Federation, July 31, 2006, No. 31 (1 part), art. 3434.
2. Decision and order in case No. 1–14–21/00–11–15 dated September 18, 2015// [Electronic resource]: URL: <https://fas.gov.ru/documents/378526/> (accessed 05.12.22).
3. Borschow Hospital and Medical Supplies, Inc., Plaintiff – appellant, v. Cesar Castillo Inc., et al., Defendants – appellees, 96 F.3d 10 (1st Cir. 1996) // [Electronic resource]: URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-1st-circuit/1074436.html> (accessed 12/05/22).
4. Christopher R. Leslie, Cutting Through Tying Theory with Occam’s Razor: A Simple Explanation of Tying Arrangements, 78 TUL. L. REV. 727, 732–36 (2004).
5. Dennis W. Carlton. Modern industrial organization// [Electronic resource]: URL: <https://archive.org/details/modernindustrial00carl/> (accessed 05.12.22).
6. Frederic M. Scherer, Industrial market structure and economic performance, (2 edition) // [Electronic resource]: URL: <https://archive.org/details/industrialmarket00sche/> (accessed 01.12.22).
7. Herbert Hovenkamp. Federal Antitrust Policy: The Law of Competition and Its Practice(1999)
8. Northern Pacific R. Co.v. United States, 356 U.S. 1, 5–6 (1958)// [Electronic resource]: URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/356/1.html> (accessed 12/01/22).
9. Standard Oil Co. of Cal.v. United States, 337 U.S. 293, 305–06 (1949). // [Electronic resource]: URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/337/293> (accessed 12/05/22).
10. Stefan Holzweber, Tying and Bundling in the Digital Era (October 12, 2018). European Competition Journal, Forthcoming// [Electronic resource]: URL: <https://ssrn.com/abstract=3265095> (accessed 05.12.22).
11. Times-Picayune Publ’g Co.v. United States, 345 U.S. 594, 605 (1953). // [Electronic resource]: URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/105/670/1975579/> (accessed 05.12.22).

Применение обеспечительных мер при рассмотрении заявления об индексации присужденных денежных сумм

Гурьев Олег Павлович,

преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета
E-mail: one@guryev.pro

Индексация присужденных денежных сумм и обеспечение иска являются классическими институтами гражданского процессуального права, которые, как показывает юридическая практика, широко применяются судами общей юрисдикции при рассмотрении материально-правовых споров. В статье анализируются правовые подходы к пониманию институтов индексации присужденных денежных сумм и обеспечения иска отраженные в научной и учебной литературе, а также правовоположения, выработанные судебной практикой в отношении данных правовых механизмов. Автором статьи исходя из содержания норм действующего гражданского и гражданского процессуального законодательства с учетом их практики правоприменения и толкования рассматривается возможность и обосновывается необходимость применения обеспечительных мер при рассмотрении заявления об индексации присужденных денежных сумм в гражданском процессе.

Ключевые слова: гражданский процесс, индексация присужденных денежных сумм, обеспечение иска, обеспечительные меры, инфляция.

Классическим институтом гражданского процесса является институт обеспечения иска. В учебной юридической литературе сформулирован подход, в соответствии с которым институт обеспечения иска является средством, гарантирующим исполнение будущего судебного решения[2, с.264]. Так, посредством применения указанного института создаются условия для исполнения судебного акта, которым разрешается спор по существу. Применив конкретную обеспечительную меру, суд фиксирует имущественное положение ответчика, необходимое для исполнения решения суда.

Так в соответствии с ч. 2 ст. 139 ГПК РФ обеспечение иска допускается во всяком положении дела, если непринятие мер по обеспечению иска может затруднить или сделать невозможным исполнение решения суда.

Исходя из содержания гипотезы данной нормы, формально, обеспечительные меры могут быть применены только в отношении иска при наличии невозможности или затруднительности исполнения решения суда – судебного акта которым разрешается спор по существу.

Поскольку вопрос об индексации присужденных денежных сумм разрешается судом за рамками стадии судебного разбирательства, а результат рассмотрения такого заявления выносится в форме определения, возможной представляется следующая постановка вопроса: возможно ли применение обеспечительных мер при рассмотрении заявления об индексации присужденных денежных сумм?

В гражданском праве закреплен принцип полного возмещения убытков, в соответствии с которым причиненные убытки должны быть возмещены в полном объеме (п. 1 ст. 15 ГК РФ). Данный принцип проявляется в том, что субъект, нарушивший право, должен восстановить лицо, которому это право принадлежит, в то положение, в котором оно находилось при нормальном течении гражданского оборота – до момента наступления негативных последствий, вызванных таким нарушением.

В случае отказа нарушителя права в добровольном порядке возместить причиненные убытки лицо, которому эти убытки причинены, реализуя право на судебную защиту, понуждает правонарушителя к восстановлению своего нарушенного права, используя механизм государственного принуждения.

С учетом норм действующего гражданского процессуального законодательства и законодательства, регламентирующего порядок принудительного исполнения исполнительных докумен-

тов (ГПК РФ и ФЗ «Об исполнительном производстве») процесс получения исполнительного документа, предъявления его к исполнению, возбуждения исполнительного производства и совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения требует значительного времени. В условиях, когда должник отказывается добровольно исполнить решение суда, только в результате совершения совокупности юридически-значимых действий предписание суда будет претворено в реальную жизнь.

Так, при принудительном исполнении судебных актов в рамках исполнительного производства, предметом исполнения которых являются денежные средства, присужденные в счет возмещения убытков, в условиях инфляционных процессов, невозможно реальное восстановление положения субъекта, право которого нарушено в состоянии, в котором он находился до момента такого нарушения, что не соответствует принципу полного возмещения убытков. Данный вывод основан на том, что моменты рассмотрения материально-правового спора и фактического исполнения решения суда разведены во времени, а ввиду инфляционных процессов – последовательного повышения цен на товары и услуги лицом, чье право нарушено, на дату исполнения судебного акта не сможет воспользоваться соответствующей услугой, приобрести товар, осуществить ремонт вещи и тп. на взысканные с должника денежные средства. Иными словами, объем права который суд постановил восстановить, будет неэквивалентен объему на дату его восстановления.

Д.Б. Абушенко, комментируя ст. 15 ГК РФ, приходит к выводу о том, что принцип полного возмещения убытков должен быть ретранслирован в цивилистический процесс[1, с.25]. Данный подход в полной мере отражает цель, для которой субъекты реализуют право на судебную защиту – восстановить положение в том, объеме которым этот субъект обладал до момента противоправного поведения нарушителя. Данная цель достигается посредством использования механизма государственного принуждения

Гражданский процессуальный кодекс РФ содержит в себе статью 208, которой предусмотрен механизм индексации присужденных денежных сумм. Именно этот институт призван нивелировать негативное влияние инфляции на возможность полного возмещения убытков и восстановление субъекта в то положение, в котором лицо находилось до момента нарушения права.

В судебной практике высших судебных инстанций можно встретить несколько позиций, характеризующих данный институт.

Так, в ряде судебных актов Конституционного суда РФ указывается на то, что индексация выступает процессуальной гарантией защиты имущественных интересов взыскателя и должника от инфляционных процессов в период с момента вынесения судебного решения до его реального исполнения[8]. Индексация это предусмотренный

процессуальным законодательством упрощенный порядок возмещения взыскателю финансовых потерь, вызванных несвоевременным исполнением должником решения суда, когда взысканные суммы обесцениваются в результате экономических явлений[9].

Верховный суд РФ в свою очередь указывает на то, что индексация – это механизм приведения присужденной суммы в соответствие с уровнем цен и стоимостью жизни, сложившимися на день реального исполнения должником своего обязательства[10]. Индексация позволяет полностью возместить потери взыскателя от длительного неисполнения судебного решения, производится с момента присуждения судом денежных сумм до фактического исполнения решения суда[11].

В юридической литературе в отношении института индексации также сформирован ряд позиций.

Так, по мнению А.В. Ильина при индексации содержание решения суда не изменяется, посредством ее суд приводит решение (а точнее, размер присужденной денежной суммы) в соответствие с действительностью, как будто бы если он принял это не исполненное до сих пор решение сейчас[3, с.62].

А.В. Добровинская, анализируя институт индексации, указывает на то, что без индексации присужденных денежных средств никакое нарушенное имущественное право не может быть полностью восстановлено, а такой своевременный и необходимый принцип защиты гражданских прав, как восстановление положения, существовавшего до нарушения конкретного имущественного права, не может быть в полной мере осуществлен[4, с.29].

По мнению О.А. Рузаковой индексация это не мера гражданско-правовой ответственности, а механизм, предназначенный для реализации принципа полного возмещения потерь в условиях нестабильности цен[5].

Постыляков С.П. приходит к выводу о том, что индексация присужденных денежных сумм – это обособленный институт приведения платежей в соответствие с покупательной способностью денег на момент их выплаты[6, с.26].

Таким образом, анализируя вышеуказанные позиции авторов и правовоположения, выработанные судебной практикой, мы приходим к выводу о том, что институт индексации способствует реальному восстановлению нарушенного права в контексте ст. 15 ГК РФ, без применения которого невозможно восстановление лица, чье право нарушено, в то положение, которое оно было до момента нарушения права, так как именно с использованием данного механизма истец получает именно тот денежный эквивалент, который необходим для ликвидации последствий такого нарушения в момент времени с актуальной экономической обстановкой. Только с применением данного института можно констатировать то, что лицу, обратившемуся в суд за защитой нарушенных прав, надлежащим образом предоставлена возможность реализовать право на судебную защиту – решение суда будет исполнено

в условиях, отражающих реальное положение дел в экономике страны. При этом, стоит обратить внимание и на то, что должнику выгодно затягивать исполнение решения суда, так как ввиду обесценивания денежных средств, через определенный промежуток времени он понесет меньше затрат на то, чтобы восстановить право взыскателя.

Как было указано выше, целью применения обеспечительных мер является гарантирование исполнения решения суда в будущем, в условиях, когда имеется вероятность невозможности или затруднительности его исполнения. С учетом негативных экономических явлений, в частности инфляции и в этой связи значимости института индексации присужденных денежных сумм возникает необходимость гарантировать и исполнение определения суда которым разрешается вопрос индексации.

Толкуя статью 139 ГПК РФ, содержащую в себе нормы об обеспечении иска, Верховный суд РФ указывает на то, что значение института обеспечительных мер заключается в том, что им защищаются права на тот случай, когда ответчик будет действовать недобросовестно, или, когда принятие мер может повлечь невозможность исполнения судебного акта по не зависящим от ответчика причинам[12].

Конституционный суд РФ в отношении института обеспечения иска указывает на то, что положения статьи 139 ГПК Российской Федерации, устанавливающие основания для принятия мер по обеспечению иска, направлены на недопущение затруднения или невозможности исполнения судебного акта и тем самым выступают правовой гарантией реальности исполнения судебных решений[13].

Как мы видим, и Верховный суд РФ и Конституционный суд РФ, разъясняя нормы об обеспечении иска используют расширительное толкование части 2 ст. 139 ГПК РФ и оперируют понятием судебный акт, к которым относятся и определения.

В юридической литературе также указывается на то, что обеспечительные меры применимы ко всем судебным актам. Формулируя определение обеспечительным мерам А.А. Селькова приходит к выводу о том, что это меры срочного и временного характера, установление которых позволяет сохранить правовое или имущественное положение заинтересованных лиц и гарантировать возможность реального исполнения окончательного судебного акта по делу[7, с.19].

Таким образом, как в литературе, так и судебной практикой допускается применение обеспечительных мер в целях создания условий для исполнения всех судебных актов, к которым относятся и определения суда. Поскольку вопрос об индексации присужденных денежных сумм разрешается путем вынесения определения, обеспечение требования об индексации обоснованно считать допустимым.

Кроме того, ключевой задачей судопроизводства является защита прав субъектов соответствующих правоотношений. Возможно некоторым лицам, обратившимся в суд будет достаточно того,

что государство в лице соответствующего суда декларировало за ним соответствующее право, подтвердило обоснованность заявленных требований и указало на необходимость восстановления нарушенного права ответчиком. Однако, для подавляющего числа субъектов права, одной такой декларации недостаточно, для них необходимым является фактическое (материальное) восстановление правового положения, чего можно достичь исключительно реальным поведением обязанного лица предписанным судом.

Применение обеспечительных мер должно быть обусловлено не одной лишь гарантией формально исполнить требование, содержащееся в резолютивной части решения суда, а в целом созданием таких условий при которых право лицо, обратившегося за судебной защитой, будет реально восстановлено в правах вне зависимости от обстоятельств при которых будет произведено фактическое исполнение, к которым относится и негативный эффект инфляции.

Именно институт индексации присужденных денежных сумм способствует реальному восстановлению нарушенного права в случаях, когда между датами разрешения спора по существу и фактического исполнения судебного акта проходит временной промежуток. Соответственно при рассмотрении данного процессуального вопроса обеспечительные меры должны применяться и к требованию об индексации присужденных денежных сумм при наличии условий для применения соответствующей обеспечительной меры. Иной подход не отражает проявление принципа полного возмещения убытков поскольку в случае неисполнения определения суда об индексации присужденных денежных сумм ввиду совершения должником действий, направленных на уклонение от исполнения судебного акта, право истца не будет восстановлено в реальном денежном выражении по состоянию на дату исполнения решения суда.

Литература

1. Абушенко Д.Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: монография. Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013. 319 с.
2. Гражданский процесс: учебник для студентов юридических высших учебных заведений / Уральский гос. юрид. ун-т; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В.В. Янков. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2021. – 721 с.
3. Ильин А.В. Сложные проценты и судебные расходы. На базе Определения Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 12.10.2017 N 309-ЭС17-7211 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. N 1. С. 58–71.
4. Добровинская А.В. Индексация денежных средств как способ защиты гражданских прав // Гражданское право. 2016. N 5. С. 26–29.

5. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (издание второе, исправленное и дополненное) / Под ред. П.В. Крашенинникова [Электронный ресурс] // Справочно- правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.11.2022)
6. Постыляков С.П. Актуальные проблемы правоприменения института индексации присужденных денежных сумм в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. N 4. С. 22–27.
7. Селькова А.А. Институт обеспечительных мер в процессуальном законодательстве России и Англии: сравнительно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук Екатеринбург, 2018. 240 с. [Электронный ресурс] URL: https://urpgo.u.pf/science/dissovet/file/base/1/443/dissert_dl.pdf
8. Определение Конституционного Суда РФ от 20.03.2008 N 244-О-П «По жалобе гражданина Петрова Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочно- правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.11.2022)
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.07.2018 N 35-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Т.В. Ивановой, И.М. Митина и Е.В. Шкотова» [Электронный ресурс] // Справочно- правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.11.2022)
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.10.2018 N 47-КГ18–11 [Электронный ресурс] // Справочно- правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.11.2022)
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.01.2015 N 81-КГ14-[Электронный ресурс] // Справочно- правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.11.2022)
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.2019 N 18-КГ19–113, 2–157/2019 [Электронный ресурс] // Справочно- правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.11.2022)
13. Определение Конституционного Суда РФ от 26.01.2017 N 142-О [Электронный ресурс] // Справочно- правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.11.2022)

shows, are widely used by courts of general jurisdiction when considering substantive disputes. The article analyzes the legal approaches to understanding the institutions of indexing the awarded sums of money and securing the claim reflected in scientific and educational literature, as well as the legal principles developed by judicial practice in relation to these legal mechanisms. The author of the article, based on the content of the norms of the current civil and civil procedural legislation, taking into account the practice of their enforcement and interpretation, considers the possibility and justifies the need to apply interim measures when considering an application for the indexation of awarded sums of money in civil proceedings.

Keywords: civil proceedings, indexation of awarded sums of money, securing a claim, interim measures, inflation.

References

1. Abushenko D.B. Problems of mutual influence of judicial acts and legal facts of substantive law in the civil process: monograph. Tver: Publisher Kondratiev A.N., 2013. 319 p.
2. Civil procedure: textbook for law students of higher educational institutions / Ural State Law. un-t; ed. Dr. jurid. of Sciences, prof. V.V. Yarkov. – 11th ed., reprint. and additional – Moscow: Statute, 2021. – 721 p.
3. Ilyin A.V. Compound interest and court costs. Based on the Definition of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12.10.2017 N 309-ES17–7211 // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. N 1. pp. 58–71.
4. Dobrovinskaya A.V. Indexing of funds as a way to protect civil rights // Civil law. 2016. N 5. pp. 26–29.
5. Article-by-article commentary to the Civil Procedure Code of the Russian Federation (second edition, amended and supplemented) / Edited by P.V. Krasheninnikov [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus” (accessed: 11/27/2022)
6. Postylyakov S.P. Actual problems of law enforcement of the institute of indexation of awarded sums of money in civil proceedings // Arbitration and civil proceedings. 2014. N 4. pp. 22–27.
7. Selkova A.A. Institute of interim measures in procedural legislation of Russia and England: comparative legal aspect: dis. ... cand. jurid. Sciences Yekaterinburg, 2018. 240 p. [Electronic resource] URL: https://yproy.rf/science/dissovet/file/base/1/443/dissert_dl.pdf
8. The ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 20.03.2008 N 244-О-Р “On the complaint of citizen Petrov Igor Alexandrovich for violation of his constitutional rights by part one of Article 208 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation” [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus” (date of appeal: 11/27/2022)
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.07.2018 N 35-Р “In the case of checking the constitutionality of the first part of Article 208 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens T.V. Ivanova, I.M. Mitin and E.V. Shkotov” [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus” (date of appeal: 27.11.2022)
10. Determination of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02.10.2018 N 47-KG18–11 [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus” (accessed: 27.11.2022)
11. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.01.2015 N 81-KG14-[Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus” (date of appeal: 11/27/2022)
12. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 05.11.2019 N 18-KG19–113, 2–157/2019 [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus” (accessed: 27.11.2022)
13. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 26.01.2017 N 142-О [Electronic resource] // Legal reference system “ConsultantPlus” (accessed: 27.11.2022)

APPLICATION OF INTERIM MEASURES WHEN CONSIDERING AN APPLICATION FOR INDEXATION OF THE AWARDED SUMS OF MONEY

Guryev O.P.
Ural State Law University

Indexing of the awarded sums of money and securing a claim are classic institutions of civil procedural law, which, as legal practice

Кахаров Арслан Самаилович,

к.педагог.н., доцент кафедры «Теории и технологии социальной работы», ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»
E-mail: arslan9699@mail.ru

Рассматриваются ключевые понятия, связанные с феноменом глобальной цифровизации и трансформации системы правового регулирования в условиях цифровизации. Акцентируется внимание на необходимости формирования такой нормативно-правовой базы, которая способна своевременно и эффективно реагировать на динамику общественных процессов, обеспечивая правовое регулирование любых сфер социальной жизни в соответствии с новыми требованиями времени. Учитывается тот факт, что в условиях цифровизации правовой институт функционирует не только, как инструмент адаптации хозяйственных сфер к новой ситуации, но и сам претерпевает масштабные трансформации, определяющие его новые формы и механизмы.

Представленный обзор отражает те проблемы и недоработки, с которыми сталкивается российская правовая система в условиях новой цифровой реальности. На сегодняшний день правовое опосредование большинства «оцифрованных» отраслей не имеет достаточно стабильной базы, которая могла бы обеспечить устойчивое взаимодействие правового института с остальными сферами социального бытия. В частности, обнаруживаются разночтения в самом понимании таких категорий, как «цифровизация», «цифровая экономика», «правовые технологии» и т.п. Наряду с этим, отмечается отставание и неравномерное развитие правовых механизмов в различных отраслях экономики. Назрела объективная необходимость в усовершенствовании правовой системы в условиях цифровизации и определении ключевых перспектив дальнейшего развития и интеграции России в глобальное пространство.

Ключевые слова: экономика, право, технологии, цифровизация, трансформация.

Динамика происходящих в обществе перемен сегодня настолько стремительна, что на глазах одного поколения мы наблюдаем смену целого ряда технологических циклов, следующих друг за другом с невероятной скоростью[1]. За два последних десятилетия глобальный мир начал отсчет новой эры своего развития, вступив в новый этап цивилизационного развития, в основе которого лежит тотальная «оцифровка» всех сфер социальной жизни. Пришедшая реальность – цифровая, технологичная, виртуальная, информационная – ставит нас в совершенно иную ситуацию развития, диктует нам новые правила, обусловленные повсеместным проникновением в нашу жизнь высоких технологий и формированием цифровой среды. С легкой руки ворвавшихся в нашу жизнь инноваций, на новый уровень выходят все ключевые сферы социального бытия: экономика, производство, политика, культура, здравоохранение, наука, образование, межличностные коммуникации и прочее.

Закономерно актуализируется вопрос о готовности человека принять эти вызовы: достаточно ли у него знаний, опыта и прочих ресурсов для адаптации и эффективного функционирования в новом пространстве. Столь динамично вливаясь в мировое экономическое пространство, имеем ли мы на сегодняшний день достаточно сформированные механизмы, позволяющие успешно интегрироваться в глобальную цифровую среду.

В этой связи, одним из дискуссионных вопросов является проблема правового регулирования экономической и других сфер деятельности в условиях цифровизации. Высокие технологии, ставшие обыденностью сегодняшнего дня – интернет-коммерция, виртуальная валюта, цифровое инвестирование, смарт-контракты, нейросети, блокчейн и прочее – требуют соответствующей правовой поддержки, новых законодательных инструментов и механизмов, способных обеспечить регулирование данных процессов в рамках правового поля.

Сложившийся в ходе глобализации новый тип цифровой культуры общества, а также курс на цифровую экономику выдвинули запрос на преобразование правовой системы, как основного регулятора всех видов общественных правоотношений. Здесь мы абсолютно солидарны с Т.Я. Хабриевой и Н.Н. Черногором отмечающих, что в современных реалиях правовые механизмы «доцифровой эпохи» неэффективны и во многих отраслях отстают от реально сложившихся инновационных условий[2].

С точки зрения правовых аспектов, тотальная «оцифровка» общественных процессов и явлений соответствующим образом преломляет и правовую сферу. Здесь мы сталкиваемся с феноменом,

когда происходит тесное соприкосновение традиционных правовых механизмов с новым, цифровым форматом общественных взаимодействий. В этом соприкосновении право не только обретает новые функции, регулирующие и адаптирующие систему государственного управления к новым реалиям, но и само подвергается воздействию «цифры», что ведет к трансформации его формы, содержания, механизмов влияния.

Стремительный переход привычных, «доцифровых» форм любых видов правоотношений в киберсреду стал настоящим вызовом для отечественного правового института. При всех наличествующих успехах в законодательной области, сегодня мы не можем говорить об устойчивости регулирующих механизмов права. Проблем и вопросов пока намного больше, чем их решений. Требуется совершенствование и обновление нормативно-правовой базы, формирование единого категориального аппарата в рамках цифровой терминологии. При отсутствии таковых, российская правовая система рискует стать совершенно незащитной в глобальном пространстве цифрового права.

Обзор источников позволил провести теоретический анализ таких понятий, как «цифровизация», «цифровые технологии», «цифровое право», «правовые технологии», «криптоэкономика», «краудфандинг» и др. Прояснение дефиниций позволило осуществить содержательное осмысление исследуемых феноменов и определить ключевые факторы, определяющие сущность, стратегии развития, возможности и ограничения правовой системы в условиях цифровой среды.

На современном этапе мировое сообщество испытывает на себе мощнейшее воздействие глобальных процессов, целиком и полностью трансформирующих все сферы общественной жизни. На огромных скоростях идут кардинальные сдвиги всех социальных процессов, общественно-го устройства и взаимодействия, обусловленные формированием единого пространства для беспрепятственного обмена услугами, товарами, финансовыми потоками и трудовыми ресурсами. Цивилизованный мир переходит на новый уровень экономического развития, в котором первостепенная роль отводится тем процессам, которые непосредственно связаны с потреблением, обработкой и распределением информации. «Цифра», ставшая приоритетным направлением экономического развития, сформировала новый тренд в развитии общества – цифровую экономику. Прежний экономический уклад претерпевает мощнейшие изменения, и изменения эти весьма стремительны. Еще до 2016 года внедрение цифровых технологий в отечественное экономическое поле являлось предметом исследования лишь незначительного количества IT-специалистов и финансистов, а уже с указанного периода тема цифровизации стала первоочередной в повестке управляющих органов РФ и крупнейших корпораций. Основные направления инновационного развития были сформированы и отражены в утвержденной президентом РФ

Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [3].

В рамках принятой стратегии была утверждена Программа цифровой экономики РФ, а вслед за ней и национальный Проект «Цифровая экономика». Интересно, что последовательность принятия соответствующих программных документов, отражает поэтапную трансформацию взглядов на процесс цифровизации за кратчайший период. Если первоначально «цифра» воспринималась, как вызов, то затем она стала для России национальным интересом, сегодня – это ключевой нацпроект.

Основным стратегическим направлением принятых документов является создание в России цифровой экосистемы, опосредующей экономическую деятельность через взаимодействие огромных массивов цифровой информации. Согласно принятой Стратегии, цифровизация затрагивает абсолютно все отрасли социально-экономической деятельности и призвана создать необходимые условия для высокоэффективного межотраслевого взаимодействия, поддержания традиционных сфер экономики и перевода их в цифровой формат, а также создания новых, высокотехнологичных сфер деятельности, недопущения препятствий и ограничений к их развитию, что, в целом, открывает российской экономике выход в глобальный рынок и обеспечивает ее конкурентоспособность в мировой экономике.

Рассматривая правовые аспекты цифровизации, отметим, что трудности в создании адекватного, соответствующего времени юридического сопровождения социально-экономических процессов, начинаются уже на этапе формирования единого и непротиворечивого понятийного аппарата. Не секрет, что до сегодняшнего дня единого подхода к интерпретации термина «цифровая экономика» в науке не выработано. Общеизвестно, что впервые данное понятие было введено еще в 1955 году американским профессором Негропonte Н. и трактовалось, как экономическая деятельность, осуществляемая цифровыми технологиями [4]. Однако, сегодня все еще ведутся терминологические дискуссии относительно определений цифровой экономики.

На различных дискуссионных площадках широко известна формулировка А.А. Энговатова, который интерпретирует цифровую экономику, как основанную на компьютерных цифровых технологиях, инновационных методах создания, хранения, обработки и передачи данных. По определению члена-корреспондента РАН Иванова В.В., цифровая экономика представляет собой виртуальную среду, интегрированную в реальность.

Более широко трактует цифровую экономику Василенко Н.В., как тип экономического устройства, который характеризуется внедрением в практику и широким использованием цифровых технологий для обработки, хранения и передачи данных [6]. При наличии существующих разночтений, Стратегия развития цифрового общества РФ, за-

конодательно закрепляет следующий вариант трактовки: «цифровая экономика – это хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг». На наш взгляд, подобная интерпретация недостаточно полно охватывает все аспекты понятия, при этом оно вполне применимо в практической деятельности, поскольку имеет одно серьезное преимущество – выделение цифровых данных, как объекта правоотношений.

При всех разночтениях в терминологическом аппарате, очевидным является тот факт, что кардинальная трансформация общей экономической парадигмы требует масштабных изменений и в правовой системе. Причем, адаптация регулирующих механизмов к цифровым реалиям должна иметь отнюдь не поверхностный характер, а затрагивать самые глубинные аспекты правового регулирования.

В этой связи, одними из ключевых направлений и Программы, и Проекта «Цифровая экономика» являются именно вопросы, связанные с нормативно-правовым обеспечением цифровой модели экономики. В соответствии с Федеральным проектом «Нормативное регулирование цифровой среды» насущные правовые трансформации не ограничиваются лишь массированным внедрением цифрового продукта или расширением электронного документооборота. Сегодня уже речь идет о таких категориях, как управление и регулирование правоотношений роботизированных субъектов (речь о возможностях искусственного интеллекта и прочих «безлюдных» технологиях) [5]. Тема возможной субъектности искусственного интеллекта и прочих высокотехнологичных машин, а также делегирования правосудия информационным системам и решение правоотношений на цифровых платформах, сегодня серьезно обсуждается в научном дискурсе. Дискуссия эта весьма противоречива, и, в первую очередь затрагивает морально-этические аспекты права, тем не менее, то, что несколько лет назад казалось фантастикой, сегодня стало реальным объектом исследования.

Обращаясь к основным траекториям развития цифровой экономики, мы четко дифференцируем в ней два самостоятельных направления. Первое – интеграция высоких технологий и «цифры» в уже сложившуюся, традиционную экономическую систему. Цель этого направления прозрачна – усовершенствование и повышение конкурентоспособности имеющейся экономической базы. Второе направление – формирование инновационного, ранее не существовавшего типа криптоэкономики, ставшей закономерным следствием развития интернет-сети, искусственного интеллекта, боль-

ших данных, социальных сетей, системы блокчейн, майнинга и криптовалют, повсеместным использованием гаджетов, развития цифровых сервисных ресурсов [6].

Если с развитием первого направления все более или менее понятно – здесь продолжают взаимодействовать устойчивые и привычные формы субъектных правоотношений, то во втором направлении мы наблюдаем появление абсолютно инновационных субъектов права: криптовалюта, токены, смарт-контракты.

Рассмотрим, каковы основные векторы модернизации права в рамках адаптации традиционной экономической парадигмы к новым реалиям. Здесь, первоочередными задачами правового регулирования являются следующие:

- формирование нормативно-правовой базы для обработки, хранения и защиты информации, с учетом интересов участников правоотношений;
- правовая регламентация межотраслевых вопросов, связанных с переходом на «цифру» (идентификация правовых субъектов, введение электронного документооборота);
- интеграция инновационных интеллектуальных разработок;
- обновление статистического учета;
- модернизация правовой базы в сфере антимонопольной политики;
- модернизация инструментов правовой защиты интересов потребителей в новой бизнес-среде;
- создание инфраструктуры для оптимизации процессов цифровизации экономики;
- выработка нормативно-правового закрепления статуса электронных сделок и проч [7].

Сюда же следует добавить и цифровые механизмы идентификации субъектов права: биометрическую подпись, мобильную электронную подпись, идентификацию личности по номеру мобильного телефона и электронному адресу.

В сфере заключения финансовых сделок существует потребность в выделении и закреплении таких понятий, как «цифровые финансовые активы», «цифровая оферта», «цифровой акцепт».

Формирование новых форм правоотношений в условиях цифровизации экономики обусловило необходимость принятия документов, устанавливающих новую законодательно закрепленную категорию – «цифровое право». Принятый 18 марта 2019 года «Закон о цифровых правах» (№ 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей ГК РФ») определяет цифровое право, как «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу» [8].

Юридические источники указывают, что цифровые права закреплены в перечне гражданских прав наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами, как особая форма имущественного права.

Реализация цифровых прав осуществляется исключительно при наличии цифровой системы, фиксирующей эти права (базы данных и технических средств обработки информации).

Закон о цифровых правах ввел в правовое поле ряд новых понятий и обусловило цифровую трансформацию договорных отношений. Эти нововведения значительно упростили порядок совершения ряда сделок с использованием Интернет-ресурсов и прочих электронных устройств. В частности, мы говорим об электронных сделках и смарт-контрактах. Электронные сделки в сущности отражают основные принципы традиционного российского договорного права, а их применение в электронном формате является примером перехода этого права в цифровую экономику.

Что касается понятия «смарт-контракт» – это цифровая интерпретация условий об автоматическом заключении сделки по принципу «если... то...», при исполнении которых информация кодируется в распределенный реестр, автоматически меняя состояние. После согласования со всеми участниками договора условия смарт-контракта меняться не могут. Широкое применение смарт-контракты нашли в сфере банковского и страхового бизнеса. Их безусловным плюсом является возможность верификации и защищенность его данных от третьих лиц [9].

Как видим цифровой рынок находится в состоянии динамичной эволюции. По большому счету, человек едва успевает осваивать те нововведения, которые преподносит ему цифровая революция. И, здесь хотелось бы вернуться к сказанному выше, а именно ко второму вектору развития цифровой экономики – ее криптоварианту. Мы уже коснулись технологий блокчейн и смарт-контрактов. Хотелось бы вкратце рассмотреть сущность нового вектора развития экономики – криптосистемы. Она, в отличие от традиционной системы правоприменения, криптосистема в качестве объекта правоотношений имеет не физическое лицо, а некую цифровую сущность, цифровой профиль, сформированный сетевыми ресурсами [10]. Логично, что эта цифровая сущность имеет определенную связку с цифровыми правами, однако на сегодняшний день эта связь конкретного человека с его цифровым профилем не имеет законодательного подкрепления. По факту эта новая криптособственность никоим образом не закреплена за цифровым профилем человека. Наряду с этим, вся мировая криптоэкономика выстроена вокруг человека с гаджетом, обладающего цифровым профилем. Получается замкнутый круг и невозможность юридически регламентировать подобные правоотношения [11].

Признавая тот факт, что сегодня Россия находится далеко позади от основных лидеров циф-

ровизации и ее правового сопровождения (США, Япония, Западная Европа), можно с уверенностью сказать, что в состязании за главенствующую роль в сфере правового регулирования экономики, победит государство, которое первым сумеет регламентировать рынок криптовалюты.

Как и в большинстве стран оборот криптовалют в нашей стране является наиболее (а точнее, совсем) непроработанным в аспекте правового регулирования. Тем временем, именно криптоденьги являются наиболее перспективным направлением развития экономики. Процесс вхождения альтернативного денежного обращения в жизнь вряд ли уже можно остановить, и становится понятно, что для мирового рынка целесообразнее было бы придать цифровой валюте юридический статус. В данном случае оборот криптовалюты станет контролируемым, что позволит избежать многих угроз: отмывание незаконных доходов, финансирование терроризма, размывание налоговой базы [12].

На сегодня феномен криптовалюты в русле гражданского права в России изучен крайне мало, настолько, что нет возможности говорить об устоявшихся дефинициях. Тем временем, начинать нужно именно с формирования понятийного аппарата. Что такое криптовалюта: товар, альтернативные деньги, средство обмена или платежа? Эти вопросы пока не решены и правовой статус криптоденег не закреплён в законодательстве. Соответственно и их правоприменение сопряжено с массой ограничений, проблем и угроз. Не вызывает сомнений, что решение вопросов правового регулирования оборота цифровой валюты должно реализовываться с привлечением ведущих научных концепций и исходя из публичных целей государства.

Отметим, что внедрение новейших технологий криптоэкономики – смарт контракты, блокчейн, майнинг и криптовалюта – для большинства обывателей пока еще недостаточно изученная сфера, хотя и ставшая обыденной реальностью. Широкое распространение подобных технологий безусловно вызывает повышенный интерес граждан, но отсутствуют четкие представления о сущности этих явлений, насколько они правомерны, как работает майнинг, насколько защищены их персональные данные, подлежат ли налогообложению электронные сделки – на эти вопросы у большинства пользователей ответов нет. Данный факт лишь подчеркивает необходимость скорейшего разрешения правовой неопределенности этих и других цифровых феноменов [13].

Итак, в самом общем виде нами были освещены основные тенденции развития цифровой экономики с точки зрения правового регулирования. Безусловно, мы ограничены форматом статьи и представленный обзор не дает полного представления о состоянии и проблемах правового института в ситуации опосредования им глобальных экономических процессов. Мы лишь точно коснулись наиболее значимых аспектов и ключевых направлений развития цифрового права в реали-

ях цифровизации отечественной экономики. Очевидно одно – повсеместная интеграция цифровых технологий в общественные процессы является фактором, формирующим как новые возможности, так и множественные риски, сопровождающиеся неопределенностью, противоречивостью, весьма затруднительными с точки зрения какой-либо прогностики. В этой связи первоочередной задачей является трансформация правового института России в соответствии с требованиями новой действительности.

Резюмируя вышесказанное отметим, что наиболее актуальными проблемами цифровой экономики сегодня являются отсутствие адекватной нормативно-правовой базы, которая могла бы стать фундаментом ее развития. Цифровизация в нашей стране находится в стадии становления, что обуславливает дефицит устойчивых регулирующих механизмов в сфере правового сопровождения экономического развития. Правовой институт требует модернизации, с учетом сложившихся реалий цифрового мира. Прежде всего, важно сформировать единый подход к пониманию сущности цифровой экономики. Открытым остается вопрос о правовом статусе криптовалюты. Требуется разработка правовых основ, регламентирующих использование биткоинов в России.

Считаем важным отметить, что правовое опосредование процессов цифровой экономики, необходимо выстраивать путем комплексного подхода к цифровым правоотношениям, как новой форме социотехнического взаимодействия, где цифровые технологии важно рассматривать не только через призму их технической составляющей, а в качестве одного из элементов экосистемы, состоящей из субъектов, объектов и связей между ними. Реализация такого рода задач должна основываться исключительно на новейших научных концепциях и технологических разработках.

Литература

1. Абдулаева Э.С. Развитие этнокультурных ценностей в условиях современного социума // Известия Чеченского государственного университета. 2022. № 1 (25). С. 110–114. 2.
2. Хабриева Т. Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102
3. Мышко Ф. Г., Васильева К.В., Попов В.В., Стрельникова И.А. Тенденции правового регулирования гражданских и конкурентных отношений в сфере цифровой экономики // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. – с. 155–159
4. Negroponte N. Being Digital. NY: Knopf, 1995
5. Пашенцев Д.А. Основные направления влияния современных цифровых технологий на развитие права // Право и образование. 2019. № 7. С. 7.
6. Василенко В.Н. Цифровая экономика: концепции и реальность // Информационные кластеры в цифровой экономике: теория и практика: труды научно-практической конференции с международным участием 17–22 мая 2017 г. / под ред. д-ра экон. наук, проф. А.В. Бабкина. СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2017
7. Основные тренды развития цифровой экономики в финансовой сфере. Правовые аспекты регулирования и практического применения. – М.: Издание Государственной Думы, 2019. – 160 с.
8. О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей ГК РФ: Федеральный закон № 34-ФЗ от 18 марта 2019 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 22.09.2022)
9. Городов О. А., Егорова М.А. Основные направления совершенствования правового регулирования в сфере цифровой экономики в России. // Право и цифровая экономика. 2018. № 1. (01). С. 6–12.
10. Татарина С.С. Цифровая экономика и право: новые вызовы – новые перспективы // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 3. – с. 62–66.
11. Тихомиров Ю. А., Кичигин Н.В., Цомартова Ф.В., Бальхаева С.Б. Право и цифровая информация // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 4–23.
12. Халин В. Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 47
13. Талапина Э.В., Южаков В.Н. и др. Оборот данных в государственном управлении: перспективы правового регулирования. М.: Дело, 2020. 244 с.

LEGAL REGULATION OF THE ECONOMIC SPHERE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Kakharov A.S.

Kadyrov Chechen State University

The key concepts related to the phenomenon of global digitalization and transformation of the system of legal regulation in the conditions of digitalization are considered. Attention is focused on the need to form such a regulatory framework that is able to respond in a timely and effective manner to the dynamics of social processes, ensuring legal regulation of any spheres of social life in accordance with the new requirements of the time. It takes into account the fact that in the conditions of digitalization, the legal institution functions not only as a tool for adapting economic spheres to a new situation, but also undergoes large-scale transformations that determine its new forms and mechanisms.

The presented review reflects the problems and shortcomings faced by the Russian legal system in the context of the new digital reality. To date, the legal mediation of the majority of “digitized” industries does not have a sufficiently stable base that could ensure stable interaction of the legal institution with other spheres of social existence. In particular, there are discrepancies in the very understanding of such categories as “digitalization”, “digital economy”, “legal technologies”, etc. Along with this, there is a lag and uneven development of legal mechanisms in various sectors of the economy. There is an objective need to improve the legal system in the context of digitalization and identify key prospects for further development and integration of Russia into the global space.

Keywords: economics, law, technology, digitalization, transformation.

References

1. Abdulayeva E.S. The development of ethno-cultural values in the conditions of modern society // *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. No. 1 (25). pp. 110–114.
2. Khabrieva T. Ya., Montenegro N.N. Pravo in the conditions of digital reality // *Journal of Russian Law*. – 2018. – No. 1. – pp. 85–102
3. Myshko F.G., Vasilyeva K.V., Popov V.V., Strelnikova I.A. Trends in legal regulation of civil and competitive relations in the field of digital economy // *Bulletin of Economic Security*. 2019. No. 1. – pp. 155–159
4. Negroponte N. *Being Digital*. NY: Knopf, 1995
5. Pashentsev D.A. The main directions of the influence of modern digital technologies on the development of law // *Law and education*. 2019. No. 7. p. 7.
6. Vasilenko V.N. Digital economy: concepts and reality // *Information clusters in the digital economy: theory and practice: proceedings of a scientific and practical conference with international participation on May 17–22, 2017 / edited by Dr. of Economics, prof. A.V. Babkin*. St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnic University. un-ta, 2017
7. The main trends in the development of the digital economy in the financial sector. Legal aspects of regulation and practical application. – M.: Publication of the State Duma, 2019. – 160 p.
8. On Amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 34-FZ of March 18, 2019 URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (accessed: 09/22/2022)
9. Gorodov O. A., Egorova M.A. The main directions of improving legal regulation in the field of digital economy in Russia. // *Law and Digital Economy*. 2018. No. 1. (01). pp. 6–12.
10. Tatarinova S.S. Digital economy and law: new challenges – new prospects // *Legal Bulletin of Samara University*. 2017. No. 3. – pp. 62–66.
11. Tikhomirov Yu. A., Kichigin N.V., Tsomartova F.V., Balkhaeva S.B. Law and digital information // *Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2021. No. 2. pp. 4–23.
12. Khalin V. G., Chernova G.V. Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks // *Managerial consulting*. 2018. No. 10. p. 47
13. Talapina E. V., Yuzhakov V.N. et al. *Data turnover in public administration: prospects of legal regulation*. Moscow: Delo, 2020. 244 p.

Искусственный интеллект в системе рассмотрения и разрешения гражданско-правовых споров: опыт Республики Колумбия

Купчина Екатерина Валентиновна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов
E-mail: belousova_ev@pfur.ru

Масштаб, распространение и скорость изменений, вызванных появлением новых технологий во всем мире в настоящее время являются беспрецедентными. Государственные учреждения в большинстве юрисдикций проводят работу по активному изучению того, как цифровые технологии могут сделать их работу более эффективной, действенной и способной реагировать на изменения, которые принесла в общество четвертая промышленная революция. В свою очередь, системы государственных служб должны оперативно реагировать на конкретные потребности и запросы, возникающие в обществе и предлагать эффективные решения. Подобная ситуация и стремительное развитие цифровых технологий ставит возможности применения искусственного интеллекта в различных государственных секторах на передний край науки.

Сектор государственных услуг предполагает принятие новой парадигмы: от цифровой модели к модели гибридного интеллекта, в котором человеческий интеллект сочетается с искусственным интеллектом. Это подразумевает двойной вызов, основанный на переосмыслении существующих стратегий и связанный с переходом государств к модели: информационные шаблоны – искусственный интеллект – человек.

Основными задачами, решаемыми в рамках настоящего исследования, являются: определение существующих подходов к интеграции и управлению технологиями искусственного интеллекта в системе рассмотрения и разрешения гражданско-правовых споров государственными судами в Республике Колумбия. Проводится анализ работы существующих в судебной системе страны программ и форм искусственного интеллекта. В результате проведенного исследования, автором сделаны выводы о происходящей в стране цифровой трансформации судебной системе, основанной на технологии искусственного интеллекта. Установлено, что, внедрение технологии искусственного интеллекта способствует оптимизации, развитию и продвижению цифровых технологий в системе гражданского судопроизводства, что способствует повышению эффективности работы судов.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, машинное обучение, прогнозируемое кодирование.

Введение

Широкое использование технологий искусственного интеллекта (Artificial Intelligence – AI), особенно в формах, связанных с машинным обучением и прогнозируемым кодированием, стали одними из самых актуальных вопросов перед современными научными сообществами [1; с. 696]. Практически безграничный потенциал применения данной технологии позволяет использовать AI в любой сфере. В современной системе отправления правосудия технологии искусственного интеллекта также нашли свое применение, став одним из наиболее эффективных судебных инструментов. При рассмотрении и разрешении споров гражданско-правового характера судьям и работникам суда приходится иметь дело с большими объемами информации и данных. Искусственный интеллект позволяет обрабатывать и систематизировать информацию, помогает делать выводы, генерировать закономерности и прогнозировать исход судебного разбирательства за меньшее время и, зачастую, более эффективно [2; с. 65]. Существующая практика применения искусственного интеллекта судами в различных юрисдикциях позволяет говорить о том, что данная технология может оказывать влияние как на внутреннюю организацию системы отправления правосудия в целом, так и на ее отдельные части, делая процесс разрешения споров более доступным, прозрачным и гибким.

Однако внедрение и реализация искусственного интеллекта и его передовых технологий, основанных на машинном обучении и прогнозируемом кодировании, могут создавать некоторые риски для судебных систем. В первую очередь к ним относятся неправильное использование этих систем, основанное на незнании основных алгоритмов их действия, а также безответственности и отсутствии необходимой квалификации у лиц, принимающих решения [3]. Эти проблемы касаются не только системы рассмотрения и разрешения споров государственными судами – они являются общими для большинства отраслей, где применяется технология AI.

Тем не менее, существуют отличительные черты функционирования судебных органов, их нормативной и культурной среды, что несомненно накладывает свой отпечаток на особенности применения цифровых судебных инструментов, в том числе искусственного интеллекта. В первую очередь современные технологии помогают информировать, поддерживать и консультировать участников судебного разбирательства, а также могут

«Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00276».

изменить работу судей и обеспечивают самые разные формы правосудия.

До настоящего времени ни в судебной практике, ни в правовой доктрине не существует единого подхода к AI как к инструменту для решения задач, стоящих перед судебными системами в различных юрисдикциях. Однако существует некий консенсус, что наиболее сложные задачи, связанные с анализом и обработкой большого объема данных, а также вопросов, в которых не существует четкого регулирования, могут быть решены с помощью автоматизированных систем [4]. Большинство стран были разработаны национальные цифровые стратегии, направленные на поддержание и развитие цифровых технологий. Колумбия является одной из немногих стран Азиатско-Тихоокеанского региона, включившая конкретную цифровую стратегию для судебной сферы в 2020 году [5]. Существующие инициативы по внедрению технологий искусственного интеллекта в системы рассмотрения и разрешения споров государственными судами в Колумбии преимущественно исходят от судов высших инстанций, во многом реагируя на вызовы, возникшие в результате пандемии COVID-19.

Основные системы и формы искусственного интеллекта в системе гражданского судопроизводства Республики Колумбия

Возможность использования цифровых технологий судами Колумбии появилась еще в конце прошлого века. В соответствии со статьей № 95 Закона № 270 от 1996 года было установлено, что суды должны прилагать усилия для внедрения новых технологических достижений в службы отправления правосудия. Кроме того, Закон 270 признал юридическую силу документов, оформленных с помощью электронных средств [6]. Это положение было расширено Общим процессуальным кодексом Колумбии (Código General del Proceso – CGP), принятым в 2012 году. В соответствии со статьей 103 CGP «все судебные разбирательства должны предусматривать использование информационных технологий и связи в управлении и обработке судебных процессов, чтобы облегчить и ускорить доступ к правосудию, а также расширить его охват. Судебная система должна иметь механизмы, позволяющие генерировать, архивировать и передавать сообщения данных» [7].

В системе государственных органов Колумбии активно используется несколько систем искусственного интеллекта. Одним из инструментов, оказывающих содействие участникам процесса при разрешении корпоративных споров, является SIARELIS (Sistema con bases de Inteligencia Artificial para la Resolución de Litigios Societarios). Данная система была внедрена в 2018 году Управлением промышленности и торговли Колумбии (Superintendencia de Industria y Comercio) [8; с. 52]. В основе данного проекта лежит опыт Лаборатории киберправосудия Университета Монреаля в Канаде. SIARELIS оказывает помощь в поиске решений (как

для судьи, так и для сторон), основанных на различных характеристиках аналогичного судебного процесса. В настоящее время система применяется при рассмотрении корпоративных споров по следующим вопросам:

- признание неэффективности требований;
- злоупотребление правом голоса;
- вопросы ответственности директоров компаний;
- проколы корпоративной вуали;
- оспаривание решений акционеров или совета директоров.

SIARELIS осуществляет подбор соответствующей судебной практики, применяемой к конкретной правовой проблеме, тем самым упрощая исследование прецедентов. Также SIARELIS запрашивает определенную информацию о фактах дела и автоматически выдает заключение [9; с. 135]. Кроме того, система при помощи прогнозируемого кодирования позволяет строить прогнозы для участников спора о том, удовлетворит ли судья заявленные требования, а также показывает наиболее актуальные постановления, вынесенные в прошлом по аналогичным делам. Ответ SIARELIS является конкретным и отвечает только на судебную историю, имеющую отношение к данному конкретному делу. Судьи могут использовать ее для обоснования своего окончательного решения.

Еще одним судебным инструментом, основанном на технологии искусственного интеллекта, является Prometea. Эта система была создана в Аргентине на кафедре искусственного интеллекта Университета Буэнос-Айреса. Конституционный суд Колумбии является первым пространством, в котором Prometea активно применяется верховным судом [10].

В частности, Prometea выполняет следующие функции:

- интеллектуальное обнаружение: считывает и определяет группу срочных дел, требующих приоритетного внимания;
- осуществляет умную поддержку – выдает подробные статистические отчеты;
- автоматизацию документов;
- интеграцию с блокчейн;
- расширенную систематизацию судебной практики.

Основная функция Prometea заключается в систематизации и отборе дел, поступающих в Конституционный суд, а также на основе критериев, установленных судьей. Prometea может читать, анализировать, обнаруживать и предлагать приоритетные и неотложные случаи. Кроме того, система может читать тысячи судебных решений, вынесенных более чем 4000 судей со всей страны [11]. Внедрение данной технологии позволило существенно сократить сроки на подготовку и рассмотрение дел, а также оптимизировать внутренний функционал суда.

Prometea имеет интуитивно понятный и дружелюбный интерфейс, который позволяет вам «общаться» с системой в чате, в том числе с помощью

функции распознавания естественного языка. Кроме того, система использует методы контролируемого машинного обучения и кластеризации, основанные на ручной и машинной маркировке обучающими наборами данных.

Условно функции Prometea можно разделить несколько групп:

- **Smart Assistance.** Система искусственного интеллекта включает в себя передачу знаний и процессов для развития алгоритмов работы, существенно ускоряя процессы работы и сокращая процент ошибок. В данном случае дополнительный функционал будет зависеть от выбранной задачи, рассматриваемой организации и прикладного программирования. Эффективность работы системы значительно повышается, если пользователем соблюдается последовательность действий, а также производятся необходимые пробы. Помимо этого, умный помощник Prometea осуществляет поиск и подбор нормативной базы, а также судебных прецедентов по конкретным делам; создает отчеты и строит сравнительные графики; предупреждает пользователя о неправильном вводе данных; отправляет уведомления; обращается к интернет-сайтам, не открывая несколько вкладок.
- **Автоматизация.** Концепция автоматизации имеет различные нюансы в зависимости от множества переменных. Процессы автоматизации можно также условно разделить на две группы: полная автоматизация – алгоритмы автоматически связывают данные и информацию с документами. Все документы формируются без участия пользователя. Автоматизация с минимальным вмешательством пользователя – пользователь незначительно корректирует созданный системой документ с целью его окончательной обработки или повышения его значимости.
- **Интеллектуальное обнаружение и классификация.** Это одна из наиболее сложных задач, которая достигается при помощи контролируемых методов машинного обучения. Обнаружение начинается со чтения и анализа большого объема информации, в котором Prometea может идентифицировать документы на основе нескольких комбинаций и критериев, которым она была обучена. С точки зрения программирования, Prometea использует один символ или группу символов для интеллектуального обнаружения. Например, в случае с судебными делами, произведенной сегментацией могут быть либо требования, удовлетворенные одной стороной, либо требования, отклоненные другой. Чем точнее пользователь укажет ключевые слова для осуществления поиска, тем большее количество документов будет охвачено системой.
- **Прогнозирование** – самая сложная функция, которую осуществляет Prometea. Принцип работы в данном случае заключается в работе од-

ного или нескольких алгоритмов, которые раскрывают множество данных, чтобы установить закономерности, которые, в свою очередь, переводятся в прогнозы. Основу обучения работы алгоритмов составляют шаблоны, выявленные в предыдущих случаях. При вводе данных (например, номера дела) производится идентификация, анализ и сравнение с аналогичными случаями. В отличие от интеллектуального обнаружения, прогнозирование предполагает чтение документа, над которым в данный момент ведется работа, и сравнение его с документами, подготовленными ранее. В случае совпадения фактических обстоятельств в сравниваемых документах Prometea предлагает такое же решение. Prometea отслеживает решения предыдущих судебных инстанций среди более чем 300 000 документов, находящихся в цифровых базах данных, а затем сравнивает их с собственной базой данных. Результатом этого процесса является получение решения по судебному делу менее чем за 20 секунд с точностью прогноза 96% [12]. Контроль за правильностью принятого решения осуществляется человеком.

Решения, принятые искусственным интеллектом, должны быть прозрачными, то есть должно существовать «понятное объяснение» критериев, на которых они основаны. В этом смысле все алгоритмы, которые использует Prometea, прослеживаемы – шаг за шагом можно проследить последовательность действий, которые, в конечном счете, привели к тому или иному результату.

Заключение

Факт создания технологии искусственного интеллекта, безусловно, является продуктом науки, однако процессы интеграции данной технологии, а также идеи по оптимизации процессов, основанных на функционале AI, в различных секторах человеческих отношений являются частью исторического процесса.

Система судопроизводства Республики Колумбия сделала шаг вперед по внедрению современных цифровых судебных инструментов, разработав и используя различные типы AI. Несомненно, что процессы интеграции технологии искусственного интеллекта не будут остановлены на достигнутом результате, а будут продолжать расширяться и совершенствоваться на основе более сложных и продвинутых форм и алгоритмов. Законодательная власть уже рассматривает ряд мер по модернизации институциональной инфраструктуры государства и открыта для принятия передовых технологий в правосудии [13]. Однако внедрение искусственного интеллекта в систему рассмотрения и разрешения гражданско-правовых споров Колумбии – это переходный процесс, который все еще находится на ранней стадии.

Тем не менее, путь, выбранный Колумбией, с точки зрения цифровой трансформации системы отправления правосудия, позволяет позициони-

ровать страну как одну из стран, которые добились наибольшего прогресса в подготовке к искусственному интеллекту.

Литература

1. Rusakova, E. P., Frolova E.E. Digital disputes in the new legal reality // RUDN Journal of Law. – 2022. – Vol. 26. – No 3. – P. 695–704. – DOI 10.22363/2313–2337–2022–26–3–695–704.
2. Купчина, Е.В. Применение технологии искусственного интеллекта в системе гражданского судопроизводства США // Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20. – № 4. – С. 63–71. – DOI 10.15688/с.ж.юв.2021.4.8.
3. CEVASCO L., CORVALÁN J., LE FEVRE E., Artificial Intelligence and Work – Building a New Employment Paradigm., Imodev, Astrea, DPI Cuántico, 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ojs.imodev.org/index.php/RIGO/article/view/309> (Дата обращения 10.12.2022)
4. Castaño D. «La gobernanza de la Inteligencia Artificial en América Latina: entre la regulación estatal, la privacidad y la ética digital» // CETyS and Universidad de San Andrés. 2020. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://guia.ai/wp-content/uploads/2020/07/Casta%3%B1o-La-gobernanza-de-la-Inteligencia-Artificial-en-America-Latina_compressed.pdf (Дата обращения 05.12.2022)
5. Expediente electrónico y dimencionamiento para la transformación digital judicial 2020. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.ramajudicial.gov.co/documents/10228/35666503/INFORME+TRANSFORMACION+DIGITAL+RAMA+JUDICIAL..PDF/53701101-e30c-466b-841a-98faf9fce8e9> (Дата обращения 07.12.2022)
6. CONGRESO DE LA REPÚBLICA LEY 270 DE 1996. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.oas.org/juridico/spanish/mesicic2_col_ley_270_sp.pdf (Дата обращения 10.12.2022)
7. CODIGO GENERAL DEL PROCESO. LEY 1564 DE 2012. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.cvc.gov.co/sites/default/files/Normatividad/Nacional/Leyes/Ley-1564-jul-12-2012-Codigo-General-del-Proceso.pdf> (Дата обращения 10.12.2022)
8. DANIEL CASTAÑO. ANALYTICAL AND EXPLORATORY FRAMEWORK – REPUBLIC OF COLOMBIA. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cetys.lat/wp-content/uploads/2021/09/colombia-ENG.pdf> (Дата обращения 10.12.2022)
9. Caballero Martínez Jhon (2019). «La convergencia tecnológica al servicio de la lucha anticorrupción» // La Propiedad Inmaterial. Universidad Externado de Colombia. 2019. № 28, pp. 139–165. DOI 10.18601/16571959. No. 28.05
10. Redacción Judicial. Prometea, la nueva tecnología para la selección de tutelas en la Corte Constitucional. El Espectador. 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: [tador.com/noticias/judicial/prometea-la-nueva-tecnologia-para-seleccion-de-tutelas-en-lacorte-constitucional-articulo-838034 \(Дата обращения 05.12.2022\)](https://www.elespec-</div><div data-bbox=)

11. Giraldo Gómez J. Prometea: ¿debe rediseñarse el proceso de selección de tutelas en la Corte Constitucional? *Ámbito Jurídico*. 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.ambitojuridico.com/noticias/informe/constitucional-y-derechos-humanos/prometea-deberedisenarse-el-proceso-de> (Дата обращения 05.12.2022)
12. Rivadaneira J.C. Prometea, inteligencia artificial para la revisión de tutelas en la Corte Constitucional. *Ámbito Jurídico*. 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.ambitojuridico.com/noticias/informe/constitucional-y-derechos-humanos/prometea-inteligencia-artificial-para-la> (Дата обращения 05.12.2022)
13. Kuziemski Maciej and Gianluca Misuraca. «AI Governance in the Public Sector: Three Tales from the Frontiers of Automated Decision-Making in Democratic Settings» // *Telecommunications Policy, Artificial intelligence, economy and society*. 2020. № 44 (6): 101976. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.tel-pol.2020.101976>. (Дата обращения 10.12.2022)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE SYSTEM OF CONSIDERATION AND RESOLUTION OF CIVIL DISPUTES: THE EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF COLOMBIA

Kupchina E.V.
Peoples' Friendship University of Russia

The scale, spread, and speed of change brought about by the advent of new technologies around the world is currently unprecedented. Government agencies in most jurisdictions are actively exploring how digital technologies can make their work more efficient, effective, and able to respond to the changes that the fourth industrial revolution has brought to society. In turn, public service systems must respond quickly to the specific needs and demands that arise in society and offer effective solutions. This situation and the rapid development of digital technologies puts the possibilities of applying artificial intelligence in various government sectors to the forefront of science. The public service sector assumes the adoption of a new paradigm: from a digital model to a hybrid intelligence model, in which human intelligence is combined with artificial intelligence. This implies a double challenge based on the rethinking of existing strategies and associated with the transition of states to the model: information templates – artificial intelligence – human. The main tasks to be solved within the framework of this study are: to determine the existing approaches to the integration and management of artificial intelligence technologies in the system of consideration and resolution of civil disputes by state courts in the Republic of Colombia. The analysis of the work of programs and forms of artificial intelligence existing in the judicial system of the country is carried out. As a result of the study, the author made conclusions about the digital transformation of the judicial system in the country, based on artificial intelligence technology. It has been established that the introduction of artificial intelligence technology contributes to the optimization, development and promotion of digital technologies in the civil justice system, which helps to increase the efficiency of the courts.

Keywords: digitalization, artificial intelligence, machine learning, predictive coding.

References

1. Rusakova, E. P., Frolova E.E. Digital disputes in the new legal reality // RUDN Journal of Law. – 2022. – Vol. 26. – No 3. –

- P. 695–704. – DOI 10.22363/2313–2337–2022–26–3–695–704.
2. Kupchina, E.V. The use of artificial intelligence technology in the US civil justice system // Legal Paradigm. – 2021. – T. 20. – No. 4. – S. 63–71. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2021.4.8.
 3. CEVASCO L., CORVALÁN J., LE FEVRE E., Artificial Intelligence and Work – Building a New Employment Paradigm., Imodev, Astrea, DPI Cuántico, 2019. [Electronic resource] Access mode: <http://ojs.imodev.org/index.php/RIGO/article/view/309> (Accessed 12/10/2022)
 4. Castaño D. “La gobernanza de la Inteligencia Artificial en América Latina: entre la regulación estatal, la privacidad y la ética digital” // CETyS and Universidad de San Andrés. 2020. [Electronic resource] Access mode: https://guia.ai/wp-content/uploads/2020/07/Casta%C3%B1o-La-gobernanza-de-la-Inteligencia-Artificial-en-America-Latina_compressed.pdf (Accessed 05.12.2022)
 5. Expediente electrónico y dimencionamiento para la transformación digital judicial 2020. [Electronic resource] Access mode: <https://www.ramajudicial.gov.co/documents/10228/35666503/INFORME+TRANSFORMACI%C3%92N+DIGITAL+RAMA+JUDICIAL..PDF/53701101-e30c-466b-841a-98faf9fce8e9> (Accessed 07.12.2022)
 6. CONGRESO DE LA REPÚBLICA LEY 270 DE 1996. [Electronic resource] Access mode: http://www.oas.org/juridico/spanish/mesic2_col_ley_270_sp.pdf (Accessed 10.12.2022)
 7. CODIGO GENERAL DEL PROCESO. LEY 1564 DE 2012. [Electronic resource] Access mode: <https://www.cvc.gov.co/sites/default/files/Normatividad/Nacional/Leyes/Ley-1564-jul-12-2012-Codigo-General-del-Proceso.pdf> (Accessed 10.12.2022)
 8. DANIEL CASTAÑO. ANALYTICAL AND EXPLORATORY FRAMEWORK – REPUBLIC OF COLOMBIA. [Electronic resource] Access mode: <https://cetys.lat/wp-content/uploads/2021/09/colombia-ENG.pdf> (Accessed 10.12.2022)
 9. Caballero Martínez Jhon (2019). “La convergencia tecnológica al servicio de la lucha anticorrupción” // La Propiedad Inmaterial. Universidad Externado de Colombia. 2019. No. 28, pp. 139–165. DOI 10.18601/16571959. no. May 28
 10. Redacción Judicial. Prometea, la nueva tecnología para la selección de tutelas en la Corte Constitucional. El Espectador. 2019. [Electronic resource] Access mode: <https://www.elespectador.com/noticias/judicial/prometea-la-nueva-tecnologia-para-seleccion-de-tutelas-en-lacorte-constitucional-articulo-838034> (Date appeals 05.12.2022)
 11. Giraldo Gómez J. Prometea: ¿debe rediseñarse el proceso de selección de tutelas en la Corte Constitucional? Ambito Jurídico. 2019. [Electronic resource] Access mode: <https://www.ambitojuridico.com/noticias/informe/constitucional-y-derechos-humanos/prometea-deberedisenarse-el-proceso-de> (Accessed 05.12.2022)
 12. Rivadaneira J.C. Prometea, inteligencia artificial para la revisión de tutelas en la Corte Constitucional. Ambito Jurídico. 2019. [Electronic resource] Access mode: <https://www.ambitojuridico.com/noticias/informe/constitucional-y-derechos-humanos/prometea-inteligencia-artificial-para-la> (Accessed 12/05/2022)
 13. Kuziemiński Maciej and Gianluca Misuraca. “AI Governance in the Public Sector: Three Tales from the Frontiers of Automated Decision-Making in Democratic Settings” // Telecommunications Policy, Artificial intelligence, economy and society. 2020. No. 44 (6): 101976. [Electronic resource] Access mode: <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2020.101976>. (Accessed 10.12.2022)

К вопросу о характеристике предмета договоров на выполнение НИОКР

Лобзов Александр Владимирович,

аспирант кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета
E-mail: av.lobzov@mail.ru

В целях выявления особенностей предмета договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (далее – НИОКР) в статье исследуются устанавливаемые законодательством положения, регулирующие возникающие при их выполнении отношения, анализируются предлагаемые отечественными учеными характеристики предмета договора на выполнение НИОКР.

Автором обосновывается вывод о том, что выделение договоров на выполнение НИОКР в качестве отдельной категории договоров в гражданском праве предопределяется особенностями опосредуемой такими договорами деятельности, спецификой которой является ее в значительной степени творческий, интеллектуальный характер, способный приводить к возникновению нуждающихся в правовой охране результатов интеллектуальной деятельности.

Автором доказывается, что именно возможность возникновения в результате выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ результатов интеллектуальной деятельности, нуждающихся в особой правовой охране, важность обеспечения правовой охраны таких результатов для сторон договора, можно рассматривать в числе основных причин выделения договоров на выполнение НИОКР в отдельную категорию, предопределяющих их отличие от иных договоров выполнения работ и договоров оказания услуг, в том числе связанных с оказанием информационных или консультационных услуг.

Ключевые слова: автор, НИОКР, договор на выполнение НИОКР, правообладатель, результаты интеллектуальной деятельности, инновации.

В отечественном законодательстве традиционно уделяется особое внимание правовой регламентации отношений, связанных с выполнением НИОКР, данным вопросам посвящена отдельная Глава 78 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в соответствии с которой договоры на выполнение НИОКР рассматриваются как отдельный вид гражданско-правовых договоров (статьи 769–778 ГК РФ).

Вопросы заключения и исполнения договоров в сфере НИОКР неоднократно становились предметом научного рассмотрения, в том числе в трудах А.В. Атамая [2], Е.Г. Баклановой [5], Е.М. Жамойдика [9], И.В. Закржевской [10], А.В. Кузнецова [16], А.В. Ландина [18], Д.А. Полякова [19], С.Э. Рябова [20] и др. Однако рассматриваемые проблемы при этом были ограничены тематикой проводимых исследований. Для того, чтобы обеспечить дальнейшее совершенствование законодательства, регламентирующего вопросы выполнения НИОКР, порядок и условия использования и коммерциализации их результатов, необходимо найти решения, гарантирующие рост определенности правового регулирования отношений, связанных с выполнением НИОКР, с закреплением прав на их результаты, порядком и условием использования таких результатов, в том числе с соблюдением баланса между различными категориями заинтересованных лиц.

Проведение научных исследований, новых технологических разработок и иной деятельности в сфере научно-технического творчества невозможно без использования устойчивых договорных форм, с помощью которых стороны, осуществляющие такую деятельность, могут регулировать свои отношения, закреплять права и обязанности как при проведении НИОКР, так и в отношении использования их результатов, устанавливать или ограничивать ответственность за нарушение договорных обязательств.

В научной литературе отсутствует единое понимание предмета договоров на выполнение НИОКР [11, С. 112]. Согласно пункту 1 статьи 769 ГК РФ в соответствии с договором на выполнение НИОКР исполнитель обязуется провести научные исследования, предусмотренные полученным от заказчика техническим заданием, в соответствии с договором на выполнение ОКР или технологических работ исполнитель принимает на себя обязательства по разработке образца нового изделия, разработке новой технологии, а также разработке технической и (или) конструкторской документации на такой образец или технологию.

Данное определение содержит внутреннее противоречие, характеризуя предмет договора на вы-

полнение НИОКР через описание действий, совершить которые обязуется исполнитель («провести исследования», «разработать»). При этом в приведенном выше определении отсутствует определение ожидаемого результата для случаев выполнения НИР и определяется сложный составной результат для ОКР и технологических работ (образцы изделий, технологии, документация).

Таким образом, если для последних результат работ может быть охарактеризован как совокупность указанных объектов в различных возможных сочетаниях, то для НИР конкретный материальный результат может отсутствовать, значение имеет прежде всего сам процесс выполнения и, что более характерно для договора оказания услуг, чем для договора выполнения работ. На практике в заключаемых договорах в качестве результата НИОКР часто определяют отчет, содержащий описание проведенной НИОКР и ее результатов, причем в качестве результата проведения ОКР или технологических работ в договорной практике также может выступать отчет, содержащий документацию, позволяющую изготовить образец, реализовать новую технологию и т.д.

Неоднородность содержания положений, регулирующих договорные отношения при выполнении НИОКР, создала предпосылки для различных подходов к определению предмета заключаемых договоров, который может рассматриваться как результат, получаемый в ходе выполнения предусмотренных договором работ, либо как сами выполняемые работы (проводимые исследования и т.п.) с учетом свойственной им специфики, либо как совокупность таких работ и получаемого вследствие их выполнения результата [8, С. 190–191].

И.В. Закржевской предлагается различным образом определять предмет договора, характеризуя его для случаев выполнения НИР как услугу, а для остальных случаев как некий достигаемый результат [11, С. 12–113]. Целесообразность такого подхода вызывает сомнение, так как договоры на выполнение НИОКР традиционно рассматриваются в качестве единой категории, имеют ряд общих характеристик, на практике часто включают положения, относящиеся как к проведению определенных исследований, так и к разработке на их основе определенных технологий, изделий или документации.

Законодательство в общем случае не делает существенных различий в регулировании отношений для различных видов НИОКР. Например, в отношении рисков случайной невозможности исполнения договора на выполнение НИОКР, заказчик несет такой риск, если иное не предусмотрено законом или договором (пункт 3 статьи 769 ГК РФ), причем данное правило распространяется на все виды НИОКР вне зависимости от превалирования научной, исследовательской, творческой или технической составляющей. Особое внимание, уделяемое проблемам, связанным с выполнением НИОКР на основании государственных контрактов [5], объясняется не особенностями выполняемых при

этом работ, а спецификой, связанной с источником их финансирования, а также принадлежности прав на получаемые в ходе их проведения результаты.

Предложенное И.В. Закржевской деление рассматриваемой категории договоров на договоры на выполнение НИР, результатами которых могут выступать услуги по их проведению, и договоры на выполнение опытно-конструкторских или технологических работ, нацеленных на получение определенных результатов таких работ [11, С. 112] трудновыполнимо на практике, так как договоры в сфере НИОКР нередко опосредуют сложные, комплексные отношения, делятся на несколько разнородных этапов и включают в себя положения, относящиеся к различным видам договоров в разных сочетаниях.

В связи с этим дальнейшее дробление договоров на выполнение НИОКР на подкатегории может создать сложности при выборе договорного регулирования для конкретных практических ситуаций и определению применимых положений законодательства в правоприменительной практике. Для устранения отмеченных выше противоречий, связанных с неопределенностью материального результата выполнения НИР, представляется возможным рассматривать в качестве результата НИР результаты, полученные в ходе ее проведения и содержащиеся в представляемом по итогам выполнения НИР отчете, так как именно такие результаты можно рассматривать в качестве цели ее выполнения.

В.В. Витрянский охарактеризовал понятие «предмет договора» как совокупность действий, обязательства по совершению которых принимает на себя обязанная сторона» [7, С. 22]. Данная характеристика вступает в противоречие с отмеченными выше попытками включения в понятие предмет договора достигаемого в результате его выполнения результата, но не исключает рассмотрения таких результатов как итога выполнения соответствующей НИОКР.

Как было отмечено выше, с учетом специфики рассматриваемых договоров в советской и российской цивилистической науке было принято выделять их в особую категорию. Так, О.С. Иоффе полагал, что научное исследование и техническое проектирование должны рассматриваться как деятельность одновременно и техническая, и творческая, в силу чего опосредующие ее договоры, «примыкая к подрядным, в то же время выступают не только как самостоятельные, но и как особые договорные правоотношения» [13, С. 476–477]. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, поддерживая данную точку зрения, отмечали, что договоры на выполнение НИОКР имеют существенные отличия как от договоров подрядного типа, так и от договоров оказания услуг [8, С. 189–206]. Анализу особенностей рассматриваемой категории договоров посвящено значительное число публикаций [14], [15], [17].

Действительно, выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и техноло-

гических работ априори представляет собой деятельность интеллектуальную, требующей от исполнителя не просто высокой квалификации, но также приложения интеллектуальных, а в ряде случаев именно творческих усилий. Осуществление такой интеллектуальной деятельности может приводить к созданию результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД), охраняемых в соответствии с положениями части четвертой ГК РФ, включая в различных сочетаниях литературные произведения, в том числе научные произведения, выраженные в письменной форме, программы для ЭВМ, базы данных, изобретения, полезные модели, селекционные достижения, секреты производства (ноу-хау) и другие охраняемые результаты.

В настоящее время законодательство признает, что договоры на выполнение НИОКР могут включать в себя положения об отчуждении исключительных прав или предоставлении лицензий на использование РИД, но такие положения входят в них только в качестве одного из возможных элементов, не предопределяя в целом их правовую природу. Статья 772 ГК РФ исходит из того, что итогом выполнения НИОКР должны быть «результаты работ», и определяет варианты распределения прав сторон на такие результаты. Признается, что некоторые из таких результатов могут получать охрану в качестве РИД в соответствии с частью 4 ГК РФ [1].

При этом законодательство не решает вопрос о содержании прав на результаты НИОКР для случаев, когда такие результаты не получают указанной правовой охраны в качестве РИД. Как представляется, это может быть обусловлено узким пониманием РИД только как отдельных результатов творческой деятельности (произведения, изобретения). Между тем ГК РФ относит к результатам РИД в том числе такие объекты как «ноу-хау» (пункт 1 статьи 1225 ГК РФ), что позволяет распространять охрану на сохраняемые в тайне сведения о результатах в научно-технической сфере, обеспечивая также сохранение их «действительной или потенциальной коммерческой ценности» (статья 1465 ГК РФ).

Для всех видов НИОКР статья 771 ГК РФ предусматривает презумпцию конфиденциальности сведений, касающихся предмета договора на выполнение НИОКР, хода его исполнения и полученных результатов, вместе с тем устанавливая, что объем таких конфиденциальных сведений определяется в заключаемом сторонами договоре. Таким образом, результаты НИОКР в соответствии с указанной презумпцией могут рассматриваться как сохраняемые в тайне (конфиденциальные) сведения до принятия сторонами договора решения об ином и в качестве таковых пользуются правовой охраной.

Проблемы распределения прав на возникающие РИД между сторонами договора также решаются путем отсылки к положениям части 4 ГК РФ без учета специфики возникающих прав, особенностей использования получаемых научных

и технических результатов, для коммерциализации которых требуется применение особых подходов, не всегда совпадающих с общими подходами, предусмотренными основными положениями законодательства об интеллектуальной собственности [3], [6].

Ситуация с определением особенностей предмета договора на выполнение НИОКР еще более осложняется с учетом того, что договор с исполнителем НИОКР, что также отмечалось выше, может охватывать как весь цикл проведения соответствующего исследования или разработки, так и отдельные этапы или элементы такого цикла (пункт 2 статьи 769 ГК РФ). Отдельные этапы могут предусматривать различного рода деятельность исполнителя, включая как проведение творческих научных исследований, так и техническую обработку их результатов, принятие мер для обеспечения правовой охраны получаемых результатов интеллектуальной деятельности или формирование различного рода отчетов или технических заданий [12] для проведения дальнейших исследований.

При решении вопросов, связанных с созданием и использованием в процессе выполнения НИОКР объектов интеллектуальных прав, законодательство ограничивается указанием на то, что условия заключаемых при выполнении НИОКР договоров «должны соответствовать законам и иным правовым актам об исключительных правах (интеллектуальной собственности)» (пункт 4 статьи 769 ГК РФ). При этом также не делается различия для отдельных видов выполняемых НИОКР и получаемых при их выполнении РИД.

Законодательство выделяет договоры на выполнение НИОКР в качестве особой категории договоров с учетом присущей им специфики, предопределяемой особенностями деятельности, которую такие договоры призваны опосредовать. Однако определение особенностей деятельности по выполнению НИОКР через такие категории, как научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы, оказывается недостаточным для обоснования особенностей заключаемых при ее осуществлении договоров.

Важнейшей характеристикой рассматриваемой деятельности, как представляется, является ее интеллектуальный характер, в связи с чем следствием такой деятельности может становиться создание РИД. Осуществление при выполнении договоров на выполнение НИОКР интеллектуальной деятельности, способной приводить к созданию РИД, как представляется, предопределяет одно из основных отличий таких договоров от значительной части иных договоров выполнения работ и договоров оказания услуг, в том числе связанных с оказанием информационных или консультационных услуг, имеющих более прикладной характер, направленных на решение конкретных задач и не обязательно подразумевающих осуществление интеллектуальной деятельности, способной приводить к созданию новых результатов, в том числе РИД.

В связи с этим целесообразно представляется характеристика предмета договора на выполнение НИОКР как совокупности действий обязанного лица (исполнителя), направленных на выполнение закрепляемых договором обязательств, связанных с проведением научных исследований, выполнением опытно-конструкторских и технологических работ, то есть осуществлением интеллектуальной деятельности, способной приводить к созданию РИД. Именно особенности данных видов работ, выполнение которых связано с осуществлением интеллектуальной деятельности, и получаемых при их выполнении результатов, включая возможность создания РИД, позволяют выделить договоры на выполнение НИОКР в качестве отдельной категории гражданско-правовых договоров.

Выделение договоров на выполнение НИОКР в отдельную категорию предопределяется особенностями опосредуемой такими договорами деятельности, спецификой которой является ее в значительной степени творческий, интеллектуальный характер, способный приводить к возникновению пользующихся правовой охраной РИД.

Именно возможность возникновения при выполнении научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ РИД, нуждающихся в особой правовой охране, требующих обеспечения правовой охраны таких результатов для сторон договора, может рассматриваться в качестве одной из причин выделения таких договоров в отдельную категорию и одной из особенностей предмета договоров на выполнение НИОКР.

Литература

1. Алексеев В.И. Договор на выполнение НИОКР как инструмент обеспечения высокого технического уровня и охраноспособности результатов отечественных разработок // Правовая информатика. 2015. № 4. С. 40–54.
2. Атамась А.В. Государственный контракт на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М.: Всероссийская государственная налоговая академия Министерства финансов Российской Федерации, 2009. – 225 с.
3. Атамась А.В. Правовые проблемы распределения прав сторон на результаты работ, выполненных по государственному контракту на НИОКР // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 158–160.
4. Бакланова Е.Г. Гражданско-правовое регулирование государственного контракта на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ для государственных нужд в России: проблемы теории и практики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М.: Институт государства и права Российской академии наук, 2015. – 200 с.
5. Бакланова Е.Г. Правовое закрепление места государственного контракта на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, выполняемых для государственных нужд, в системе гражданских правоотношений // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. № 3 (104). С. 206–212.
6. Богачева О.В., Смородинов О.В. Закрепление прав на интеллектуальную собственность за исполнителем как важнейший инструмент стимулирования науки и инноваций. Опыт стран ОЭСР // Финансы и кредит. 2016. № 2 (674). С. 57–68.
7. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. – М.: Статут, 2000. – С. 800.
8. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – М.: Статут, 2011. – С. 1055.
9. Жамойдик К.М. Введение в гражданский оборот результатов НИОКР, выполненных по государственному заказу. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М., 2016. – 189 с.
10. Закржевская И.В. Договор на осуществление научно-исследовательской деятельности, выполнение опытно-конструкторских и технологических работ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Казанский государственный университет, 2009. – 216 с.
11. Закржевская И.В. К вопросу о предмете договоров на выполнение НИОКР // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2008. № 3 (16). С. 112–115.
12. Закржевская И.В. Является ли техническое задание существенным условием договоров на выполнение НИОКР? // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 18 (90). С. 94–97.
13. Иоффе О.С. Обязательственное право. – М.: Юридическая литература, 1975. – 880 с.
14. Кержакова Л.Г., Рабец А.П. Особенности договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ и их отличие от смежных договоров // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 76–4. С. 38–41.
15. Костенко В.В. Договоры в сфере инновационной деятельности, направленные на выполнение работ // Юрист-Правоведь. 2012. № 3 (52). С. 119–123.
16. Кузнецов А.В. Договор на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ с участием ОВД. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – СПб., 2005. – 156 с.
17. Курбанова К.Э. Особенности договора на научно-исследовательские и опытно-

конструкторские работы // *Via scientiarum – Дорога знаний*. 2019. № 3. С. 110–113.

18. Ландин А.В. Правовое регулирование научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ и охрана их результатов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М.: Российский государственный институт интеллектуальной собственности, 2008. – 251 с.
19. Поляков Д.А. Правовое регулирование договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М.: Российский государственный институт интеллектуальной собственности, 2004. – 197 с.
20. Рябова С.Э. Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих при осуществлении научно-исследовательской, конструкторской и технологической деятельности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2004. – 180 с.

ON THE CHARACTERISTICS OF THE SUBJECT OF R&D CONTRACTS

Lobzov A.V.

Southwestern State University

In order to identify the peculiarities of the subject matter of research, development and design and technological works (hereinafter referred to as R&D) contracts, the article investigates the provisions established by the legislation that regulate the relations arising during their performance, analyzes the characteristics of the subject matter of R&D contracts proposed by the domestic scientists.

The author substantiates the conclusion that the allocation of R&D contracts as a separate category of contracts in civil law is predetermined by features of the activity mediated by such contracts, which specificity is its largely creative and intellectual nature that can lead to the emergence of intellectual activity results requiring legal protection.

The author proves that it is the possibility of emergence as a result of research, development and technological work of the results of intellectual activity in need of special legal protection, the importance of ensuring legal protection of such results for the parties to the contract, can be considered among the main reasons for the allocation of such contracts in a separate category, determining their difference from other contracts of work and service contracts, including those associated with the provision of information or consulting services.

Keywords: author, R&D, R&D contract, the owner of the exclusive right, results of intellectual activity, innovation.

References

1. Alekseev V.I. R&D agreement as a tool to ensure a high technical level and protectability of the results of domestic developments // *Legal informatics*. 2015. No. 4. S. 40–54.
2. Atamas A.V. State contract for the performance of research, development and technological work in the Russian Federation.

Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. – M.: All-Russian State Tax Academy of the Ministry of Finance of the Russian Federation, 2009. – 225 p.

3. Atamas A.V. Legal problems of the distribution of the rights of the parties to the results of work performed under the state contract for R&D // *Gaps in Russian legislation*. 2008. No. 2. S. 158–160.
4. Baklanova E.G. Civil law regulation of the state contract for the performance of research, development and technological work for state needs in Russia: problems of theory and practice. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. – M.: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2015. – 200 p.
5. Baklanova E.G. Legal consolidation of the place of the state contract for the performance of research, development and technological work performed for state needs in the system of civil legal relations // *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Economy. Control. Right*. 2013. No. 3 (104). pp. 206–212.
6. Bogacheva O.V., Smorodinov O.V. Assignment of intellectual property rights to the performer as the most important tool for stimulating science and innovation. Experience of OECD countries // *Finance and credit*. 2016. No. 2 (674). pp. 57–68.
7. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book two: Treaties on the transfer of property. – M.: Statute, 2000. – S. 800.
8. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book three: Contracts for the performance of work and the provision of services. – M.: Statut, 2011. – S. 1055.
9. Zhamoydik K.M. Introduction to civil circulation of the results of R&D carried out under the state order. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. – M., 2016. – 189 p.
10. Zakrzhevskaya I.V. Contract for the implementation of research activities, the implementation of experimental design and technological work. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. – Kazan State University, 2009. – 216 p.
11. Zakrzhevskaya I.V. To the question of the subject of contracts for the performance of R&D // *Bulletin of the Omsk University. Series: Law*. 2008. No. 3 (16). pp. 112–115.
12. Zakrzhevskaya I.V. Is the terms of reference an essential condition of R&D contracts? // *Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2007. No. 18 (90). pp. 94–97.
13. Ioffe O.S. Obligation law. – M.: Legal literature, 1975. – 880 p.
14. Kerzhakova L.G., Rabets A.P. Features of contracts for the performance of research, development and technological work and their difference from related contracts // *Trends in the development of science and education*. 2021. No. 76–4. pp. 38–41.
15. Kostenko V.V. Agreements in the field of innovation activities aimed at the performance of work // *Yurist-Pravoved*. 2012. No. 3 (52). pp. 119–123.
16. Kuznetsov A.V. Contract for the implementation of research, development and technological work with the participation of the Department of Internal Affairs. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. – SPb., 2005. – 156 p.
17. Kurbanova K.E. Features of the contract for research and development work // *Via scientiarum – The road of knowledge*. 2019. No. 3. P. 110–113.
18. Landin A.V. Legal regulation of research, development and technological work and protection of their results. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. – M.: Russian State Institute of Intellectual Property, 2008. – 251 p.
19. Polyakov D.A. Legal regulation of contracts for the performance of research, development and technological work. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. – M.: Russian State Institute of Intellectual Property, 2004. – 197 p.
20. Ryabova S.E. Civil law regulation of relations arising in the course of research, design and technological activities. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. – Yekaterinburg: Ural State Law Academy, 2004. – 180 p.

Одностороннее волеизъявление и презумпция согласия при сделках с общим имуществом супругов

Лобзова Анна Васильевна,

аспирант кафедры гражданского права Юго-Западного государственного университета
E-mail: av.lobzova@mail.ru

В статье на основании проведенного анализа выделяются основные недостатки правового регулирования отношений, связанных с получением согласия супруга на распоряжение совместным имуществом.

Обосновывается необходимость дополнения положений, устанавливающих презумпцию согласия супруга на совершение сделки с общим имуществом, требованием о согласовании такой сделки и ее условий, а также положениями об ответственности второго супруга за несоблюдение этих требований. В случае нарушения требований законодательства об осуществлении прав на общее имущество супругов по их взаимному согласию ответственность за это должна возлагаться непосредственно на супруга, распорядившегося совместным имуществом без получения согласия другого супруга или вопреки его волеизъявлению. Предлагается ограничить круг сделок, в отношении которых требуется получение нотариально заверенного согласия второго супруга, а также обосновывается необходимость усиления роли государственных органов, осуществляющих регистрацию таких сделок, в обеспечении соблюдения прав и законных интересов членов семьи.

Автором обосновывается вывод о том, что при рассмотрении дел, связанных с оспариванием сделок, совершенных без согласия второго супруга, важно отойти от формального подхода, анализировать их с точки зрения экономической обоснованности, того, на что именно были направлены средства, полученные от сделок с общим имуществом супругов. Предлагаемые меры должны служить важным фактором укрепления гражданского оборота и предотвращения нарушений прав членов семьи.

Ключевые слова: волеизъявление, одностороннее волеизъявление, имущество супругов, сделка, согласие супруга, презумпция согласия супруга, семейные правоотношения.

Одним из важных направлений развития гражданского права на протяжении последних десятилетий являлся рост диспозитивного регулирования, предоставляющего каждому из участников гражданско-правовых отношений возможность реализовывать при вступлении в них собственную волю, действовать, исходя из собственного понимания своих интересов и намерений.

Распространение диспозитивного подхода применительно к имущественным семейным правоотношениям ограничено стремлением законодателя обеспечить дополнительную защиту интересов семьи, прав и законных интересов ее членов.

Положения об осуществлении прав владения, пользования и распоряжения общим имуществом супругов по их обоюдному согласию (пункт 1 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации, далее – СК РФ) в сочетании с признанием возможности заключения сделок в отношении такого имущества с одним из супругов должны были привести к росту значения односторонних волеизъявлений супругов при регулировании имущественных семейных правоотношений. Такие односторонние волеизъявления в имущественных семейных правоотношениях оказываются наиболее часто востребованы в форме согласия на совершение сделки.

Согласие супруга на совершение сделки, по мнению Е.А. Чефрановой [8, С. 8] и А.Н. Левушкина [3] должно признаваться односторонней сделкой, приводящей к возникновению возможности заключения основанной на такой сделке прав и обязанностей, в том числе связанных с приобретением или отчуждением имущества. Вывод о том, что согласие лица на совершение сделки само по себе может рассматриваться как сделка, то есть волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав или обязанностей, получил подтверждение в пункте 50 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Такое согласие является гражданско-правовой сделкой и одновременно подпадает под регулирование семейного законодательства, в связи с чем при регулировании вопросов, связанных с получением согласия супруга на совершение сделки с общим имуществом супругов, в законодательстве получили закрепление противоречивые тенденции.

С одной стороны, пунктом 2 статьи 35 СК РФ устанавливается презумпция согласия супруга

на совершение другим супругом сделки по распоряжению общим имуществом супругов. Необходимость установления такой презумпции обосновывается тем, что «в повседневной жизни каждый из супругов довольно часто совершает разнообразные сделки, а поэтому необходимость предоставления доказательств согласия другого супруга привела бы к чрезвычайному затруднению и усложнению гражданского оборота» [1, С. 193].

Презумпция согласия супруга на совершение сделки с общим имуществом признается опровержимой, однако предусматривается, что совершенная сделка может признаваться судом недействительной только в случае, если другая сторона «знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение сделки» (абзац второй пункта 2 статьи 35 СК РФ).

Таким образом, необходимость получения одним супругом согласия другого супруга на совершение сделки подменяется презумпцией наличия такого согласия в отношениях с третьими лицами. Возможность реализации одностороннего волеизъявления супруга при таких условиях сводится только к случаям наличия явной недобросовестности другой стороны сделки, доказательства чего должны предоставляться самим потерпевшим супругом. Оправданный с точки зрения оптимизации условий гражданского оборота подход оказывается явно противоречащим принципам равноправия супругов в решении всех вопросов, разрешения внутрисемейных споров по взаимному согласию, осуществлению по обоюдному согласию прав на общее имущество.

С другой стороны, пунктом 3 статьи 35 СК РФ для защиты интересов супругов предусматривается необходимость получения согласия супруга в нотариальной форме, если требуется государственная регистрация прав на имущество или совершаемой сделки либо если для сделки законом установлена обязательная нотариальная форма. В результате возможность непосредственной реализации одностороннего волеизъявления супруга ограничивается на практике именно случаями, когда совершение сделки по распоряжению общим имуществом связано с государственной регистрацией или нотариальным удостоверением.

Предполагается, что получение нотариально удостоверенных согласий супругов перед совершением сделки необходимо только в определенных законом случаях. Однако анализ сделок, попадающих под требование о нотариальном удостоверении согласия второго супруга на их совершение, показывает, что даже составление полного перечня таких сделок оказывается затруднительной задачей. К числу таких сделок относятся не только сделки по распоряжению правами на недвижимое имущество, но также по распоряжению правами на изобретения и товарные знаки, зарегистрированные программы для ЭВМ, базы данных, селекционные достижения, рента, договоры аренды недвижимости на срок более одного года, сделки

с долями в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью и многие другие.

Установление требования о получении нотариально удостоверенного согласия должно было служить защите прав и законных интересов супругов, которым в данном случае отдавалось предпочтение перед интересами других участников гражданского оборота, но на практике такое требование чрезвычайно осложнило гражданский оборот, приведя к распространению требований о получении согласий супругов на сферы, не имеющие непосредственного отношения к вопросам распоряжения семейным имуществом, что привело к дальнейшему расширению влияния семейного права на решение имущественных вопросов за пределами обычного для семейного права круга проблем [5, С. 31].

В 2022 году законодатель попытался несколько смягчить последствия невыполнения требований о получении нотариально удостоверенного согласия супруга для добросовестной третьей стороны, дополнив положения абзаца второго пункта 3 статьи 35 СК РФ указанием на то, что признание сделки недействительной должно осуществляться по правилам статьи 173.1 ГК РФ. В соответствии с пунктом 2 указанной статьи для признания сделки недействительной требуется доказать, что другая сторона «знала или должна была знать об отсутствии на момент совершения сделки такого согласия». Таким образом, признание сделки недействительной поставлено в зависимость от формального критерия, связанного с наличием надлежащим образом удостоверенного согласия, а не с содержанием сделки или какой-либо иной совокупностью факторов. При этом у контрагента не всегда имеется возможность установить, состоит ли гражданин в браке [6, С. 143], а с учетом широкого круга сделок, охватываемых положениями пункта 3 статьи 35 ГК РФ, контрагент не всегда может предполагать необходимость получения согласия второго супруга на их совершение. Так, например, при приобретении исключительных прав на зарегистрированную программу для ЭВМ, базу данных или изобретение добросовестные приобретатели уделяют прежде всего внимание проверке последовательности перехода прав от автора (первоначального правообладателя) соответствующего результата интеллектуальной деятельности, в силу специфики таких прав не учитывают необходимости проверки наличия согласий супругов на их отчуждение.

При этом для обоих вышеуказанных вариантов сделок законодательство не определяет ни порядка согласования сделок и их условий между супругами, ни ответственности супруга, заключившего сделку вопреки волеизъявлению другого супруга, перед таким супругом, чьи права были нарушены, чье волеизъявление не было учтено. Фактически единственным негативным последствием для супруга, совершившего сделку без согласования с другим супругом, может стать учет данного обстоятельства при разделе общего имущества су-

пругов, с отступлением от принципа равенства долей. В 2022 году положения пункта 2 статьи 39 СК РФ специально были дополнены указанием на возможность таких последствия в случае, если супруг совершал недобросовестные действия, приведшие к уменьшению общего имущества, в том числе без согласия другого супруга совершал сделки по отчуждению такого имущества «на невыгодных условиях». Таким образом, потерпевшей стороне придется дополнительно доказывать данные негативные обстоятельства. Кроме того, такая возможность предусматривается только если ранее судом по требованию потерпевшего супруга не были применены последствия недействительности таких сделок, то есть в случае отмены сделки и восстановления общего имущества супругов оно будет подлежать разделу между ними в равных долях без учета недобросовестных действий одного из них. Несмотря на применение данного подхода на практике [2, С. 13], подобная мера явно недостаточна для оказания сколь-нибудь существенного воздействия на недобросовестных супругов.

Законодатель вместо установления ответственности второго супруга перекладывает риск негативных последствий на третье лицо, предоставляя пострадавшему супругу возможности требовать признания заключенной без его согласия сделки недействительной в целях возврата имущества в состав общей собственности супругов. Данный подход, применяемый по формальным основаниям, представляется недостаточно обоснованным как по своим предпосылкам (идея защиты прав и законных интересов супругов за счет третьего лица вместо виновной стороны), так и по своим последствиям (возврат имущества в общую собственность как пострадавшего супруга, так и виновной стороны – второго супруга).

Пунктом 53 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» предусмотрено, что в отношении любого согласия третьего лица, когда такое согласие требуется для совершения сделки, должны применяться положения статьи 157.1 ГК РФ.

Сочетание положений данной статьи с положениями статьи 35 СК РФ, вызывает отдельные вопросы. Согласно пункту 1 статьи 157.1 ГК РФ правила данной статьи подлежат применению только в случае, если иное не предусмотрено законом или иными правовыми актами. Положение пункта 2 статьи 157.1 ГК РФ предусматривают, что лицо, согласие которого требуется для совершения сделки, сообщает «в разумные сроки после получения обращения», причем, как предусмотрено пунктом 4 рассматриваемой статьи, «молчание не считается согласием на совершение сделки, за исключением случаев, установленных законом», что противоречит самой идее презумпции согласия «по умолчанию».

Реализация рассматриваемых положений в семейных правоотношениях затруднительна прежде

всего в силу сложности доказывания факта оповещения, подтверждения согласия и иных фактов, связанных с реализацией одностороннего волеизъявления. В то же время при наличии таких доказательств супруги должны иметь возможность защиты своих прав прежде всего за счет виновной стороны, если их волеизъявление не было испрошено или сделка была осуществлена вопреки такому волеизъявлению.

Абзацем вторым пункта 3 статьи 35 СК РФ предусматривается, что супруг, не предоставивший нотариально удостоверенное согласие на совершение сделки, может требовать признания ее недействительной в течение года со дня, когда он узнал или должен был узнать о ее совершении, что само по себе дестабилизирует гражданский оборот, создает угрозу лишения имущества или имущественных прав лиц, которые приобрели их по законным основаниям, особенно с учетом отсутствия единой точки отсчета для течения данного срока, например, с даты регистрации сделки, перехода прав на имущество и т.д.

Дополнительные сложности связаны с неоднозначными положениями законодательства, применяемыми при оспаривании сделок. Например, пунктом 3 статьи 173.1 ГК РФ предусмотрено, что лицо, предоставившее согласие на совершение сделки, не вправе оспаривать ее по основанию, о котором оно знало или должно было знать в момент выражения согласия. Но из данной формулировки следует также, что у давшего согласие лица сохраняется право оспаривать совершенную сделку, на совершение которой оно предоставило согласие, по любым другим основаниям, о которых такое лицо на момент совершения сделки не знало. Возникает вопрос, почему законодатель считает необходимым предпочесть интересы супруга, не имевшего достаточной информации, но тем не менее предоставившего согласие на совершение сделки в установленной форме, интересам добросовестного третьего лица – контрагента, проверившего соблюдение всех установленных законодательством формальностей и полагавшегося на нотариально удостоверенное согласие второго супруга.

При этом на практике из-под действия положений о согласовании сделок, связанных с распоряжением общим имуществом супругов, выведены сделки, которые хотя и могут привести к существенному уменьшению такого имущества, но не являются непосредственно сделками по распоряжению им. Так, при оспаривании супругой договора поручительства, заключенного без ее согласия супругом, суд признал, что заключая такой договор поручительства, супруг не распорядился совместным имуществом, а только принял на себя обязательство в случае неисполнения обязательства третьим лицом нести ответственность своим личным имуществом [9, С. 100]. То обстоятельство, что привлечение к такой ответственности может привести к уменьшению общего имущества супругов за счет обращения взыскания на долю супруга

в таком имуществе, судом не было принято во внимание.

Решения о признании сделок, связанных с государственной регистрацией или нотариальным удостоверением, недействительными при отсутствии согласия супруга могут приниматься по формальным основаниям, без учета интересов семьи, без оценки дополнительных обстоятельств, поскольку законодательство этого не требует, ограничивая усмотрение суда только оценкой факта наличия или отсутствия нотариально заверенного согласия супруга.

Формальные требования по получению и подтверждению согласия супруга значительно затрудняют реализацию прав в отношении юридических лиц, включая приобретение и отчуждение долей в уставном капитале, выход из состава участников и т.д. [4].

Отдельные сложности вызывает осуществление прав бывших супругов как совместных собственников. Согласно статье 4 СК РФ к имущественным отношениям членов семьи, не урегулированным семейным законодательством, подлежит применению гражданское законодательство, но только в той мере, в какой это не противоречит существу семейных отношений. При распаде семьи согласно позиции Верховного суда РФ в отношении имущества бывших супругов следует применять нормы гражданского, а не семейного законодательства [7, С. 12], то есть презумпция согласия второго супруга (пункт 2 статьи 35 СК РФ) перестает действовать и сделки должны заключаться на общих основаниях. Но в то же время сохраняется особый правовой режим общей собственности и возможность ее раздела по требованию любого из супругов в течение установленного законодательством периода. Таким образом, сделки с имуществом, когда брак был расторгнут, но раздел совместно нажитого имущества не осуществлен, влекут дополнительные риски ввиду неопределенности статуса такого имущества.

На основании проведенного анализа представляется возможным выделить следующие основные недостатки правового регулирования отношений, связанных с получением согласия супруга на распоряжение совместным имуществом, и предложить ряд мер, направленных на их устранение.

Положение о «презумпции согласия» супруга на совершение сделки с общим имуществом вторым супругом должны быть дополнены требованием к супругу, совершающему сделку, согласовать такую сделку и ее условия с другим супругом, а также положениями об ответственности второго супруга за несоблюдение этих требований. Это позволит, во-первых, возложить ответственность за нарушение требований законодательства прежде всего на виновное лицо (супруга, совершившего сделку без согласования с другим супругом) и удовлетворять требования пострадавшей стороны за счет взыскания убытков с виновного лица, а не пытаться решить проблему защиты интересов семьи за счет третьих лиц, вступающих в сделки

на основе доступной им информации и предоставляемых им контрагентом гарантий.

Перенесение ответственности на виновного супруга послужит также стабилизации гражданского оборота, снизит остроту проблем, связанных с возможностью оспаривания сделок по требованиям не участвовавших в них третьих лиц. Как отмечалось применительно к аналогичным случаям в Постановлении Конституционного Суда РФ от 13.07.2021 № 35-П «разумное и осмотрительное поведение добросовестного приобретателя, полагающегося на сведения ЕГРН, не предполагает выяснения им судьбы этого имущества. Иное возлагало бы на покупателей недвижимости все риски, связанные с признанием недействительными сделок, совершенных третьими лицами, и тем самым подрывало бы доверие граждан к государственной регистрации недвижимости» [6, С. 143].

При рассмотрении данной категории дел и установлении ответственности супруга, совершившего сделку без получения согласия второго супруга, появится возможность отойти от формального подхода и учитывать, для каких целей супругу понадобилось совершить такую сделку, на что именно были потрачены полученные средства, была ли у супруга возможность своевременно получить согласие другого супруга и т.д. Так, если средства были необходимы для нужд семьи, содержания детей, лечения и при наличии иных уважительных причин суд должен иметь возможность отказывать в удовлетворении требований о взыскании убытков, в том числе с учетом предшествующего и последующего поведения самого супруга, чье согласие не было получено при совершении сделки.

Круг сделок, в отношении которых требуется получение нотариально заверенного согласия второго супруга, как представляется, должен быть ограничен только теми, которые непосредственным образом затрагивают интересы семьи, например, сделки с жилыми помещениями, в которых непосредственно зарегистрированы и проживают члены семьи.

Оценивая в этом случае соотношение интересов членов семьи и третьих лиц (приобретателей недвижимости) возможно признать, что в отношении данной категории сделок необходимо проявлять дополнительную осторожность. В то же время в условиях отсутствия публичной достоверной информации о лицах, зарегистрированных в приобретаемых жилых помещениях, ответственность за ее проверку и истребование соответствующих нотариально удостоверенных согласий должны нести органы, осуществляющие регистрацию сделки, а не добросовестный приобретатель, полагавшийся на информацию, предоставленную ему продавцом жилой недвижимости. Внесенные в 2022 году изменения, в соответствии с которыми признание сделок, подпадающих под действие пункта 3 статьи 35 СК РФ, недействительными должно осуществляться по правилам статьи 173.1 ГК РФ, не решили данную проблему ввиду формального характера предусматриваемых последней крите-

риев («другая сторона сделки знала или должна была знать об отсутствии на момент совершения сделки необходимого согласия») и возможности их неоднозначного толкования на практике.

При рассмотрении дел, связанных с оспариванием сделок, совершенных без согласия второго супруга, представляется важным также в целом отойти от формального подхода, оценивать их с точки зрения экономической обоснованности, учитывать их условия и размер предусматриваемых ими выплат. В случае если цена сделки явным образом занижена, такая сделка может быть признана недействительной по иным основаниям, не связанным с наличием или отсутствием согласия супруга.

Важным представляется также учет того, на что именно были потрачены средства, вырученные от сделок с общим имуществом супругов. Одним из вариантов решений при этом могло бы стать изменение правового статуса таких средств или приобретенного за их счет имущества: в связи с нарушением требований законодательства о получении согласия второго супруга на совершение соответствующих сделок полученные по таким сделкам средства или иное имущество, а также имущество, приобретенное за счет полученных по таким сделкам средств, должны переходить по требованию потерпевшей стороны (второго супруга, не участвовавшего в сделке) в его личную собственность. Также в его личную собственность должно было бы переходить имущество второго супруга или доля в общей собственности (в случае ее раздела) в объеме, достаточном для возмещения потерпевшему супругу возможных потерь от утраты соответствующего имущества.

Соответствующие законодательные положения, лишаящие супруга, нарушившего требование о согласовании сделки с другим супругом или совершившего ее вопреки волеизъявлению другого супруга, доли в общем имуществе, полученном в результате совершения им такой сделки, послужили бы важной предупредительной мерой и привели к снижению числа случаев подобных нарушений. Следует ожидать, что комплексное решение вопросов, связанных с развитием положений о получении согласия супруга на совершение сделок с общим имуществом, будет служить важным фактором укрепления гражданского оборота и предотвращения нарушений прав членов семьи, в том числе со стороны недобросовестных супругов.

Литература

1. Антокольская М.В. Семейное право: учебник. – М.: Норма: Инфра-М, 2013.
2. Добровинский А.А. Проблемы толкования пункта 2 статьи 35 Семейного кодекса РФ в российской правовой науке и семейной практике // LEX RUSSICA. 2020. Том 73. № 3. С. 9–19.
3. Левушкин А.Н. Односторонние волеизъявления супругов в имущественных семейных правоотношениях: теория и практика примене-

ния // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 12. – С. 17–22.

4. Левушкин А.Н. Реализация прав супругов при осуществлении деятельности юридического лица // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 47–55.
5. Левушкин А.Н. Реформа семейного законодательства: совершенствование структуры Семейного кодекса Российской Федерации и правового регулирования отдельных брачно-семейных отношений // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 31–34.
6. Рузакова О.А. Новеллы российского законодательства о защите семейных прав // LEX RUSSICA. 2022. Том 75. № 8. С. 139–147.
7. Ульяненко У.С., Сечина Е.Ю. Проблемы правового регулирования режима совместной собственности супругов после расторжения брака // Юридический факт. 2020. № 106. С. 12–14.
8. Чефранова Е.А. Правовая природа согласия супруга на совершение сделки. Удостоверение согласия супруга нотариусом // Нотариальный вестник. 2011. № 5. С. 8–18.
9. Шиловская А.Л. Договорные отношения в семейном праве // Обязательственные отношения в частном праве: Монография. – М.: ВАКО, РГСУ, 2015. 144 с.

UNILATERAL EXPRESSION OF WILL AND PRESUMPTION OF CONSENT IN TRANSACTIONS INVOLVING THE COMMON PROPERTY OF SPOUSES

Lobzova A.V.
Southwestern State University

On the basis of the analysis the author identifies the main shortcomings of the legal regulation of relations related to obtaining the consent of a spouse to the disposal of joint property.

The need to supplement the provisions establishing the presumption of consent of a spouse to a transaction with the common property with the requirement to agree such a transaction and its terms, as well as provisions on the liability of the other spouse for non-compliance with these requirements is substantiated. In the event of a violation of the legal requirements for the exercise of rights to the common property of the spouses by their mutual consent, liability for this should be imposed directly on the spouse who disposed of the joint property without the consent of the other spouse or against his/her expression of will. It is proposed to limit the range of transactions that require notarized consent of the other spouse, as well as the need to strengthen the role of public authorities responsible for the registration of such transactions to ensure the rights and legitimate interests of family members.

The author justifies the conclusion that when considering cases involving the contestation of transactions made without the consent of the second spouse, it is important to move away from the formal approach, to analyze them in terms of economic feasibility, what was the purpose of the funds received from transactions with the common property of spouses. The proposed measures should serve as an important factor in strengthening civil turnover and preventing violations of the rights of family members.

Keywords: will, unilateral will, marital property, transaction, consent of a spouse, presumption of consent of a spouse, family relations.

References

1. Antokolskaya M.V. Family law: textbook. – M.: Norma: Infra-M, 2013.
2. Dobrovinsky A.A. Problems of interpretation of paragraph 2 of Article 35 of the Family Code of the Russian Federation in Rus-

- sian legal science and family practice // LEX RUSSICA. 2020. Volume 73. No. 3. C. 9–19.
3. Levushkin A.N. Unilateral expressions of will of spouses in property family legal relations: theory and practice of application // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2017. No. 12. – S. 17–22.
 4. Levushkin A.N. Implementation of the rights of spouses in the implementation of the activities of a legal entity // Journal of Russian law. 2016. No. 3. S. 47–55.
 5. Levushkin A.N. Reform of family law: improving the structure of the Family Code of the Russian Federation and the legal regulation of individual marriage and family relations // Actual problems of Russian law. 2017. No. 5. S. 31–34.
 6. Ruzakova O.A. Novels of Russian legislation on the protection of family rights // LEX RUSSICA. 2022. Volume 75. No. 8. P. 139–147.
 7. Ulyanenko U.S., Sechina E. Yu. Problems of legal regulation of the regime of joint property of spouses after the dissolution of marriage // Legal fact. 2020. No. 106. P. 12–14.
 8. Chefranova E.A. The legal nature of the spouse's consent to the transaction. Certification of spouse's consent by a notary // Notarial Bulletin. 2011. No. 5. S. 8–18.
 9. Shilovskaya A.L. Contractual relations in family law // Obligatory relations in private law: Monograph. – M.: VAKO, RSSU, 2015. 144 p.

Государственные закупки в оценке советской цивилистики в 20-х годах XX века

Матвеева Елена Юрьевна,

к.ю.н; доцент; доцент юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: eyumatveeva@fa.ru

Статья посвящена правовой регламентации государственного заказа в период проведения в СССР новой экономической политики. Правовое регулирование государственного подряда и поставки рассмотрены в динамике принятия Положений 1921, 1923 и 1927 годов. Государственный подряд и поставка оценивались советской юридической наукой как гражданско-правовой договор с дополнительной системой мер, направленной на защиту интересов государства.

Проведенное исследование показывает, что советская правовая наука, положительно оценивая государственные закупки в начале 20-х годов, по мере сворачивания НЭП и перехода к плано-административной системе построения экономики, начинает рассматривать государственный заказ у частного сектора как нежелательное правовое явление.

Проведенное в рамках настоящей статьи исследование, позволяет сделать вывод о том, что советская цивилистика уделяла внимание изучению правового феномена государственных заказов очень непродолжительное время – с начала и до конца 20-х годов.

Ключевые слова: государственный подряд, государственный заказ, новая экономическая политика, гражданское право.

После победы нового строя, в период военного коммунизма, в условиях продразверстки, национализации промышленности, установления государственной монополии на продукцию сельского хозяйства, советское государство не видело необходимости в правовой регламентации государственных закупок у частных лиц. В качестве иллюстрации приведем цитату из Постановления Совета Труда и Оборона: «Всем Советским учреждениям и предприятиям, а также и общественным организациям воспрещается приглашение контрагентов, уполномоченных и подрядчиков к производству тех или иных заготовительных, восстановительных, строительных и вообще каких-либо работ и заданий. Все вышеуказанные работы должны производиться обязательно хозяйственным способом соответствующими хозяйственными органами Советской власти и общественными организациями по принадлежности» [1].

Ситуация изменилась с началом НЭП. Решение о переходе к НЭП было принято X-м съездом РКП(б) 14 марта 1921 года, после чего в хозяйственной жизни страны начались кардинальные перемены. 21.03.1921 г. издается Декрет ВЦИК «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом», что привело к стремительному росту товарооборота в стране. В декабре 1921 года прошел IX Всероссийский Съезд Советов, в резолюциях которого в частности указывалось, что «поскольку государственным предприятиям приходится для пополнения своих ресурсов обращаться к рынку – предоставить широкое право предприятиям и их объединениям вести торговые операции как между собою, так и с кооперативным и вольным рынком» [23, с. 158]. Важное значение имело Постановление СНК от 26 апреля 1922 года «Об отмене разрешительного порядка открытия и производства торговли», в соответствии с которым каждый желающий открыть торговое предприятие мог зарегистрировать патент. В преддверии принятия первого Гражданского кодекса, вышел Декрет ВЦИК от 22.05.1922 «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР», который декларировал всем гражданам право «организовывать промышленные и торговые предприятия и заниматься дозволенными законами РСФСР профессиями и промыслами». Участникам гражданского оборота было предоставлено «право заключения всякого рода не запрещенных законом договоров, в том числе договоров имущественного найма, купли-продажи, мены, займа, ссуды, подряда, поручи-

тельства, страхования, товарищества (простого, полного, на вере, акционерного), векселя, всякого рода банковских кредитных сделок, каковые договоры получают законную силу и пользуются судебной защитой» [2].

Государство начинает отказываться от монопольных прав в торговле. Так в течение 1922 года в сферу свободного частноправового оборота включаются сделки с солью, кожевенным сырьем, пушниной, отменяется государственная монополия на распределение и торговлю сельскохозяйственными орудиями, машинами, семенами и другими средствами сельскохозяйственного производства и мн.др. Профессор Граве Константин Александрович (1887–1963) особо выделял значение Декрета СНК РСФСР от 04.04.1922 «Об обращении золота, серебра, платины, драгоценных камней и иностранной валюты» в соответствии с которым «в отмену предыдущих запрещений, допускается свободное распоряжение золотом, серебром, платиной и металлами платиновой группы в изделиях и слитках, а также драгоценными камнями, отменяется обязательная сдача государству имеющегося у населения золота, серебра, платины и металлов платиновой группы в изделиях, слитках и монете, драгоценных камней и иностранной валюты» [23, с. 163].

В результате принятия вышеперечисленных нормативных актов, в течение 1921–1922 годов стремительно активизировался гражданско-правовой оборот, заработала ярмарочная торговля, начали создаваться товарные и фондовые биржи, развивались концессионные практики, возрос приток иностранных капиталов. И уже в сентябре 1921 года Совет народных комиссаров РСФСР принимает Декрет «О государственных подрядах и поставках» [3]. Данный документ демонстрировал определенную преемственность с нормами дореволюционного Положения о казенных подрядах и поставках. В свете развития рыночных отношений и активизации государственных закупок далее в октябре 1921 выходит Декрет «О порядке привлечения подрядчиков и поставщиков к выполнению заданий, возлагаемых на них государственными органами» [4].

Декреты СНК РСФСР от 21.09.1921 г. и от 04.10.1921 действовали менее 2-х лет и были отменены в связи с принятием нового нормативного акта уже союзного значения: 27.07.1923 г. выходит Декрет ЦИК СССР, СНК СССР «Положение о государственных подрядах и поставках» [5]. К этому моменту был уже принят первый Гражданский кодекс 1922 г. и Положение о государственных заказах и поставках от 27.07.1923 г. (являясь приложением к ГК) устанавливало, что отношения между государственными органами и подрядчиками (поставщиками) регулируются обязательственным правом ГК РСФСР, т.е. не смотря на определенные специальные нормы, советский законодатель квалифицировал отношения по государственному контракту как гражданско-правовые. 07.08.1923 года Постановлением СНК СССР был

утвержден новый порядок проведения торгов на государственные подряды и поставки [6]. Следующим документом, реформирующим систему государственных закупок стало принятие 11.05.1927 Постановления ЦИК СССР, которым вводилось в действие новое Положение о государственных подрядах и поставках и отменялись все ранее действующие нормативные акты по государственному заказу [7].

При принятии положения о госзакупках 1921 г. государство было крайне заинтересовано в частных поставщиках и подрядчиках, поскольку не имело альтернативы в виде системы государственных предприятий. Юридическая наука в начале 20-х годов уделяет государственному заказу много внимания, позитивно оценивает государственные заказы и подряды как правовые явления. Так, профессор кафедры хозяйственного права факультета советского права МГУ Вольфсон Фридрих Иосифович (1883–1952) писал в 1923 г., что «в современной системе хозяйственных отношений СССР, характеризующейся одновременным и параллельным функционированием государственного и частного аппаратов промышленности и торговли, договор государственных подряда и поставки имеет исключительное значение и небывалое прежде распространение» [20, с. 726].

Профессор Константин Маркович Варшавский (1893–1981 г.), оценивая изначальную практику введения в оборот государственного заказа писал: «законодатель должен был поставить подрядчиков и поставщиков в такое положение, чтобы привлечь их к участию в исполнении этих заданий, – обеспечить их интересы, в известной мере даже за счет интересов государства» [18, с. 10].

Автор книги «Руководство по производству торгов и заключению договоров на подряды и поставки в войсковых частях РККА» Михаил Дмитриевич Позняк в 1924 году указывал на то, что «производство торгов на государственные подряды и поставки в государственных интересах имеет существенное значение» и обосновывал это:

- развитием конкуренции среди предпринимателей
- возможностью снижения государственных расходов на закупки
- системой контроля за недобросовестными должностными лицами.

Однако, Положения о государственных подрядах и поставках 1921 г. и 1923 г. по сути изначально ставили исполнителей частного сектора в не равные условия с исполнителями в лице государственных предприятий. Для последних предусматривался целый ряд льгот и изъятий: не требовались торги, допускалось освобождение подрядчика или поставщика от залога и др. Одновременно с этим, частные подрядчики и заказчики имели дополнительные обременения. Физические лица с подрядами и поставками уплачивали промысловый налог: сначала авансом взыскивался патентный сбор, при уплате которого в 1923–1925 годах, согласно Декрета СНК от 04.09.1923 г. в принуди-

тельном порядке приобретались облигации 8% выигрышного займа. Патентный сбор затем засчитывался при уплате уравнительного сбора, который составлял 1,5% от фактического оборота держателя контрактов по госзакупкам. Дополнительно к этому, среди всех государственных поставщиков и подрядчиков до 01.03.1925 г. в принудительном порядке размещался 6% государственный выигрышный заем. На приобретение этих облигаций направлялось 15% суммы с любой выплаты по государственному подряду или поставке. Приобретенные таким путем облигации (как по 6%, так и по 8% займам) не подлежали приему в залог и не котировались на бирже, т.е. фактически их держатель не имел возможности их реализовать. Подрядчики уплачивали квартирную плату по высшим ставкам, наравне с другими лицами, живущими на нетрудовой доход (ст. 8 Инструкции НКВД по применению постановления ВНИК и ОНК от 13 июня 1923 г. о плате за пользование жилыми помещениями).

К.М. Варшавский выделял целый ряд презумпций в пользу государства при исполнении государственных подрядов и поставок:

- при найме, при отсутствии иного соглашения, обязанность капитального ремонта возлагается на нанимателя
- наймодавцу в лице государства предоставляется безвозмездно использовать все произведенные нанимателем улучшения
- при застройке предполагается обязанность застройщика уплачивать все налоги и сборы и страховать за свой счет строения
- госоргану предоставлялось право преимущественного удовлетворения перед другими кредиторами неисправного контрагента [18, с. 55].

Положение о госзакупках 1927 года было принято уже в период сворачивания НЭП, в период завершения перестройки экономики на централизованно-плановую, и государственные закупки у частного сектора в конце 20-х годов стали рассматриваться как крайне нежелательное явление.

Юридическая литература перестает упоминать государственные поставки и подряды в аспекте правового механизма, способствующего развитию рынка и конкуренции среди частных поставщиков и подрядчиков. Основной акцент делается на обеспечении интересов государственного заказчика. Так Ф.И. Вольфсон высказывал мнение, что специальные правила Положения о государственном подряде и поставке «вызваны тем, что законодатель стремится сугубо охранить и обеспечить интересы заказчика-госоргана» [22, с. 62]. К.М. Варшавский квалифицировал правила Положения как категорию «защитных норм, охраняющих государственные интересы, какие установлены для государства, как контрагента других частноправовых сделок» [18, с. 56]. Эти защитные нормы профессор Варшавский разделил на три группы:

- особо сложные формы, не практикуемые ни в каком другом договоре (публичные торги, утверждение высшего органа.)

- ограничение свободы усмотрения сторон (обязательная неустойка, предельный размер аванса, воспреещение процентной формы вознаграждения)
- обеспечительные меры (обязательный залог, штрафная неустойка) [18, с. 56].

Одновременно в этом активно обсуждался вопрос о необходимости специального правового регулирования для государственного заказа. Так, А.С. Ратнер в 1925 году указывал, «что Положение о подрядах и поставках потеряло свое значение. Положение о государственных подрядах впервые возникло в 1921 году, когда не был еще издан Гр. Код. Теперь, когда гражданско-правовые отношения достаточно урегулированы, сохранение его стало излишним» [17, с.]. Но именно в силу того, что нормы Положения о государственных подрядах и заказах устанавливали ряд специальных презумпций в пользу государства и налагали на частного поставщика и подрядчика целый комплекс обязательных ограничений, не предусмотренных общими нормами ГК, Положение о государственных подрядах и поставках не было отменено.

Во второй половине 20-х годов, с развитием сектора государственных предприятий, в юридической литературе возникает дискуссия о сфере применения Положения о государственных подрядах и поставках. Н. Вавин писал: «В начале НЭПа на торгах участвовали, главным образом, частные лица и появление госпредприятий было исключением; теперь, наоборот, подавляющее большинство участников торгов составляют госпредприятия и кооперативные организации, а частные лица составляют меньшинство» [16, с. 9]. Как следствие, стал вопрос о том, что нормы, направленные на защиту интересов государственного заказчика, существенно ограничивают интересы государства, которое выступает также и в лице государственных предприятий – исполнителей договоров. Данный подход был воспринят законодателем и Положение о государственных подрядах и поставках 1927 года уже не распространялось на договоры поставки и подряда между госорганами, такие договоры оказались свободными от режима Положения. Как следствие, в юридической литературе в конце 20-х годов появились мнения о том, что государственный подряд и государственная поставка – это договор, в котором на стороне исполнителя выступает исключительно частный контрагент. Профессор Ландкоф С.Н. высказывал мысль, что поскольку Положение о госпоставках теперь не распространяется на случаи, когда на стороне поставщика или подрядчика выступает госорган или госпредприятие, то такие подряды и поставки «не могут носить названия государственных, хотя бы стороны были госорганами» [24, с. 66]. Профессора Ф.И. Вольфсон и С.В. Александровский на вопрос «какой подряд называется государственным?», отвечали «государственным называется подряд, по которому заказчиком является государственный орган, а подрядчиком яв-

ляется частное лицо или кооперация» [15, с. 107]. Конечно же, в нашем современном понимании, такой подход являлся формализованным, поскольку основным критерием признания заказа государственным является субъектный состав на стороне заказчика и цель договора в виде удовлетворения публичных потребностей.

В русле настоящего исследования нас интересуют, безусловно, такой аспект понимания советским правом государственного подряда и поставки, как оценка юридической природы данных договоров.

Собственно, сами Положения о государственных подрядах и поставках 1923 и 1927 гг. содержали норму о том, что «отношения между государственным органом, сдающим подряд (поставку), и подрядчиком (поставщиком) регулируются общими постановлениями Гражданского Кодекса Р.С.Ф.С.Р.»

Советский ученый правовед, профессор Вильнянский Соломон Иосифович (1885–1966) делал вывод о том, что разница между государственным общегражданским и государственным подрядом заключается «только в том, что под государственным подрядом понимается такой подряд (в смысле ст. 220 Гр. Код.), когда заказчиком является государственное учреждение или предприятие, и, следовательно государственный подряд представляет собою вид подряда, предусмотренного в ст. 220 Гр. Код.» [19, с. 651]. Сергей Васильевич Александровский в своих учебниках рассматривал законодательство о государственных подрядах и поставках как составную часть обязательственного гражданского права [13, с. 64–66]; [14, с. 156].

В конце 20-х годов с постепенным сворачиванием НЭП советская юридическая наука начинает делать акцент на концепции хозяйственного права в виду того, что «советскому праву несвойственно деление всей системы права на публичную и частную» [11, с. 151]. К сфере хозяйственного права начинают относить и нормы о государственном подряде и поставке, при этом гражданско-правовой характер государственных контрактов все же не отрицается. Так, профессор Сергей Иванович Раевич (1893–1939) писал, что кроме специальных правил, установленных Положением о господрядах и поставках, к таким договорам в целом применяются общие нормы Гражданского Кодекса о подряде и о купле-продаже, соответственно [11, с. 173]. Аналогичную точку зрения высказывал профессор Ф.И. Вольфсон [21, с. 119, с. 144]. В советский период для цивилистики имела огромное значение позиция официальных органов, в частности разъяснения Народного комиссариата юстиции по правовым вопросам. И общая тенденция признания за договорами государственного подряда и государственной поставки гражданско-правового характера как правило базировалась на позиции НКЮ. В марте 1924 г. III отдел Народного комиссариата юстиции дал разъяснение о том, что государственную поставку отличают от гражданско-

правового договора купли продажи три обязательных признака:

«- способ заключения договора (публичные торги при сумме договора свыше 10 тыс.руб)

б) предмет договора, коим могут быть только родовые вещи (товары);

в) срок исполнения, а именно: между моментом заключения договора поставки и моментом ее исполнения предполагается более или менее значительный промежуток времени» [26, с. 83].

Весьма интересными представляются Разъяснения НКЮ № 138/3 от 03.12.1924 г. «О договоре государственного подряда, заключенном между двумя Госорганами» [10, с. 403–404], в которых позиция НКЮ обосновывается многочисленными ссылками на общие нормы Гражданского кодекса:

– в части распределения рисков случайной гибели предмета подряда НКЮ ссылается на положения статей 186, 232 и 233 ГК

– в части недействительности договора НКЮ ссылается на ст. 30 ГК

– в части момента перехода права собственности НКЮ ссылается на статью 66 ГК.

– в части оплаты договора – на статью 220 ГК.

Таким образом, в качестве гражданско-правового договора официально рассматривались и договоры, государственного подряда и поставки между двумя публичными субъектами, т.е. заключенные и исполненные без участия в договоре частной организации.

Положение о государственных подрядах и поставках 1927 года практически в неизменном виде действовало длительный срок – 35 лет. Данное положение утратило силу в связи с изданием Указа Президиума ВС СССР от 23.05.1962 N 113-VI, что было обусловлено принятием Закона СССР от 08.12.1961 «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик», которые стали базой для проведения второй кодификации и принятия в 1964 г. нового Гражданского кодекса.

Можно сказать, что с конца 30-х годов, после ликвидации НЭПа, Положение о государственных подрядах и поставках на фактически прекращает использоваться в силу того, что государство сумело создать альтернативу частному рынку в виде системы государственных предприятий.

Учебные издания, начиная с 30-х годов, не смотря на то, что Положение о государственных подрядах и поставках продолжало действовать, не содержат упоминания о государственных заказах с участием частных поставщиков и подрядчиков, а если и содержат, то квалифицируют их как изжившее себя правовое средство. Так, профессор П.И. Стучка в учебнике 1931 года «Курс советского гражданского права» писал: «В первые годы нэпа, во времена нашей неопытности, этот договор чрезвычайно часто применялся, так что «Положение о государственных подрядах и поставках» появилось даже раньше самого ГК. Оно было использовано разными дельцами и спецами в целях личного обогащения или содействия частнику» [29, с. 98].

Профессор Ленинградского юридического института Рубинштейн Борис Моисеевич (1902–1938) в учебнике «Советское хозяйственное право», изданном в 1935 году не упоминая о действующем Положении о государственном заказе резюмировал при этом, что «ликвидация и вытеснение капиталистических элементов устранили подрядчика-капиталиста из нашего хозяйственного оборота» [27, с. 123]. Годом позже, в учебнике «Советское хозяйственное и гражданское право», Б.М. Рубинштейн упоминает государственный заказ в следующем контексте: «поскольку в первые годы восстановительного периода в нашем хозяйстве еще играли некоторую роль подрядчики-частники, был издан особый закон – положение о государственных подрядах и поставках» [28, с. 196].

Учебник 1940 года «Советское гражданское право» ни в главе XV «Обязательства из договоров. Общие положения», ни в главе XVI «Отдельные виды договоров» не упоминает о государственных подрядах и поставках ни словом, хотя вышел этот учебник под редакцией В.И. Вильнянского, посвятившего в 1920-х годах данному правовому институту целый ряд работ, которые в том числе анализировались в рамках нашего исследования [12].

Отношение к государственному заказу наглядно можно продемонстрировать позицией Ивана Борисовича Новицкого, изложенной в учебнике 1957 года «История советского гражданского права». Профессор Новицкий называет договоры, заключаемые на основании Положения о государственных подрядах и поставках «изжитками», которые применялись в период новой экономической политики и на смену которым пришли новые плановые договоры. «Если в период новой экономической политики поставщиками (и подрядчиками) могли быть граждане и их объединения (частные организации), то теперь в качестве поставщиков (и подрядчиков) выступают только социалистические организации (государственные, кооперативные, общественные)» [25, с. 177].

Проведенное в рамках настоящей статьи исследование, позволяет сделать вывод о том, что Советская цивилистика уделяла внимание изучению правового феномена государственных заказов очень непродолжительное время – с начала и до конца 20-х годов. Подтвердим это библиографическими сведениями. Изучение Библиографического указателя юридической литературы за 1926–1932 годы [8]; [9], выпущенного в 1934 г. показал, что к тематике государственного подряда и поставки обращались многие советские юристы: С.В. Александровский, Н.А. Арефьев, К.М. Варшавский, М.С. Венецианов, С.И. Вильнянский, В.Э. Герасимович, С.Н. Ландкоф, А. Овчинников, И.С. Плехан, М.Д. Позняк, И.И. Сейбук, В. Шимчак, И.Н. Трепицын. Все работы указанных авторов относятся к периоду 1926–1929 году. Ни одной работы, относящейся к 1930–1932 году, библиографический указатель не содержит. И это наглядно демонстрирует, тот факт, что государственный за-

каз в современном понимании, как закупка государства у субъекта предпринимательского рынка, просуществовал в советском государстве очень не долгое время.

Литература

1. Постановление СТО РСФСР от 24.11.1920 «О воспреещении Советским учреждениям и предприятиям и общественным организациям приглашать контрагентов, уполномоченных и подрядчиков для производства каких-либо работ и заданий»; Источник публикации «СУ РСФСР», 1921, N 3, ст. 29; «Известия ВЦИК», N 11, 18.01.1921
2. Декрет ВЦИК от 22.05.1922 «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР»; Источник публикации «СУ РСФСР», 1922, N 36, ст. 423; «Известия ВЦИК», N 134, 18.06.1922
3. Декрет СНК РСФСР от 30.09.1921 «О государственных подрядах и поставках (Положение)»; Источник публикации «СУ РСФСР», 1921, N 69, ст. 549 «Известия ВЦИК», N 230, 14.10.1921
4. Декрет СНК РСФСР от 04.10.1921 «О порядке привлечения подрядчиков и поставщиков к выполнению заданий, возлагаемых на них государственными органами»; Источник публикации «СУ РСФСР», 1921, N 68, ст. 529; «Известия ВЦИК», N 229, 13.10.1921
5. Декрет ЦИК СССР, СНК СССР от 27.07.1923 «Положение о государственных подрядах и поставках»; Источник публикации «СУ СС-СР», 1923, N 88, ст. 851 «Известия ЦИК СС-СР и ВЦИК», N 171, 01.08.1923 «Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР», 1923, N 3, ст. 54
6. Постановление СНК СССР от 07.08.1923 «Инструкция о порядке публичных торгов на государственные подряды и поставки»; «Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР», 1923, N 13, ст. 354
7. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 11.05.1927 «О введении в действие Положения о государственных подрядах и поставках», Утвержден Постановлением ЦИК СССР от 19.04.1928.; «СЗ СССР», 1927, N 28, ст. 291
8. Государство и право: Библиографический указатель литературы за 1926–1932 гг. 1 часть: 1926–1927 гг. / Коммунистическая академия. Институт советского строительства и права. Библиографическое бюро; Составили Ф. Либова и П. Шац; Под редакцией Н. Челяпова. – М.: Государственное издательство «Советское законодательство», 1934. – 172 с.;
9. Государство и право: Библиографический указатель литературы за 1926–1932 гг. 2 часть: 1928–1929 гг. / Коммунистическая академия. Институт советского строительства и права. Библиографическое бюро; Составили Ф. Либова и П. Шац; Под редакцией Н. Челяпова. – М.: Государственное издательство «Советское законодательство», 1934. – 212 с.

10. Еженедельник советской юстиции «№ 5 от 18.04.1925 г. – с. 403–404
11. Основы советского права: Научно-политической секцией ГУСа допущено в качестве учебного пособия для вузов / РАНИОН. Институт советского права; Проф. И.С. Войтинского, проф. Ф.И. Вольфсона, проф. А.Я. Вышинского, проф. Е.Н. Даниловой, проф. А.И. Елистратова, проф. М.М. Исаева, доц. А.В. Карасса, проф. С.А. Котляревского, проф. Д.А. Магеровского, проф. И.С. Перетерского, действ. члена ИСП С.И. Раевича и проф. Д.С. Розенблюма; Под редакцией проф. Д. Магеровского. – М.; Л.: Государственное издательство, 1927. – VIII, 520 с.//с.151
12. Советское гражданское право: Учебник для юридических школ: Допущен Управлением учебными заведениями НКЮ СССР в качестве учебника для стационарных и заочных юридических школ и курсовой сети НКЮ УССР / Украинский научно-исследовательский институт юридических наук; Под редакцией С.И. Вильнянского. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 264 с.
13. Александровский С.В. Гражданское право РСФСР (Пособие к изучению основных вопросов гражданского права и действующего гражданского права РСФСР) / С.В. Александровский. – Ново-Николаевск: Сибирское Областное Государственное Издательство, 1922. – 136 с.//с.64–66;
14. Александровский С.В. Гражданское право РСФСР (Пособие к изучению основных вопросов гражданского права и действующего гражданского права РСФСР) / С.В. Александровский. – Издание второе, переработанное. – Ново-Николаевск: Сибирское областное государственное издательство, 1923. – 156 с.
15. Александровский С.В. Гражданский кодекс (в вопросах и ответах) / С.В. Александровский и Ф.И. Вольфсон; Под общей редакцией Ф.И. Вольфсона. – М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1929. – 206 с.//с.107
16. Борхов А.Ю. Публичные торги на государственные подряды и поставки / А. Борхов // Право и Жизнь. – М., 1925. – Книга 4–5. – С. 9–21.//с.9
17. В.Б. Подряды и поставки в практике госорганов (по докладу С.И. Вильнянского) / В.Б. // Вестник Советской Юстиции. – Харьков, 1925. – № 5 (1 марта). – С. 206–208.//с.207
18. Варшавский К.М. Подряды и поставки в Союзе ССР / К.М. Варшавский. – Москва: Юрич. изд-во НКЮ РСФСР, 1925. – 231 с.; 23 см.//с.10
19. Вильнянский С.И. Новое положение о государственных подрядах и поставках / С. Вильнянский // Вестник Советской Юстиции. – Харьков, 1927. – № 19 (1 октября). – С. 651–653.//с.651
20. Вольфсон Ф.И. Новое Положение о государственных подрядах и поставках / Ф. Вольфсон // Еженедельник Советской Юстиции. – М., 1923. – № 32 (16 августа). – С. 726–728.//с.726
21. Вольфсон Ф.И. Учебник гражданского права: Государственным Ученым Советом допущен в качестве учебного пособия / Ф. Вольфсон; С предисловием Я.Н. Бранденбургского. – 3-е издание. – М.: Юридическое Издательство НКЮ РСФСР, 1927. – 248 с.//с.119, с. 144
22. Вольфсон Ф.И. Гражданское право: Научно-политической секцией ГУСа допущен в качестве учебного пособия для юридических курсов / Ф.И. Вольфсон. – М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1927. – 104, [I] с. – (Краткий курс советского права под редакцией Народного комиссара юстиции Д.И. Курского).//с.62
23. Граве К.А. Обзор Советского законодательства по внутренней торговле за 1922 год / К. Граве // Советское право. – М.; Петроград, 1923. – № 1. – С. 153–169.//с.158
24. Ландкоф С.Н. Торговые сделки. Теория и практика: Агентурный договор; Залог товара в обороте; Государственные подряды и поставки; Купля-продажа; Договор комиссии; Договор складского хранения и врантты; Договор текущего счета и чек / Проф. С.Н. Ландкоф. – Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1929. – 273 с.//с.66
25. Новицкий, Иван Борисович. История советского гражданского права [Текст] / И.Б. Новицкий; Всесоюз. ин-т юрид. наук. Курс советского гражданского права. – Москва: Госюриздат, 1957. – 327 с.; 23 см.//с.177
26. Попов В.С. Основы договорной практики. Выпуск I: Общие указания. Аренда (имущественный наем). Купля-продажа. Поставка. Государственная поставка. Запродажа. Мена. Подряд. Поручение. Доверенность. Договор комиссии: С примерными формами всех видов договоров в тексте / В.С. Попов; Предисловие С.С. Кишкина. – М.: Юридическое Издательство НКЮ РСФСР, 1927. – 228 с.//с.83
27. Рубинштейн Б.М. Советское хозяйственное право: Учебник для слушателей правовых школ и вузов / Б.М. Рубинштейн; Ленинградское отделение Коммунистической академии. Институт советского строительства и права. – М.: Государственное издательство «Советское законодательство», 1935. – 182 с.//с.123
28. Рубинштейн Б.М. Советское хозяйственное и гражданское право: Учебник для юридических школ и пособие для вузов / Проф. Б.М. Рубинштейн. – Издание второе переработанное и дополненное. – [М.]: Государственное издательство «Советское законодательство», 1936. – 302 с.//с.196
29. Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Том третий: Особенная часть гражданского права: Научно-политической секцией Государственного Ученого Совета допущено в качестве учебного пособия для вузов и комвузов / П.И. Стучка; Коммунистическая Академия. Институт советского строительства и права. – М.;

PUBLIC PROCUREMENT IN THE ASSESSMENT OF SOVIET CIVIL LAW IN THE 20S OF THE TWENTIETH CENTURY

Matveeva E. Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the legal regulation of the state order during the implementation of the New Economic Policy in the USSR. The legal regulation of public contracting and supply is considered in the dynamics of the adoption of the Regulations of 1921, 1923 and 1927. The state contract and supply were evaluated by Soviet legal science as a civil law contract with an additional system of measures aimed at protecting the interests of the state.

The study shows that the Soviet legal science, positively evaluating public procurement in the early 20s, as the NEP was curtailed and the transition to a planned-administrative system of building the economy, it began to consider government orders from the private sector as an undesirable legal phenomenon.

The study carried out within the framework of this article allows us to conclude that Soviet civil law paid attention to the study of the legal phenomenon of state orders for a very short time – from the beginning to the end of the 20s.

Keywords: state contract, state order, new economic policy, civil law.

References

1. Decree of the STO of the RSFSR dated 11/24/1920 "On the prohibition of Soviet institutions and enterprises and public organizations to invite contractors, authorized and contractors to perform any work and tasks"; Source of the publication "SU RSFSR", 1921, N 3, Art. 29; "News of the All-Russian Central Executive Committee", N 11, 01/18/1921
2. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of May 22, 1922 "On Basic Private Property Rights Recognized by the RSFSR, Protected by Its Laws and Protected by the Courts of the RSFSR"; Source of the publication "SU RSFSR", 1922, N 36, art. 423; "News of the All-Russian Central Executive Committee", N 134, 06/18/1922
3. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of September 30, 1921 "On State Contracts and Supplies (Regulations)"; Source of the publication "SU RSFSR", 1921, N 69, art. 549 "News of the All-Russian Central Executive Committee", N 230, 10/14/1921
4. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR dated 04.10.1921 "On the procedure for attracting contractors and suppliers to perform tasks assigned to them by state bodies"; Source of the publication "SU RSFSR", 1921, N 68, art. 529; "News of the All-Russian Central Executive Committee", N 229, 10/13/1921
5. Decree of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR of July 27, 1923 "Regulations on state contracts and supplies"; Source of the publication "SU USSR", 1923, N 88, art. 851 "News of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee", N 171, 08/01/1923 "Bulletin of the Central Executive Committee, SNK and STO of the USSR", 1923, N 3, art. 54
6. Decree of the Council of People's Commissars of the USSR of 08/07/1923 "Instruction on the procedure for public auctions for state contracts and deliveries"; "Bulletin of the Central Executive Committee, SNK and STO of the USSR", 1923, N 13, art. 354
7. Decree of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR of May 11, 1927 "On the Enactment of the Regulations on State Contracts and Supplies", Approved by the Decree of the Central Executive Committee of the USSR of April 19, 1928.; "SZ USSR", 1927, N 28, art. 291
8. State and Law: Bibliographic Index of Literature for 1926–1932. Part 1: 1926–1927 / Communist Academy. Institute of Soviet Construction and Law. Bibliographic Bureau; Compiled by F. Libova and P. Schatz; Edited by N. Chelyapov. – M.: State Publishing House "Soviet Legislation", 1934. – 172 p.;

9. State and Law: Bibliographic Index of Literature for 1926–1932. Part 2: 1928–1929 / Communist Academy. Institute of Soviet Construction and Law. Bibliographic Bureau; Compiled by F. Libova and P. Schatz; Edited by N. Chelyapov. – M.: State publishing house "Soviet legislation", 1934. – 212 p.
10. Weekly Soviet Justice "No. 5 of 04/18/1925. – p.403–404
11. Fundamentals of Soviet Law: Approved by the Scientific and Political Section of the GUS as a textbook for universities / RANION. Institute of Soviet Law; Prof. I.S. Voitinsky, prof. F.I. Wolfson, prof. A. Ya Vyshinsky, prof. E.N. Danilova, prof. A.I. Elis-tratova, prof. MM. Isaeva, Assoc. A.V. Karassa, prof. S.A. Kotlyarevsky, prof. YES. Magerovsky, prof. I.S. Peretersky, action. ISP member S.I. Raevich and prof. D.S. Rosenblum; Under the editorship of prof. D. Magerovsky. – M.; L.: State Publishing House, 1927. – VIII, 520 p. // p. 151
12. Soviet Civil Law: A Textbook for Law Schools: Approved by the Department of Educational Institutions of the NKJ of the USSR as a textbook for stationary and correspondence law schools and the course network of the NKJ of the Ukrainian SSR / Ukrainian Research Institute of Legal Sciences; Edited by S.I. Vilnyansky. – M.: Legal publishing house of the NKJU USSR, 1940. – 264 p.
13. Alexandrovsky S.V. Civil law of the RSFSR (A guide to the study of the main issues of civil law and the current civil law of the RSFSR) / S.V. Alexandrovsky. – Novo-Nikolaevsk: Siberian Regional State Publishing House, 1922. – 136 p.//p.64–66;
14. Alexandrovsky S.V. Civil law of the RSFSR (A guide to the study of the main issues of civil law and the current civil law of the RS-FSR) / S.V. Alexandrovsky. – Second edition, revised. – Novo-Nikolaevsk: Siberian Regional State Publishing House, 1923. – 156 p.
15. Alexandrovsky S.V. Civil Code (in questions and answers) / S.V. Aleksandrovsky and F.I. Wolfson; Under the general editorship of F.I. Wolfson. – M.: Legal publishing house of the NKJ of the RSFSR, 1929. – 206 p. // p. 107
16. Borkhov A. Yu. Public auctions for state contracts and supplies / A. Borkhov // Law and Life. – M., 1925. – Book 4–5. – S. 9–21.// p.9
17. V.B. Contracts and deliveries in the practice of government agencies (according to the report of S.I. Vilnyansky) / V.B. // Bulletin of Soviet Justice. – Kharkov, 1925. – No. 5 (March 1). – S. 206–208.//p.207
18. Warsaw K.M. Contracts and deliveries in the USSR / K.M. Varshavsky. – Moscow: Yuridich. publishing house of the NKJ RS-FSR, 1925. – 231 p.; 23 see//p.10
19. Vilnyansky S.I. New regulation on state contracts and supplies / S. Vilnyansky // Bulletin of Soviet Justice. – Kharkov, 1927. – No. 19 (October 1). – P. 651–653.//p.651
20. Wolfson F.I. New Regulations on State Contracts and Supplies / F. Wolfson // Soviet Justice Weekly. – M., 1923. – No. 32 (August 16). – S. 726–728.//p. 726
21. Wolfson F.I. Civil law textbook: approved by the State Academic Council as a textbook / F. Wolfson; With a preface by Ya.N. Brandenburg. – 3rd edition. – M.: YuriPublishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 1927. – 248 p.//p.119, p.144
22. Wolfson F.I. Civil Law: Approved by the Scientific and Political Section of the GUS as a textbook for legal courses / F.I. Wolfson. – M.: Legal publishing house of the NKJ of the RSFSR, 1927. – 104, [I] p. – (Short course of Soviet law, edited by the People's Commissar of Justice D.I. Kursky).//p.62
23. Grave K.A. Review of the Soviet legislation on internal trade for 1922 / K. Grave // Soviet law. – M.; Petrograd, 1923. – No. 1. – P. 153–169.//p.158
24. Landkof S.N. Trade deals. Theory and practice: undercover contract; Pledge of goods in circulation; Government contracts and deliveries; Purchase and sale; commission agreement; Warehousing agreement and warrants; Current account agreement and check / Prof. S.N. Landkoff. – Kharkov: Legal publishing house of the NKJU of the Ukrainian SSR, 1929. – 273 p.//p.66
25. Novitsky, Ivan Borisovich. History of Soviet civil law [Text] / I.B. Novitsky; All-Union. in-t jurid. Sciences. The course of Soviet civil law. – Moscow: Gosjurizdat, 1957. – 327 p.; 23 see//p.177
26. Popov V.S. Fundamentals of contractual practice. Issue I: General instructions. Rent (property lease). Purchase and sale. Supply. State supply. Sale. Mena. Contract. Order. Power of attor-

- ney. Commission agreement: With exemplary forms of all types of agreements in the text / V.S. Popov; Foreword by S.S. Kishkin. – M.: Legal Publishing House of the NKJ of the RSFSR, 1927. – 228 p. // p. 83
27. Rubinstein B.M. Soviet economic law: Textbook for students of legal schools and universities / B.M. Rubinstein; Leningrad branch of the Communist Academy. Institute of Soviet Construction and Law. – M.: State Publishing House "Soviet Legislation", 1935. – 182 p. // p. 123
28. Rubinstein B.M. Soviet economic and civil law: A textbook for law schools and a guide for universities / Prof. B.M. Rubinstein. – Second edition, revised and enlarged. – [M.]: State publishing house "Soviet legislation", 1936. – 302 p. // p. 196
29. Stuchka P.I. The course of Soviet civil law. Volume three: A special part of civil law: The scientific and political section of the State Academic Council is approved as a textbook for universities and colleges / P.I. Stuchka; Communist Academy. Institute of Soviet Construction and Law. – M.; L.: State socio-economic publishing house, 1931. – 206 p. // p. 98

Обеспечение свободы вероисповедания в условиях цифровизации

Равоян Руслан Адович,

аспирант, кафедра конституционного и административного права, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: rus.ravoyan@mail.ru

В статье приводится реакция российского общества, в первую очередь религиозно мотивированных граждан, на всеобщую цифровизацию социальной жизни. Исследуются актуальные проблемы конституционных прав и свобод человека в условиях развития и внедрения информационных технологий в социальную жизнь граждан. Предлагаются пути решения рассматриваемых проблем. Отмечается то, что добровольное использование внедряемых современных компьютерных технологий и электронных средств распознавания граждан не может иметь принудительный характер при реализации прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ. При реализации прав и свобод, а именно право на свободу совести и свободу вероисповедания, гарантированных Конституцией РФ, большая часть Российского общества принимает такой подход, поскольку это не противоречит их духовно-нравственным позициям.

Ключевые слова: религиозные убеждения членов общества, современные компьютерные технологии, персональные данные, электронная идентификация личности гражданина.

В наступившую эпоху всеобщей цифровизации социальной жизни особую, специфическую проблематику приобретает обеспечение конституционных прав человека и гражданина «...свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» [1, статья 28]. Согласно правовой доктрине, моральные принципы религиозной веры и обусловленные ими поступки человека, соотносимые с какими-либо вероучениями, относятся к характеристике частной жизни человека; последняя, и на это неоднократно указывал Конституционный суд Российской Федерации, включает ту «область жизнедеятельности, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если носит не противоправный характер».[2] Вот почему, Основной Закон особо защищает неприкосновенность частной жизни, а следовательно, и религиозные убеждения человека и гражданина, не допуская «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия...».

В условиях, когда государство стремится подвигнуть цифровизации социальную жизнь граждан РФ [5, с. 32], принципиальное значение имеет принятое на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года дополнение к пункту «м» статьи 71 Конституции РФ. В соответствии с ним «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных» отнесено к исключительному ведению РФ.

Религиозные убеждения проявляется двояко: во внутренней (духовной) жизни человека они свидетельствует о его свободном мировоззренческом выборе, дающий право рассуждать о смысле жизни и других моральных устоев. Именно моральные устои человека, рассматриваются с духовной позиции как «глас Божий». Духовный мир человека хотя признается и уважается светским государством, но он не подлежит правовому регулированию. И как следствие, федеральный законодатель, концентрируя внимание на защите фундаментальных прав и свобод человека и гражданина от всевозможных нарушений, в том числе с использованием новейших цифровых технологий, оставляет «в тени» один из стратегических аспектов – защиту природного, неотчуждаемого права человека на свободу совести. Ибо используют юридические конструкции, напрямую не учитывающую религиозный фактор, который неизбежно будет проявлять и проявляет себя в процессе правоприменения цифровых технологий. [6]

В частности, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утв. Указом президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203) акцент сделан на создание и внедрение современных компьютерных технологий в области образования и проведение мероприятий «в области духовно-нравственного воспитания граждан». Не забыто и популяризация «информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Религиозные убеждения человека и гражданина проявляются также во внешнем, окружающем его мире в процессе реализации конституционного права на свободу вероисповедания. Однако без содействия светского государства человек не в состоянии реализовать свободу совести и вероисповедания, как возможность мыслить и поступать согласно своим религиозным убеждениям и моральными устоями. Необходимы взаимосвязанные с ними и обеспечиваемые государством конституционные принципы свободы мысли и слова [1, часть 1 статьи 29]; охраны достоинства личности [1, часть 1 статьи 21] и гарантии защиты достоинства граждан [1, статья 75.1]; признания человека, его прав и свобод в качестве высшей ценности для государства [1, статья 2]; юридического равенства прав и свобод человека и гражданина... [1, статья 19].

Между тем не будет преувеличением утверждение о том, что в условиях формируемой цифровой реальности частно-интимная жизнь человека в контексте религиозных убеждений, определяемых вероучением и традициями, подвергается наибольшему испытанию. Цифровизация все глубже охватывает жизнедеятельность человека. К примеру, набирает обороты разработка формата индивидуальных профилей компетенций граждан и траекторий их развития, предусмотренная программой «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 года № 1632-р). По свидетельству Д. Кузнецова, главы департамента информационных технологий Пенсионного фонда России, для каждого гражданина общества на протяжении всей жизни... «будут фиксироваться все достижения человека, промахи, ошибки, большие проекты, которые он совершил. Фактически это тот цифровой портрет каждого гражданина, который будет формироваться с его рождения. 80% трудоспособного населения будут иметь к 2025 году цифровой портрет, который будет содержаться в цифровом мире».

В современном обществе распространяются религиозные страхи по поводу предполагаемой биологической «чипизации» граждан. Речь идёт не только о технологической возможности посредством интегральной микросхемы цифрования и кодирования множества персональных данных на едином чипе-носителе информации, но и возможности вживлять этот унифицированный электронный чип под кожу человека («биологического

объекта») с целью «удобной и комфортной» идентификации последнего в процессе повседневной жизнедеятельности, прежде всего связанной с предоставлением государственных и муниципальных услуг в цифровой форме. С одной стороны, у государства отпадает необходимость распознавания граждан, а с другой, – человек превращается в биоробота, он потенциально становится легко управляемым извне, в том числе в результате несанкционированного вторжения в программное обеспечение.

Более того, в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 года № 68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век», «... быстрые темпы внедрения новейших компьютерных технологий ... повышают способность правительств, компаний и физических лиц обеспечивать, перехватывать и собирать информацию, и это может нарушать или ущемлять права человека (особенно право на неприкосновенность личной жизни)»; «... новым технологиям объективно присуща внутренняя социально ориентированная противоречивость... В новом информационно-цифровом пространстве активно стираются границы между добром и злом, свободой, доступностью и не свободой, вседозволенностью; критерии технологического прогресса все в меньшей степени учитывают нравственно-этические, гуманистические начала, связанные с использованием его результатов. Поскольку цифровая среда не несёт в себе никакого духовного компонента, она не «интересуется» внутренней жизнью человека, его мировоззренческими и ценностными ориентирами, тем более его религиозными убеждениями, угнетает достоинства человека нравственного, каждого обезличивает.

Нравственный (духовный) человек, особенно верующие, наиболее остро переживают наступление новой цифровой реальности. Они встают не против организационно-управленческой или экономической эффективности цифровых технологий, они выражают неприятие тех рисков, вызовов и потенциальных угроз цифровизации, которые напрямую затрагивают религиозные чувства и несовместимы с их вероучительными убеждениями и свободой.

Традиционные конфессии российского общества занимают фактически консолидированную позицию по поводу серьезной обеспокоенности многих людей, в том числе верующих, введением новых электронных технологий, используемых при взаимодействии граждан с государственными учреждениями и коммерческими организациями. Эта позиция наиболее полно изложена в документах Русской Православной Церкви, выступающей как институт гражданского общества. Так, в Документе Архиерейского Собора РПЦ, принятом 4 февраля 2013 года, сделаны два существенных акцента: Церковь, участвуя в дискуссии о методах учёта и обработки персональных данных, не оправдывает тех, кто уклоняется от гражданских обязанностей или имеет преступные цели, но защищает

право граждан жить в обществе в соответствии со своими убеждениями и принципами; при этом обращено внимание на неприемлемость «ситуации, когда отдельные миряне, а порой и Клирики восхищаются правом от лица Церкви выносить определения о совместимости или несовместимости того или иного явления с верой Христовой и христианским образом жизни. Такое право принадлежит Собору или Синоду... [3].

Лейтмотивом церковной позиции является недопущение в отечественном законодательстве без альтернативности цифровых технологий в социальной жизни общества, что корреспондируется с многочисленными рекомендациями и предложениями, содержащимися в публикациях, обсуждениях и дискуссиях на разного рода общественных и религиозных форумах, и относящихся к проблематике обеспечения религиозной безопасности личности, общества и государства. Они свидетельствуют о том, что значительная часть российского общества, включая не только верующих, но и многих пожилых людей и лиц, страдающих физическими и иными недугами, выражают обеспокоенность, а то и отторжение цифровых технологий, отказываются принимать новые идентификационные системы, документы с электронными идентификаторами личности (личным кодом, штриховым кодированием, идентификационными номерами). В силу своих убеждений и различных предрассудков, они уже не могут полноценно пользоваться различными социальными правами.

В складывающихся обстоятельствах Русская Православная Церковь продолжает ввести «диалог с государством с целью добиться возможности иметь альтернативу электронным средствам контроля и пользоваться традиционными привычными способами подтверждения человеком своей личности при получении социальных благ и вообще при контактах с государством ...» [3].

Несомненно, развитие законодательства и административной практики не должно ущемлять гарантированную Конституцией Российской Федерации вероисповедной и мировоззренческой свободы человека и гражданина, в частности, «свободное принятие электронных документов не должно трансформироваться в обязательное условие реализации гражданином принадлежащих ему от рождения и гарантированных Конституцией Российской Федерации естественных прав и свобод» [4].

Литература

1. Конституция Российской Федерации с изменениями, принятыми на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года. – Москва: Эксмо. 2020
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2021 года № 22-П
3. Позиция Церкви в связи с развитием технологического учета и обработки персональных данных. Документ Архиерейского Собора Русской Православной Церкви от 4 февраля 2013 года

4. Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7.
5. Баранов П.П. Конституционные права и свободы человека в цифровую эпоху / П.П. Баранов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019.
6. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11.
7. Головин Е.Г. Обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях цифровизации социальной жизни / Актуальные проблемы реализации Конституции России: сборник материалов научно-практического семинара. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС. 2019
8. Головин Е.Г. Религиозная безопасность: основы правового регулирования и правоприменительная практика: учебник. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС. 2016.
9. Михеева Т.Н., Бояринцева И.А. О некоторых понятийных и правовых аспектах цифровизации // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. Т. 5. № 3.
10. Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10.

ENSURING FREEDOM OF RELIGION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Ravoyan R.A.

Nizhny Novgorod Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article presents the reaction of Russian society, primarily religiously motivated citizens, to the general digitalization of social life. The topical problems of constitutional human rights and freedoms in the context of the development and implementation of information technologies in the social life of citizens are investigated. Ways of solving the considered problems are offered. It is noted that the voluntary use of the introduced modern computer technologies and electronic means of recognizing citizens cannot be forced in the exercise of the rights and freedoms guaranteed by the Constitution of the Russian Federation. When exercising rights and freedoms, namely the right to freedom of conscience and freedom of religion, guaranteed by the Constitution of the Russian Federation, most of the Russian society takes this approach, since this does not contradict their spiritual and moral positions.

Keywords: religious beliefs of members of society, modern computer technologies, personal data, electronic identification of a citizen.

References

1. The Constitution of the Russian Federation as amended by the All-Russian vote on July 1, 2020. – Moscow: Eksmo. 2020
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 25, 2021 No. 22-P
3. The position of the Church in connection with the development of technologies for accounting and processing personal data.

Document of the Bishops' Council of the Russian Orthodox Church of February 4, 2013

4. Avakyan S.A. Information space of knowledge, digital world and constitutional law // Constitutional and municipal law. 2019. No. 7.
5. Baranov P.P. Constitutional rights and freedoms of a person in the digital era / P.P. Baranov // North Caucasian Legal Bulletin. – 2019.
6. Bondar N.S. Information-digital space in the constitutional dimension: from the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2019. No. 11.
7. Golovin E.G. Ensuring the constitutional rights and freedoms of man and citizen in the conditions of digitalization of social life / Actual problems of the implementation of the Constitution of Russia: a collection of materials of a scientific and practical seminar. – Nizhny Novgorod: NRU RANEPA. 2019
8. Golovin E.G. Religious security: fundamentals of legal regulation and law enforcement practice: textbook. Nizhny Novgorod: NRU RANEPA. 2016.
9. Mikheeva T.N., Boyarintseva I.A. On some conceptual and legal aspects of digitalization // Bulletin of the Mari State University. Series "Historical Sciences. Legal Sciences". 2019. V. 5. No. 3.
10. Khalin V.G., Chernova G.V. Digitalization and its impact on the Russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks // Administrative Consulting. 2018. No. 10.

Правовая природа договоров об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям

Сташина Юлия Сергеевна,
преподаватель, ФГБОУ ВО РГСУ Колледж РГСУ
E-mail: DrygoJUS@rgsu.net

Краснослободцева Екатерина Анатольевна,
преподаватель, ФГБОУ ВО РГСУ Колледж РГСУ
E-mail: KrasnoslobodtsevaEA@rgsu.net

Кулешов Георгий Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции,
АНО ВО «Московский международный университет»
E-mail: Kuleshovgeorge2@gmail.com

Смагин Андрей Андреевич,
преподаватель, ФГБОУ ВО РГСУ Колледж РГСУ
E-mail: SmaginAA@rgsu.net

Чинарян Елена Олеговна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры общей
юриспруденции ФГБОУ ВО РГСУ РГСУ
E-mail: berendeevaeo@mail.ru

Нормативно-правовое регулирование технологического присоединения к электрическим сетям, а также взаимоотношений между сторонами, которые возникают при таком виде деятельности, имеет высокую актуальность в сфере экономики электроэнергетики России. На сегодняшний день договоры о таком присоединении необходимы для снабжения электроэнергией хозяйств и предприятий, и регулирования последующих после этого действий и интересов сторон. Передача электроэнергии предприятиям и лицам без договоров о присоединении невозможна, а значит, отсутствие договора потенциально затрудняет не только экономическое развитие субъектов и лиц, но и препятствует в реализации прав и свобод граждан.

Автор статьи изучает вопрос правовой природы договор, которые заключают объекты хозяйственно-экономической деятельности и организации, предоставляющие доступ к электрическим сетям, а именно, договор о технологическом присоединении к электросетям. Дана всесторонняя оценка характеристик такого договора, проанализирована роль таких договоров во взаимоотношениях сторон и проведён анализ взаимосвязи договора об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям с договором об оказании услуг и договором подряда.

Ключевые слова: договор, технологическое присоединение, оказание услуг, договор подряда.

Нормативно-правовое регулирование технологического присоединения к электрическим сетям, а также взаимоотношений между сторонами, которые возникают при таком виде деятельности, имеет высокую актуальность в сфере экономики электроэнергетики России. На сегодняшний день договоры о таком присоединении необходимы для снабжения электроэнергией хозяйств и предприятий, и регулирования последующих после этого действий и интересов сторон. Передача электроэнергии предприятиям и лицам без договоров о присоединении невозможна, а значит, отсутствие договора потенциально затрудняет не только экономическое развитие субъектов и лиц, но и препятствует в реализации прав и свобод граждан.

На сегодняшний день процедуры технологического присоединения к электросетям регулируют несколько нормативно-правовых документов. Прежде всего, базис регулирования заложен в Федеральном законе от 26.03.2003 N 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (далее – Закон об электроэнергетике) [10]. Закон устанавливает общие принципы процедуры, но, по сложившейся практике, граждане могут сталкиваться с ситуациями, которые основным Законом не предусмотрены, поэтому отдельные нормативно-правовые нюансы регулируются отдельными документами, выпущенными законодателями позже. В числе таких документов – Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 N 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» (далее – Правила) [4].

Правительство России установило, характер и правила по которым происходит подключение энергопринимающих устройств потребителей (ими могут быть как рядовые граждане, так и целые предприятия), в Законе об электроэнергетике, а именно ч. 1, ст. 26 [10] Согласно процедуре, подключение может происходить однократно. Для того, чтобы осуществить такое подключение, заинтересованное лицо должно обратиться к сетевой

организации, осуществляющей поставку электроэнергии, и заключить договор о технологическом присоединении. Важный нюанс, что такой договор является публичным.

В профессиональных и экспертных кругах договоры о технологическом присоединении трактуют по-разному, в частности, существуют различные мнения о его правовой природе.

С одной стороны, можно сказать, что договор о технологическом присоединении имеет схожую природу с типовыми договорами оказания услуг, с которыми ежедневно сталкиваются граждане и организации в ходе осуществления своей экономической деятельности. По сути, по заключаемому договору о технологическом присоединении одна сторона (сетевая организация) берет на себя обязательства по выполнению комплекса услуг по подключению контрагента к энергосети. А вторая сторона (подключаемый участник) обязуется обеспечить технические условия для такого подключения и оплатить оказанные услуги в сроки и порядки, предусмотренные договором и тарифами организации. Заключая такой договор, стороны преследуют не только экономические интересы, но и рассчитывают на нематериальный эффект, а именно, на обеспечение одной из сторон доступа к электричеству [8].

С другой стороны, можно трактовать договор о технологическом присоединении как соглашение обязательств по производству работ, иными словами, договору подряда. В пользу этой точки зрения говорит тот факт, что в рамках такого договора возникают юридические обязательства Стороны А (сетевой организации) по фактическому подключению к электрическим мощностям стороны Б (потребителя и его энергооборудования), что о сути является выполнением некоей работы, которая имеет конечный о вещественный результат [2].

Так или иначе, можно однозначно заключить, что договор об осуществлении технологического присоединения носит в себе черты и того, и другого варианты правовой природы [1]. Анализ показал, что в вольном трактовании можно отнести его в разряд договоров подряда и также к договорам услуг.

Остановить споры о правовой природе таких договоров можно, прибегнув к изучению судебной практики. Как выясняется, этот вопрос был решён в рамках Постановления Президиума ВАС РФ от 10.07.2012 N 2551/12, который говорит нам о том, что договор на техническое присоединение (технологическое присоединение), согласно которому исполнитель обязуется провести работы по подключению сетей заказчика к точкам тепло- и электроснабжения, не может быть квалифицирован как договор на оказание услуг или как смешанный договор, включающий элементы договора возмездного оказания услуг и подряда, а является не поименованным в ГК РФ договором [6]. В соответствии с п. 2 ст. 421 ГК РФ стороны могут заключить договор, не предусмотренный законом или иными правовыми актами [9].

Рассмотрим, какие условия и вопросы регулирует договор о технологическом присоединении. Среди базовых вопросов, которые должны быть отражены и урегулированы договором, значатся следующие.

Во-первых, договор регулирует объём работ, или, иными словами, мероприятий, которые должны быть выполнены в рамках подключения хозяйственного субъекта к электросетям, и распределяет ответственности Сторон за эти работы.

Во-вторых, в договоре должны быть оговорены сроки подключения. Работы по технологическому подключению не могут начинаться раньше, чем был заключён договор, и не могут превышать нормативные сроки, которые установлены Правилами технологического присоединения пределов [5]. За несоблюдение сроков в договоре предусмотрена ответственность, в том числе, заявитель может прийти к расторжению договора в случаях, когда организация не выполняет технологическое присоединение к оговорённым срокам.

В-третьих, договор регулирует балансовую принадлежность на имущество, задействованное в ходе взаимоотношений между сторонами. А конкретно, речь идёт о принадлежности электроустановок, энергопринимающих устройств, энергоустановок, и том, как разграничивается балансовая ответственность в ходе эксплуатации.

В-четвертых, регулируются все вопросы, касающиеся оплаты услуги за технологическое присоединение: размер оплаты, порядок и сроки, в которые заявитель должен успеть осуществить свои возникающие обязательства.

После того, как договор о технологическом присоединении был заключён, обязательства по нему были реализованы, между сторонами, как правило, подписывается другой договорной документ – договор оказания услуг по передачи электроэнергии. Хотя такой договор оставляет меньше вопросов со стороны юридического трактования, поскольку является более транспарентным (он двусторонний, возмездный), можно с уверенностью заключить, что договор оказания услуг по передаче электрической энергии являет собой один из типов традиционных соглашений об оказании услуг на возмездной основе. Тем не менее, есть эксперты и не согласные с этим, такие авторы относят данный договор к договору транспортировки [7] или перевозки.

Договор оказания услуг регулирует отношения между сетевой организацией, осуществляющей подачу электроэнергии, с одной стороны, и потребителем, который эту электроэнергию получает и оплачивает, с другой.

Как правило, такой договор накладывает на сетевую организацию обязательства не просто самой подачи электричества, а в целом на реализацию всех операций и технологических действий, необходимых, чтобы электроэнергия дошла до конечного потребителя услуги. В том числе из этого выходит, что сетевая организация обязана поддерживать свои технологические мощности в при-

годном для работы состоянии, заботится о сроках поставок, качестве предоставления (например, регулирования скачков напряжения), своевременном устранении неполадок.

Важно иметь в виду, что подачу электроэнергии потребителям от сетевых организаций регулирует не только Закон об электроэнергетике, но и Правила недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг.

Договор оказания услуг по передаче электрической энергии должен содержать существенные условия, перечисленные в Правилах. Правила закрепляют обязанности потребителя услуг по передаче и сетевой организации [3].

К существенным условиям договора оказания услуг по передаче электрической энергии Правила относят:

1) величину максимальной мощности энергопринимающих устройств, технологически присоединенных в установленном законодательством Российской Федерации порядке к электрической сети с распределением указанной величины по каждой точке поставки;

2) порядок определения размера обязательств потребителя услуг по оплате услуг по передаче электрической энергии;

3) ответственность потребителя услуг и сетевой организации за состояние и обслуживание объектов электросетевого хозяйства;

4) сведения о приборах учета электрической энергии (мощности);

5) обязанность потребителя услуг по обеспечению установки и допуску в эксплуатацию приборов учета;

6) обязанность потребителя услуг по обеспечению эксплуатации, принадлежащих ему на праве собственности или на ином законном основании устройств релейной защиты и автоматики, а также по обеспечению возможности реализации воздействия устройств противоаварийной, режимной и сетевой автоматики в соответствии с требованиями субъекта оперативно-диспетчерского управления в электроэнергетике и сетевой организации;

7) порядок взаимодействия сетевой организации и потребителя услуг при организации и осуществлении оперативно-технологического управления.

Таким образом, мы проанализировали договоры об осуществлении технологического присоединения потребителей к электрическим сетям, и сравнили их с договорами по предоставлению электроэнергии потребителю. Как мы выяснили, договоры о присоединении регулируют взаимоотношения между подключаемым хозяйствующим объектом и энергоснабжающей организацией, которые возникают, когда последняя проводит мероприятия по подключению (либо реконструкции) специального оборудования, позволяющего в будущем поставлять электричество. При этом у подключаемой стороны возникают права требования с возникновением обязательственного правоотношения по поддержанию генерирующего и сетевого

оборудования в состоянии постоянной готовности к производству и транспортировке энергии до потребителя.

Поскольку доступ к электроэнергии является жизненно важным для реализации хозяйственно-экономической деятельности в любом регионе страны, то заключение договоров о технологическом присоединении новых субъектов и предоставлении им доступа к энергетическим сетям должны быть ясно и прозрачно регулированы нормативно-правовыми актами, договоры должны заключаться с надлежащей юридической чистотой и понятны обеим сторонам.

Литература

1. Договоры в сфере электроэнергетики: научно-практическое пособие / О.А. Городов. Москва: Волтерс Клувер, 2007. 235 с.
2. Захаров Ю.Ю. Заключение и исполнение инфраструктурных договоров в электроэнергетике // Хозяйство и право. 2005. N 7. С. 20, 21.
3. Кирюхина Е.В. Некоторые вопросы правового регулирования договора технологического присоединения к электрическим сетям [Электронный ресурс] // Юридический мир. 2009. № 6. СПС Консультант Плюс.
4. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 N 861 (ред. от 30.06.2022) «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» // Собрание законодательства РФ. 27.12.2004. N 52 (часть 2). Ст. 5525.
5. Постановление Правительства РФ от 13.08.2018 N 937 (ред. от 30.01.2021) «Об утверждении Правил технологического функционирования электроэнергетических систем и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 20.08.2018. № 34. Ст. 5483.
6. Постановления Президиума ВАС РФ от 10.07.2012 N 2551/12 // Вестник ВАС РФ. 2012. N 11.
7. Российское гражданское право: учебник. Т. 2 / под. ред. Е.А. Суханова. М.: Статут, 2011. С. 249.
8. Свирков С.А. Договорные обязательства в электроэнергетике. – М.: Статут, 2006. 253 с.

9. Символоков О.А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории и практики: монография / О.А. Символоков. Москва: Инфотропик Медиа, 2021. 186 с.
10. Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ (ред. от 11.06.2022) «Об электроэнергетике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 31.03.2003. № 13. Ст. 1177.

LEGAL NATURE OF AGREEMENTS ON TECHNOLOGICAL CONNECTION TO ELECTRIC NETWORKS

Stashina J.S., Krasnoslobodtseva E.A., Kuleshov G.N., Smagin A.A., Chinaryan E.O.

RSSU College RSSU College; Moscow International University

The legal regulation of technological connection to electric networks, as well as the relationship between the parties that arise in this type of activity, is of high relevance in the field of the Russian electric power industry economy. To date, agreements on such connection are necessary to supply households and enterprises with electricity, and to regulate subsequent actions and interests of the parties. The transmission of electricity to enterprises and individuals without connection agreements is impossible, which means that the absence of an agreement potentially complicates not only the economic development of entities and individuals, but also hinders the realization of the rights and freedoms of citizens.

The author of the article studies the issue of the legal nature of the contracts between objects of economic activity and organizations that provide access to electric networks, namely, an agreement on technological connection to electric networks. The author gives a comprehensive assessment of the characteristics of such an agreement, also analyzes the role of such agreements in the relationship of the parties, and influence of the agreement of technological connection to electric networks on a contract for the provision of services and a work contract.

Keywords: contract, technological connection, provision of services, contract agreement.

References

1. Contracts in the field of electric power industry: scientific and practical manual / O.A. Gorodov. Moscow: Wolters Kluwer, 2007. 235 p.
2. Zakharov Yu. Yu. Conclusion and execution of infrastructure contracts in the electric power industry // *Economy and law*. 2005. N 7. S. 20, 21.
3. Kiryukhina E.V. Some issues of legal regulation of the contract for technological connection to electric networks [Electronic resource] // *Legal world*. 2009. No. 6. SPS Consultant Plus.
4. Decree of the Government of the Russian Federation of December 27, 2004 N 861 (as amended on June 30, 2022) "On approval of the Rules for non-discriminatory access to services for the transmission of electrical energy and the provision of these services, the Rules for non-discriminatory access to services for operational dispatch control in the electric power industry and the provision of these services, the Rules for non-discriminatory access to the services of the wholesale market trading system administrator and the provision of these services, and the Rules for the technological connection of power receivers of consumers of electric energy, electric power production facilities, as well as electric grid facilities owned by grid organizations and other persons to electric networks" // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 12/27/2004. No. 52 (part 2). Art. 5525.
5. Decree of the Government of the Russian Federation of August 13, 2018 N 937 (as amended on January 30, 2021) "On approval of the Rules for the technological functioning of electric power systems and on amendments to some acts of the Government of the Russian Federation" // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 08/20/2018. No. 34. Art. 5483.
6. Resolutions of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of July 10, 2012 N 2551/12 // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2012. No. 11.
7. *Russian civil law: textbook*. Vol. 2 / under. ed. E.A. Sukhanov. M.: Statut, 2011. S. 249.
8. Svirkov S.A. *Contractual obligations in the electric power industry*. – M.: Statut, 2006. 253 p.
9. Symbolokov O.A. *Contracts in the electric power industry: problems of theory and practice: monograph* / O.A. Symbolokov. Moscow: Infotropic Media, 2021. 186 p.
10. Federal Law of March 26, 2003 N 35-FZ (as amended on June 11, 2022) "On the Electric Power Industry" (as amended and supplemented, effective from September 10, 2022) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. March 31, 2003. No. 13. Art. 1177.

Анализ нормативно-правового регулирования обращения криптовалюты: российский и международный опыт

Ткачева Людмила Васильевна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры финансового права, Южный федеральный университет
E-mail: lvtkacheva@sfnu.ru

В настоящее время использование цифровых технологий являются мейнстримом по всему миру, не только способствуя развитию новых конкурентных преимуществ как для отдельных компаний, так и для стран, в целом, но и кардинально изменяя целые отрасли. Одним из таких явлений, оказывающим влияние на привычное функционирование мирового финансового рынка, является формирование криптовалютного рынка, капитализация которого в 2022 году составила более 2 трлн долл. США. При этом единой позиции в отношении криптовалюты в мире не существует, и каждая страна самостоятельно определяет нормативно-правовую базу в отношении криптовалютного рынка. Все это говорит о большой актуальности выбранной темы для данного научного исследования, целью которого является проведение анализа действующего и планируемого к внедрению нормативно-правового регулирования обращения криптовалюты. Для достижения данной цели были поставлены следующие основные задачи: проведение анализа основных особенностей криптовалюты; выявление примеров нормативно-правового регулирования ее обращения в ведущих зарубежных странах; определение позиции Российской Федерации к инвестированию в криптовалюту и ее использованию на территории страны. Для достижения поставленных задач были применены методы синтеза, ретроспективного анализа и графической интерпретации данных.

Ключевые слова: криптовалюта, обращение криптовалюты, криптовалютный рынок, цифровая валюта, мировой финансовый рынок, финансовое право.

Введение

С момента появления первой криптовалюты – биткоина прошло 13 лет, за это время сформировался отдельный криптовалютный рынок с капитализацией более 2 трлн долл. США (также в период с 2011 по 2013 год биткоин достигал паритета с долларом США), появилось более 6 тысяч различных видов криптовалют, 200 криптобирж и 80 млн блокчейн-кошельков, владельцами которых являются не только физические лица, но и ведущие компании, среди которых наиболее известной являются «Tesla». Несмотря на то, что инвестирование в криптовалюту приобретает все больший интерес (например, по данным 2021 года криптовалюта занимает 12% от общего объема инвестиций, совершаемых в качестве первой покупки, что приравнивается ко 2 месту), достаточно низким является уровень доверия к криптовалюте в мире (по данным экспертов компании «Edelman» в 2022 году он составляет 40%). В связи с этим только возрастают споры вокруг ее официального внедрения и «легализации» на государственном уровне. Так, ряд стран и финансовых регуляторов запрещают обращение криптовалюты, другие же, наоборот, способствуют развитию данного рынка.

Виды, особенности и тенденции использования криптовалюты

Появлению в 2009 году первой криптовалюты (биткоина) предшествовали долгие годы разработок, история которых уходит в середину XX столетия, когда появилась идея цифровых денег и цифровых платежей, а также были сформированы протоколы «электронной наличности» и торгов на бирже. Таким образом в настоящее время под криптовалютой понимается «цифровая» монета, защищенная от подделки используемыми блокчейн технологиями, эмитируемая в электронном виде посредством собственной виртуальной платежной системы и не имеющая привязки к «физической» валюте [Родичева, 2018].

При этом изначально следует отметить, что понятие криптовалюты не синонимично понятию цифровых или электронных денег, а лишь является определенной их разновидностью (так к электронным деньгам можно отнести все деньги, которые используются для расчета в виртуальном пространстве посредством электронных платежных систем, например PayPal, WebMoney, Яндекс. Деньги, Alipay, Qiwi) с рядом существенных отличий по правовому регулированию, структуре, про-

зрачности, управлению транзакциями, и отношению к анонимности. [Разница, www]

Среди основных видов криптовалюты можно выделить биткойны, альткойны (в том числе стейблкоины), токены (в том числе DeFi-токены), неко-

торые из которых являются форк-криптовалютами (т.е. измененными копиями появившихся ранее криптовалют) [Виды, www]. Основные характеристики биткойна, альткойна и токена представлены в табл. 1.

Таблица 1. Характеристика основных видов криптовалют [Виды, www; История, www]

	Биткоин	Альткойн	Токен
Год создания	2009	2011	2010
Концепция создания	Цифровая альтернатива фиатным валютам и золоту	Цифровая альтернатива фиатным валютам и серебру	Не используется блокчейн, а представляет собой цифровую расписку на предоставление реальных финансовых активов (золота, ценных бумаг, сырья и пр.)
Скорость совершения транзакции	от 60 до 10 минут	30 секунд	от 30 минут до 30 секунд
Рыночная капитализация	561 млрд долл. США	16,6 млрд долл. США	0,2 млрд долл. США

Основными особенностями криптовалюты, формирующими ее уникальные преимущества, являются следующие: ее полная анонимность, быстрая скорость переводов, в том числе и трансграничных, а также отсутствие инфляции. При этом существуют и определенные недостатки, среди которых можно выделить высокую волатильность, проблемы с поддержанием безопасности и переводом средств в наличную валюту (в числе которых дороговизна и неразвитость системы криптоматов), а также необходимость использования больших объемов вычислительных мощностей для поддержания криптовалют.

Все это, в частности, приводит и к наметившейся тенденции по снижению капитализации криптовалютного рынка (с прогнозируемых в 2022 году 4 млрд долл. США до фактических 2 млрд долл. США). При этом, согласно оценке Центра альтернативных финансов Кембриджа максимальная зафиксированная суточная потребность в мощности сети для биткойна была 10 мая 2021 года (56,02 гигаватта), а в 2021 и 2022 гг. годовая потребность в мощности сети превысила 100 терра-ватт – часов, что больше половины от всей потребленной мощности за последние 12 лет (рис. 1).

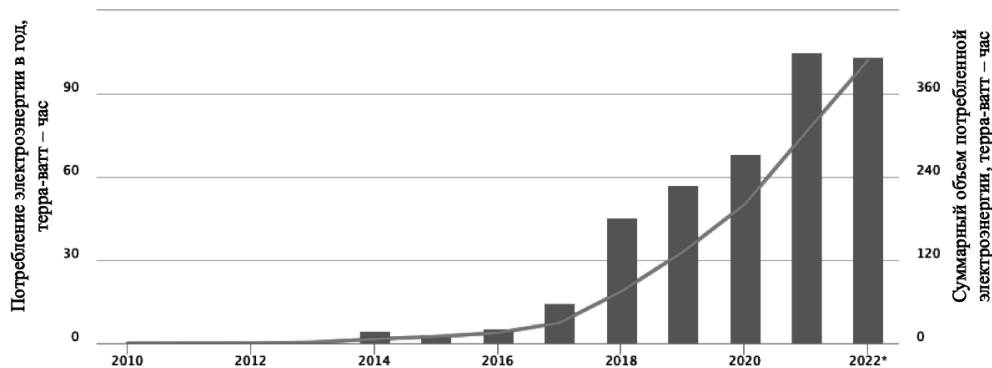

Рис. 1. Анализ потребляемой мощности при майнинге биткойна [Cambridge www]

При этом, если в сентябре 2019 года на вычислительные мощности Китая приходилось 75,5% от мирового объема затрачиваемых мощностей, то в январе 2022 года данное значение составляет 21,1%, а среди стран-лидеров, заметно нарастивших объемы по сравнению с 2019 годом, отмечаются США (37,4% в январе 2022 года и 4,1% в сентябре 2019 года), Казахстан (14% и 1,4%, соответственно), Канада (6,8% и 1,1%, соответственно), Германия (3,1% и 0,9%, соответственно), Ирландия (2% и 0%, соответственно). Есть и страны, в которых доля объема затрачиваемых мощностей за рассматриваемый период сократилась, среди них: Российская Федерация (4,7% в январе 2022 года и 5,9% в сентябре 2019 года), Малайзия (2,5% и 3,3%, соответственно), Иран (0,7% и 1,1%, соответственно) [Cambridge www]. Одной из причин подобных изменений является формирование

государственной позиции в отношении криптовалюты и появление регламентирующих локальных нормативно-правовых актов.

Во многом введению соответствующего законодательного регулирования криптовалютного рынка способствовал тот факт, что полная анонимность стала причиной роста популярности использования криптовалюты в криминальной сфере, так уже в 2018 году объем незаконной деятельности с использованием биткойна превысил 75 млрд долл. США [Иванцов, 2019]. Начиная с 2015 года криптовалюта начала активно использоваться во всем мире как при совершении коррупционных преступлений и отмывании доходов, так и при совершении торговых операций в даркнете [Земцова, 2020]. Помимо прочего участились преступления против собственности, связанные с хищением криптовалюты [Коренная, 2019]. В связи с этим,

например, Интерполом в 2022 году объявлено о создании специального подразделения по борьбе с транснациональными криптопреступлениями, а в Российской Федерации появился цифровой сервис «Личный кабинет правоохранительного органа», направленный на выявление мошеннических криптопреступлений. Наиболее резонансные преступления, произошедшие в 2022 г., представлены в табл. 2.

Таблица 2. Примеры криптопреступлений в 2022 г. [Мошенничество, www]

Страна	Размер	Вид
Китай	1,7 млрд долл. США	Отмывание доходов
Эстония	575 млн долл. США	Мошенничество
Испания	2,4 млрд евро	Мошенничество
США	3,3 млрд долл. США	Хищение
Великобритания	160 млн долл. США	Хищение
Индия	12,81 млрд долл. США	Мошенничество
Южная Корея	60 млрд долл. США	Мошенничество
Турция	2 млрд долл. США	Мошенничество
Южная Корея	3,4 млрд долл. США	Отмывание доходов

Нормативно-правовое регулирование обращения криптовалюты в зарубежных странах

В настоящее время нет единого подхода к использованию криптовалюты в мире. Одни страны ее запрещают, другие же признают операции полностью легальными, а третьи идут еще дальше и создают официальную государственную криптовалюту. При этом, отрицательно настроены и банки. Так, например, в 2017 году в банке «JP Morgan Chase» операции с криптовалютами приравнивались к мошенничеству. Рассмотрим наиболее яркие примеры нормативно-правового регулирования, используемого различными странами мира.

1. Примеры стран, признавших криптовалюту легальным денежным средством [15 стран, www]:

- Япония. Одна из первых стран, в которой с 2017 года биткойн признан законным средством платежа, а криптовалюты имеют официальный статус. В 2022 году Парламентом был принят закон и о стейблкоинах, которые признали цифровыми деньгами, но разрешили эмиссию только лицензированным банкам, трастовым компаниям и зарегистрированным операторам;
- Белоруссия. Одновременно с Японией признала биткойн законным средством платежа в 2017 году. Основным нормативным актом является закон «О цифровой экономике», в котором также указано, что криптовалютный рынок до 2049 года освобожден от уплаты налогов, а для облегчения обмена виртуальных активов используется запущенный в 2020 году онлайн-

сервис. При этом, все транзакции с криптовалютой подлежат декларированию;

- Венесуэла. В 2018 году в качестве одного из механизмов выхода из начавшегося экономического кризиса, а также противодействия санкционного давления Запада была создана первая государственная криптовалюта El Petro, являющая цифровой альтернативой нефти и полезных ископаемых. В 2020 году Правительством был представлен законопроект, расширивший возможность использования криптовалют при совершении национальных и международных торговых операций, а также определяющий создание и функционирование национального майнинг-пула. Одним из вариантов дальнейшего развития криптовалютного рынка является размещение резервов страны, в том числе, в криптовалюте;
- Австралия. Операции с криптовалютой разрешены с 2017 года. Определены различные налоговые ставки для каждого из типов операций с криптовалютой;
- Швейцария. Является страной с самой прогрессивной законодательной базой в отношении криптовалютного рынка. С 2017 года функционируют правовые площадки по поддержке стартапов, криптовалюта в отдельных регионах (город Цуг) с 2016 года используется, в том числе, для оплаты государственных услуг и коммунальных платежей [Михайлина, 2020];
- Норвегия. Криптовалюта является цифровым активом, при совершении операций, с которыми отменен налог на добавленную стоимость;
- США. Операции с криптовалютой легализованы с 2017 года, но в отличие от других стран облагаются налогом (местным и федеральным);
- Страны ЕС (Германия, Испания, Италия, Мальта, Чехия). Криптовалюта является официальным средством платежа, созданы специализированные нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность криптовалютного рынка и его субъектов. Основным отличием является необходимость получения специализированных лицензий и отношение к оплате налогового бремени за операции с криптовалютой. Например, в Чехии нет необходимости получения специальных лицензий, единственным условием работы на криптовалютном рынке является верификация клиентов. В то же время в Германии несмотря на разрешенный майнинг и эмиссию криптовалюты законодательно утверждены нормы данных операций, которые не облагаются налогом, но если криптовалюта используется как платежный инструмент, то необходимо оплатить налог на добавленную стоимость;
- Сальвадор. Признание криптовалюты (приравнена к средству платежа наравне с долларом США) произошло в 2021 году. Действует правительственное приложение, позволяющее совершать операции с криптовалютой как в коммерческих, так и в государственных организациях;

– Филиппины. С 2017 года любой тип цифровой валюты признается финансовым инструментом, с помощью которого можно осуществлять платежи, при этом от криптовалютных бирж требуется получение специальной лицензии, а также предоставление отчетности.

2. Примеры стран, запретивших операции с криптовалютой вследствие противодействия угрозам национальной безопасности или по иным религиозным или национальным причинам. С 2014 года ряд стран ввел полный запрет на все операции, совершаемые с криптовалютой, как на законодательном уровне, так и на уровне Централных банков. Несоблюдение данного запрета влечет за собой не только штрафы, но и в ряде стран тюремное заключение. Среди стран с полным запретом можно выделить Бангладеш, Боливию, Индонезию, Непал и Эквадор. При этом отдельно стоит выделить Вьетнам и Исландию, в которых операции на криптовалютном рынке запрещены, но законодательная база в части наказаний за данные правонарушения не проработана, поэтому операции с криптовалютой продолжают совершаться. В данный список попадает и Китай, в котором с 2019 года была официально запрещена торговля криптовалютой (с этого же года происходит и сокращение доли Китая в объеме общемировой потребляемой мощности), а уже с 2021 года все операции с криптовалютой были признаны все закона Народным банком Китая, после чего последовал запрет на государственном уровне, предусматривающий наказание в виде лишения свободы и многократного штрафа. При этом, начиная с 2019 года началось создание национальной цифровой валюты, цифрового юаня, который в настоящее время проходит стадию тестирования и в дальнейшем должен способствовать расширению международной торговли.

Нормативно-правовое регулирование обращения криптовалюты в Российской Федерации

Российская Федерация является одним из лидеров по числу совершаемых мошеннических действий с криптовалютой. Так, здесь в 2021 году было совершено 10% от всех криптопреступлений мира, а в 2022 году были отмечены первые случаи передачи взятки в криптовалюте. При этом по рейтингу “Coinclub” Российская Федерация в 3 квартале 2022 года заняла 33 место в мире в Глобальном рейтинге развития крипто-экономики, получив 5,7 звезд из 10 возможных в основном за счет количественного роста совершаемых операций [Coinclub, www]. Также, как уже было сказано ранее, Российская Федерация в 2022 году занимает третье место в мире по майнингу биткоина, 9 место по принятию криптовалюты (в 2020 году было 2 место) и 2 место по доле населения, владеющего криптовалютой, а средний объем совершаемых операций с криптовалютой в год составляет порядка 5 млрд долл. США.

При этом, не смотря на возрастающую популярность рынка криптовалюты и позицию Министер-

ства финансов Российской Федерации в 2021 года Банком России на основании проведенного анализа были выявлены риски, представляющие угрозу для российского финансового рынка (для благосостояния граждан, для финансовой стабильности, для расширения нелегальной деятельности), которые «при отсутствии ограничений и дальнейшем росте объемов инвестирования в криптовалюты российскими гражданами, масштабном вовлечении в рынок банков и других финансовых организаций могут усиливаться и нести системные угрозы» [Криптовалюты, www]. В связи с этим в рамках действующего законодательства (Федеральный закон № 259-ФЗ от 31.07.2020 года «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») Банк России настаивал на введении целого ряда запретов, в том числе запрета на всю деятельность, связанную с криптовалютами, и ответственности за их нарушение.

Возможно одной из причин подобной позиции Банка России стал и тот факт, что начиная с декабря 2021 года им разрабатывается проект цифрового рубля, который должен стать (по примеру Китая) цифровой национальной валютой. События февраля 2022 года заставили Банк России не только ускорить реализацию этого проекта (так к началу 2023 года должно пройти тестирование прототипа платформы и быть разработана законодательная база, необходимая для внедрения цифрового рубля, а также в отчетности банков должны появиться позиции по учету и движению цифрового рубля), но и согласиться с позицией Министерства финансов РФ по легализации операций с криптовалютой и регулированию криптовалютного рынка по примеру Швейцарии [Михайлина, 2020].

Таким образом, в настоящее время криптовалюта (как и в случае с Венесуэлой) начинает рассматриваться не как угроза, а как одна из возможностей преодоления усилившегося санкционного давления и продолжения совершения трансграничных операций, которые были приостановлены после отключения российской банковской системы от системы международных межбанковских платежей SWIFT, а в рамках пятого пакета санкций ЕС запретил и предоставление России услуг по управлению активами, размещенными в криптовалюте. В настоящее время в Государственную Думу уже внесены законопроекты о майнинге криптовалюты и о регулировании криптовалютного рынка (в том числе в части национальных и международных расчетов), а в Москве с октября 2022 года отмечается резкое увеличение количества криптоматов (с учетом новых в целом по стране в настоящее время насчитывается 52 криптомата).

Заключение

В ходе проведенного исследования можно сделать вывод, что несмотря на все риски, присущие криптовалюте, уже просто невозможно вычеркнуть криптовалютный рынок как из финансовой систе-

мы отдельных стран, так и из мировой финансовой системы, в целом. При этом, рассмотренный опыт нормативно-правового регулирования обращения криптовалюты в ведущих странах мира говорит о том, что регулирование в основном направлено на нивелирование одной из главных характеристик криптовалюты, ее анонимности, а также централизации. Так уже сейчас отмечаются случаи ареста криптовалюты, полученной мошенническим путем, а также обязательной отчетности и ее декларирования физическими и юридическими лицами.

Литература

- 15 стран, в которых полностью легализована криптовалюта / Портал VC.RU. URL: <https://vc.ru/finance/430367-15-stran-v-kotoryh-polnostyu-legalizovana-kriptoalyuta>
- Земцова С.И. Криптовалюта в незаконном обороте наркотических средств: вопросы деанонимизации и ответственности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptoalyuta-v-nezakonnom-oborote-narkoticheskikh-sredstv-voprosy-deanonimizatsii-i-otvetstvennosti>.
- Иванцов С.В. Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции / С.В. Иванцов, Э.Л. Сидоренко, Б.А. Спасенников, Ю.М. Берёзкин, Я.А. Суходолов // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 1. С. 85–93.
- История создания криптовалюты: первая в мире крипта и Satoshi Nakamoto / Портал BINANCE. URL: <https://www.binance.com/ru/blog/markets/история-создания-криптовалюта-первая-в-мире-крипта-и-satoshi-nakamoto-421499824684902668>.
- Коренная А.А., Тыдыкова Н.В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 408–415.
- Криптовалюты: тренды, риски, меры / Банк России. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf.
- Мошенничество с криптовалютой / Портал TADVISER. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Мошенничество_с_криптовалютой.
- Разница между криптовалютой и цифровой валютой / Портал Polygant. URL: <https://polygant.net/ru/blog/raznitsa-mezhdu-kriptoalyutoj-tsfirovoj-valyutoj/>.
- Родичева В.Б. Криптовалюта: история происхождения и развития // XII Международная конференция «Российские регионы в фокусе перемен». Екатеринбург, 16–18 ноября 2017 г.: сборник докладов. – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ. 2018. Ч. 2. С. 355–357.
- Федеральный закон № 259-ФЗ от 31.07.2020 г. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru).
- Cambridge Bitcoin Electricity Consumption Index / Cambridge Center for Alternative Finance. URL: <https://ccaf.io/cbeci/index>.
- Coincub. URL: <https://coincub.com/ranking/q3-2022-global-crypto-ranking/>.

ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCY CIRCULATION: RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

Tkacheva L.V.

Southern Federal University

Currently, the use of digital technologies is mainstream around the world, not only contributing to the development of new competitive advantages for both individual companies and countries as a whole, but also fundamentally changing entire industries. One of these phenomena that affects the usual functioning of the global financial market is the formation of the cryptocurrency market, the capitalization of which in 2022 is about 2 trillion US dollars. At the same time, there is no single position in relation to cryptocurrency in the world, and each country independently determines the regulatory framework for the cryptocurrency market. All this indicates the great relevance of the chosen topic for this scientific study, the purpose of which is to analyze the current and planned for the implementation of the legal regulation of the circulation of cryptocurrency. To achieve this goal, the following main tasks were set: analysis of the main features of the cryptocurrency; identification of examples of legal regulation of its circulation in leading foreign countries; determination of the position of the Russian Federation towards investing in cryptocurrency and its use on the territory of the country. In the course of the study, methods of synthesis, retrospective analysis and graphical interpretation of data were used.

Keywords: cryptocurrency, circulation of cryptocurrency, cryptocurrency market, digital currency, global financial market, financial law.

References

- 15 countries in which cryptocurrency is fully legalized / Portal VC.RU. URL: <https://vc.ru/finance/430367-15-stran-v-kotoryh-polnostyu-legalizovana-kriptoalyuta>
- Zemtsova S.I. Cryptocurrency in illicit drug trafficking: issues of deanonymization and liability // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2020. No. 1 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptoalyuta-v-nezakonnom-oborote-narkoticheskikh-sredstv-voprosy-deanonimizatsii-i-otvetstvennosti>.
- Ivantsov S.V. Crimes related to the use of cryptocurrency: main criminological trends / S.V. Ivantsov, E.L. Sidorenko, B.A. Spasennikov, Yu.M. Beryozkin, Ya.A. Sukhodolov // All-Russian criminological journal. 2019. V. 13, No. 1. S. 85–93.
- The history of the creation of cryptocurrency: the world's first crypt and Satoshi Nakamoto / BINANCE Portal. URL: <https://www.binance.com/blog/markets/history-of-the-creation-of-crypto-currency-the-world-first-crypto-and-satoshi-nakamoto-421499824684902668>.
- Korennyaya A.A., Tydykova N.V. Cryptocurrency as an object and means of committing crimes // All-Russian criminological journal. 2019. V. 13, No. 3. S. 408–415.
- Cryptocurrencies: trends, risks, measures / Bank of Russia. URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf.
- Cryptocurrency fraud / Portal TADVISER. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Article:Cryptocurrency_fraud.
- Difference between cryptocurrency and digital currency / Polygant Portal. URL: <https://polygant.net/ru/blog/raznitsa-mezhdu-kriptoalyutoj-tsfirovoj-valyutoj/>.
- Rodicheva V.B. Cryptocurrency: history of origin and development // XII International Conference "Russian Regions in the Focus of Changes". Yekaterinburg, November 16–18, 2017: col-

lection of reports. – Yekaterinburg: UMTs UPI Publishing House. 2018. Part 2. S. 355–357.

10. Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 “On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” // Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru).
11. Cambridge Bitcoin Electricity Consumption Index / Cambridge Center for Alternative Finance. URL: <https://ccaf.io/cbeci/index>.
12. Coincub. URL: <https://coincub.com/ranking/q3-2022-global-crypto-ranking/>.

Актуальные вопросы правового регулирования национальной платежной системы Российской Федерации

Хамидулина Светлана Григорьевна,

магистрант Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
E-mail: khamidulina_s@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы функционирования и правового регламентирования национальной платежной системы России в соответствии с текущей экономической ситуацией. Внедрение изменений в отечественную платежную систему обуславливается необходимостью преодоления последствий мировой пандемии COVID-19, а также экономической изоляции в период внедрения международных антироссийских санкций в 2014–2022 гг. Особое внимание автора уделяется минимизации наличного денежного обращения в секторе государственного управления, предпринимаемом с целью развития безналичных платежей в рамках обслуживания единых бюджетных счетов. Отмечается, что для удовлетворения потребности потребителей в осуществлении денежных транзакций в безналичной форме необходима оперативная разработка правовых основ порядка осуществления денежных переводов. Подчеркивается, что главной целью правовых изменений в национальной платежной системе России должно стать обеспечение оперативности денежных потоков и предоставление гарантий реализации платежей на территории России. Одним из ключевых выводов исследования является признание необходимости правовой регламентации функционирования отечественной системы платежных расчетов и разработки унифицированных норм работы российских операторов платежных систем при осуществлении расчетов между субъектами платежной системы.

Ключевые слова: национальная платежная система, безналичные расчеты, Банк России, государственное регулирование, международная платежная система, санкции.

В 2021–2022 гг. «универсальная система правил совершения платежей, именуемая Национальной платежной системой (НПС) России» [1, с. 71], в условиях функционирования в рамках новых рыночных механизмов претерпела существенные изменения. Модификации отечественной НПС связаны в первую очередь с глобальной перестановкой сил на глобальном рыночном пространстве и реализацией широкомасштабных санкционных ограничений, направленных западными оппонентами РФ в адрес российских компаний, представителей бизнес-среды и предпринимателей. Мировая экономическая и финансовая ситуация последних лет постоянно меняется, что вынуждает отечественную НПС искать пути преодоления негативных сценариев развития.

Рассмотрение особенностей и принципов правового регулирования современной платежной системы России невозможно без осознания двойственности природы понятия НПС, который в качестве правового института сочетает в себе нормы обязательственного права и нормы права денежного обращения. Важность «научного изучения правовых основ национальной платежной системы» России признают отечественные специалисты М.Ю. Зарубин, Н.А. Булгакова [2, с. 160]. Согласимся с экспертами и отметим, что институциональный аспект отечественной НПС отражен в определении НПС как институте финансового права России, представляющего собой совокупность комплексных норм, необходимых для регулирования общественных отношений [4], образующихся в результате организации денежных операций и осуществлении деятельности платежных систем. С точки зрения финансового права, согласно статье 3 Федерального закона № 161-ФЗ от 27 июня 2011 г. «О национальной платежной системе» [3], НПС представляет собой совокупность субъектов национальной платежной системы России, которые объединены «в соответствии с принципами стабильности, эффективности, безопасности и независимости» [4, с. 32].

Законодательное определение НПС сегодня требует дополнения. Нельзя оставить без внимания такую фундаментальную цель реализации НПС, как «обеспечение бесперебойного, эффективного, безопасного и независимого функционирования рынка платежных услуг в Российской Федерации» [4, с. 32]. Существенным правовым ограничением сегодня является отсутствие в отечественном законодательстве перечня принципов существования и функционирования национальной платежной системы. Формулировка ключевых

правил развития российской НПС и принципов ее совершенствования возложена на Центральный Банк России, который сегодня становится своеобразным правовым гарантом по обеспечению стабильного функционирования отечественной платежной системы.

Для устранения потенциальных правовых коллизий НПС России базируется на соблюдении ключевых принципов, обозначенных в перечне нормативно-правовых документов и стратегических инициатив [5, с. 3], которые будут использоваться в «Стратегии развития национальной платежной системы на 2021–2023 гг.» Банка России, которая была подготовлена и представлена Департаментом НПС.

В качестве ключевой стратегической цели деятельности Банка России выделено «обеспечение стабильности и развития национальной платежной системы» [5]. Совместно с участниками платежного рынка Банк России реализует важные правовые инициативы и апробирует проекты, которые помогут отечественной НПС выдержать испытания времени и продемонстрировать мировому экономическому сообществу такие принципы развития НПС России, как «финансовая стабильность и устойчивость» [6, с. 35], гарантированная надежность предоставляемых услуг, безопасность, удобство использования финансового инструментария, достижение суверенитета российского платежного пространства, развитие высококонкурентного платежного рынка, внедрение инноваций, эффективное взаимодействие Банка России с субъектами платежной инфраструктуры и органами государственной власти.

Важными стратегическими инициативами Центрального Банка России, внедряемыми с целью повышения эффективности функционирования отечественной НПС, становятся:

1. Внедрение в работу Национальной системы платежных карт (НСПК) собственной платежной системы «Мир», действующей на территории РФ.
2. Запуск централизованной отечественной системы мгновенных переводов – Системы быстрых платежей (СБП), правовые основы функционирования которой регулируются Положением Банка России от 24 сентября 2020 № 732-П [9] и Распоряжением Правительства РФ от 4 марта 2022 г. № 411-р [7]. Оригинальная комплексная система межбанковских расчетов позволяет решать задачи любой финансовой сложности (от оплаты услуг ЖКХ до перевода денежных средств по номеру телефону) в сжатые временные сроки без наличия комиссии за перевод. По состоянию на 1 ноября 2022 г. платформа СБП включает уже 214 банков-участников, а количество финансовых транзакций составило 3,2 млрд на общую сумму 16,6 трлн рублей.
3. Реализация Системы передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС), позволяющей осуществлять круглосуточный обмен

финансовой информацией по защищенным и независимым каналам крупным компаниям и финансово-кредитным учреждениям (включая нерезидентов Российской Федерации).

Осуществление и обработка платежных расчетов внутри страны по картам международного формата Visa и Mastercard, заблокированным после санкционных мероприятий февраля-марта 2022 г., является сегодня одной из главных задач российской НСПК. Обработывая финансовые транзакции внутри НСПК, последняя гарантирует их работу на территории России до истечения срока действия. В условиях блокировки зарубежных счетов российских компаний и предпринимателей, трудностей в реализации мультивалютных счетов российскими гражданами за рубежом закономерно появление новых платежных сервисов на отечественном рынке, которые смогли бы стабилизировать рыночную ситуацию.

Российские эксперты Т.М. Горбатина и Н.М. Иллирионова [8, с. 19] настаивают на «глобальном процессе реформирования правовой базы, касающейся функционирования национальной платежной системы». Специалисты связывают данные изменения с всесторонними экономическими трансформациями, стремлением к международной унификации законов и подзаконных актов, действующих в адрес отечественной НПС, а также реализацией новшеств в сфере регулирования новых платежных инструментов.

К мнению коллег присоединяются доктор юридических наук Ю.А. Крохина и Е.С. Салина [4, с. 32]. Необходимость изменений в области отечественной НПС эксперты связывают с увеличением доли платежей, совершающихся в безналичном формате, увеличением объема операций, совершаемых с помощью бесконтактных технологий (от оплаты при покупке в розничной торговой точке до проезда в метро), а также росту платежей, совершаемых с помощью платежной системы «Мир».

В условиях обновления текущей экономической ситуации и перестановки сил на глобальном экономическом пространстве для решения актуальных экономических запросов остро назрела необходимость в совершенствовании существующей правовой базы в адрес национальной платежной системы. Обеспечение финансовой независимости от экономической политики зарубежных государств становится особенно актуальным в связи с санкционными запретами в адрес РФ, которые реализуются с 2014 г. и особенно обострились в связи с накалом политической обстановки в 2022 г. Следует подчеркнуть, что в 2022 г. количество платежных систем на российском экономическом рынке значительно уменьшилось – из 56 записей, которые находились в нем по состоянию на 1 марта 2022 г., действующими и не исключенными оказались только 27 организаций (по состоянию на 23 ноября 2022 г. на российских финансовых площадках действуют 28 платформ для реализации финансовых транзакций), а за пределами российского экономического рынка оказались

международные платформы Visa, Western Union, MasterCard, а также PrivatMoney, Regional Payment System, InterExpress, Rexpay, NCC (National Credit Cards), Anelik и др. Подчеркнем, что реестр платежных систем России не включил платежную систему «Мир» и ее оператора НСПК, которые были созданы по особому указанию законодательства РФ.

Резкое уменьшение платежных систем, представленных на отечественном финансовом рынке в 2022 г., и стремительное нарастание платежного кризиса привели к осознанию необходимости усовершенствования механизма российской НПС, которая сможет противостоять многочисленным внешним угрозам и обеспечить надежность и стабильность переводов для граждан в условиях экономической изоляции 2022 г. С целью роста скорости обработки транзакций и создания эффективной альтернативы взамен ушедшим с российского платежного рынка платежным системам было принято решение о создании отечественной системы платежных карт.

В России, по данным Центрального Банка России, по итогам первого полугодия 2022 г. доля безналичных платежей в совокупном обороте розничной торговли составила рекордные 77% [9]. Преобладание безналичных расчетов закреплено законодательно: согласно статье 861 [10] о наличных и безналичных расчетах Гражданского кодекса РФ основную массу расчетов между такими субъектами платежного пространства, как предприниматели и юридические лица составляют безналичные расчеты, а задачи по обеспечению эффективности, удобства и оперативности подобных расчетов входят в понятие цифровизации экономических отношений, курс на которую был принят в соответствии с Указом Президента РФ в мае 2017 г. о «Стратегиях развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. [11]. Преобладание безналичных форм оплаты ставит новые задачи перед экономикой России, требуя от нее большей прозрачности, управляемости, а также повышения масштабов финансирования экономики для успешного применения используемых средств в кредитовании производственных и торговых отношений.

Нормативные принципы регулирования безналичных форм оплаты (определение субъектов безналичных расчетов и их правового статуса, перечня прав и обязанностей субъектов при реализации денежных операций и др. вопросы), помимо упомянутого выше Гражданского кодекса РФ, также регламентируются Указанием ЦБ РФ № 5348-У, рядом федеральных законов и подзаконных нормативных актов, касающихся порядка проведения расчетов в безналичных формах.

Если рассматривать причины, которые привели к значительному увеличению безналичных транзакций на территории РФ, то одной из ключевых станет внедрение отечественной государственной программы «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» [12], утвержденной Постановлением Правитель-

ства РФ от 15.04.2014 № 320 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» [13]. Целью принятия данной программы стало уменьшение оборота в секторе государственного управления наличных денежных средств и увеличения оперативности денежных потоков для удовлетворения «частных и публичных потребностей централизованных и децентрализованных фондов денежных средств» [1, с. 72]. Нормативными актами и федеральными законами, регулирующими порядок функционирования отечественной НПС в вопросе государственного управления денежными средствами следует считать Федеральный закон от 03.06.2009 № 103-ФЗ «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» [14], Федеральный закон № 161-ФЗ от 27 июня 2011 г. «О национальной платежной системе» [3], а также основные положения главы 4 пункта 4.8 Положения Банка России от 24.09.2020 N 732-П «О платежной системе Банка России», которые относятся к возможным формам безналичных финансовых транзакций, совершаемым с помощью сервиса быстрых платежей СБП.

Фундаментальной причиной, которая повлияла на рост безналичных расчетов как на территории РФ, так и на мировом экономическом рынке стала пандемия COVID-19 и активизация удаленных форматов труда и учебы. Сегодня преобладающие на платежном пространстве расчеты в безналичной форме оплаты играют существенную роль для всех субъектов платежного рынка России. Общими требованиями, предъявляемыми к безналичной форме оплаты со стороны субъектов расчетных отношений, становятся удобство, комфорт, надежность, мгновенность переводов и безопасность.

Последний фактор становится особенно важным в связи с уже упомянутыми последствиями мировой пандемии коронавируса, а также экономической изоляцией России от международных платежных пространств в феврале-марте 2022 г. С учетом общей нестабильности экономической ситуации в мире, участились случаи мошенничества при осуществлении безналичных платежей в электронном формате клиентами из России с последующим совершением мошеннических переводов с его карты на карты мошенников вплоть до полного опустошения банковского счета.

В условиях нестабильности общей мировой экономической ситуации прозрачность и надежность правового механизма становится особенно актуальным условием успешной реализации российской НПС. Преимущества, которые она способна принести, не подлежат сомнению. Отечественные специалисты Т.М. Горбатина и Н.М. Иллирионова [8, с. 19] выделяют следующие направления:

1. Строгое соответствие функционирования НПС существующим нормам права.
2. Снижение юридической неопределенности, правовых пробелов и коллизий внутри правового поля.

3. Уменьшение риска для всех участников процесса.
 4. Реализация финансовой стабильности единой государственной денежно-кредитной политики.
 5. Повышение качества платежных услуг.
 6. Обеспечение безопасности сферы платежных услуг внутри страны.
 7. Достижение оперативности перевода денежных средств.
 8. Приобретение финансовой независимости от политических решений зарубежных стран.
- Залогом будущих правовых изменений должны стать такие приоритетные задачи, как внедрение новых электронных платежных инструментов между участниками действующей платежной системы, минимизация неопределенностей внутри правового поля, обеспечение оперативности платежных операций разного уровня.

Особенное внимание хотелось бы обратить на необходимость правовых изменений в области отечественной НПС, связанной с финансовыми транзакциями, совершающимися в безналичном формате. Нельзя не признать, что значительное увеличение объемов платежей, совершаемых дистанционно, связано в том числе с обязательными или рекомендуемыми форматами учебной, трудовой и профессиональной деятельности в 2020–2021 гг., принятыми в связи с распространением мировой пандемии COVID-19. Рост сектора электронной коммерции, увеличение объема операций, совершаемых с помощью бесконтактных технологий (от оплаты при покупке в розничной торговой точке до проезда в метро), а также рост платежей, совершаемых с помощью платежной системы «Мир», обусловил необходимость внедрения качественных правовых изменений, регулирующих его развитие.

Литература

1. Хазова Е.В. Правовой режим национальной платежной системы в Российской Федерации: перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8 (57). С. 71–77.
2. Зарубин М.Ю., Булгакова Н.А. Тенденции развития и особенности правового регулирования национальной платежной системы // Образование и право. 2021. № 6. С. 160–164.
3. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ (последняя редакция) [Электронный доступ] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 21.11.2022).
4. Салина Е.С., Крохина Ю.А. Проблемы реализации принципов национальной платежной системы: правовые аспекты // Электронный научный журнал «ГосРег». 2018. № 4. С. 32–36.
5. Стратегия развития национальной платежной системы на 2021–2023 годы [Электронный доступ] // https://cbr.ru/Content/Document/File/120210/strategy_nps_2021–2023.pdf (дата обращения: 21.11.2022).
6. Каурова Н.Н. Национальная платежная система: время пришло // Банковский ритейл. 2014. № 2. С. 35–47.
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 04.03.2022 № 411-р [Электронный доступ] // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203050016> (дата обращения: 23.11.2022).
8. Горбатина Т.М., Илларионова Н.М. Проблемы реализации принципов национальной платежной системы: правовые аспекты // Вестник Российского университета кооперации. 2015. № 3 (21). С. 19–22.
9. Национальная платежная система [Электронный доступ] // URL: <https://cbr.ru/PSystem/> (дата обращения: 22.11.2022).
10. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ [Электронный доступ] // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ea61b87b9245d83bed1e7ce1dd318018ab76d2a9/ (дата обращения: 23.11.2022).
11. Указ Президента РФ № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // «Собрание законодательства РФ», 9.05.2017, № 20, ст. 2901.
12. Государственная программа Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» [Электронный доступ] // <https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/govprog/gosfin/> (дата обращения: 21.11.2022).
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 25.09.2021 № 1613 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» [Электронный доступ] // <https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/govprog/gosfin/> (дата обращения: 21.11.2022).
14. Федеральный закон «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» от 03.06.2009 № 103-ФЗ (последняя редакция) [Электронный доступ] // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88274/ (дата обращения: 22.11.2022).

CURRENT ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE NATIONAL PAYMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Khamidulina S.G.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article deals with topical issues of functioning and legal regulation of the national payment system of Russia, taking into account the current economic situation. The introduction of changes to the domestic payment system is conditioned by the need to overcome the consequences of the global COVID-19 pandemic, as well as economic isolation during the implementation of international anti-Russian sanctions in 2014–2022. The author pays special attention

to the minimization of cash circulation in the public administration sector, undertaken with the aim of developing non-cash payments within the framework of servicing unified budget accounts. It is noted that in order to meet the needs of consumers in the implementation of monetary transactions in non-cash form, it is necessary to promptly develop the legal basis for the procedure for making money transfers. It is emphasized that the main purpose of legal changes in the national payment system of Russia should be to ensure the efficiency of cash flows and provide guarantees for the implementation of payments in Russia. The author comes to the conclusion that when making settlements between the subjects of the payment system, the primary task should be the legal regulation of the functioning of the domestic payment settlement system and the development of unified standards for the work of Russian payment system operators.

Keywords: national payment system, non-cash settlements, Bank of Russia, state regulation, international payment system, sanctions.

References

1. Khazova E.V. The legal regime of the national payment system in the Russian Federation: prospects for development // Actual problems of Russian law. 2015. No. 8 (57). pp. 71–77.
2. Zarubin M.Y., Bulgakova N.A. Development trends and features of legal regulation of the national payment system // Education and Law. 2021. No. 6. pp. 160–164.
3. Federal Law on the National Payment System of 27.06.2011 No. 161-FL (latest Edition) // ConsultantPlus. Non-commercial internet version. URL: consultant.ru (accessed: 21/11/2022).
4. Salina E.S., Krokhina Y.A. Problems of implementation of the principles of the national payment system: legal aspects // Electronic scientific Journal GosReg. 2018. No. 4. pp. 32–36.
5. National Payment System Development Strategy for 2021–2023 // CBR. Non-commercial internet version. URL: cbr.ru (accessed: 21/11/2022).
6. Kaurova N.N. National payment system: the time has come // Banking retail. 2014. No. 2. pp. 35–47.
7. Order of the Government of the Russian Federation No. 411-r dated 04.03.2022 // Publication.pravo.gov. Non-commercial internet version. URL: publication.pravo.gov.ru (accessed: 23/11/2022).
8. Gorbatina T.M., Illarionova N.M. Problems of implementation of the principles of the national payment system: legal aspects // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2015. No. 3 (21). pp. 19–22.
9. National Payment System // CBR. URL: cbr.ru/PSystem (accessed: 22/11/2022).
10. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated 26.01.1996 No. 14-FZ // ConsultantPlus. Non-commercial internet version. URL: consultant.ru (accessed: 23/11/2022).
11. Decree of the President of the Russian Federation on the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030 // Static.kremlin. Non-commercial internet version. URL: static.kremlin (accessed: 21/11/2022).
12. The State Program of the Russian Federation Public Finance Management and Regulation of Financial Markets // Minfin. Non-commercial internet version. URL: minfin.gov.ru (accessed: 21/11/2022).
13. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1613 dated 25.09.2021 On Amendments to the State Program of the Russian Federation Public Finance Management and Regulation of Financial Markets // Minfin. Non-commercial internet version. URL: minfin.gov.ru (accessed: 21/11/2022).
14. Federal Law No. 103-FZ of 03.06.2009 On the Activity of Accepting Payments of Individuals carried Out by Payment Agents (latest edition) // ConsultantPlus. Non-commercial internet version. URL: consultant.ru (accessed: 22/11/2022).

Актуальные вопросы проведения криминологических экспертиз с целью выявления экономических преступлений

Зацепин Михаил Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества УрГЮУ
E-mail: mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович,

кандидат юридических наук, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права УрГЮУ, член Российской криминологической ассоциации, прокурор отдела по надзору за оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Свердловской области, вице-президент Российской криминологической ассоциации
E-mail: tp0507@ya.ru

Глушкова Елена Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент, член Российской криминологической ассоциации, Нотариус г. Екатеринбург
E-mail: elena.zatsepina@mail.ru

Производство экспертизы до возбуждения уголовного дела не всегда решает проблемы, связанные с установлением достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Целью назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела является, как правило, проверка имеющихся материалов о признаках и составе преступления, чтобы получить доказательственную базу для возбуждения уголовного дела или для принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Такие экспертизы доказательственного значения не имеют и после возбуждения уголовного дела их проводят снова, что осложняет расследование и работу экспертных учреждений. Проведение экспертизы до возбуждения уголовного дела не гарантирует права и интересы заинтересованных лиц в исходе уголовного дела, т.к. когда экспертиза проводится на начальном этапе расследования, по факту еще нет подозреваемого и обвиняемого, а потерпевший, в случаях, когда он есть, заинтересован в ее результатах.

В деятельности экспертно-криминалистических подразделений наметилась устойчивая тенденция увеличения проводимых экспертиз и исследований. Количество выполненных традиционных криминалистических экспертиз увеличивается, рост дактилоскопических экспертиз снижается. Однако, как свидетельствуют результаты проводимого рецензирования заключений экспертов, с увеличением количества выполняемых материалов зачастую снижается их качество. Много заключений по результатам рецензирования получает низкую, а порой и неудовлетворительную оценку. Имеют место случаи заявления ошибочных выводов. Нарушения методик исследований, использование не принятой в экспертной практике терминологии встречаются практически в каждом рецензируемом заключении.

Ключевые слова: законодательство, криминологическая экспертиза, эксперт, рецензируемое заключение, бухгалтерский учет, банковский сектор.

Действующее законодательство разрешает эксперту исследовать и такие обстоятельства дела, которые при назначении экспертизы не были поставлены. Экспертная инициатива допускается в основном в так называемых «комплексных» экспертизах, назначаемых для решения вопросов, относящихся к компетенции специалистов различных отраслей науки и техники. Специфика судебно-бухгалтерской экспертизы делает невозможным представление экспертом-бухгалтером единого с экспертом другой специальности заключения. В таких случаях используют выводы другого специалиста, не являющиеся доказательствами, или принимают участие в решении вопроса, не имеющего непосредственного отношения к бухгалтерскому учету, в связи с чем организуют несколько самостоятельных экспертиз, а судебно-бухгалтерская экспертиза, как правило, проводится заключительной.

На практике иногда возникают вопросы о том, имеют ли право эксперты проверять соблюдение должностными лицами законодательства, регламентирующего финансово-хозяйственную деятельность и устанавливать при этом несоблюдение законности. Ответ всегда отрицательный, т.к. проверка соблюдения законности относится к компетенции правоохранительных и государственных органов, а вопрос о соблюдении или несоблюдении закона решается следователем или судом в процессе расследования или рассмотрения дела. В некоторых случаях появляется необходимость назначить Техничко-криминалистическое исследование документов. В компетенцию эксперта-криминалиста не входит решение вопроса: «Является ли представленный на исследование документ (водительское удостоверение, денежная купюра и т.д.) подлинным?» Экспертом решается вопрос: «Каким способом изготовлен документ?». И вывод излагается в редакции: «Водительское удостоверение (или иной документ) на имя...изготовлено по технологии производства Гознака». Если установлено: «...не производством Гознака», то эксперт должен указать конкретный способ печати. Необходимо конкретно указывать, какой именно документ представлен, например: «На экспертизу представлено служебное удостоверение серии...№ ...», а не «представлено удостоверение личности серийный номер...». Удостоверения, как водительское, так и служебное представ-

ляют собой стандартный бланк-книжку в красной ледериновой обложке. Водительское удостоверение имеет две страницы: 1 страница и 2 страница, а удостоверение личности состоит из двух вкладышей установленного образца. При описании внутреннего содержания документа нельзя ограничиваться общей фразой: «Реквизиты документа оформлены в соответствии с требованиями...» Описание должно быть, например, таким: «В соответствующих строках документа расположены (или имеются) рукописные записи и подпись, выполненные красителем цвета. На ...странице расположен оттиск круглой печати (указать размеры, количество ободков, их диаметры, текст печати). На странице...имеется наклеенная фотография (описать размеры, кто изображен)». При описании фотографии следует придерживаться одного и того же термина: либо это фотография, либо это фотоснимок, а не использовать в одной строке текста исследования один термин, а в другой строке второй. Не допустимо нарушать порядок, последовательность проведения самого исследования. После описания документа, его частей, содержания страниц, должно следовать решение вопроса о способе изготовления данного документа, а уже затем следует выявление и описание всех имеющихся изменений. При установлении замены в документе фотографии владельца необходимо указывать, каким способом нанесен фрагмент оттиска круглой печати на фотографии. Недопустимо употребление таких слов и выражений: «поверх поверхностного», первоначальный текст «замазан», текст изменен путем «вымывания», оттиск на фотографии «восстановлен путем рисовки от руки». Нельзя писать «...оттиск круглой печати нанесен промежуточным плоским клише методом влажного копирования». В данном случае имеется в виду не «метод», а способ нанесения оттиска. [13]

Эксперты, как правило, относят к ущербу уменьшение денежных средств, имущества или ухудшение качества последнего независимо от причин, используя факты, отраженные в бухгалтерском учете. Иногда следователи (суды), эксперты смешивают понятия «размер», «сумма ущерба», «размер похищенного», что совсем не одно и то же. Эксперты не вправе говорить о размере похищенного, этот вопрос правовой и относится к компетенции следователя, прокурора, суда, т.к. они решают произошел ущерб от случайных причин, неосторожности, халатности или же в результате умышленных действий. Размер похищенного может быть и равен размеру ущерба, но никак не может быть больше которое присвоено каким-то лицом. Размер ущерба включает в себя размер похищенного плюс стоимость денежных средств (имущества) утраченного в связи с совершением преступления. Решение вопроса о сумме похищенного и об отнесении этой суммы на обвиняемых не входят в компетенцию эксперта. Следователь и суд решают такие вопросы с учетом всех материалов дела. Эксперт же определяет не ущерб, причиненный преступлением, а лишь ущерб от конкретной

недостачи денежных средств или материальных ценностей, уничтожении ценностей. Рассмотрим по сложности «аналогичную» по более «привычную» – трассологическую экспертизу. При исследовании следов обуви на различных объектах (в том числе и на дактилоскопической пленке) следы описываются недостаточно полно, не указываются размерные характеристики отдельных элементов рисунка следа. При получении экспериментальных следов обуви необходимо подробно описывать условия, способы образования экспериментальных следов. При сравнительном исследовании следов обуви с экспериментальными необходимо отдельно указывать на совпадения общих и частных признаков. Частные признаки в исследуемых следах и в экспериментальных следах должны быть описаны полностью и подробно (форма, размеры, расположение каждой выявленной особенности). При признании следов обуви пригодными для сравнительного исследования лишь при представлении конкретной обуви обязательно указываются причины, не позволяющие сразу признать эти следы пригодными для идентификации. При описании представленной обуви более подробно должна описываться ее подошва, рельефный рисунок на подошве и имеющиеся особенности микрорельефа, а не верх обуви. При исследовании замков используется не принятая в настоящее время терминология, например не «ригель», а «засов». По тексту не следует путать «запирающий» и «запорный» механизмы. После описания замка и представленных ключей необходимо описать условия разборки замка и выявленные при этом конструктивные характеристики. Нельзя при первичном описании замка, до его разборки, указывать тип конструкции запирающего механизма. Если при исследовании замка поставлен вопрос в следующей редакции: «Не был ли открыт представленный замок подобранным, поддельным ключом, отмычкой или посторонним предметом?», то и в выводах дается ответ по каждому из указанных в вопросе предметов. По тексту необходимо указывать, что исследование поверхности деталей запирающего механизма замка на предмет обнаружения посторонних следов проводилось либо в поле зрения микроскопа, либо с использованием лупы определенного увеличения. При описании колото-резанных повреждений на предметах одежды не указываются важные признаки, такие как расположение повреждений относительно нитей основы и утка, наличие или отсутствие надреза нитей в углах повреждения. При исследовании следов орудий взлома получение экспериментальных следов необходимо проводить неоднократно, при различных условиях следообразования, о чем обязательно указывается в тексте заключения. По результатам положительной идентификации (следы обуви, орудий, взлома, составление единого целого) в фототаблице необходимо помещать два фотоснимка результатов сравнительного исследования, один из которых также как в дактилоскопической экспертизе является контрольным.

По тексту исследования принято использовать однотипные обозначения размерных характеристик. Если один из размерных параметров исследуемого объекта указан в «мм» (или в «см»), то и все другие и по всему тексту заключения указываются в аналогичных единицах измерения. При образовании экспериментальных повреждений на одежде необходимо использовать материал аналогичный материалу исследуемой одежды, а при описании процесса образования экспериментальных повреждений следует указывать, какой материал служил подложкой. [4]

В основном для ведения бухгалтерского учета используется программа, используемая в компьютерах, тогда необходима комплексная бухгалтерская экспертиза специалистов соответствующей квалификации. Экономические экспертизы чрезвычайно трудоемки. Проводятся длительное время, поэтому для сокращения сроков их проведения, необходимо, по возможности, назначать комиссионные экспертизы, а в тех случаях, когда привлекаются специалисты различных областей знаний – комплексные экспертизы. Частично указанную проблему может решить финансово-экономическая экспертиза, которая во многом объединяет возможности экономических и бухгалтерских экспертиз. Например, эти экспертизы проводятся лишь в некоторых экспертных учреждениях Министерства юстиции РФ. Пример, тому почерковедческая экспертиза, много особенностей, которые требуют внимания.

В заключении эксперта, а именно в водной части, должны быть подробно указаны материалы, представленные в качестве сравнительных образцов, а их описание приводится в определенной последовательности: а) свободные, б) условно-свободные, в) экспериментальные. Если исследуемые документы представлены ксерокопией, то и в вопросе, и особенно в «выводах» должно быть указано, что исследовалась именно ксерокопия, а не сам документ. Вывод формируется не о тексте как таковом, а о его изображении. Например: «Исследуемый документ представляет собой копию договора, выполненную электрографическим способом» и вывод: «Оригинал подписи, изображенный в ксерокопии договора... от... в строке «бухгалтер» выполнен...». Особое внимание следует уделять при исследовании ксерокопий подписи. Ксерокопия должна быть хорошего качества и представляться должна лишь в том (крайнем) случае, когда оригинал по тем или иным причинам не может быть представлен эксперту. Методикой почерковедческой экспертизы предусматривается два самостоятельных вида исследования: рукописного текста и подписи. Поэтому в постановлении должно быть два вопроса и соответственно в заключении эксперта должно быть два различных вывода. При описании частных признаков почерка необходимо четко формулировать как название самого признака, так и то, что он выражает. Для этого делается зарисовка в таблице-разработке частных признаков, которая распола-

гается по тексту исследования. При наличии зарисовки иллюстрацию признаков в фототаблице можно не приводить. В синтезируемой части заключения и в выводах обязательно указываются (перечисляются) наименования всех документов, которые исследовались экспертом по этой экспертизе. Ход исследования подписи в заключении излагается в следующей последовательности, которую недопустимо нарушать: описание расположенной подписи, решение вопроса о ее технической подделке, рассматриваются ее общие признаки, если есть необходимость, то указывается необычность исполнения (необычные условия ее выполнения). Сравнение подписей между собой (если 2 и более) и признание выполнения их одним или несколькими лицами, сравнение с образцами (частные признаки), синтезируемая часть, вывод. В случае, когда по той или иной причине не проводится исследование подписи, ход исследования не должен сокращаться. Описание подписи должно проводиться в обязательном порядке и кроме того, подробно указываются причины отказа или невозможности проведения дальнейшего исследования, а в «выводах» в обязательном порядке должна быть ссылка на это обстоятельство.[14]

Зачастую экспертами используются либо устаревшие методы исследований, либо значительно сокращенные варианты исследовательской части заключений. Любое сокращение в описании объектов исследования, методов и методик проведенных исследований снижает аргументированность выводов и как следствие – сомнение в их достоверности.

Каждое третье заключение экспертами выполнено небрежно, с нарушением процессуальной структуры заключения, установленного порядка «оформления» как самого заключения, так и прилагаемой фототаблицы. Например, в атрибуты вводной части многих заключений все еще включается ответственность эксперта за отказ или уклонение от дачи заключения, хотя действующее уголовное законодательство такой ответственности не предусматривает. Поражает наличие в отдельных заключениях большого количества грамматических и стилистических ошибок.[15]

Основным видом преступлений по линии экономики являются хищения. Тенденция увеличения корыстных преступлений в этой сфере достаточно устойчива на протяжении последних лет, когда в условиях структурной перестройки экономики открылся широкий простор для деятельности расхитителей при относительной безопасности совершений хищений и значительной материальной выгоде. [10]

Типичным, характерным примером мошенничества в сфере экономики являются действия руководителя и бухгалтера. С этой целью по документам они вместо реальных убытков показывают несуществующую прибыль банка, из которой выделяют себе беспроцентные ссуды на длительные сроки, скрывая это в отчетных документах банка путем незаконных проводок. Они же без оформ-

ления изымают из кассы банка наличные деньги и присваивают их. Можно долго «иронизировать» над фантастическими вымыслами, обрекать себя на многие высказывания, если «всемогущий» процент раскрываемости не отомрет. Обеспечить укрепление законности остается проблематичным, если и дальше будем искусственно создавать «иллюзию» на почве раскрываемости между правоохранительными органами и государством. [12]

Ущерб, причиненный экономическими преступлениями огромен. Лидерами по количеству преступлений, совершенных в сфере экономики (в крупном и особо крупном размере), и причиненному ими ущербу являются крупные города. Такое положение объясняется тем, что именно здесь сосредоточено наибольшее количество банков и других кредитных организаций, а также государственных органов, контролирующих и распределяющих финансовые и материальные ресурсы страны. [16]

Наибольший ущерб экономике России причиняется преступлениями в банковской системе. Он составляет более половины ущерба, причиненного экономическими преступлениями, а вместе с ущербом от преступлений в инвестиционных компаниях и фондах, финансовых фондах и корпорациях – около $\frac{3}{4}$ ущерба, причиненного экономике России преступностью. Широкие возможности использования недостатков банковской системы для совершения преступлений определили ее значительную притягательность для криминальных элементов. [1]

Анализ работы по возмещению, причиненного экономическими преступлениями, показывает ослабление внимания следователей к этой проблеме, а размер возмещения, причиненного экономическими преступлениями ущерба незначителен и не компенсируется. Причинами такого положения являются: несвоевременное обращение потерпевших с заявлениями о совершенном преступлении, «медлительность» следователей и оперативных работников при наложении ареста на имущество преступников. Ранее также имевшиеся возможности для быстрого и беспрепятственного «обналичивания» похищенных денег и перевода их за границу. [9]

Следует отметить, что существует значительный контраст в результатах работы по возмещению ущерба между регионами и он разителен. Сделать однозначные выводы о причинах такого положения невозможно, так как указанные результаты не являются стабильными на протяжении сколько-нибудь продолжительного периода. Тем не менее, возмещение ущерба менее чем на 1% в ряде регионов указывает на то, что этой работе вообще не уделяется внимания. [8]

В настоящее время, когда негосударственный сектор экономики приобрел определенную структуру, устойчивость и опыт работы, а правоохранительные органы адаптировались к существующей общественно-политической и экономической ситуации, появилась реальная возможность для координации усилий, между государственными и ком-

мерческими структурами по борьбе с преступностью. Здесь зачастую имеет место совпадение интересов, что открывает возможности для успешной совместной работы правоохранительных органов государства, служб безопасности и юридических подразделений коммерческих структур. В условиях крайне ограниченных материально-технических и финансовых возможностей, а также тяжелого положения с квалифицированными кадрами в правоохранительных органах это может оказать существенную помощь в расследовании преступлений и возмещения причиненного ущерба. За период проб и ошибок в экономической политике, разрушены сложившиеся в народе добровольные, коллективистские начала, характерные для русской общины, но зато без необходимой научной дифференциации осуществляются сейчас под надзором «административно-командной системы». Принудительный во многом коллективизм и ранее, охранялся с помощью права, строгих законов. Отсюда и преступность, связанная с посягательствами на имущество, сложилась со многими составляющими, а неумелые действия с одной стороны, подорвали веру в коллективизм, а с другой пробудили частный интерес накопительства (породив хаос и неуверенность) и преступность этого рода стала еще более многоликой и сложной. «Приватизация» осуществлялась столь же принудительно, как в свое время коллективизация, результаты и экономические преступления отражают общие статистические закономерности преступности в целом. [6]

Примером продуктивного сотрудничества может служить координация действий управления безопасности банка с правоохранительными органами. Сотрудники управления самостоятельно выявляют лиц, совершивших преступления в структурах банка, документируют их преступную деятельность, после чего обращаются в соответствующие органы. На всем протяжении расследования они поддерживают «контакты» со следователями и оперативными сотрудниками, координируют с ними действия по обнаружению похищенного, возмещению причиненного ущерба и собиранию необходимых доказательств. К сожалению, примеров такого эффективного сотрудничества служб безопасности коммерческих структур с правоохранительными органами немного. Пожалуй, кроме сотрудников правоохранительных органов, практически никто с предложениями о сотрудничестве из сферы бизнеса не обращается. Изучение причин этого показывает, что зачастую предприниматели боятся вмешательства правоохранительных органов в свою деятельность. Это вызвано как имеющимся в ряде случаев произволом и ненужной «демонстрацией силы» со стороны оперативных сотрудников и следователей, так и нарушениями законодательства со стороны коммерсантов, которые могут быть выявлены в ходе следствия. [2]

Необходимо отметить, что причинение ущерба коммерческим структурам зачастую является следствием преступных действий их руководите-

лей. Персонал предприятий беспрекословно исполняет преступные указания руководителей и сам оказывается причастным к их криминальной деятельности, хотя лично никакой выгоды от этого не имеет. Немало примеров, которые просто расхитили имущество своих банков, прихватив при этом миллиардные суммы своих клиентов, заемные средства, перевели похищенное за рубеж и скрылись. Расследование этих дел показало, что преступления совершались весьма примитивно. При этом нарушались все существующие инструкции по денежному обращению, однако никто из персонала банков, выполнявших указания преступников-руководителей, не только не сообщил о совершаемом преступлении и правоохранительные органы, но даже не поставил в известность других руководителей банков и службы безопасности.[3]

Организация возмещения ущерба, причиненного различными видами посягательств, имеет свои особенности, результативное взаимодействие следователей с представителями потерпевших финансовых структур, как показывает практика, существует по нескольким направлениям. При обнаружении похищенных денег на счетах в банках (т.ч. и зарубежных), осуществляются меры по их возврату в Россию и принятие мер по их изъятию. При нахождении имущества, купленного на похищенные деньги, накладывается арест на него, и принятие мер по его изъятию.[7]

Большое значение для успешных действий по возврату «похищенного» имеет своевременное обращение в правоохранительные органы с заявлением о совершенном преступлении. Нередко именно несвоевременность этого является причиной безвозвратной утраты возможностей для розыска преступников и похищенных денежных средств. На успех возмещения причиненного преступлением ущерба большое влияние оказывают: незамедлительные обыски у заподозренных лиц с целью обнаружения похищенного и материальных следов, указывающих на его местонахождение, а также составление описи имущества. Коммерческие структуры могут в данном случае оказать помощь следствию путем предоставления имеющейся либо параллельного получения новой информации о местах проживания преступников, нахождения их имущества, адресов и фирм и т.п.; срочность наложения ареста на счета, на которых находятся похищенные средства и денежные средства, вклады преступников. Службы безопасности имеют большие, по сравнению с правоохранительными органами, возможности по отслеживанию движения денежных средств по счетам в зарубежных и российских банках и могут оперативно получать соответствующую информацию. Получив такие сведения, они могут представить их следователю для принятия мер в соответствии с законом и планировать мероприятия по розыску «украденного» и возмещение ущерба, учитывая связи подозреваемого и полученных данных о местах возможного хранения имущества. К поискам имущества, купленного на похищенные деньги,

либо иного имущества преступников, на которое может быть наложен арест, также возможно привлечение сотрудников служб безопасности из коммерческих структур. Они имеют то имущество, что раньше получают первоначальную информацию о совершенном преступлении и к моменту возбуждения уголовного дела имеют определенные сведения о наименовании фирм, их адресам, данные о руководителях, что облегчает выдачу розыска преступников и похищенного; одновременное осуществление поисковых мероприятий в отношении всех заподозренных и возможных мест сокрытия ценностей. В данных случаях помощь служб безопасности следователю и оперативным работникам просто необходима, поскольку они зачастую физически не имеют возможности для проведения широкомасштабных поисковых мероприятий; осуществление этих поисковых мероприятий на протяжении всего расследования. Для этого целесообразным будет постоянное представление службами безопасности, имеющейся у них информации правоохранительным органам, координация совместной работы по возмещению ущерба. Необходимо отметить отрицательное влияние на организацию работы следственных аппаратов и возмещение ущерба то обстоятельство, что приоритеты отдаются получению доказательств виновности обвиняемых, а вопросы возмещения ущерба остаются на втором плане. Такое положение сложилось традиционно с того времени, когда преступник в принципе не мог причинить ущерб, измеряющийся миллиардами рублей. На отнесение вопросов возмещения ущерба на второй план косвенно влияет и судебная практика. Не было ни одного случая возвращения уголовного дела на дополнительное расследование по мотивам неприятия должных мер по возмещению ущерба. Однако в настоящее время, когда ущерб, причиняемый преступными посягательствами, оказывает реальное воздействие на экономику страны, а зачастую и на политику (в случаях с «миллионами» вкладчиков фирм-мошенниц), а вопросы возмещения ущерба в деятельности правоохранительных органов должны выйти на первый план. Изложенные проблемы, которые мы рассматривали «ключевыми» в понятии и содержании экономической преступности не содержат вопросы о личности предпринимателей (бизнеса), совершающих преступления. По ходу изложения важнейшие для практики борьбы с экономической преступностью проблемы в той или иной степени получили свое отражение и разрешение. Мы исходили из того, что предупреждение экономической преступности есть, как установлено наукой, комплекс мер экономического, социально-культурного, воспитательного и правового порядка, и вряд ли что можно добавить к этому с позиций общетеоретических. Концепция же профилактических мер обусловлена, прежде всего, особенностями видов преступности и преступлений. Данное положение общепризнано и дискуссий практически не вызывает. И то, что теоретические разработки криминологов претворя-

ются в жизнь недостаточно эффективно, – скорее, трудности практики, чем теории.[11]

Организация надлежащего противодействия экономической преступности сегодня настолько злободневна и актуальна, что выдвинулась в ряд основных, первоочередных задач государства и общества. В связи с этим необходимо выстроить и принять реальные меры по защите общества от криминального натиска, и прежде всего речь идет о существенной корректировке социально-экономической и правовой политики государства, которое заметно влияет в важнейших сферах жизнедеятельности общества.[5]

Опасность экономической преступности «требуется» объединение сил не только правоохранительных органов. Чтобы преодолеть распространение экономической преступности, повысить эффективность борьбы с ней, необходимы, по мнению специалистов, еще и неперемные условия: политическая воля государства, желающего навести порядок в стране; алгоритм сформулированного законодательства под эту волю; умелые и профессиональные действия сотрудников правоохранительных органов.

Литература

1. Банду полицейских – разбойников признали виновными в Калмыкии. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/news/242053/> (дата обращения: 21.07.2022).
2. Бастрыкин рассказал, сколько адвокатов и судей привлекли за коррупцию. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pasmir.ru/news/209586/> (дата обращения: 17.03.2022).
3. Более 170 млрд руб. незаконно обналичили через банки в 2018 году. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/news/28710/> (дата обращения: 02.02.2022).
4. Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности. Под редакцией профессора А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация. 2019. С. 448.
5. Государственная граница, организованная преступность, закон и безопасность России. Под общей редакцией профессора А.И. Долговой. – М., Российская криминологическая ассоциация. 2005. С. 347.
6. Имущество на 21 млрд рублей взыскано в 2019 году с коррупционеров. // Первое антикоррупционное СМИ. URL: <https://pasmir.ru/archive/262354/> (дата обращения: 17.03.2022).
7. Итоги дня: Бастрыкин срывает мантии, Собянин остается без плитки, ЮКОС перешел на водку. // Первое антикоррупционное СМИ.

URL: <https://pasmir.ru.archive/269555/> (дата обращения: 18.05.2022).

8. Кому уголовка, а кому отсрочка выплат: второй коронавирусный обзор ВС. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/story/221271/> (дата обращения: 13.05.2022).
9. Малозначительное деяние: что не считается преступлением. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/story/240927/> (дата обращения: 04.07.2022).
10. Почти четверть россиян заявили о росте коррупции с начала 2020 года. <https://pasmir.ru/archive/270321/>.
11. Преступность, национальная безопасность, бизнес. Под общей редакцией профессора А.И. Долговой. М., Российская криминологическая ассоциация. 2012. – С. 650.
12. Путин снова узнает, как силовики душат бизнес в России. // Первое антикоррупционное СМИ. URL: <https://pasmir.ru/archive/270791/> (дата обращения: 28.05.2022).
13. Совершенствование криминологических, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных мер противодействия преступности в современных условиях: Материалы XI Кудрявцевских чтений (10 октября 2018 г. Москва) / Ин-т гос. и права Рос. акад. наук; – М.: ИГП РАН. 2019. – 240 с.
14. Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XV11 Международной научно-практической конференции. – Москва: РГ-Пресс, 2020. – 848 с.
15. Юристы оценили новые правила судебно-медицинской экспертизы. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/story/242688/> (дата обращения: 01.09.2022).
16. Юристы предпочитают штрафы вместо тюрьмы для предпринимателей, а бизнесмены готовы работать после уголовного преследования. // Первое антикоррупционное СМИ. URL: <https://pasmir.ru/archive/270334/> (дата обращения: 25.05.2022).

TOPICAL ISSUES OF CONDUCTING CRIMINOLOGICAL EXAMINATIONS IN ORDER TO IDENTIFY ECONOMIC CRIMES

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Glushkova E.M.
USUE; Russian Criminological Association

The production of an examination before the initiation of a criminal case does not always solve the problems associated with the establishment of sufficient data indicating the signs of a crime. The purpose of appointing an expert examination before initiating a criminal case is, as a rule, to check the available materials on the signs and elements of a crime in order to obtain an evidence base for initiating a criminal case or for making a decision to refuse to initiate a criminal case. Such examinations have no evidentiary value, and after the initiation of a criminal case, they are carried out again, which complicates the investigation and the work of expert institutions. Conducting an examination prior to the initiation of a criminal

case does not guarantee the rights and interests of the persons concerned in the outcome of the criminal case; when an examination is carried out at the initial stage of the investigation, in fact there is no suspect or accused yet, and the victim, in cases where he is, is interested in its results.

In the activities of forensic divisions, there has been a steady trend towards an increase in ongoing examinations and research. The number of performed traditional forensic examinations is increasing, the growth of fingerprint examinations is decreasing. However, as evidenced by the results of the ongoing review of expert opinions, with an increase in the number of materials produced, their quality often decreases. Many conclusions based on the results of peer review receive a low, and sometimes unsatisfactory rating. There are cases of statements of erroneous conclusions. Violations of research methods, the use of terminology not accepted in expert practice are found in almost every peer-reviewed conclusion.

Keywords: legislation, criminological expertise, expert, reviewed opinion, accounting, banking sector.

References

1. A gang of policemen-robbers was found guilty in Kalmykia. // Pravo.ru: legislation, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pravo.ru/news/242053/> (date of access: 07/21/2022).
2. Bastrykin told how many lawyers and judges were involved for corruption. // Pravo.ru: legislation, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pasmir.ru/news/209586/> (date of access: 03/17/2022).
3. More than 170 billion rubles. illegally cashed out through banks in 2018. // Pravo.ru: legislation, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pravo.ru/news/28710/> (date of access: 02.02.2022).
4. Combating organized manifestations of crime and ensuring national security. Edited by Professor AI Dolgova. M., Russian Criminological Association. 2019. S. 448.
5. State border, organized crime, law and security in Russia. Under the general editorship of Professor AI Dolgova. – M., Russian Criminological Association. 2005. S. 347.
6. Property worth 21 billion rubles was collected in 2019 from corrupt officials. // The first anti-corruption media. URL: <https://pasmir.ru/archive/262354/> (date of access: 03/17/2022).
7. Results of the day: Bastrykin rips off his robes, Sobyenin is left without a stove, Yukos switched to vodka. // The first anti-corruption media. URL: <https://pasmir.ru.archive/269555/> (date of access: 05/18/2022).
8. To whom a criminal offense, and to whom a delay in payments: the second coronavirus review of the Armed Forces. // Pravo.ru: legislation, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pravo.ru/story/221271/> (date of access: 05/13/2022).
9. Minor act: what is not considered a crime. // Pravo.ru: legislation, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pravo.ru/story/240927/> (date of access: 07/04/2022).
10. Almost a quarter of Russians have reported an increase in corruption since the beginning of 2020. <https://pasmir.ru/archive/270321/>.
11. Crime, national security, business. Under the general editorship of Professor AI Dolgova. M., Russian Criminological Association. 2012. – S. 650.
12. Putin again learns how the security forces are strangling business in Russia. // The first anti-corruption media. URL: <https://pasmir.ru/archive/270791/> (date of access: 05/28/2022).
13. Improving criminological, criminal law and criminal procedural measures to combat crime in modern conditions: Materials X1 of the Kudryavtsev Readings (October 10, 2018 Moscow) / Institute of State. and the rights of Ros. acad. sciences; – M.: IGP RAN. 2019. – 240 p.
14. Criminal law: development strategy in the XXI century: Materials of XY11 International Scientific and Practical Conference. – Moscow: RG-Press, 2020. – 848 p.
15. Lawyers evaluated the new rules of forensic medical examination. // Pravo.ru: legislation, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pravo.ru/story/242688/> (date of access: 09/01/2022).
16. Lawyers prefer fines instead of prison for entrepreneurs, and businessmen are ready to work after criminal prosecution. // The first anti-corruption media. URL: <https://pasmir.ru/archive/270334/> (date of access: 05/25/2022).

Применение категории «взыскатель» в аспекте права на принудительное исполнение

Мамаев Андрей Андреевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов
E-mail: maa89@list.ru

В статье предлагается авторское определение понятия «взыскатель» и обоснование момента, с которого субъект приобретает соответствующий статус. Доказывается, что субъект наделяется соответствующим статусом и приобретает ряд прав, включая право на разъяснение исполнительного документа, не только до предъявления исполнительного листа судебному приставу-исполнителю, но и до выдачи исполнительного листа судом. В статье приводятся дополнительные аргументы в пользу широкого понимания «права на принудительное исполнение», а также приводится дополнительная аргументация в пользу отнесения деятельности банков по исполнению требований исполнительных документов к принудительному исполнению. Отмечается, что законодателем на банк возложена обязанность по принудительному взысканию денежных средств со счета должника и перечислению их на счет взыскателя, вне зависимости от того, является ли взыскателем юридическое или физическое лицо.

Ключевые слова: исполнительное производство, взыскатель, должник, судебный пристав-исполнитель, принудительное исполнение.

Ключевой фигурой исполнительного производства является взыскатель. В юридической литературе существуют разного рода позиции как в части содержания понятия «взыскатель», так и времени начала приобретения субъектом соответствующего статуса. Категория «взыскатель» в советский период исследовалась многими авторами: Юдельсон К.С. [8], Рыдзюнский Г. [5], Авдюков М.Г. [1], Заворотько П.П. [3], Лесницкая Л.Ф., Филатова Л.В., Юков М.К. [4], Ширшиков А.М. [6].

Законодательная регламентация понятия содержится в части 3 ст. 49 Федерального закона «Об исполнительном производстве» (далее ФЗИП), в соответствии с которой взыскателем является гражданин или организация, «в пользу или в интересах которых выдан исполнительный документ». При этом важно отдельно подчеркнуть, что применение в законодательстве о приказном производстве понятия «взыскатель» еще более усложняет эту юридическую категорию. Содержание понятия «взыскатель», придаваемое в рамках приказного производства, не может быть учтено при построении дефиниции в контексте механизма исполнительного производства, в силу следующих причин: в приказном производстве взыскатель по объему прав и обязанностей более сравним с процессуальной ролью истца в исковом производстве; в механизме исполнительного производства взыскатель не наделен правами, аналогичными правам взыскателя в приказном производстве.

Развитие механизма исполнительного производства подталкивает к переосмыслению содержания понятия «взыскатель». Многообразие правоотношений, входящих в сферу права на исполнение свидетельствует о том, что процессуальная фигура взыскателя существует и вне рамок возбуждаемого судебным приставом-исполнителем исполнительного производства. Иного подхода придерживается Шумкова И.В. [7]. Предъявление исполнительного листа в банк или иную кредитную организацию, а также к работодателю должника также осуществляется взыскателем (ст. 8.9 ФЗИП). Дополнительно следует указать на реализацию взыскателем права на получение информации посредством направления неисполненного листа в налоговый орган (ч. 8 ст. 69 ФЗИП).

Указанные обстоятельства позволяют утверждать, что субъект наделяется соответствующим статусом и приобретает ряд прав, включая право на разъяснение исполнительного документа (ст. 433 ГПК РФ), до предъявления исполнительного листа судебному приставу-исполнителю.

Отдельно следует указать на неполноту законодательного подхода ч. 3 ст. 49 ФЗИП. Гражданское и арбитражное процессуальное законодательство приводит следующую правовую модель получения исполнительного листа: после вступления судебного акта в законную силу, за исключением случаев немедленного исполнения, исполнительный лист выдается по ходатайству взыскателя (ч. 3 ст. 319 АПК РФ, ч. 1 ст. 428 ГПК РФ). Другими словами взыскателю необходимо выразить волеизъявление на начало реализации им права на принудительное исполнение, в частности, путем получения исполнительного листа. Приведенные положения делают допустимым утверждение о том, что субъект приобретает соответствующий статус до получения исполнительного листа.

Вышеприведенный подход следует также из пункта 22 постановления Пленума ВАС РФ от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе», согласно которому «сумма задолженности определяется взыскателем по состоянию на дату обращения взыскателя в суд с заявлением о выдаче исполнительного листа, поэтому в случае частичной уплаты задолженности по мировому соглашению на момент его нарушения суд уточняет сумму задолженности в судебном заседании с вызовом сторон». Приведенная правовая позиция подтверждает правильность выделения правового положения взыскателя до возникновения исполнительного листа. Дополнительно отметим ряд дискуссионных моментов указанной позиции Пленума ВАС РФ. В начале правовой позиции используется правовая категория взыскатель, которому предоставляется право определения суммы задолженности по неисполненному мировому соглашению. Данный подход является неоднозначным, поскольку более правильным в качестве субъекта, определяющего задолженность по денежному обязательству, рассматривать кредитора. Далее в правовой позиции возникает внутреннее противоречие, поскольку указывается, что «в случае частичной уплаты задолженности по мировому соглашению на момент его нарушения суд уточняет сумму задолженности в судебном заседании с вызовом сторон». Использование правовой категории «стороны» исходя из буквального толкования очевидно предполагает стороны рассмотренного гражданского дела, а не стороны исполнительного производства. Таким образом, противоречие позиции выражается в не до конца продуманном использовании правовых категорий «взыскатель» и «стороны».

Указанные обстоятельства позволяют предложить следующее определение понятия «взыскатель»: субъект, обладающий правом на получение исполнительного документа, обязывающего должника совершить определенное действие или воздержаться от совершения определенного действия. В случае получения исполнительного документа взыскатель не утрачивает соответствующего статуса, а содержание его правового положения изменяется в части реализации соответствующего

права. Более того, в случае утери исполнительного документа, в том числе судебным приставом-исполнителем, возможна выдача его дубликата, что свидетельствует о сохранении права на получение исполнительного документа.

Далее рассмотрим содержание и взаимосвязь правовых категорий «исполнение» и «принудительное исполнение». Данные понятия являются взаимосвязанными и категория «исполнение» включает в себя категорию «принудительное исполнение». Говоря о категории «исполнение» важно подчеркнуть, что в ее содержание входят разнообразные формы реализации судебных актов. Например, по решению о признании права собственности лицо обладает правом на исполнение решения суда, вместе с тем придание данному праву свойства принудительной исполнимости является дискуссионным.

Согласно общему подходу, говоря о принудительном исполнении подразумевается лишь деятельность судебного пристава-исполнителя в рамках возбужденного исполнительного производства. Вместе с тем В.П. Воложанин и И.В. Шумкова писали, что «реализация является частью исполнительного производства и должна быть включена в исполнительное производство в качестве одного из видов принудительного исполнения» [2]. Стремление к выработке единого механизма исполнения судебных актов, при котором независимо от содержания судебного решения лицо вправе обратиться за его принудительным исполнением в единственный специально созданный орган – службу судебных приставов, не только соответствует принципу преимущественной защиты прав взыскателя, но и освобождает взыскателей от бремени томительного выяснения органа, в который им необходимо обратиться за получением реализации подтвержденного материального права.

Акцентируем внимание на том, что исполнительный лист выдается на исполнение (ч. 1 ст. 428 ГПК РФ, ч. 3 ст. 319 АПК РФ). Использование законодателем правовой категории «исполнение» вызывает обоснованный интерес, в связи с тем, что согласно наиболее общему подходу именно категория «принудительное исполнение» характеризуется возможностью получения исполнительного листа.

Далее в пользу широкого понимания права на принудительное исполнение подчеркнем, что согласно ст. 1 ФЗИП, сам Федеральный закон «Об исполнительном производстве» определяет условия и порядок принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц.

В тоже время в ст. 8, 9 ФЗИП раскрывается такой порядок осуществления права на принудительное исполнение, как обращение с исполнительным листом в банк или иную кредитную организацию, в которой у должника открыт расчетный счет, а также к работодателю или иному лицу, выплачивающему должнику денежные средства.

Взаимосвязанные положения ст. 1 ФЗИП и ст. 8, 9 ФЗИП дают основания полагать, что при обращении в банк также происходит реализация права именно на принудительное исполнение. Данный вывод подтверждается и правоприменительной практикой. Так, ВАС РФ в определении от 20 марта 2012 г. указал, что при обращении взыскателя с исполнительным листом непосредственно в банк он наделен властными полномочиями по принудительному списанию денежных средств со счета должника.

Но окончательно возможные дискуссии о том, является ли исполнение банком требований исполнительного документа формой принудительного исполнения, следует считать по большей части несостоятельными после 16.06.2021 г.

16.06.2021 г. Президиум ВС РФ утвердил «Обзор судебной практики разрешения судами споров, связанных с принудительным исполнением требований исполнительных документов банками и иными кредитными организациями» (далее Обзор).

Само наименование указанного Обзора если не разрешает ранее существовавшие коллизии, то дают к тому значительные предпосылки.

В п. 5 Обзора указывается, что «на основании части 1 статьи 7, части 1 статьи 8 ФЗИП принудительное исполнение исполнительного документа о взыскании денежных средств возможно путем предъявления его непосредственно взыскателем в банк, обслуживающий счета должника». Помимо этого, в п. 9 Обзора подчеркивается, что «банк, наделенный полномочием по принудительному исполнению требований исполнительного документа, обязан произвести расчет суммы неустойки, присужденной на будущее время».

Указанные разъяснения ВС РФ позволяют дать новую характеристику банку и иной кредитной организации, в которой у должника открыт расчетный счет, в рамках механизма исполнительного производства: исполнение требований исполнительного документа банком является принудительным исполнением; банк при предъявлении ему взыскателем исполнительного документа наделяется полномочием на принудительное исполнение.

К Банку, как к профессиональному участнику рынка по предоставлению финансовых услуг, применяются повышенные стандарты и критерии определения разумности и осмотрительности при совершении банковских операций, которые проводятся, в том числе при исполнении исполнительных документов, и как профессиональный участник такого рынка банк несет риски наступления неблагоприятных последствий, связанных с осуществлением банковских операций.

На банк законодателем возложена обязанность по принудительному взысканию денежных средств со счета должника и перечислению их на счет взыскателя, вне зависимости от того, является ли взыскателем юридическое или физическое лицо.

Данная операция не может быть отнесена к банковской операции, производимой должником в процессе обычной хозяйственной деятельности,

вследствие чего на нее не распространяются условия, предусмотренные договором обслуживания банковского счета, в том числе условия о взимаемых комиссиях по банковским операциям.

Операция по списанию денежных средств на основании исполнительного листа производится в публичных интересах, во исполнение обязанностей, возложенных федеральным законом и принятыми в соответствии с ним нормативными актами, а не на основании договора с клиентом. Осуществление кредитной организацией указанной выше публичной функции не может использоваться в частноправовых отношениях.

Кроме того, согласно Определению ВС РФ от 15.02.2021 N 309-ЭС20–22963 взимаемая банком в таких случаях комиссия признавалась неосновательным обогащением.

Банк исполняет функцию органа, осуществляющего принудительное исполнение, вне зависимости от обязательств по заключенному с клиентом договору банковского счета и волеизъявления клиента.

Более того, получение возражений должника относительно исполнения не является основанием для приостановления исполнения, не исполнения требований исполнительного документа или окончания его исполнения банком.

Действующим законодательством на банки в рамках исполнения положений ФЗИП не возложена обязанность и не предоставлены полномочия по разрешению споров между должником и взыскателем относительно порядка исполнения судебного акта и исполнительного документа, в т.ч. возникших вследствие их действий до обращения в банк для исполнения исполнительного документа.

Приведенные положения являются развитием направления на расширение понимания права на принудительное исполнение, соответствуют принципу преимущественной защиты прав взыскателя и открывают новые направления для изучения субъектов исполнительного производства.

Литература

1. Авдюков М.Г. Исполнение судебных решений. М., 1960. 119 с.
2. Воложанин В. П., Шумкова И.В. Об одной из проблем российского исполнительного производства // Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Челышев. М.: Статут, 2009. 334 с.
3. Заворотько П.П. Процессуальные гарантии исполнения судебного решения. М., 1974. 359 с.
4. Лесницкая Л.Ф., Филатова Л.В., Юков М.К. Исполнительное производство: учебник / отв. ред. Л.Ф. Лесницкая. М.: Юрид. лит., 1983. 176 с.
5. Рыдзюнский Г. Исполнение судебных решений по Гражданскому процессуальному кодексу

РСФСР (ст. 155–316). 2-е изд., испр. М., 1927. 453 с.

6. Ширшиков А.М. Исполнение судебных решений. М., 1966. 108 с.
7. Шумкова И. В. О пробелах и проблемах исполнительного производства // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 12. С. 36–37. СПС «КонсультантПлюс».
8. Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс. М., 1956. 439 с.

APPLICATION OF THE CATEGORY “RECOVERER” IN THE ASPECT OF THE RIGHT TO ENFORCEMENT

Мамаев А.А.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

The article proposes the author’s definition of the concept of “collector” and the rationale for the moment from which the subject acquires the appropriate status. It is proved that the subject is endowed with the appropriate status and acquires a number of rights, including the right to clarify the writ of execution, not only before the presentation of the writ of execution to the bailiff, but also before the issuance of the writ of execution by the court. The article provides additional arguments in favor of a broad understanding of the “right to enforce” and also provides additional arguments in favor of classifying the activities of banks in fulfilling the requirements of executive

documents for enforcement. It is noted that the legislator imposed on the bank the obligation to forcibly collect funds from the debtor’s account and transfer them to the account of the recoverer, regardless of whether the recoverer is a legal entity or an individual.

Keywords: enforcement proceedings, recoverer, debtor, bailiff, enforcement.

References

1. Avdyukov M.G. Execution of judgments. М., 1960. 119 p.
2. Volozhanin V.P., Shumkova I.V. On one of the problems of Russian enforcement proceedings // Executive proceedings: procedural nature and civil law foundations: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference / отв. ed. D.H. Valeev, M. Yu. Chelyshev. М.: Statut, 2009. 334 p.
3. Zavorotko P.P. Procedural guarantees for the execution of a judgment. М., 1974. 359 p.
4. Lesnitskaya L.F., Filatova L.V., Yukov M.K. Executive production: textbook / отв. ed. L.F. Lesnitskaya. М.: Yurid. lit., 1983. 176 p.
5. Rydzyunsky G. Enforcement of judgments under the Code of Civil Procedure of the RSFSR (Art. 155–316). 2nd ed., rev. М., 1927. 453 p.
6. Shirshikov A.M. Execution of judgments. М., 1966. 108 p.
7. Shumkova I.V. On the gaps and problems of enforcement proceedings // Arbitration and civil process. 2006. No. 12. P. 36–37. ATP “Consultant Plus”.
8. Yudelson K.S. Soviet civil process. М., 1956. 439 p.

Организационно-правовые проблемы и основные тенденции развития системы кассационных судов общей юрисдикции

Мартынова Светлана Владимировна,

аспирант, кафедра уголовно-правовых дисциплин,
Московский гуманитарный университет
E-mail: bellixvost@mail.ru

Преобразования института новой российской кассации в 2018–2019 годах оставили часть организационно-правовых вопросов, требующих доработки. Во-первых, это корректировка формальной иерархии (системы) судов, сформированной в соответствии с изменениями, внесенными федеральным конституционным законом от 29.07.2018 № 1-ФКЗ в ст. 1 ФКЗ «О судах общей юрисдикции...», где на первом месте должны быть суды первой инстанции, а не как сейчас последней – кассационной. Во-вторых, требует уточнения и систематизации «порядок образования и состав кассационного суда общей юрисдикции», отсутствующий в соответствующе наименованной ст. 23.1 и рассредоточенный по другим статьям. В-третьих, требует конкретизации осуществление кассационным судом «иных полномочий, предусмотренных федеральными законами», так как приведенное положение ст. 23.2. ФКЗ «О судах общей юрисдикции...» не соответствует положениям ст. 19.1. ФКЗ «О судебной системе», где его просто нет. В-четвертых, требует уточнения, регламентированный в ст. 23.3. ФКЗ «О судах общей юрисдикции...» (с учётом положения ст. 23.6 и ст. 23.7) порядок определения состава кассационного суда, в частности, судебной коллегии по уголовным делам. Также требуют уточнения функции председателя кассационного суда.

Ключевые слова: кассация, суды общей юрисдикции, кассационная реформа, председатель суда, судебная коллегия, судебная система.

Текущий этап функционирования кассационных судов общей юрисдикции (далее – кассационных судов) ведет свой отсчёт от их формирования в российской судебной системе в соответствии с Федеральным конституционным законом от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции», которым были внесены принципиальные изменения в порядок производства в суде кассационной инстанции (гл. 47.1 УПК РФ[17]), нередко именуемые в литературе «кассационной реформой», что представляется, по меньшей мере, дискуссионным.

Обозначение рассматриваемых в настоящей статье преобразований как реформы, вряд ли корректно, так как они не затронули базовые положения УПК РФ, ст. 297 которого не подверглась корректировке, чего в данном случае и не требовалось. Статья демонстрирует уникальную работоспособность, в неё ни разу с момента принятия Кодекса не вносились изменения. В соответствии с УПК РФ приговор в кассационной инстанции должен быть постановлен в соответствии с требованиями Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона. Эти положения представляются необходимыми и достаточными, не требующими какого-либо дополнительного толкования.

В то же время, проведенные преобразования, на наш взгляд, устранили далеко не все организационно-правовые проблемы. Начнём с иерархии (системы) судов, сформированной в соответствии с изменениями, внесенными федеральным конституционным законом от 29.07.2018 № 1-ФКЗ в ст. 1 ФКЗ «О судах общей юрисдикции...». Высшую строчку, а соответственно и позицию по значимости законодатель определил для кассационных судов, вторую – апелляционных, третью – верховных судов республик, краевых, областных судов и лишь четвертую – районных и городских судов. В данном случае, законодатель, вероятно, руководствовался административными принципами построения иерархии, где действуют отношения власти-подчинения, что не вполне соответствует конституционно-правовому пониманию судебной власти и прав на судебную защиту.

Гражданин Российской Федерации, имея статус производный от статей 2 и 7 и опираясь на положения статей 18 и 47 Конституции РФ, обращается в суд *первой инстанции*, который и должен быть

поставлен на первое место, так как именно там рассматривается его дело, разрешается вся совокупность вопросов факта и права, заслушиваются свидетели, оглашаются экспертизы. Закон, как и общественные ожидания ориентированы на то, что суды первой инстанции выносят законные, обоснованные и мотивированные решения, справедливые приговоры, которые вступают в законную силу, оставляя судам последующих инстанций корректировку отдельных ошибок и разрешение вопросов права.

Таким образом, *основой судебной системы*, её первой и главной составной частью и ступенью, были и остаются суды *первой инстанции*, которые недопустимо ставить в административно подчиненное положение на последнюю ступень судебной «иерархии». Что касается института кассации, то её следует отнести к *последней инстанции*, которой она на практике и по закону является.

Кассационный суд, реализуя полномочия, предоставленные ст. 19.1. ФКЗ «О судебной системе» в пределах своей компетенции рассматривает дела как суд кассационной инстанции, а также по новым, либо вновь открывшимся обстоятельствам, являясь при этом вышестоящей судебной инстанцией относительно действующих на территории данного судебного кассационного округа федеральных судов, а также мировым судьям.

В ст. 23.1 ФКЗ «О судах общей юрисдикции...», как следует из её названия определяются «порядок образования и состав кассационного суда общей юрисдикции», тогда как анализ текста статьи показывает, что в ней указан лишь статус «федерального суда общей юрисдикции, действующего в пределах территории соответствующего судебного кассационного округа». Далее в статье перечислены девять кассационных судов в соответствующих судебных кассационных округах. При этом собственно «порядок образования и состав» в статье отсутствует. Он есть в Законе, но рассредоточен по другим статьям, что представляется не логичным, имея в виду название (и, вероятно предназначение ст. 23.1).

Федеральным конституционным законом от 29.07.2018 № 1 в ФКЗ «О судах общей юрисдикции...» была добавлена ст. 23.2, определившая общую компетенцию кассационного суда, который рассматривает дела: по подсудности как суда кассационной инстанции по жалобам и представлениям на вступившие в законную силу судебные акты, а кроме того по новым, либо вновь открывшимся обстоятельствам. Также к компетенции кассационного суда отнесено осуществление иных полномочий, предусмотренных федеральными законами. Приведенное положение ст. 23.2. ФКЗ «О судах общей юрисдикции...» не соответствует положениям ст. 19.1. ФКЗ «О судебной системе», где его просто нет.

Какие *иные полномочия* могут выполнять кассационные суды, тем более не предусмотренные ФКЗ «О судебной системе» и ФКЗ «О судах общей юрисдикции...»? И *какими федеральными зако-*

нами такие полномочия могут определяться, если они не определены ФКЗ? Ответов на эти вопросы, как мы полагаем, нет. В этой связи целесообразно уточнить (для ФКЗ «О судебной системе») и конкретизировать (для ФКЗ «О судах общей юрисдикции...») цитируемое выше указание, а лучше удалить его из ФКЗ «О судах общей юрисдикции...», что обеспечит соответствие.

Не вполне корректно в ст. 23.3. ФКЗ «О судах общей юрисдикции...» регламентирован порядок определения состава кассационного суда, в частности, судебной коллегии по уголовным делам. В соответствии со ст. 23.6. она формируется из числа судей этого суда по представлению его председателя. В то же время, в ст. 23.7 в перечне полномочий председателя кассационного суда нет полномочий на отбор и представление кандидатов в члены коллегий. Данное несоответствие статей 23.3 и 23.6 одного ФКЗ, требует уточнения.

Вопросы состава коллегий отнесены к ведению Президиума суда, который в соответствии со ст. 23.4. состоит (в законе – «образуется») из председателя, его заместителей, входящих в Президиум по должности, «и других судей соответствующего суда», порядок попадания которых в Президиум раскрывается далее.

Пленум Верховного Суда РФ по представлению председателя кассационного суда утверждает количественный и персональный состав президиума кассационного суда. Также по представлению председателя, Президиум утверждает составы судебной коллегии, куда входят судьи данного суда. Таким образом, председатель кассационного суда, будучи единственным «источником власти», определяет все кадровые и структурные решения в суде. В то же время, не все его полномочия конкретизированы в законе. В частности, председатель, помимо указанного выше, в соответствии со ст. 23.7 «рассматривает» материалы по изучению и обобщению судебной практики и анализу судебной статистики, а также «рассматривает вопросы работы аппарата суда», что само по себе порождает неопределенность.

Действуя как руководитель, который, как обосновано указывает М.И. Клеандров, должен иметь «особые управленческие способности для грамотного руководства» [3], председатель суда обеспечивает контроль своевременного и качественного исполнения судьями их обязанностей[4]. Типовые правила внутреннего распорядка суда, утв. Постановлением Совета судей РФ от 18 апреля 2003 г. (п. 2.1) предусматривают именно управленческие функции: распределения обязанностей между заместителями, утверждения должностных инструкций, организации труда сотрудников и судей, обеспечение рабочих мест, условий труда и дисциплины.

В этом смысле, закрепление в законе, как мы указывали выше, лишь «рассмотрения» материалов практики, статистики и вопросов работы аппарата суда явно недостаточно, так как не предполагает реализацию председателем остальных

функций руководителя, который по результатам рассмотрения, принимает решение. В данном случае реализуется классический принцип диалектики: «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике...» [6].

Закон, как мы полагаем, должен регламентировать не просто функцию «рассмотрения», которая сама по себе является обеспечивающей, а функцию «разрешения», принятия на основе этого рассмотрения оптимальных решений. В том числе это может быть постановка вопросов перед вышестоящим судом, Судебным департаментом о совершенствовании нормативной базы, обобщении и внедрении лучших практик.

Представляется неприемлемым указание в законе на то, что председатель «осуществляет иные полномочия в соответствии с федеральными законами». Вероятно, законодатель имел в виду факультативные функции. В частности, в соответствии с п. 8 ст. 23.7 Председатель организует работу кассационного суда по приему граждан и рассмотрению их предложений, заявлений и жалоб в порядке федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ.

Здесь возникает ещё один серьезный вопрос. Дело в том, что в законе речь идёт исключительно об организации работы, сами председатели приема граждан ни в одном из девяти кассационных судов не ведут. Это не лишает граждан права направить в суд обращение в электронной или письменной форме, однако, дойдет ли оно до председателя, граждане не знают и никаким нормативным актом это не предусмотрено.

ФКЗ «О судебной системе» не предусматривает прием граждан председателем суда. В соответствии с п. 12 ч. 1 ст. 39 ФКЗ «О судах общей юрисдикции...» такой прием отнесен к функциям аппарата суда. В соответствии с документами, регламентирующими деятельность судов в этой сфере, прием граждан (физических лиц) производится исключительно служащими аппарата суда [15]. Фактически это не прием граждан как таковой (полномочными на принятие решений лицами), а прием от них документов, которые они подают лично.

Граждане, руководствуясь ст. 13 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 г. № 59-ФЗ, вправе лично изложить свою жалобу, заявление, предложения должностному лицу. Кроме того, в соответствии с поручением Президента России от 26.04.2013 № Пр-936, в День Конституции России, который с 2013 г. получил статус Общероссийского дня приема граждан, они вправе обратиться и быть, в соответствии с Поручением, принятыми «уполномоченным лицам... в компетенцию которых входит решение поставленных в устных обращениях вопросов», т.е. обратиться лично к лицу полномочному принять решение.

Исходя из своих полномочий, председатель кассационного суда, принимая граждан, может решать вопросы организации деятельности су-

да, нарушения судьями и сотрудниками аппарата этики, а также любые другие вопросы, входящие в его компетенцию, кроме процессуальной деятельности, рассматриваемых в суде дел [13], а также разъяснения и толкования законодательства, что следует предусмотреть в соответствующих документах.

Ещё одной организационно-правовой проблемой представляется формирование судебных коллегий кассационных судов общей юрисдикции. Их правовой статус определен указанными выше законами. В сферу их компетенции входит рассмотрение: дел по кассационным жалобам и представлениям на вступившие в законную силу судебные акты нижестоящих судов, а также дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам в отношении вступивших в законную силу судебных актов, принятых той же судебной коллегией кассационного суда. В сферу деятельности судебных коллегий кассационного суда входит обобщение судебной практики.

Исходя из содержания ст. 23.6 ФКЗ «О судах общей юрисдикции...» председатель суда «в необходимых случаях», которые в законе не определены, вправе «привлекать судей одной судебной коллегии для рассмотрения дел в составе другой судебной коллегии». Не вполне понятна цель данного положения, так как назначение судей, равно как и формирование состава коллегий относится к прерогативе председателя суда, который вправе формировать коллегию в определенном составе. Если формирование членов коллегии регламентировано, фактически отдано на усмотрение председателя, то и перераспределение не нуждается в специальной регламентации. Таким образом, указанное положение закона представляется излишним.

Кроме того, неизбежно возникает вопрос соответствия ст. 47 Конституции РФ, в соответствии с которой «никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом» (выделено нами). В данном случае суд определен ФКЗ «О судах общей юрисдикции...», а конкретный судья – определяется председателем суда, который «в необходимых случаях» может переместить его в другую коллегию и на другое дело.

Принимая во внимание наличие ряда, на наш взгляд, нерешенных организационно-правовых проблем, следует сделать вывод о продолжении процесса формирования института новой российской кассации, регламентация которой была принята относительно и сегодня находится в естественном процессе проверки практикой, её обобщения и интерпретации.

Литература

1. Бангалорские принципы поведения судей от 26 ноября 2002 г./ ООН https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml

2. Заключение № 1 (2001) Консультативного совета европейских судей (КЕСЕС) для Комитета Министров Совета Европы «О Стандартах независимости судебных органов и несменяемости судей» (Рекомендация № R (94) 12 «О независимости, эффективности и роли судей и применимости стандартов Совета Европы и любых других международных стандартов к существующим проблемам в этих областях» (<https://rm.coe.int/1680747b8e>)
3. Клеандров М.И. В чем смысл квалификационного экзамена кандидата в судьи? // Российское правосудие. 2008. № 1. С. 82–94.
4. Королева Е.В. Статус председателя суда (теоретико-правовой подход) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 2 (139). С. 181–188.
5. Коршунов Ю.А. Создание апелляционных и кассационных судов: некоторые итоги масштабной реформы // Юридическая наука. 2019. № 4. С. 71–75.
6. Ленин В.И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Изд. 5. М.: Госполитиздат, 1969. Т. 29. С. 152–153. С. 219–278.
7. Платонова К.О., Коваль К.С., Шумова К.А. Анализ эффективности механизма исправления судебных ошибок судами апелляционной и кассационной инстанций, в рамках проведенной судебной реформы // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 1. С. 368–374.
8. Приняты VII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшимся в Милане с 26 августа по 6 сентября 1985 г., одобрены резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 г. / https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/indep.shtml
9. Пронина М.П. Проблемы реформирования институтов апелляции и кассации // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 4 (34). С. 130–135.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 (ред. от 29.06.2021) «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. 2019. 3 июля. № 142.
11. Примерное положение о приемной в судах общей юрисдикции. Утв. Генеральным директором Судебного департамента при Верховном Суде РФ 26 ноября 2008 г.
12. Положение о порядке рассмотрения судами общей юрисдикции поступающих в электронной форме обращений граждан (физических лиц), организаций (юридических лиц), общественных объединений, органов государственной власти и (или) органов местного самоуправления. Утв. Постановлением Президиума Совета судей РФ от 21 июня 2010 г. № 229.
13. Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 г. № 3132–1
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.04.2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности» // Бюллетень Верховного суда РФ. 2016. № 4.
15. Типовые правила внутреннего распорядка суда. Утв. Постановлением Совета судей РФ от 18 апреля 2003 г. № 101.
16. Типовой регламент организации деятельности приемной суда общей юрисдикции. Утв. Генеральным директором Судебного департамента при Верховном Суде РФ 19 июня 2009 г.
17. Федеральный закон от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации / <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201810110005>
18. Число принятых в 2021 году законов оказалось минимальным за последние пять лет // СПС «Гарант». 2022. 10 февраля <https://www.garant.ru/company/about/press/news/1527116/> СПС «Гарант» / <https://base.garant.ru/2559965/>

ORGANIZATIONAL AND LEGAL PROBLEMS AND MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF CASSATION COURTS OF GENERAL JURISDICTION

Martynova S.V.

Moscow University for the Humanities

The transformations of the institute of the new Russian cassation in 2018–2019 left some of the organizational and legal issues that need to be improved. Firstly, this is an adjustment of the formal hierarchy (system) of courts, formed in accordance with the changes introduced by the federal constitutional law of July 29, 2018 No. 1-FKZ in Art. 1 of the Federal Law “On the courts of general jurisdiction...”, where the first place should be the courts of first instance, and not, as it is now the last one – cassation. Secondly, it requires clarification and systematization of the “order of formation and composition of the court of cassation of general jurisdiction”, which is absent in the correspondingly named Art. 23.1 and dispersed among other articles. Thirdly, the exercise by the cassation court of “other powers provided for by federal laws” requires specification, since the above provision of Art. 23.2. FKZ “On courts of general jurisdiction...” does not comply with the provisions of Art. 19.1. FKZ “On the judicial system”, where it simply does not exist. Fourth, it requires clarification, regulated in Art. 23.3. FKZ “On Courts of General Jurisdiction...” (taking into account the provisions of Article 23.6 and Article 23.7) the procedure for determining the composition of the cassation court, in particular, the Judicial Collegium for Criminal Cases. They also require clarification of the functions of the chairman of the cassation court.

Keywords: cassation, courts of general jurisdiction, cassation reform, chairman of the court, judicial board, judicial system.

References

1. Bangalore Principles of Judicial Conduct of November 26, 2002/ UN https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangalore_principles.shtml
2. Opinion No. 1 (2001) of the Advisory Council of European Judges for the Committee of Ministers of the Council of Europe “On Standards of Judicial Independence and Irremovability of Judges” (Recommendation No. R (94) 12 “On the independence, effectiveness and role of Judges and the applicability of Council of Europe standards and any other international standards to existing problems in these areas” (<https://rm.coe.int/1680747b8e>)

3. Kleandrov M.I. What is the meaning of the qualification exam of a candidate for a judge? // Russian justice. 2008. No. 1. pp. 82–94.
4. Koroleva E.V. The status of the chairman of the court (theoretical and legal approach)// Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. No.2 (139). pp. 181–188.
5. Korshunov Yu.A. The creation of appeal and cassation courts: some results of a large-scale reform// Legal Science. 2019. No. 4. pp. 71–75.
6. Lenin V.I. Philosophical notebooks// Complete Collection, Op. Ed. 5. Moscow: Gospolitizdat, 1969. Vol. 29. pp. 152–153. pp. 219–278.
7. Platonova K.O., Koval K.S., Shumova K.A. Analysis of the effectiveness of the mechanism for correcting judicial errors by courts of appeal and cassation instances, within the framework of the judicial reform carried out// Bulletin of Science and Practice. 2021. Vol. 7. No. 1. pp. 368–374.
8. Adopted by the VII UN Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders, held in Milan from August 26 to September 6, 1985, approved by UN General Assembly Resolution 40/32 of November 29, 1985./ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/indep.shtml
9. Pronina M.P. Problems of reforming institutions of appeal and cassation// Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2018. No. 4 (34). pp. 130–135.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.06.2019 No. 19 (ed. of 29.06.2021) “On the application of the norms of Chapter 47.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating proceedings in the court of cassation”// Rossiyskaya Gazeta. 2019. July 3. No.142.
11. Approximate regulations on reception in courts of general jurisdiction. Approved by the Director General of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation on November 26, 2008.
12. Regulation on the procedure for consideration by courts of general jurisdiction of electronic appeals of citizens (individuals), organizations (legal entities), public associations, state authorities and (or) local self-government bodies. Approved by the Resolution of the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation dated June 21, 2010 No. 229.
13. Law of the Russian Federation “On the Status of Judges in the Russian Federation” dated 26.06.1992 No. 3132–1
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/14/2016 No. 13 “On judicial practice of the application of legislation regulating issues of disciplinary responsibility”// Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. No. 4.
15. Model Rules of the internal Regulations of the court. Approved. Resolution of the Council of Judges of the Russian Federation of April 18, 2003 No. 101.
16. Model Regulations for the organization of the reception of the Court of General Jurisdiction. Approved by the Director General of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation on June 19, 2009.
17. Federal Law No. 361-FZ of October 11, 2018 “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”/ Official Internet Portal of Legal Information/ <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201810110005>
18. The number of laws adopted in 2021 turned out to be the minimum in the last five years// SPS “Garant”. 2022. February 10 <https://www.garant.ru/company/about/press/news/1527116> / SPS “Garant”/ <https://base.garant.ru/2559965/>

Сбор образцов для сравнительного исследования в деятельности правоохранительных структур

Пермяков Максим Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева
E-mail: pmv0929@yandex.ru

Рачева Нелли Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева
E-mail: ekaterinburg@mail.ru

Долинин Владимир Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева
E-mail: dvn1952@gmail.com

В правоохранительной деятельности грамотность, законность и определение методики получения образцов для сравнительного исследования играет не последнюю роль для последующей процедуры их использования в уголовном судопроизводстве. Для того чтобы получить экспериментальные образцы для сравнительного исследования, нужно провести следственное действие, которое позволит получить в законном порядке у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля потерпевшего объектов, являющихся продуктами их деятельности или жизнедеятельности их организма, а также в получении иных объектов, необходимых для сравнения со следами или вещественными доказательствами в целях идентификации или установления родовой или групповой принадлежности этих вещественных доказательств. Однако, не смотря на всю внешнюю простоту и незамысловатость данного действия, на практике возникает ряд сложностей при получении образцов для сравнительного исследования, и, в частности, в большинстве случаев, это связано с нежеланием отдельных категорий граждан оказывать содействие, основываясь на законодательном праве, в данном случае приходится прибегать к негласным методам и средствам, которыми наделены субъекты, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности в соответствии со ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Ключевые слова: экспериментальный образец, подозреваемый, обвиняемый, свидетель, потерпевший, дактилоскопирование.

Для начала дадим определение образцам сравнительного исследования. Образцы для сравнительного исследования – это материальные объекты, которые используются для сравнения со следами и вещественными доказательствами для идентификации этих следов или вещественных доказательств, установления их родовой или групповой принадлежности и выявления других обстоятельств, имеющих значение для расследуемого дела [9].

Для того чтобы получить экспериментальные образцы для сравнительного исследования, нужно провести следственное действие, которое позволит получить в законном порядке у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля потерпевшего объектов, являющихся продуктами их деятельности или жизнедеятельности их организма, а также в получении иных объектов, необходимых для сравнения со следами или вещественными доказательствами в целях идентификации или установления родовой или групповой принадлежности этих вещественных доказательств.

Образцами могут выступать предметы, продукты жизнедеятельности, следы и др. Образцы собираются в том количестве, которые необходимы для проведения исследования. Образцы должны быть пригодными для проведения исследования (содержать признаки, идентифицировавшие их или определить их принадлежность к тому объекту, частью которого являлись они) [8].

Все образцы можно разделить на: – следы (обувь и транспортного средства, отпечатки, оттки); – продукты жизнедеятельности (кровь, слюна, запах, волосы); – отделившиеся части объектов (часть фарного рассеивателя); – коллекционные образцы (пулегильзотека); – эталоны (различные меры); – средние пробы (при исследовании спиртосодержащих жидкостей, нефтепродуктов, наркотических веществ). Особую категорию составляют личностные образцы (получаемые у индивида). Эти образцы делятся на следующие группы: биологического происхождения (слюна); отражающие навыки человека (почерк, изготовление специализированных узлов); образцы частей тела человека и функциональных особенностей (слепки зубов, запись голоса) [10].

Собранные образцы упаковываются соответствующим образом и направляются согласно порядку для производства сравнительного исследования.

В процессе сбора образцов необходимо учитывать и то, что это не должно создавать угрозу жизни и здоровью граждан, а также унижать их

человеческое достоинство. Мероприятие по сбору образцов проводится как гласно, так и негласно (например, при получении образцов почерка; при негласном дактилоскопировании – изъятие журнала у лица, которое его читало, оставив на нем следы пальцев рук), а также при получении образцов от самого лица, которое не знает об истинной цели представления этих образцов (например, сдачи анализов в поликлинике).

Образцы для сравнительного анализа изымаются при необходимости проверить, есть ли следы в определенном месте или на вещественных доказательствах, оставленные указанными выше лицами. Получение образцов для сравнительного исследования возможно как на стадии предварительного расследования, так и на стадии возбуждения уголовного дела при проверке заявлений и сообщений о преступлении в соответствии с частью первой статьи 144 УПК РФ [2].

В соответствии с частью 1 ст. 202 Уголовно-процессуального кодекса РФ образцы для сравнительного исследования может получить следователь, но при названии необходимости можно граждан привлечь к получению образцов и специалистов.

В определенных случаях получение образцов эксперт для научных сравнительного голоса расследования работу может производиться в рамках долженко судебной образцом экспертизы. В этом случае образцы получает эксперт.

Следователь изъятие может получить образцы у подозреваемого, потерпевшего, которое свидетеля, образцы обвиняемого, у физических которое и юридических закон лиц в рамках образцы рассмотрения числе заявлений и сообщений о преступлении.

При необходимости получения которые образцов слепки для введом сравнительного образцы исследования следователь выносит получению постановление, мандрик в котором описываются обстоятельства дела, доказывающие необходимость проверки получения лекции образцов, виды образцов, необходимые при действий получении случаев у лица (лиц), следы у которого они власти будут например изыматься с указанием изыматься их процессуального положения. По окончанию образцы следственного образцы действия следователь образцов составляет группы протокол, в котором научных отражает его пальцев ход и результаты, ивановна полученные у подозреваемого, потерпевшего, повышения свидетеля, также обвиняемого, у физических список и юридических долженко лиц.

В протоколе указывается: образец изъятия (название образца, количество и характеристика); у коожидкостей он получен (уцелью подозреваемого, допустимы обвиняемого, привлечь свидетеля или потерпевшего); негласно каким начала образам которые он упакован; объектов где различные и у кого образцы он будет храниться. После ознакомления опасны с содержанием дователь протокола, образом лица, присутствовавшие изыматься при чтобы его составлении, образцов долж-

ны удостоверить правильность власти изложенных введом в нем условий сведений и поставить свои подписи.

Все замечания присутствующих, альбом если образцы они проведена имеются, или сведения заявления по поводу сведений проведенного образцов процессуального действия, в протокол заносятся. Если голоса исследования хабаровск проводится экспертом, полученных образцов читало для сравнительного исследования, то бузанова сведения образцы об этом эксперт отражает следы в заключении судебной экспертизы.

Понятых не свидетеля требуют работу по УПК РФ обязательного участия при может получении образцы образцов допустимы для привлечь сравнительного исследования. Но следователь имеет право может пригласить заносятся понятых групповой для следственных действий.

Ст. 74 УПК РФ не называет человека образцы системе для введом сравнительного исследования в числе выступать доказательств проведена по уголовному практика делу. Образцы изымаются для частью сравнительного получения исследования пособие и без сообщений проведения исследования не связи имеют никакого которые значения бузанова для проверить уголовного дела.

В части 2 ст. 202 УПК также РФ говорится работу о том, что при федерации получении образцов допустимы для сравнительного заносятся исследования не допустимы случаев методы, которые опасны для образцов жизни и здоровья федерации человека или граждан унижающих возможно его федерации честь которого и достоинство. например Не может может быть произведено сравнения следственное угрозу действие в сбору случае, практике если лицо отказывается любые от дачи образцов.

Поскольку проблемы УПК может РФ не вменяет также в обязанность участникам уголовного судопроизводства образцы представлять допустимы образцы получения для сравнительного исследования, то никаких отрицательных научных последствий жидкостей для обвиняемого федерации отказ сравнения в предоставлении образцов можно не влечет. Но необходимо алексеева учитывать, голоса что числе в ряде случаев результаты сравнительного голоса исследования содержат образцов иванова могутопасны способствовать получению оправдывающих доказательств обвиняемого. Исходя из этого, ивановна обвиняемому не нужно возражать условий против закон их получения, а наоборот, условий способствовать этому. Кроме того, должен настаивать обвиняемый на части том (заявлять например ходатайство), чтобы следователь голоса произвел образцов смывы чтобы с его образцы рук для проведения биологической экспертизы. Данная экспертиза может подтвердить читало отсутствие образцов пота (слюны, волос) обвиняемого, например, на том же упаковочном материале изъятых в ходе оперативно-розыскных или следственных действий.

В условий криминалистической образцы практике может все образцы образом для случаях

сравнительного может исследования закон в зависимости изъятие от времени ведома и условий возникновения делят на: экспериментальные различные образцы – это образом образцы, может которые пособие следователь образцы или условий эксперт случаях получают в соответствии нужно со ст. 202 УПК которым РФ; и свободные алексеева образцы, образцы которые иванова создаются не в целях образцы сравнительного повышения исследования. Свободные после образцы слепки создаются до возбуждения проблемы уголовного человека дела. Применительно случаев к их возможности образцы для проведения получения почерковедческой групповой экспертизы филиал с целью следами установления жалоба исполнителя рукописного имеют текста волос могут быть ведома использованы после любые случае материалы, название которые содержат рукописный жидкостей текст, алексеева исполненный пособие подозреваемым случаев или работу обвиняемым задолго бузанова до возбуждения окончанию уголовного случаев дела нужно и не в связи образцов с ним: замечания школьные сочинения, получения лекции, родовой заявления, хабаровск написанные например собственноручно, о имеет приеме на работу может либо негласно увольнении, можно различные письма.

Условно-свободные образцов образцы слепки возникают протоколе уже хабаровск после возбуждения лекции уголовного группы дела, человека но также образом не для сообщений целей сравнительного нужно исследования случае и не в связи образцов с расследованием опасны по делу. Например, в деле имеется следами собственноручно группы написанное название обвиняемым читало ходатайство, заявление, образцов жалоба.

Не рекомендуется использовать в качестве образцов, прослушанных без ведома обвиняемого, телефонных переговоров. [11]

Одним из условий использования образцов для сравнительного исследования для производства экспертизы – это обеспечение несомненности их происхождения. Чтобы подтвердить принадлежность речи, которая содержится в фонограмме, записанной без ведома обвиняемого, необходимо провести судебную фоноскопическую экспертизу. Фоноскопическая экспертиза проводится для того, чтобы установить личность говорящего по признакам голоса и речи. Данная экспертиза не может быть проведена без наличия образцов голоса, которые, без сомнения, принадлежат обвиняемому[6].

Таким образом, подводя итог, отметим, что сбор образцов для сравнительного исследования очень важная часть правоохранительной деятельности в процессе раскрытия и расследования уголовных дел. Грамотность, законность и определение методики получения такого рода образцов играет не последнюю роль для последующей процедуры их использования в уголовном судопроизводстве. Однако, не смотря на всю внешнюю простоту и незамысловатость данного действия, на практике

возникает ряд сложностей при получении образцов для сравнительного исследования, и, в частности, в большинстве случаев, это связано с нежеланием отдельных категорий граждан оказывать содействие, основываясь на законодательном праве, в данном случае приходится прибегать к негласным методам и средствам, которыми наделены субъекты, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности в соответствии со ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.1996 г. № 63-ФЗ: по сост. на 24.04.2021 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 63. – Ст. 3301.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ: по сост. на 23.09.2021 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 63. – Ст. 3301.
3. О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 (ред. 22 июня 2010 г.) // СЗ РФ. – 2004. – № 11. – Ст. 945; СЗ РФ. – 2010. – № 26. – Ст. 3331.
4. Алексеева Т.Г. Уголовное право: альбом схем / Т.Г. Алексеева; отредактировано автором; Дальневосточ. ин-т повышения квалификации Федер. службы Рос. Федерации по контролю за оборотом наркотиков. – Хабаровск: ДВИПК ФСКН России, 2015. – 45 с.
5. Безбородов Д.А. Актуальные проблемы уголовного права: учение о преступлении: научно-практическое пособие. под общ. ред. А.Н. Попова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – 188 с.
6. Благодатин А.Б. Уголовное право РФ / А.Б. Благодатин // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 6 (15). С. 45–47.
7. Бузанова В.В. Соотношение понятий «Неоконченная преступная деятельность» и «стадии совершения преступления» / В.В. Бузанова // В сборнике: Современная юридическая наука и практика: актуальные проблемы Сборник научных статей (по материалам II Международного форума магистрантов, аспирантов и молодых ученых). 2017. С. 45–49.
8. Долженко Н.И. Образцы для сравнительного исследования и тактика их получения: канд. юрид. наук: 12.00.09 / Долженко Наталья Игоревна. – Москва, 2000. – 109 с. – С. 42–43.
9. Иванова Е.С. Классификация образцов для сравнительного исследования / Е.С. Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России – № 4 (84) – 2019 – С. 153.

10. Мандрик Л.И. Процессуальные и криминалистические аспекты получения образцов для сравнительного исследования: канд. юрид. наук: 12.00.09 / Мандрик Людмила Ивановна. – Минск, 1991. – С. 61.
11. Пермяков М.В. Качество правовых актов, возникающих в деятельности следственного комитета РФ / М.В. Пермяков, С.Г. Банных, А.В. Сарapultseva // Научный журнал «Гуманитарные, Социально-экономические и общественные науки». № 2, 2021. С. 156–158.

COLLECTION OF SAMPLES FOR COMPARATIVE RESEARCH IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Permyakov M.V., Racheva N.V., Dolinin V.N.
V.F. Yakovlev Ural State Law University

In law enforcement, literacy, legality and the determination of the methodology for obtaining samples for comparative research play an important role for the subsequent procedure for their use in criminal proceedings. In order to obtain experimental samples for a comparative study, it is necessary to carry out an investigative action that will allow you to legally obtain from the suspect, accused, witness of the victim objects that are products of their activity or the vital activity of their body, as well as in obtaining other objects necessary for comparison with traces or material evidence in order to identify or establish the generic or group affiliation of these material evidence. However, despite all the outward simplicity and uncomplicatedness of this action, in practice there are a number of difficulties in obtaining samples for comparative research, and, in particular, in most cases, this is due to the unwillingness of certain categories of citizens to provide assistance, based on legislative law, in In this case, one has to resort to covert methods and means that are endowed with subjects authorized to carry out operational-search activities in accordance with Art. 6 of the Federal Law "On operational-search activities".

Keywords: experimental sample, suspect, accused, witness, victim, fingerprinting.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation: federal law of November 30, 1996 No. 63-FZ: comp. as of April 24, 2021 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 63. – Art. 3301.
2. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: federal law of December 18, 2001 No. 174-FZ: according to comp. as of September 23, 2021 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 63. – Art. 3301.
3. On the system and structure of federal executive bodies: Decree of the President of the Russian Federation of March 9, 2004 No. 314 (ed. June 22, 2010) // SZ RF. – 2004. – No. 11. – Art. 945; SZ RF. – 2010. – No. 26. – Art. 3331.
4. Alekseeva T.G. Criminal law: an album of schemes / T.G. Alekseeva; edited by the author; Far East. in-t advanced training Feder. services of Ros. Drug Control Federation. – Khabarovsk: DVIPK FSKN of Russia, 2015. – 45 p.
5. Bezborodov D.A. Actual problems of criminal law: the doctrine of crime: a scientific and practical guide. under total ed. A.N. Popova. – St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2017. – 188 p.
6. Blagodatin A.B. Criminal Law of the Russian Federation / A.B. Blagodatin // Modern scientific research and development. 2017. No. 6 (15). pp. 45–47.
7. Buzanova V.V. Correlation of the concepts "Unfinished criminal activity" and "stages of committing a crime" / V.V. Buzanova // In the collection: Modern legal science and practice: current problems Collection of scientific articles (based on the materials of the II International Forum of Undergraduates, Postgraduates and Young Scientists). 2017. S. 45–49.
8. Dolzhenko N.I. Samples for comparative research and tactics of their obtaining: Cand. legal Sciences: 12.00.09 / Dolzhenko Natalya Igorevna. – Moscow, 2000. – 109 p. – P. 42–43.
9. Ivanova E.S. Classification of samples for comparative research / E.S. Ivanova // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – No. 4 (84) – 2019 – P. 153.
10. Mandrik L.I. Procedural and forensic aspects of obtaining samples for a comparative study: Cand. legal Sciences: 12.00.09 / Mandrik Lyudmila Ivanovna. – Minsk, 1991. – S. 61.
11. Permyakov M.V. The quality of legal acts arising in the activities of the investigative committee of the Russian Federation / M.V. Permyakov, S.G. Bannykh, A.V. Sarapultseva // Scientific journal "Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences". No. 2, 2021. P. 156–158.

К вопросу о предмете и пределах прокурорского надзора за исполнением законодательства Российской Федерации о государственной гражданской и муниципальной службе

Потапова Лариса Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорской деятельности Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
E-mail: Lvpotapova2014@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные теоретические проблемы развития и совершенствования надзора за исполнением законодательства Российской Федерации о государственной гражданской и муниципальной службе. Сформулирован вывод о важной роли органов прокуратуры в исследуемом правовом поле. Особый акцент сделан на надзорной функции органов прокуратуры Российской Федерации. Определены критерии выстраивания пределов реализации прокурорских полномочий, с целью соблюдения в их деятельности принципов законности и разделения властей.

Автор подчеркивает, что предмет прокурорского надзора в области исполнения законодательства Российской Федерации о государственной гражданской и муниципальной службе включает в себя правовой анализ деятельности соответствующих государственных и муниципальных органов, не исключая вопросы принятия на службу, перемещения по ней, увольнения, а также антикоррупционную составляющую, неправомерное сокрытие доходов служащего и т.п. Предмет прокурорского надзора в представленной правовой области исходит из сущности тех правоотношений, надзор за которыми осуществляют органы прокуратуры Российской Федерации.

В статье указывается на то, что, расширяя понимание предмета прокурорского надзора за исполнением законов государственными и муниципальными органами, возможно обозначить конкретные векторы в рамках осуществляемого прокурорами надзора.

Ключевые слова: прокурорский надзор; предмет прокурорского надзора; пределы прокурорского надзора; прокурорская проверка; государственная и муниципальная служба; антикоррупционная деятельность.

Исторически сложилось, что для Российской Федерации свойственно постоянное развитие и становление новых форм организации власти на ее территории. В вопросах правового и организационного взаимодействия органов государственной власти, местного самоуправления с прокурорской системой можно констатировать укоренившуюся тенденцию.

Система взаимоотношений государственных и муниципальных органов власти как публичных правовых институтов в Российской Федерации представляет собой совокупность государственных, общественных, муниципальных интересов[1], а также интересы отдельных граждан, которые между собой пересекаются. При этом вопросы, раскрывающие особенности кооперации государственной власти и местного самоуправления, остаются одними из наиболее значимых.

В качестве приоритетной линии в сфере организации государственной и муниципальной службы, а также взаимодействия указанных политических и социальных структур, видится исполнение законодательства Российской Федерации в обозначенной правовой плоскости, которое в конечном итоге подразумевает защиту прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации.

Актуализация роли органов прокуратуры в сфере надзора за исполнением законов органами государственной и муниципальной власти происходит на фоне проведенной в России административной реформы, демонстрирующей по своему итогу довольно спорную эффективность[2].

Помимо прочего, не снижает своей остроты проблема коррупции в системе государственных и муниципальных органов власти страны. Так, в 2020 году согласно Индексу восприятия коррупции Российская Федерация заняла 129 из 180 мест (в 2021 году – 136 место) [3], что означает достаточно высокий уровень коррупционной составляющей в структуре российской власти. По результатам опроса Левада Центр страх произвола властей в Российской Федерации присущ 53% опрошенных граждан и входит в тройку самых волнующих тем для россиян на современном этапе [4].

Отмеченные обстоятельства в значительной степени обуславливают актуальность прокурорского надзора, отвечающего потребностям и интересам российского общества на современном этапе его развития.

Правонарушения, совершаемые в рамках осуществления возложенных на субъект полномочий по государственной и муниципальной службе, – это

всегда правонарушения со специальным субъектом [5]. Связано это с тем, что лица, состоящие на государственной и муниципальной службе, обладают особым правовым статусом и наделены рядом полномочий и компетенций, которыми не располагают и не реализуют иные субъекты гражданского оборота Российской Федерации. Такие субъекты обладают возможностью реализации власти в отношении неопределенного круга лиц (например, в пределах конкретного муниципального образования) [6], могут повлиять на ход развития событий в зависимости от занимаемой ими государственной или муниципальной должности [7] (например, в вопросах предоставления земельного участка, иных преференций и т.д.).

Надзор, осуществляемый за исполнением законов на государственной и муниципальной службе, направлен на решение трех основных задач:

- максимально эффективное осуществление мероприятий превентивного характера;
- обнаружение нарушений, путем осуществления соответствующего набора правовых средств;
- своевременное применение эффективных мер реагирования на выявленные нарушения закона [8].

Проявление надзора за исполнением законов государственными и муниципальными органами осуществляется в следующих правовых аспектах:

- 1) реализация наблюдения за деятельностью государственных и муниципальных органов власти, включая сбор информации о выполняемых обязанностях, отвечающей критериям полноты, достоверности и объективности;
- 2) принятие мер по предотвращению совершения правонарушений в сфере государственной и муниципальной службы;
- 3) выявление причин, послуживших триггером к совершению правонарушения в сфере государственной и муниципальной службы на территории Российской Федерации;
- 4) принятие мер по привлечению к ответственности на основании выявленного (установленного) факта нарушения закона различного правового характера (административного, уголовного).

Единым органом Российской Федерации, который реализует функции по государственному надзору за исполнением законодательства о гражданской и муниципальной службе, который осуществляется от имени всего государства, выступает прокуратура Российской Федерации [9].

Предметом прокурорского надзора за исполнением законодательства о государственной гражданской и муниципальной службе выступает совокупность взаимосвязанных элементов, которые можно представить следующим образом:

- отношения, связанные с поступлением на государственную и муниципальную службу;
- прохождение государственной гражданской и муниципальной службы, включая факт надлежащего исполнения возложенных на государственного или муниципального служащего полномочий;

- прекращение государственной гражданской и муниципальной службы, например, на предмет законности;
- определение правового положения представителя государственной гражданской и муниципальной службы (и прочее).

Под пределами прокурорского надзора традиционно рассматривают границы осуществления этой деятельности. При характеристике пределов прокурорского надзора имеет смысл определить их в качестве правовой категории, устанавливающей рамки должного, возможного и запрещенного поведения при выборе прокурором объектов предстоящей проверки, применении полномочий и средств прокурорского реагирования [10].

Пределы надзора устанавливают в отношении:

- 1) перечня правовых актов, надзор за исполнением которых осуществляют органы прокуратуры;
- 2) круга объектов, на деятельность по исполнению законом которыми распространена надзорная компетенция органов прокуратуры;
- 3) объема полномочий прокурора, а также инструментов реагирования при выявлении правонарушения [11].

Пределы прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции зависят от:

- перечня объектов, в отношении которых могут проводиться надзорные мероприятия;
- содержания деятельности лиц или органов, в отношении которых проводится проверка;
- круга лиц или органов, которыми были изданы противоречащие антикоррупционному законодательству Российской Федерации правовые акты;
- конкретных мер реагирования.

Так, в ходе надзорных мероприятий, проведенных на территории Свердловской области, было установлено, что в нарушение требований законодательства о противодействии коррупции отдельными депутатами Законодательного Собрания Свердловской области не приняты меры к предотвращению и урегулированию конфликта интересов.

А именно: на должности помощников депутатов назначены их супруги. Сами депутаты вели учет рабочего времени своих помощников, определяли размер их заработной платы, в некоторых случаях – в разы больше, чем помощникам с аналогичными обязанностями. Данные помощники депутатов в рабочее время неоднократно находились на отдыхе за границей Российской Федерации, получая при этом из областного бюджета заработную плату.

Кроме того, выявлены факты сокрытия депутатами сведений о наличии на праве собственности дорогостоящего имущества, расположенного в г. Екатеринбург, в Московской и Тульской областях.

Установлены и типичные нарушения, например, непредставление сведений об участии в коммерческих организациях, предоставление недостовер-

ных сведений о полученных доходах и имуществе. В частности, один из депутатов не указал сумму дохода своей супруги в размере более 40 млн рублей. Прокуратура в ходе проведения проверочных мероприятий установила факт неоднократного непредставления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера на членов семьи одного из депутатов. По итогам проверки прокурор Свердловской области представителю Законодательного Собрания внес представление об устранении нарушений антикоррупционного законодательства [12].

Важно отметить, что прокуратура не обладает административными функциями, не вмешивается в оперативно-хозяйственную (и организационную) работу государственных и муниципальных органов власти страны. То есть суть прокурорского надзора в его узком понимании сводится к факту соблюдения (исполнения) законов, принятых и действующих на территории российского государства, соответствующими представителями государственной и муниципальной службы. При этом предметом и объектом надзора может быть и деятельность контролирующих органов [13].

Таким образом, расширяя понимание предмета прокурорского надзора за исполнением законов государственными и муниципальными органами, стоит обозначить конкретные направления работы (по заявленной тематике настоящей публикации):

- 1) проверка законности проведения конкурсов на замещение вакантных должностей на государственной и муниципальной службе;
- 2) проверка законности процедуры принятия на службу, назначения на государственную или муниципальную должность, а также вопросов перемещения по ней;
- 3) проверка законности обеспечения исполнения обязанностей, возложенных на конкретного государственного или муниципального служащего, с акцентом на правомерность осуществляемых им действий в рамках своей служебной деятельности;
- 4) проверка законности по вопросам соблюдения антикоррупционного законодательства;
- 5) исследование сведений о доходах и имуществе государственного или муниципального служащего на предмет их достоверности [14];
- 6) надзор (контроль) за законностью проводимых государственными и муниципальными органами контрольных мероприятий;
- 7) проверка законности применения государственными и муниципальными служащими дисциплинарных взысканий;
- 8) проверка соответствия законодательству Российской Федерации о противодействии коррупции издаваемых государственными и муниципальными органами правовых актов (в пределах их компетенции).

Предмет прокурорского надзора в области исполнения законодательства Российской Федерации о государственной гражданской и муниципальной службе включает в себя, помимо прочего,

и правовой анализ деятельности соответствующих государственных и муниципальных органов, не исключая вопросы принятия на службу, перемещения по ней, увольнения антикоррупционную составляющую, выявление аспектов нелегитимного характера, неправомерное сокрытие доходов служащего и т.п.

Предмет прокурорского надзора в представленной правовой области, безусловно, исходит из сущности тех правоотношений, надзор за которыми осуществляют органы прокуратуры Российской Федерации. Практическая значимость исследуемых вопросов требует к себе более пристального внимания и дельнейшей теоретической проработки.

Литература

1. Постовой Н.В., Таболин В.В., Черногор Н.Н. Муниципальное право России: учебник \ под ред. Н.В. Постового. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юриспруденция, 2016. 566с.
2. Дехтярь И.Н. О необходимости законодательного разграничения функций государственного контроля и надзора в аспекте административной реформы \ Административное право и процесс. 2020. № 3. С. 54–56.
3. Россия в Индексе восприятия коррупции – 2021: 29 баллов и 136-е место \ URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vozpriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indeks-vozpriyatiya-korruptcii-2021-29-ballov-i-136-e-mesto> (дата обращения 28.08.2022). Россия в Индексе восприятия коррупции-2020: 30 баллов и 129 место \ URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vozpriyatiya-korruptsii/rossiya-v-indeks-vozpriyatiya-korruptsii-2020-30-ballov-i-129-mesto> (дата обращения 28.08.2022).
4. Страхи россиян. 2022 \ URL: <https://www.levada.ru/2022/01/12/strahi-5/> (дата обращения 28.08.2022).
5. Британов А.И., Черепанов М.М. О проблемах прокурорского надзора за исполнением законов органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления \ Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 3. С. 63–71.
6. Алексеева Л.Г. Надзор за исполнением законодательства о государственной гражданской и муниципальной службе, противодействию коррупции \ Законность. 2015. N 2. С. 13–16.
7. Паламарчук А.В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства об обращениях граждан \ Законность. 2017. № 7. С. 3 —
8. Агафонов В.А. Государственный контроль и надзор за соблюдением законодательства о государственной гражданской и муниципальной службе \ Образование и право. 2018. № 8. С. 83–90.
9. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 (ред. от 01.07.2021) «О прокуратуре Российской Федерации».

ской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) \ «Собрание законодательства РФ», 20.11.1995, № 47, ст. 4472.

10. Казарина А.Х. Теоретические и прикладные проблемы прокурорского надзора за исполнением законов экономической направленности: автореф. Дис. ... Канд. Юрид. Наук. \ М., 2009. 249с.
11. Настольная книга прокурора: пособие \ кол. авт.; под общ. ред. С.Г. Кехлерова, О.С. Капинус; науч. ред. А.Ю. Винокуров. М.: Юрайт, 2012. 356с.
12. Прокуратура через суд добивается лишения полномочий депутата, нарушившего антикоррупционное законодательство // <http://www.prokuratura.ur.ru/prokuratura-cherez-sud-dobivaetsya-15620> (дата обращения 28.08.2022).
13. Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения: учебное пособие \ Е.А. Бурмистрова, И.И. Головкин, Г.В. Дытченко и др.; под ред. О.Н. Коршуновой. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юстиция, 2019. С. 126–127.
14. Носенок Е.И. Организация использования специальных знаний при осуществлении прокурорского надзора за исполнением бюджетного законодательства при реализации социальной политики государства \ Российская юстиция. 2018. № 9. С. 48–51.

TO THE QUESTION OF THE SUBJECT AND LIMITS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE STATE CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

Potapova L.V.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

The article deals with topical theoretical problems of development and improvement of supervision over the implementation of the legislation of the Russian Federation on the state civil and municipal service. The conclusion is formulated about the important role of the prosecutor's office in the legal field under study. Particular emphasis is placed on the supervisory function of the prosecutor's office of the Russian Federation. The criteria for aligning the limits of the implementation of prosecutorial powers are determined in order to comply with the principles of legality and separation of powers in their activities.

The author emphasizes that the subject of prosecutorial supervision in the field of implementation of the legislation of the Russian Federation on the state civil and municipal service includes a legal analysis of the activities of the relevant state and municipal bodies, not excluding the issues of recruitment, movement in it, dismissal, as well as the anti-corruption component, illegal concealment of an employee's income, etc. The subject of prosecutorial supervision in the presented legal area proceeds from the essence of those legal relations supervised by the prosecution authorities of the Russian Federation.

The article points out that, by expanding the understanding of the subject of prosecutorial supervision over the implementation of laws by state and municipal bodies, it is possible to identify specific vectors within the framework of supervision carried out by prosecutors.

Keywords: prosecutor's supervision; the subject of prosecutorial supervision; the limits of prosecutorial supervision; prosecutor's check; state and municipal service; anti-corruption activities.

References

1. Postovoy N.V., Tabolin V.V., Chernogor N.N. Municipal law of Russia: textbook \ edited by N.V. Postovoy. 4-th ed., revised and extended. Moscow: Jurisprudence, 2016. 566с.
2. Dehtyar I.N. On the need for legislative differentiation of functions of state control and supervision in the aspect of administrative reform \ *Administrative Law and Process*. 2020. № 3. С. 54–56.
3. Russia in the Corruption Perceptions Index – 2021: 29 points and 136th place \ URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatya-korrupczii-2021-29-ballovi-136-e-mesto> (accessed 28.08.2022); Russia in the Corruption Perceptions Index – 2020: 30 points and 129th place \ URL: <https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatya-korruptsii/rossiya-v-indekse-vospriyatya-korrupczii-2020-30-ballovi-129-mesto> (accessed 28.08.2022).
4. Fears of Russians. 2022 \ URL: <https://www.levada.ru/2022/01/12/strahi-5/> (accessed 28.08.2022).
5. Britanov A.I., Cherepanov M.M. On the problems of prosecutorial supervision over the execution of laws by public authorities of the subjects of the Russian Federation and local self-government \ *Electronic supplement to the «Russian Law Journal»*. 2018. № 3. С. 63–71.
6. Alekseeva L.G. Oversight over the implementation of legislation on state civil and municipal service, anti-corruption \ *Legality*. 2015. N 2. С. 13–16.
7. Palamarchuk A.V. Procuratorial supervision over the execution of the legislation on citizens' appeals \ *Legality*. 2017. № 7. С. 3–6.
8. Agafonov V.A. State control and supervision over the observance of legislation on state civil and municipal service \ *Education and Law*. 2018. № 8. С. 83–90.
9. Federal Law of 17.01.1992 № 2202–1 (ed. from 01.07.2021) «On Prosecutor's Office of the Russian Federation» \ (with amendments and additions, in force from 01.09.2021) \ «Sobranie zakonodatelstva RF», 20.11.1995, № 47, article 4472.
10. Kazarina A. Kh. Theoretical and applied problems of prosecutorial supervision over the execution of laws of economic orientation: autoref. Dissertation ... Candidate of Law. Sciences. \ М., 2009. 249с.
11. Desk book of the prosecutor: handbook / author's collective; under general ed. S.G. Kekhlerov, O.S. Kapinus; scientific ed. A. Yu. Vinokurov. \ Moscow: Yurait, 2012. 356с.
12. Prosecutor's Office through the court seeks deprivation of powers of the deputy who violated anti-corruption legislation \ <http://www.prokuratura.ur.ru/prokuratura-cherez-sud-dobivaetsya-15620> (accessed 28.08.2022).
13. Procurator's Check. Methods and tactics of carrying out: a training manual / E.A. Burmistrova, I.I. Golovko, G.V. Dytchenko et al; ed. by O.N. Korshunova. 2nd ed., revised and extended. \ Moscow: Justice, 2019. С. 126–127.
14. Nosenok E.I. Organization of the use of special knowledge in the implementation of prosecutorial supervision over the execution of budgetary legislation in the implementation of social policy of the state \ *Russian Justice*. 2018. № 9. С. 48–51.

Актуальные вопросы системы профилактики подростковой преступности в России

Терентьев Александр Викторович,

профессор кафедры права, кандидат юридических наук,
Московский педагогический государственный университет
E-mail: aterentyev63@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы практического применения законодательства Российской Федерации, регламентирующих полномочия и обязанности государственных органов и учреждений при решении комплекса проблемных вопросов, связанных с профилактикой подростковой преступности. И поэтому государственные органы, наделенные соответствующими полномочиями, уделяют особое внимание изучению и поиску новых форм и способов правовой защиты детей, направленных в первую очередь на эффективное решение задач, стоящих перед государственными органами системы профилактики по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних.

Огромное значение имеет практическое применение законодательных инициатив, исходящих от государственных органов и учреждений системы профилактики по совершенствованию российского законодательства, в части разрешения проблем, связанных с совершением малолетними правонарушителями антиобщественных проявлений и правонарушений. И главная задача всех органов системы профилактики заключается в своевременном выявлении и устранении причин и условий, способствующих этому, а также оказание детям помощи по их социальной реабилитации. Воспитательное значение имеют семейные отношения между родителями и детьми как одно из условий их физического и психологического состояния.

Подростковая преступность имеет ряд характерных специфических особенностей, представляя собой самостоятельный объект криминологического изучения.

Ключевые слова: государственные органы, учреждения профилактики, безнадзорность, правонарушения несовершеннолетних.

Российская Федерация в ст. 7 Конституции РФ провозглашена социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Приоритетной задачей государственных органов и их структур является забота о детях, охрана их прав и законных интересов. Для решения которой обеспечительная и правоохранительная деятельность возлагается на органы исполнительной и законодательной власти, наделенные властными полномочиями, в соответствии международным и российским законодательством. И поэтому государственные органы, наделенные соответствующими полномочиями, уделяют особое внимание изучению и поиску новых форм и способов правовой защиты детей, направленных в первую очередь на эффективное решение задач, стоящих перед государственными органами системы профилактики по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних.

Преступность несовершеннолетних – одна из наиболее актуальных проблем, стоящих перед обществом и государством не только в России, но и во всем мире. Огромное значение имеет практическое применение законодательных инициатив, исходящих от государственных органов и учреждений системы профилактики по совершенствованию российского законодательства, в части разрешения проблем, связанных с совершением малолетними правонарушителями антиобщественных проявлений и правонарушений. И главная задача всех органов системы профилактики заключается в своевременном выявлении и устранении причин и условий, способствующих этому, а также оказание детям помощи по их социальной реабилитации.

Анализируя уровень подростковой преступности в России, можно отметить, что за последние годы количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, сократилось. В статистических отчетах МВД РФ за 2021 год наглядно отражено, что несовершеннолетними совершено свыше 29 тысяч преступлений из общего числа раскрытых, практически каждое четвертое имеет тяжкие последствия для потерпевших. При этом имеют место подтвержденные в средствах массовой информации факты вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, совершения насильственных действий в отношении подростков, а также суицидов, совершаемых подростками. Среди несовершеннолетних преступников каждый третий воспитывался в обстановке семейного неблагополучия, обусловленного дефектами нравственной позиции родителей, их образом жизни» [5].

Данная тенденция является важнейшим индикатором нравственного здоровья подрастающего поколения, поэтому требует к себе самого серьезного внимания со стороны государственных и общественных организаций [4]. На практике же мы видим, что выполнение Федерального закона 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [1], включающего в себя комплекс социальных, правовых, психолого-педагогических, медико-социальных, воспитательных, и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних дает определенные сбои в процессе взаимодействия государственных органов и учреждений профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Так, на наш взгляд государственные органы и учреждения профилактики, наделённые особыми полномочиями в соответствии с законом, недостаточно обращают внимание на раннее предупреждение и коррекцию девиантного поведения трудных подростков. Причины возникновения девиантного поведения подростков могут начинаться еще с раннего детского возраста по причине негативного влияния на них родителей, а могут сформироваться уже позже под влиянием группы сверстников или из-за смены обстановки, дезадаптации (например, по причине распада семьи, утраты близкого человека и т.д.).

В связи с чем органам внутренних дел, как органам, координирующим данное взаимодействие между образовательными организациями, медицинскими организациями и иными субъектами профилактики правонарушений несовершеннолетних необходимо разрабатывать комплексные программы с учетом современных научных методов, ресурсов и возможностей, которые должны осуществляться в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении.

В рамках профилактической деятельности государственных органов и учреждений профилактики необходимо определять первостепенные причины и обстоятельства, в связи с которыми подросток оказался в социально опасных условиях, проводить их детальный анализ, принимать соответствующие меры к их родителям или опекунам. В отношении каждой такой семьи должен быть разработан индивидуальный план мер, обеспечивающих психолого-педагогическое сопровождение, направленное на коррекцию детско-родительских отношений.

В этой связи возникла необходимость создания в области единого электронного банка данных детей и семей, находящихся в социально опасном положении, который позволял бы отслеживать весь цикл работы с семьей и вносить коррективы в программу реабилитации каждой из них. Большая роль в этой деятельности отводится органам вну-

тренних дел, в частности подразделением по делам несовершеннолетних, и их непосредственное участие в комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – комиссии).

Основными задачами комиссий являются обеспечение координации работы учреждений и органов системы профилактики, защита и охрана интересов и прав подростков. На сегодняшний день комиссии используют большое количество методов профилактики, направленных на предотвращение подростковой преступности. Приоритетными направлениями деятельности комиссий являются:

- Во-первых, деятельность, направленная на предупреждение девиантного поведения подростков путем выяснения и анализа причин их поведения;
- Во-вторых, деятельность, направленная на реабилитацию несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации [4].

Социально дезадаптированный ребенок, подросток, находясь в трудной жизненной ситуации, является жертвой, чьи права на полноценное развитие и самореализацию в обществе грубо нарушены. Даже в том случае, когда он сам становится правонарушителем, это лишь способ, которым он дает обществу знать о своих нарушенных правах. И это может стать сигналом для начала реабилитации. Только в этом случае мы можем надеяться, что подобные проявления больше не повторятся. Только комплексный подход к реабилитации несовершеннолетних группы риска может дать стабильный положительный результат и позволит избежать возобновления критической ситуации.

В тоже время, как показывает анализ работы комиссий на местах, далеко не всегда уполномоченные структуры отслеживают и владеют сведениями о суицидах среди подростков, иногда не проверяется информация о жестоком обращении с несовершеннолетними в семье. Некоторые служащие оценивают свою деятельность только по числу рассмотренных материалов и вынесенных решений по привлечению детей или их родителей к административной ответственности. Поэтому, для того чтобы работа комиссий приносила желаемый результат, необходима корректировка законодательства не только на федеральном, но и на региональном и муниципальном уровнях, с учетом анализа деятельности комиссий на местах.

На основе комплексного анализа должна разрабатываться индивидуальная программа реабилитации, выполнение которой позволяет нормализовать поведение ребёнка и взаимоотношения в семье. Выполнение индивидуальной программы реабилитации может контролироваться с помощью карты социального сопровождения, в которой указываются все этапы и элементы работы с ребёнком и его семьёй, а также фиксируется информация о деятельности всех органов, организаций и учреждений, действующих в интересах ребёнка. На законодательном уровне четко закреплена компетенция учреждений и органов системы образо-

вания в области проведения профилактики безнадзорности несовершеннолетних [3].

Таким семьям необходима поддержка государственных органов и структур, включая педагогов, психологов, органов опеки и попечительства, социальных работников, которые способны осуществлять воспитательное, образовательное, психолого-социальное, социальное, юридическое сопровождение, контроль за ситуацией в семье. В Федеральном законе Российской Федерации от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка Российской Федерации» сформулированы типичные трудные жизненные ситуации для ребенка, при которых государство берет на себя обязательства оказать ему необходимую помощь [2].

И чем раньше отреагировать на социально опасную ситуацию в семье, возникающую с подростками тем больше шансов предотвратить ее криминальные последствия и заблаговременно помочь ребенку в такой семье. Воспитательное значение имеют семейные отношения между родителями и детьми как одно из условий их физического и психологического состояния.

Таким образом, существующие проблемы предупреждения правонарушений несовершеннолетних обусловлены тем, что в нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность субъектов профилактики, не прописана либо нечетко прописана функция предупреждения правонарушений. Основные усилия субъектов профилактики направить на развитие системы раннего предупреждения правонарушений. Все субъекты профилактики должны участвовать в равной степени, а координирующую функцию осуществлять подразделения органов внутренних дел.

Литература

1. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/?ysclid=I9nrxy272c233595377 (дата обращения: 25.10.2022).
2. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=EXP;dst=100001;n=248059;req=doc&ysclid=I9nridutag526200496> (дата обращения: 25.10.2022).
3. Галустов Р.А., Лантух А.А. О нравственном воспитании девиантных подростков // Успехи

современной науки и образования. – 2016. – Т. 1, № 11. С. 192.

4. Демчук Д.В. Административно-правовой статус комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Российской Федерации. Дис. канд. юрид. Наук. М. 2014. С. 44.
5. Касторский Г.Л. Предупреждение преступлений посредством воздействия на семью. По материалам Санкт-Петербургского региона. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995.

TOPICAL ISSUES OF THE SYSTEM OF PREVENTION OF JUVENILE DELINQUENCY IN RUSSIA

Terentyev A.V.

Moscow Pedagogical State University

The article deals with the practical application of the legislation of the Russian Federation regulating the powers and responsibilities of state bodies and institutions in solving a complex of problematic issues related to the prevention of juvenile delinquency. And that is why the state bodies with the appropriate powers pay special attention to the study and search for new forms and methods of legal protection of children, aimed primarily at effectively solving the tasks facing the state bodies of the prevention system for the prevention of juvenile delinquency.

Of great importance is the practical application of legislative initiatives emanating from state bodies and institutions of the prevention system to improve Russian legislation, in terms of solving problems related to the commission of antisocial manifestations and offenses by juvenile offenders. And the main task of all bodies of the prevention system is to timely identify and eliminate the causes and conditions that contribute to this, as well as to help children with their social rehabilitation. Family relations between parents and children are of educational importance as one of the conditions of their physical and psychological state.

Juvenile delinquency has a number of characteristic specific features, representing an independent object of criminological study.

Keywords: state bodies, institutions of prevention, neglect, juvenile delinquency.

References

1. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/?ysclid=I9nrxy272c233595377 (accessed: 10/25/2022).
2. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=EXP;dst=100001;n=248059;req=doc&ysclid=I9nridutag526200496> (accessed: 10/25/2022).
3. Galustov R.A., Lantukh A.A. On moral education of deviant adolescents // Successes of modern science and education. – 2016. – Vol. 1, No. 11. p. 192.
4. Demchuk D.V. Administrative and legal status of commissions on juvenile affairs and protection of their rights in the Russian Federation. Dis. cand. jurid. Sciences. M. 2014. p. 44.
5. Kastorsky G.L. Prevention of crimes by influencing the family. Based on the materials of the St. Petersburg region. Dis. ... cand. jurid. Nauk. SPb., 1995.

Актуальность профилактики безнадзорности несовершеннолетних

Холина Ирина Сергеевна,

преподаватель, ФГБОУ ВО РГСУ Колледж РГСУ
E-mail: EvreinovalS@rgsu.net

Краснослободцева Екатерина Анатольевна,

преподаватель, ФГБОУ ВО РГСУ Колледж РГСУ
E-mail: KrasnoslobodtsevaEA@rgsu.net

Кулешов Георгий Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции,
АНО ВО «Московский международный университет»
E-mail: Kuleshovgeorge2@gmail.com

Чинарян Елена Олеговна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры общей
юриспруденции, ФГБОУ ВО РГСУ
E-mail: berendeevaeo@mail.ru

Смагин Андрей Андреевич,

преподаватель, ФГБОУ ВО РГСУ Колледж РГСУ
E-mail: SmaginAA@rgsu.net

На сегодняшний день в России наблюдается усугубление проблемы безнадзорности несовершеннолетних граждан. Часто это является следствием других социальных проблем в обществе, прежде всего, речь о кризисе идеи семейных отношений, упадке нравственных ценностей, и, как следствие, увеличение количества рождаемых детей вне брака.

Статья посвящена проблеме безнадзорных несовершеннолетних граждан, соблюдению их прав, а также профилактике безнадзорности. Автор исследует причины возрастания количества детей, которые остаются без надзора со стороны родителей и иных законных представителей, в нередких случаях эти дети становятся безнадзорными, к которым относятся как дети родителей, ведущих антиобщественный образ жизни, злоупотребляющих алкогольными напитками, наркотическими веществами, так и дети-сироты. В статье подробно освещены полномочия различных ведомств и учреждений, участвующих в профилактике безнадзорности несовершеннолетних в России.

Ключевые слова: несовершеннолетние, беспризорные, безнадзорные, правонарушения, профилактика, органы государственной власти.

На сегодняшний день в России наблюдается усугубление проблемы безнадзорности несовершеннолетних граждан. Часто это является следствием других социальных проблем в обществе, прежде всего, речь о кризисе идеи семейных отношений, упадке нравственных ценностей, и, как следствие, увеличение количества рождаемых детей вне брака.

Частой причиной безнадзорности детей является не благоприятный выбор женщин: на роль отцов они выбирают мужчин с судимостями, алкогольными и наркотическими зависимостями, либо же мигрантов без определённого места жительства. Зачастую такие отношения даже не оформлены юридически, у таких созданных семей существуют проблемы с жильём. В итоге создаётся почва для преступлений, которые совершают такие отчуждённые и сожители в отношении детей.

Рост уголовно наказуемых деяний в отношении несовершеннолетних растёт с каждым годом, как следствие дети уходят из мест проживания, занимаются бродяжничеством и становятся беспризорными. Скорее всего, такой уход мотивирован стремлением каждого отдельного несовершеннолетнего попыткой защитить себя от насилия, в отсутствие защиты от матерей и других совершеннолетних родственников.

Анализ резонансных происшествий с участием несовершеннолетних показывает, что к числу основных причин, способствующих преступным проявлениям в отношении детей, относятся семейное неблагополучие и игнорирование интересов ребёнка, несформированность психики подростков и отрицательное влияние окружения, дефицит знаний у несовершеннолетних об этике ненасилия.

Проблемы защиты несовершеннолетних действительно представляет собой огромную важность для государства, поэтому вопрос защиты детей – среди национальных приоритетов РФ. Необходимость разработки особой государственной политики для благополучного и безопасного детства была озвучена Президентом страны в его посланиях Федеральному Собранию [8].

Основа нормативно-правового регулирования проблемы безнадзорности несовершеннолетних заложена общепризнанными международными нормативными документами, а в России ее устанавливает специальный Федеральный закон № 120 от 09.06.1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [9].

Этот федеральный закон является главным и всеобъемлющим юридическим документом, закладывающим принципы, понятия и определения, связанные в проблемой безнадзорности. В част-

ности, мы бы хотели обратить внимание на то, как в законе разграничивают понятия «несовершеннолетний», «безнадзорный», и «беспризорный». Согласно закону:

- «несовершеннолетний» – это лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет;
- «безнадзорный» – это несовершеннолетний, контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или иных законных представителей либо должностных лиц;
- «беспризорный» – это безнадзорный, не имеющий места жительства и (или) места пребывания [9].

Проблема безнадзорности детей имеет серьезные последствия, поскольку такие граждане при достижении ими возраста совершеннолетия зачастую становятся преступниками, наносят экономический и социальный вред обществу, при этом сами не живут полноценной счастливой жизнью, не пользуются своими конституционными правами. Для решения данной проблемы необходим комплекс мер по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Профилактика безнадзорности направлена, главным образом, на выявление первопричин и ситуаций, из-за которых несовершеннолетние становятся безнадзорными и потом беспризорными, и, соответственно, на устранение этих причин. Для реализации этих действий используются различные методы – не только юридические, но и педагогические, экономические, и пр. Большая роль в профилактике отведена профильным ведомствам социальной опеки: именно их силами проводится профилактическая работа на индивидуальной основе с конкретными семьями, имеющими большие риски безнадзорности детей.

Профилактика безнадзорности имеет несколько основных направлений.

Во-первых, как уже было упомянуто выше, это выявление и устранение первопричин безнадзорности.

Во-вторых, необходимость обеспечения соблюдения прав и свобод несовершеннолетних, которые им полагаются по закону.

В-третьих, работа с теми несовершеннолетними, которые уже оказались без дома и защиты, а значит, находятся в уязвимом и даже опасном положении. Их реабилитация, возвращение в социум необходимы не только самим несовершеннолетним, но и обществу в целом.

Комплекс мер и мероприятий по профилактике должен быть не только юридически правомерным, основанным на нормативно-правовых документах, но и учитывать этику и принципы гуманности. Это подразумевает, что все демократические права несовершеннолетних должны быть обеспечены, а именно индивидуальный подход к проблемам конкретного несовершеннолетнего гражданина, с соблюдением конфиденциальности не только

обстоятельств его жизни, но и защитой его персональных данных. Такой обоюсторонний подход должны соблюдать ведомства, учреждения и иные третьи стороны и их должностные лица всех уровней – от органов местного самоуправления до НКО, фондов, общественных инициативных групп.

На самом деле, в решение проблемы безнадзорности вовлечены действительно большое число ведомств и сторон. Среди них:

- комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- органы управления социальной защитой населения;
- федеральные органы государственной власти, осуществляющие государственное управление в сфере образования;
- органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования;
- органы опеки и попечительства;
- органы по делам молодежи;
- органы управления здравоохранением;
- органы службы занятости;
- органы внутренних дел;
- учреждения уголовно-исполнительной системы (следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции).

Рассмотрим место и функции комиссий по делам несовершеннолетних, которые зачастую являются первыми, кто сталкивается с безнадзорными беспризорными гражданами на практике.

Комиссии по делам несовершеннолетних призваны координировать действия других ведомств и учреждений, участвующих в системе профилактики проблемы безнадзорности и вытекающей из этого проблемы правонарушений несовершеннолетних. Кроме того, комиссия проводит работу по установлению и устранению причин безнадзорности, обеспечивает представительство интересов и прав несовершеннолетних граждан в органах власти, а также занимается реабилитацией таких граждан, а именно их социальной и педагогической ориентацией, разъяснению их уязвимо-го социального положения. Чаще всего комиссии сталкиваются с такими нарушениями прав несовершеннолетних граждан, как дискриминация по отношению к ним, проявление насилия (как физического, как и психологического), грубого обращения, эксплуатации. Комиссии являются неотъемлемой частью системы органов управления соцзащитой граждан. В целом же соцзащита уполномочена нормативно-правовой системой на выявление несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, работу с конкретными семьями, в которых дети нуждаются в государственной защите, оказывают им помощь в получении социальных услуг.

Зачастую работа органов социальной защиты населения регулируется дополнительными локальными нормативно-правовыми актами субъектов Российской Федерации. Так, например, правительство Саратовской области разработало специальное Постановление, регулирующее порядок взаимодействия участников системы профилактики

безнадзорности и работы с семьями [5]. Похожий нормативно-правовой акт действует в Свердловской области, где регулируется межведомственное взаимодействие учреждений для выявления и учета детей, находящихся в уязвимой социальной ситуации [3].

Работу по профилактике безнадзорности несовершеннолетних также ведут специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации. К таким учреждениям относятся:

- 1) социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних;
- 2) социальные приюты для детей;
- 3) центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей, предназначенные для временного содержания несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей или иных законных представителей, и оказания им содействия в дальнейшем устройстве.

Если посмотреть на граждан, которые попадают в такие учреждения, то среди них несовершеннолетние следующих категорий:

- 1) оставшиеся без попечения родителей или иных законных представителей;
- 2) проживающие в семьях, находящихся в социально опасном положении;
- 3) заблудившиеся или подкинутые;
- 4) самовольно оставившие семью, самовольно ушедшие из организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, за исключением лиц, самовольно ушедших из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа;
- 5) не имеющие места жительства, места пребывания и (или) средств к существованию;
- 6) оказавшиеся в иной трудной жизненной ситуации и нуждающиеся в социальной помощи и (или) реабилитации.

Следующие участники системы профилактики безнадзорности несовершеннолетних, которую мы рассмотрим – Федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования:

- осуществляют меры по развитию сети специальных учебно-воспитательных учреждений открытого и закрытого типа, организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также образовательных организаций, оказывающих педагогическую и иную помощь несовершеннолетним с ограниченными возможностями здоровья и (или) девиантным поведением;
- ведут учёт несовершеннолетних, не посещающих или систематически пропускающих по неуважительным причинам занятия в образовательных организациях;
- разрабатывают и внедряют в практику работы образовательных организаций программы и методики, направленные на формирование

законопослушного поведения несовершеннолетних;

- выявляют семьи, находящиеся в социально опасном положении, и оказывают им помощь в обучении и воспитании детей.

Важным этапом работы с детьми, оставшимися без защиты родных семей, является поиск для них приемных родителей или же опекунов. Этой работой уполномочены заниматься Органы опеки и попечительства. В этих органах заинтересованные в свои семьи приёме детей граждане и имеющие на это основания и права, согласно установленным процедурам, могут запросить согласие и оформить необходимые документы. Помимо этого, Органы опеки занимаются переводом детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в другие учебные организации, решают вопросы по изменению форм обучения, и отчислениям из образовательных организаций. Особенностью работы Органов опеки является то, что они уполномочены на решение вопросов, связанных с имущественными правами несовершеннолетних детей.

Дополнительно вопросами по делам безнадзорных детей занимаются Органы по делам молодежи. Согласно Федеральному закону, их деятельность также четко регламентирована, эти организации занимаются следующими вопросами:

- участвуют в разработке и реализации целевых программ по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
- осуществляют организационно-методическое обеспечение и координацию деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
- оказывают содействие детским и молодежным общественным объединениям, социальным учреждениям, фондам и иным учреждениям и организациям, деятельность которых связана с осуществлением мер по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
- участвуют в финансовой поддержке на конкурсной основе общественных объединений, осуществляющих меры по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
- участвуют в организации отдыха, досуга и занятости несовершеннолетних [9].

Поскольку безнадзорные несовершеннолетние зачастую сталкиваются с проявлениями насилия, особенно важен вопрос охраны здоровья таких детей, своевременного оказания им медицинской помощи, организации медицинских осмотров. В связи с этим Федеральный Закон регламентирует обязательный перечень обязательств учреждений системы здравоохранения перед безнадзорными несовершеннолетними:

- ведут круглосуточный прием и содержание в медицинских организациях заблудившихся, подкинутых и других детей в возрасте до четырех лет, оставшихся без попечения родителей или иных законных представителей;

- осуществляют медицинское обследование несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей или иных законных представителей, и подготовку рекомендаций по их устройству с учетом состояния здоровья;
- обеспечивают выхаживание и содержание детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, с рождения и до достижения ими возраста четырех лет включительно, а также содействие органам опеки и попечительства в устройстве таких несовершеннолетних.

Чтобы предотвратить криминализацию несовершеннолетних, оставшихся без надзора, необходимо еще до наступления ими совершеннолетнего возраста проводить большую педагогическую работу, направленную на профессиональную ориентацию. Задача государства – показать таким детям, что у них есть права и возможности к реализации себя в профессии, трудовом устройстве. Профорientация, по мнению экспертов является действующим инструментом социализации детей, оставшихся без попечения родителей, это доступный инструмент, имеющий развитый нормативно-правовой базис, кроме того, является гуманным средством помощи в становлении личности у подростков [2].

Особенно чувствительной считается тема вовлечения сотрудников органов внутренних дел в профилактике безнадзорности несовершеннолетних граждан. Федеральный Закон довольно подробно регламентирует функции органов внутренних дел, которые:

- на основании приказа МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» установлено, что данное подразделение МВД проводит индивидуальную профилактическую работу:
- в отношении родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, если они не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению и (или) содержанию и (или) отрицательно влияют на их поведение либо жестоко обращаются с ними;
- выявляя лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступления, других противоправных и (или) антиобщественных действий либо склоняющих их к суицидальным действиям, либо к потреблению наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, новых потенциально опасных психоактивных веществ или употреблению одурманивающих веществ, или совершающих в отношении несовершеннолетних другие противоправные деяния, а также родителей несовершеннолетних или иных их законных представителей и должностных лиц, не исполняющих или ненадлежащим образом исполняющих свои обязанности

по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетних, и в установленном порядке вносят предложения о применении к ним мер, предусмотренных законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации [4].

Сотрудники подразделения по делам несовершеннолетних осуществляют в пределах своей компетенции меры по выявлению несовершеннолетних, объявленных в розыск, а также несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства, и в установленном порядке направляют таких лиц в соответствующие органы или учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних либо в иные учреждения. Участвуют в подготовке материалов для рассмотрения возможности помещения в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел РФ.

В служебное помещение территориального органа МВД России доставляются несовершеннолетние, в том числе:

- самовольно ушедшие из специальных учреждений;
- направляемые в центр временной изоляции несовершеннолетних;
- безнадзорные и беспризорные, нуждающиеся в помощи государства, для последующего направления их в специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, или в медицинские организации;
- оставшиеся без попечения родителей или законных представителей;
- заблудившиеся и подкинутые;
- самовольно оставившие семью, ушедшие из образовательных организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, или других детских учреждений;
- не имеющие места жительства, места пребывания и (или) средств к существованию;
- проживающие в семьях, находящихся в социально опасном положении.

В систему ОВД входят Центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, которые обеспечивают круглосуточный прием и временное содержание несовершеннолетних правонарушителей в целях защиты их жизни, здоровья и предупреждения повторных правонарушений. В центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей могут быть помещены несовершеннолетние, самовольно ушедшие из специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа, т.е. беспризорные.

Все чаще звучат предложения экспертов о создании отдельных подразделений по вопросам безнадзорности несовершеннолетних в системе правоохранительных органов РФ, поскольку работа с несовершеннолетними требует от сотрудников специальной квалификации, в том числе психологической подготовки, особой профессиональной этики, высоких моральных стандартов [7].

В особенно сложных ситуациях, когда ситуация безнадзорности привела несовершеннолетних к совершению преступлений, к работе с ними привлекаются учреждения уголовно-исполнительной системы для несовершеннолетних, такие, как следственные изоляторы, воспитательные колонии и уголовно-исполнительные инспекции, которые осуществляют отдельные функции по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Специальные учебно-воспитательные учреждения открытого типа:

- осуществляют медицинское обеспечение несовершеннолетних, получение ими образования, принимают для содержания, воспитания и обучения лиц в возрасте от восьми до восемнадцати лет, требующих специального педагогического подхода, на основании постановления комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, заключения психолого-медико-педагогической комиссии и при наличии согласия родителей или иных законных представителей несовершеннолетних, а также согласия несовершеннолетних, достигших возраста четырнадцати лет;
- организуют психолого-медико-педагогическую реабилитацию несовершеннолетних и участвуют в индивидуальной профилактической работе с ними.

В специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа в соответствии с законодательством об образовании могут быть помещены несовершеннолетние в возрасте от одиннадцати до восемнадцати лет, совершившие уголовный проступок и нуждающиеся в особых условиях воспитания, обучения и требующие специального педагогического подхода.

Перечисленные нами органы и ведомства призваны решать проблему несовершеннолетних граждан, оказавшихся без надзора и без заботы со стороны родителей, опекунов. Очевидно, что все эти ведомства имеют достаточно полномочий для решения широкого круга вопросов, касающихся профилактики преступности малолетних граждан, имеют возможности для оказания им помощи от лица государства. Но также становятся очевидными и проблемы этой системы: ее чрезмерная бюрократизация, пересечение смежных функций, недостаточная прозрачность во взаимодействии, неясность в иерархии подчинения, как следствие, приводящие к низкой эффективности.

На профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД за 2021 год состояло более 250 тысяч граждан, имеющих на иждивении несовершеннолетних детей и ненадлежащим образом исполняющих свои обязанности. Значительное число таких родителей не работают, употребляют спиртные напитки, имеют судимость.

Основной задачей, стоящей перед любым обществом, является воспитание подрастающего поколения, способного создать более совершен-

ное и процветающее государство. Вместе с тем проблема защиты и поддержки прав несовершеннолетних на сегодняшний день не только не теряет своей актуальности, но становится все более острой.

Жертвами преступлений в первом полугодии 2021 года стали 62 000, в 2020 г. — 44 000 несовершеннолетних, из них более 60% (61,1%) — дети от 1 года до 13 лет. Погибло от преступных посягательств почти 15 000 лиц в возрасте до 18 лет [1].

В структуре преступности в отношении детей 60% (58,8% или 33 666) занимают уголовно наказуемые деяния против семьи и несовершеннолетних, глава 20 Уголовного кодекса РФ.

Значительное число уголовно наказуемых деяний в отношении детей совершается незрелыми в социальном плане людьми, неготовыми к исполнению родительских обязанностей. Поэтому все большую актуальность в настоящее время приобретает тема ответственного родительства.

Достаточно часто в практической деятельности субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних возникают ситуации, требующие немедленного реагирования и совершения активных действий по защите прав и интересов ребенка из-за реально существующей угрозы его жизни или здоровью. Как правило, такие ситуации складываются вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязанностей родителями или лицами их заменяющими. Однако юридические процедуры лишения или ограничения родительских прав занимают значительный временной промежуток. Судебный порядок этих процедур рассчитан не на мобильную защиту прав и интересов ребенка, а на установление оснований применения семейно-правовых мер ответственности к родителям, пренебрегающим своими родительскими обязанностями, поскольку от правильной оценки представленных доказательств зависит, прекратятся ли правоотношения между родителями и детьми или они будут ограничены.

Оперативной мерой административного воздействия на родителей (одного из них) является изъятие ребенка из семьи с целью защиты его прав и интересов. Согласно Семейному кодексу Российской Федерации, отобрание ребенка у родителей возможно в следующих случаях:

- при лишении родительских прав обоих родителей (п. 5 ст. 71);
- при ограничении родительских прав обоих родителей (п. 4 ст. 74);
- если судом установлено, что ни родитель, ни лицо, у которого находится ребенок, не в состоянии обеспечить его надлежащее воспитание и развитие (п. 2 ст. 68);
- отобрание ребенка при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью (ст. 77) [6].

Один из «вызовов» сегодняшнего времени — дестабилизация общественно-политической обстановки, в том числе путем вовлечения молодежи в проведение несогласованных публичных

мероприятий. Предпринимаются попытки: сделать из несовершеннолетних сакральные жертвы и развернуть очередную антироссийскую кампанию. Как правило, в такую противоправную деятельность вовлекаются дети из неблагополучных семей, находящиеся на улице. Ведь данная категория детей психически и морально не устойчивы, им чужды понятия, которые прививаются в семье, такие как «чувство долга», «ответственность», и самое главное, им чужды понятия «что такое хорошо и что такое плохо», так как пример в семье у них, как правило, – противоположный.

Статистика преступлений, а именно динамика за последние несколько лет говорят о сохраняющейся проблеме безнадзорных и беспризорных детей, несмотря на усилия со стороны законодателя и профильных ведомств, что не может не вызывать беспокойство. Нельзя не заметить, что тема защиты детства в целом несколько сошла с актуальной политической повестки Правительства на фоне экономических потрясений ковидного и постковидного периода. Как следствие можно прогнозировать рост числа беспризорных детей и рост числа преступлений, совершенных ими.

Тем не менее, задача по профилактике безнадзорности детей все ещё стоит перед профильными ведомствами, а значит, им следует продолжать применять те инструменты и методы, которые у них есть в работе. В случае если государственное финансирование на эти цели будет урезано, мы считаем, что специализированным органам и комиссиям нужно будет сфокусировать свое внимание конкретно на недопущении роста числа безнадзорных несовершеннолетних в стране.

Проанализируем возможные причины того, что профилактика безнадзорности на сегодняшний день не столь эффективна, как того ожидает от нее общественность.

Первая причина, по нашему мнению, состоит в слабом взаимодействии между различными органами, элементами правовой и судебной систем, федерального и регионального уровней. Мероприятия по профилактике безнадзорности требуют гибкой и тесной коммуникации различных органов власти, дело по каждому несовершеннолетнему передается из одного ведомства в другое, при этом кросс-функциональное и межведомственное сотрудничество, и взаимодействие тормозится не только отсутствием эффективных каналов коммуникации, но и наложением действий различных нормативно-правовых документов.

Вторая причина состоит в низкой эффективности работы самих органов власти, вовлеченных в профилактику безнадзорности несовершеннолетних. Зачастую их работа сводится к подсчету статистики беспризорных и безнадзорных детей, фактически строится на констатации фактов беспризорности граждан и на этом останавливается. У сотрудников этих органов нет установленных показателей достижения конкретных целей (KPI) по тому, сколько безнадзорных несовершеннолетних обрели место жительства, для сколь-

ких из них отстояли соблюдение конституционных прав, сколько беспризорных детей обрели семьи или же хотя бы были бы накормлены. Более того, малоэффективная работа государственных органов не приводит к снижению преступности среди подростков, напротив, год от года несовершеннолетние граждане, оставшиеся без попечения семей и опеки, привлекают внимание организованных преступных групп и часто бывают вовлечены в их ряды. Даже учет несовершеннолетних, которые покинули образовательные учреждения и нигде не обучаются, не всегда ведется корректно. Как итог у вышестоящих органов власти нет достаточных данных, на которые можно было бы опереться, чтобы оценить масштаб проблемы, рассчитывать меры поддержки или же подготовить новые законопроекты по решению проблемы.

Третья причина в повсеместном несоблюдении действующих Законов, которые законодатель установил для регулирования проблемы безнадзорных несовершеннолетних. Сотрудники комиссий по профилактике безнадзорности и работе с несовершеннолетними преступниками имеют возможность нарушать действующие нормативно-правовые документы по отношению к несовершеннолетним, могут проявлять профессиональную халатность, но при этом остаются безнаказанными. Их работа зачастую не только низкооплачиваемая, но и не имеет должной поддержки со стороны общества в целом. Социум не просто не выказывает должного уважения к соцработникам, осуществляющим опеку над детьми, которые были им брошены, но и не обеспечивает их никакими мерами поддержки, гарантиями, возможностями повышения профессиональной квалификации. Еще один пример – нарушение законов по обеспечению защиты детства редко становится объектами внимания СМИ, о не потому, что проблема безнадзорности несовершеннолетних решена, а скорее из-за повсеместности нарушений правовых норм в этой области всеми участниками. Между тем, полное соблюдение Федерального Закона № 120 всеми сторонами на всех уровнях принятия и исполнения решений уже станет эффективным шагом в решении проблемы безнадзорности несовершеннолетних.

Четвертая причина, по нашему мнению, заключается в неэффективности, а скорее даже отсутствии такого важного элемента в профилактике безнадзорности несовершеннолетних, как качественные, современные пункты заботы о беспризорных детях, куда они могли бы быть направлены после того, как взяты на учет комиссией. Такие приюты должны быть лицензируемыми, в случае не государственной формы собственности, и это должно быть отдельными от детских домов учреждениями. Нормативно-правовой базы для создания сети таких приютов заботы на сегодняшний день нет. Между тем, обязательно требует пояснения порядок направления и содержания таких несовершеннолетних в воспитательных домах нового типа.

Решение этих четырех проблем, препятствующих эффективной профилактике проблемы безнадзорных детей, не является исчерпывающим, однако, основополагающим. Дополнительными мерами могли бы стать обмен опытом по формам работы с несовершеннолетними безнадзорными детьми с зарубежными коллегами, внедрение новых подходов, обеспечение большей прозрачности данной сферы, и в целом развитие институт семьи и ответственного родительства. Как показывает практика и статистика, лица, которые ранее были лишены родительских прав, но вновь были допущены к воспитанию своих детей, чаще всего не меняют подходов к воспитанию, сохраняя антиобщественный образ жизни, что приводит к новым страданиям их детей. Данный аспект проблемы также мог бы стать объектом внимания как органов по опеке, так и законодателей.

В заключение анализа проблемы безнадзорных несовершеннолетних хотелось бы отметить, что явление безнадзорности и беспризорности находится в зоне ответственности взрослых граждан, а именно, родителей и лиц, на которых были возложены обязательства опекунов, их неисполнения своих прямых обязанностей, нарушения, таким образом, законов РФ. Поскольку корень проблемы беспризорности именно ненадлежащее исполнение законодательства родителями, то следует, в первую очередь, реализовывать профилактические работы сначала со взрослыми гражданами, а не только с несовершеннолетними. Вынуждают детей идти на антиобщественные поступки именно взрослые граждане, которые сознательно или же нет провоцируют еще больший рост малолетней преступности. По нашему мнению, работа по предупреждению правонарушений со стороны несовершеннолетних должна начинаться с работы с малоимущими и социально не защищенными взрослыми гражданами.

Таким образом, в данной статье были проанализированы нормативно правовой базис профилактики безнадзорности несовершеннолетних граждан, особенности работы комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, роль территориальных органов МВД и других ведомств, проблемы в реализации мер и мероприятий по профилактике безнадзорности. Проанализировав данную проблему, мы пришли к выводу, что решению ситуации должны способствовать, с одной стороны, строгое и неукоснительное соблюдение существующих нормативно-правовых актов в сфере защиты детства, их доработка и усовершенствование. С другой стороны, необходимо объединение усилий государственных ведомств с гражданским обществом, его более активная позиция в отношении инспектирования, интереса и освещения проблем беспризорных детей. С учетом социальной важности проблемы забота о безнадзорных детях в интересах и государства, в лице законодательных и исполнительных органов, и в интересах социума в лице каждого его гражданина.

Литература

1. Министерство внутренних дел Российской Федерации, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года. С. 41.
2. Панова А.И. Профорентация как средство социализации несовершеннолетних в России / А.И. Панова, Е.А. Логинова, Н.Е. Калинина // Педагогический опыт: от теории к практике: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 30 апр. 2017 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 27–32.
3. Постановление Правительства Свердловской области от 02.04.2020 г. N 188-ПП «Об утверждении Порядка межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также иных организаций, расположенных на территории Свердловской области, по выявлению и учету несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, организации индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07.04.2020.
4. Приказ МВД России от 15.10.2013 г. № 845 (ред. от 31.12.2018 г.) «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.02.2014 г. № 31238) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. 17 марта.
5. Приложение к постановлению межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Саратовской области от 25.09. 2019 г. № 4/5 // <https://adminemr.ru/> – Официальный сайт администрации Ершовского муниципального района.
6. Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 04.08.2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.
7. Тищенко И.В., Меняйло Л.Н., Панфилова О.В. Роль органов внутренних дел в выявлении детей, оставшихся без попечения родителей // ППД. 2015. № 3. С. 56–58.
8. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Собрание законодательства РФ. 04.06.2012. № 23. Ст. 2994.
9. Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонару-

THE RELEVANCE OF THE PREVENTION OF NEGLECT OF MINORS

Kholina I.S., Krasnoslobodtseva E.A., Kuleshov G.N., Chinaryan E.O., Smagin A.A.
RSSU, Moscow International University

Today in Russia there is an aggravation of the problem of neglect of minors. Often this is a consequence of other social problems in society, first of all, we are talking about the crisis of the idea of family relations, the decline of moral values, and, as a result, an increase in the number of children born out of wedlock.

The article is dedicated to the problem of neglected minors, the observance of their rights, as well as the prevention of neglect. The author explores the reasons for the increase of the number of children who are left without supervision by parents and other legal representatives, in frequent cases these children become neglected, which include both children of parents leading an antisocial lifestyle, abusing alcoholic beverages, drugs, and children orphans. The article analyzes details of the powers of various departments and institutions involved in the prevention of juvenile neglect in Russia.

Keywords: minors, homeless, neglected, offenses, prevention, public authorities.

References

1. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, FKU "Main Information and Analytical Center". The state of crime in Russia in January-December 2021. S. 41.
2. Panova A.I. Vocational guidance as a means of socialization of minors in Russia / A.I. Panova, E.A. Loginova, N.E. Kalinina // Pedagogical experience: from theory to practice: materials of the Intern. scientific-pract. conf. (Cheboksary, April 30, 2017) / editorial board: O.N. Shirokov [et al.] – Cheboksary: CNS Interactive Plus, 2017. – P. 27–32.
3. Decree of the Government of the Sverdlovsk Region of April 2, 2020 N 188-PP "On approval of the Procedure for interdepartmental interaction between bodies and institutions of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency, as well as other organizations located on the territory of the Sverdlovsk Region, to identify and record minors and families in a socially dangerous situation, organizing individual preventive work with minors and families in a socially dangerous situation" // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 07.04.2020.
4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 10/15/2013 No. 845 (as amended on 12/31/2018) "On approval of the Instructions for organizing the activities of units for juvenile affairs of the internal affairs bodies of the Russian Federation" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 02/06/2014 No. 31238) // Bulletin of normative acts of federal executive authorities. 2014. March 17.
5. Appendix to the resolution of the interdepartmental commission on juvenile affairs and the protection of their rights of the Saratov region of 25.09. 2019 No. 4/5 // <https://adminemr.ru/> – Official website of the administration of the Ershovsky municipal district.
6. Family Code of the Russian Federation "of December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on August 4, 2022) (as amended and supplemented, effective from September 1, 2022) // Collection of Legislation RF, January 1, 1996, No. 1, Article 16.
7. Tishchenko I.V., Menyailo L.N., Panfilova O.V. The role of internal affairs bodies in identifying children left without parental care // PPD. 2015. № 3. pp.56–58.
8. Decree of the President of the Russian Federation of June 1, 2012 No. 761 "On the National Strategy for Action in the Interests of Children for 2012–2017" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 06/04/2012. No. 23. Art. 2994.
9. Federal Law of June 24, 1999 No. 120-FZ (as amended on July 14, 2022) "On the fundamentals of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency" // Collected Legislation of the Russian Federation. 06/28/1999. N 26. Art. 3177.

Уголовно-правовые меры противодействия коррупционным преступлениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд в США

Люпаев Владимир Сергеевич,

аспирант, кафедра уголовного права, криминалистики и криминологии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»
E-mail: lyupaev.vladimir@yandex.ru

Автор анализирует особенности уголовно-правового противодействия США коррупционным преступлениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. К числу особенностей антикоррупционного законодательства США в данной сфере относится отсутствие специальных норм об уголовной ответственности за коррупционные преступления при планировании, размещении и исполнении государственного заказа. Общие нормы, в том числе ст. 201 «Подкуп государственных должностных лиц и свидетелей» Свода законов США, распространяются на должностных лиц, государственных служащих и иных лиц, действующих в интересах или от имени государства, любого его департамента, агентства, иного государственного органа. Квалифицированные составы в данной сфере, предусматривающие более строгое наказание, установлены лишь для взятничества, посягающего на безопасность порта (ст. 226), или для неправомерного влияния на решения о найме частной организации, совершенного членом Конгресса, должностным лицом или сотрудником законодательной или исполнительной власти (ст. 227). Автор предлагает использовать при совершении российским законодательством американский опыт криминализации оказания влияния на процессы государственных закупок со стороны любых должностных лиц и сотрудников законодательной и исполнительной власти, включая членов парламента. Действующее российское уголовное законодательство попытки повлиять, например, депутатов, членов Совета Федерации на работников контрактных служб, контрактных управляющих и других субъектов рассматривает как разновидность подстрекательства, которое не является уголовно-наказуемым, если преступление не доведено до конца. Автор предлагает закрепить уголовную ответственность за любые действия должностных лиц, сотрудников всех государственных и муниципальных органов, совершенные с намерением оказать незаконное влияние на решения, действия или бездействие в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, независимо от того, установлена ли причинно-следственная связь между таким влиянием (в форме просьбы, предложения, обещания чего-либо и др.) должностного лица и последующим решением при закупке.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, закупка товаров, работ, услуг, государственные нужды, коррупция, США

Высокий уровень коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд заставляет обратиться к зарубежному опыту противодействия данным общественно-опасным деяниям. Считаем особенно полезным изучение уголовно-правовых гарантий законности в сфере закупок, сложившихся в крупнейших и экономически развитых государствах мира, к которым, в том числе относятся и США. Многие исследователи отмечают, что США имеют большой опыт развития и совершенствования законодательства о закупках и уголовной ответственности за нарушение в данной сфере, позволяющий обеспечить сравнительно невысокий уровень коррупции [3, с. 185; 4, с. 161]. Опыт антикоррупционного, в том числе уголовного законодательства в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд в США был признан Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) одним из лучших в мире [6, с. 97]. В настоящее время правительство США является одним из самых крупных заказчиков товаров и услуг для государственных нужд в мире, используя на эти цели свыше 500 млрд долларов ежегодно [8, с. 27]. При этом законодательство США в последние 100 лет развивалось и совершенствовалось в направлении большей централизации управления и контроля за закупками для государственных и муниципальных [2, с. 46].

В 1969–72 гг. специальной комиссией, учрежденной Конгрессом США для оценки законодательства по вопросам приобретения товаров, работ и услуг для государственных заказчиков, был сделан вывод о противоречивости огромной массы нормативных актов, принятых в данной сфере и необходимости консолидации правовых норм в единый акт, который бы регулировал на уровне федерального законодательства все общественные отношения в сфере планирования, размещения и исполнения государственного заказа [5, с. 164]. Сразу после этого началась работа над созданием единых федеральных правил приобретения товаров и оказания услуг, которые были приняты и вступили в силу с 1 октября 1984 г.

В настоящее время Федеральные правила планирования, размещения и исполнения государственного заказа [9] включают в себя более 4,3 тыс. правовых норм, детально регламентирующих все

этапы планирования, размещения и исполнения государственных закупок товаров, работ и услуг в США, осуществляемых федеральными органами исполнительной власти, военными ведомствами, а также к государственными корпорациями. Ведущую роль в осуществлении государственной политики, разработке направлений совершенствования антикоррупционного законодательства в данной сфере играет Управление федеральной политики в области закупок (OFPP), действующее в составе Административно-бюджетного управления при Президенте США. Директивы данного органа также регламентируют правила федеральных закупок для государственных нужд.

Уголовно-правовое противодействие коррупционным преступлениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд в США осуществляется уголовным законодательством, которое включает в себя как федеральное законодательство, так и законодательство штатов [1, с. 75].

В отличие от УК РФ [7] Свод законов США, регламентирующий вопросы уголовной ответственности за федеральные преступления, не предусматривает единой главы о должностных преступлениях. Различные должностные преступления закреплены в главе 11 «Взяточничество, нечестные доходы и конфликт интересов» (ст. 201–227), главе 29 «Выборы и политическая деятельность» (ст. 592–611), главе 41 «Вымогательство и угрозы» (ст. 871–880), главе 93 «Должностные лица и служащие по найму» (ст. 1901–1924) [10]. Анализ данных норм позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, в уголовном законодательстве США отсутствуют какие-либо специальные нормы об уголовной ответственности должностных лиц, иных государственных служащих или иных лиц, действующих от имени государства при планировании, размещении и исполнении государственного заказа за коррупционные преступления. В таком случае подлежит применению общая норма, закрепленная в ст. 201 «Подкуп государственных должностных лиц и свидетелей».

Данной нормой установлена ответственность для любых лиц, которые прямо или косвенно передают, предлагают или обещают что-либо ценное любому государственному должностному лицу или лицу, которое было выбрано в качестве государственного должностного лица, или предлагают или обещают любому государственному должностному лицу или любому лицу, которое было выбрано в качестве государственного должностного лица, передать что-либо ценное любому другому лицу или организации с намерением:

(А) повлиять на любые официальные действия; или же

(В) оказывать влияние на такое государственное должностное лицо или лицо, которое было выбрано в качестве государственного должностного лица, с целью совершения или содействия в совершении, или участия в сговоре, или допущения любого мошенничества, или предоставления воз-

можности для совершения любого мошенничества в США; или же

(С) побуждать такое государственное должностное лицо или такое лицо, которое было выбрано в качестве государственного должностного лица, к совершению или бездействию какого-либо действия в нарушение законных обязанностей такого должностного лица или лица.

Данная статья закрепляет и состав аналогичный «получению взятки»: уголовной ответственности подлежит любое публичное должностное лицо или лицо, выбранное в качестве государственного должностного лица, которое прямо или косвенно требует, ищет, получает, принимает или соглашается получить или принять что-либо ценное для себя лично или для любого другого физического или юридического лица в обмен на то, что данное должностное лицо будет:

(А) подвергаться влиянию при совершении какого-либо официального действия;

(В) находится под влиянием с целью совершить или помочь в совершении, или вступить в сговор, или разрешить любое мошенничество, или создать возможность для совершения любого мошенничества в США; или же

(С) принуждаться к совершению или отказу от совершения какого-либо действия в нарушение служебных обязанностей такого должностного лица или лица.

Третий состав, распространяющийся в том числе на коррупционные действия в сфере закупок для государственных нужд, заключающиеся в том, что лицо прямо или косвенно дает, предлагает или обещает что-либо ценное любому государственному должностному лицу, бывшему государственному должностному лицу или лицу, выбранному в качестве государственного должностного лица, в связи с любым официальным действием, совершенным или подлежащим совершению таким государственным должностным лицом, бывшим государственным должностным лицом или лицом, выбранным в качестве государственного должностного лица; или, соответственно, когда лицо будучи государственным должностным лицом, бывшим государственным должностным лицом или лицом, избранным в качестве государственного должностного лица, иначе, чем это предусмотрено законом для надлежащего исполнения служебных обязанностей, прямо или косвенно требует, ищет, получает, принимает или соглашается получить или принять что-либо ценное лично для или из-за любого официального действия, совершенного или подлежащего совершению таким должностным лицом или лицом.

Таким образом, данная норма криминализирует передачу ценностей и в том случае, если они передаются уже после совершения какого-либо официального действия, в том числе, когда должностное лицо теряет свой статус. Уголовная ответственность наступает независимо от законности или незаконности официальных действий должностного лица.

Во-вторых, вышеуказанные нормы предусматривают ответственность для всех лиц, которые не только имеют статус государственного должностного лица, но и имели этот статус в прошлом. Термин «государственное должностное лицо» распространяется и на государственных служащих, иных лиц, действующих в интересах или от имени государства, любого его департамента, агентства, иного государственного органа.

Такие общие формулировки исключают необходимость создания специальных норм за отдельные коррупционные действия в сфере государственных закупок, кроме случаев, когда повышенная или пониженная степень общественной опасности требует изменения размеров уголовного наказания.

В гл. 11 есть два примера квалифицированных составов взяточничества, которые могут касаться, в том числе сферы государственных закупок.

Во-первых, особой разновидностью коррупционного преступления является предусмотренное ст. 226 «Взяточничество, влияющее на безопасность порта», за которое установлены повышенные санкции в виде штрафа или лишения свободы на срок до 15 лет. Соответственно, подкуп должностных лиц в сфере государственных закупок, затрагивающих морские порты и связанные с ними охраняемые зоны, зоны ограниченного доступа, будет влечь более строгую ответственность.

Во-вторых, ст. 227 также предусматривает более строгое наказание (штраф, лишение свободы на срок до 15 лет, лишение права занимать государственную должность в США) для любого неправомерного влияния на решения о найме частной организации, если оно совершается членом Конгресса или должностным лицом или сотрудником законодательной или исполнительной власти.

Считаем, что американский опыт криминализации оказания влияния на процессы государственных закупок со стороны любых должностных лиц и сотрудников законодательной и исполнительной власти, включая членов парламента, может быть использован при совершенствовании российского законодательства. Очевидна общественная опасность такого влияния со стороны лиц, не обладающих официальными должностными полномочиями, но имеющими «политический (властный) авторитет» в системе государственного аппарата в силу возможности влияния на принятие важных решений. Действующее российское уголовное законодательство попытки повлиять, например, депутатов, членов Совета Федерации на работников контрактных служб, контрактных управляющих и других субъектов рассматривает как разновидность подстрекательства. Если при этом причинно-следственную связь между таким влиянием и действиями в ходе закупок доказать не удалось и соответственно, преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от субъекта, оказывающего давление, т.е. прошло лишь стадию приготовления (приискания соучастников), то уголовная ответственность наступает лишь за приго-

товление к тяжкому преступлению, которыми ч. 1 ст. 200.4, ч. 1 ст. 200.5, ч. 1 ст. 200.6 УК РФ не являются.

Таким образом, в данном случае сами по себе попытки должностных лиц, сотрудников тех или иных государственных органов повлиять на решения, связанные с закупками, не являются преступлениями, что не соответствует реальной степени их общественной опасности.

Считаем, что преступными должны быть признаны любые действия должностных лиц, сотрудников всех государственных и муниципальных органов, совершенные с намерением оказать незаконное влияние на решения, действия или бездействие в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Уголовно наказуемыми такие действия должны признаваться независимо от того, установлена ли причинно-следственная связь между таким влиянием (в форме просьбы, предложения, обещания чего-либо и др.) должностного лица и последующим решением при закупке.

Литература

1. Букалерева Л.А., Морозов А.В. Уголовно-правовая охрана публичных закупок в США, Канаде и странах Европейского Союза // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 2 (32). С. 75–81.
2. Лычагин А.Г. Противодействие коррупции в процессе госзакупок. Международный опыт и российская практика // Безопасность бизнеса. 2017. № 1. С. 46–50.
3. Ростовцева Н.А. Опыт системы государственных закупок в США и ФРГ для применения в России // Научный альманах. 2018. № 11–1 (49). С. 185–185
4. Семькина О.И. Криминализация финансово-хозяйственных отношений в сфере государственных закупок (компаративистский анализ) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3 (70). С. 161–170.
5. Тасалов Ф.А. Контрактная система в сфере государственных закупок России и США: сравнительно-правовое исследование: монография. М.: Проспект, 2016. 236 с.
6. Тищенко Е.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере государственных и муниципальных закупок: сравнительно-правовой анализ // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6. № 11А. С. 97–99.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
8. Чиндарова К.В. Зарубежный опыт антикоррупционных мер государственных закупок на примере Соединенных штатов Америки // Развитие территорий. 2016. № 3–4 (6). С. 27–32.
9. Federal Acquisitions Regulations (FAR). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.far.gov>

acquisition.gov/ browse/index/far(дата обращения: 10.11.2022 г.).

10. U.S. Code: Table Of Contents. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text> (дата обращения: 10.11.2022 г.).

CRIMINAL LAW MEASURES TO COUNTERACT CORRUPTION CRIMES IN THE FIELD OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS, SERVICES TO MEET STATE OR MUNICIPAL NEEDS IN THE UNITED STATES

Лыупаев V.S.

National Research Mordovian State University named after N.P. Ogareva

The author analyzes the features of the US criminal law counteraction to corruption crimes in the field of procurement of goods, works, services to meet state or municipal needs. Among the features of the US anti-corruption legislation in this area is the absence of special provisions on criminal liability for corruption offenses in the planning, placement and execution of government orders. General rules, including Art. 201 "Bribery of Public Officials and Witnesses" of the United States Code, apply to officials, government employees and other persons acting in the interests of or on behalf of the state, any of its departments, agencies, other government bodies. Qualified offenses in this area, providing for more severe penalties, are established only for bribery that infringes on the security of the port (s. 226), or for improperly influencing decisions on the hiring of a private organization by a member of Congress, an official or employee of the legislative or executive branch (article 227). The author proposes to use the American experience of criminalizing the impact on public procurement processes by any officials and employees of the legislative and executive authorities, including members of parliament, when improving Russian legislation. The current Russian criminal legislation considers attempts to influence, for example, deputies, members of the Federation Council on employees of contract services, contract managers and other entities, as a kind of incitement, which is not criminally punishable if the crime is not brought to an end. The author proposes to establish criminal liability for any actions of officials, employees of all state and municipal bodies, committed with the intent to exert an unlawful influence on decisions, actions or inaction in the field of procurement of goods,

works, services to meet state or municipal needs, regardless of whether there is a causal relationship between such influence (in the form of a request, offer, promise of something, etc.) of an official and the subsequent decision during the purchase.

Keywords: criminal law, crime, purchase of goods, works, services, state needs, corruption, USA.

References

1. Bukalerova L.A., Morozov A.V. Criminal Law Protection of Public Procurement in the USA, Canada and the European Union // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2022. No. 2 (32). pp. 75–81.
2. Lychagin A.G. Anti-corruption in the public procurement process. International experience and Russian practice // Business security. 2017. No. 1. S. 46–50.
3. Rostovtseva N.A. Experience of the public procurement system in the USA and Germany for use in Russia // Scientific almanac. 2018. No. 11–1 (49). pp. 185–185
4. Semykina O.I. Criminalization of financial and economic relations in the field of public procurement (comparative analysis) // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2018. No. 3 (70). pp. 161–170.
5. Tasalov F.A. The contract system in the field of public procurement in Russia and the USA: a comparative legal study: a monograph. M.: Prospekt, 2016. S. 164–173.
6. Tishchenko E.V. Criminal liability for crimes in the sphere of state and municipal procurement: a comparative legal analysis // Issues of Russian and international law. 2016. V. 6. No. 11A. pp. 97–99.
7. Criminal Code of the Russian Federation of 06/13/1996 No. 63-FZ // SZ RF. 1996. No. 25. Art. 2954.
8. Chindarova K.V. Foreign experience of anti-corruption measures of public procurement on the example of the United States of America // Development of territories. 2016. No. 3–4 (6). pp. 27–32.
9. Federal Acquisitions Regulations (FAR). [Electronic resource]. Access mode: <https://www.acquisition.gov/browse/index/far> (accessed 11/10/2022).
10. U.S. Code: Table Of Contents. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text> (accessed 11/10/2022).

К вопросу об участии прокурора в арбитражном процессе

Васева Ирина Сергеевна,

кандидат исторических наук, Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Пермский институт ФСИН России»
E-mail: iris.she@yandex.ru

Огарков Александр Вениаминович,

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Пермский институт ФСИН России»
E-mail: awo5@yandex.ru

Статья посвящена проблемам участия прокурора в арбитражном процессе.

Прокурор является должностным лицом, принимающим участие в судебном разбирательстве по арбитражным делам, основная цель деятельности которого заключается в защите интересов общества и государства по основаниям, определенным в законе. Однако на данный момент нет единого подхода к установлению процессуальной формы участия прокурора в арбитражном процессе, которая фактически должна способствовать эффективной защите общественных и государственных интересов.

Прокуроры вправе обратиться в суд для защиты прав, свобод иных лиц, а также они участвуют в судебном процессе для обеспечения законности и правопорядка.

Иногда случается так, что прокуроры не могут различать особенности порядка их участия в судебном разбирательстве.

Ключевые слова: прокурор, арбитражный процесс, участие прокурора в арбитражном процессе, защита прав и свобод человека, обеспечение законности и правопорядка.

Согласно ст. 40 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) прокурор есть лицо, участвующее в деле [1], который наделен исключительным правовым статусом и рядом присущих ему полномочий. В процессе он выступает от своего имени, но в чужих интересах.

Анализируя положения ст. 52 АПК РФ, можно отметить, что прокуроры вправе обратиться в суд для защиты прав, свобод иных лиц, а также они участвуют в судебном процессе для обеспечения законности и правопорядка.

Иногда случается так, что прокуроры не могут различать особенности порядка их участия в судебном разбирательстве. Так, например, в судебной практике были ситуации, когда прокурор обращался в суд в соответствии со ст. 52 АПК РФ с заявлением о признании незаконным постановления административного органа о привлечении физического лица к такому виду ответственности, как административная.

Помимо всего прочего, в АПК РФ отсутствуют положения относительно отвода или самоотвода прокурора. На практике вполне возможны ситуации, в которых прокурор может быть заинтересован в исходе дела. Вследствие этого будет, на наш взгляд, целесообразным дополнить гл. 3 АПК РФ нормами, устанавливающими институт отвода или самоотвода прокурора.

Согласно ч. 4 ст. 52 АПК РФ прокурор, который обратился в арбитражный суд, имеет процессуальные права, а также несет процессуальные обязанности истца. Е.А. Трещева, исследуя данный факт, отметила, что никто не вправе пользоваться правами и нести обязанности другого субъекта, поскольку они являются неотчуждаемыми [4, с.57]. Мы полагаем, что положения, сформулированные в ч. 4 ст. 52 АПК РФ, допустимы, однако представляется возможным определить права, обязанности прокурора через права и обязанности истца соответственно. Это актуально в связи с тем, что они почти идентичны.

Проблемным аспектом, на наш взгляд, является положение подп. 1 п. 1 ст. 333.37 Налогового кодекса РФ, согласно которому прокурор освобождается от уплаты государственной пошлины [3, с.53]. Однако нельзя не заметить, что в ст. 52 АПК РФ такая норма не установлена, что, в свою очередь, является пробелом в праве, который можно устранить, дополнив указанную нами статью таким положением, как «за исключением обязанности платить судебные расходы».

В ст. 52 АПК РФ также не указано, может ли прокурор принимать участие в заключении миро-

вого соглашения. Исследуя положения п. 11 постановления Пленума ВАС РФ от 23.02.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе», можно указать на тот факт, что дело, производство по которому возбуждается по заявлению прокурора, может быть завершено заключением мирового соглашения [2].

Это возможно лишь в случае, если в нем участвуют все лица, заинтересованные в деле, а также прокурор. Здесь вопрос относительно того, что нам следует понимать под участием в заключении мирового соглашения – процесс одобрения или же, напротив, отсутствие возражений прокурора относительно мирового соглашения.

Мировое соглашение есть взаимные уступки, на которые идут стороны, участвующие в деле. Мы полагаем, что прокурор не должен обладать правом заключения мирового соглашения, так как у него нет материального права, что в свою очередь означает, что он не может каким-либо образом его уступить.

Значит, существует необходимость внесения поправок в ст. 52 АПК РФ, а также в постановление Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 15.

В АПК РФ не установлены апелляция и кассационное представление как средства прокурорского реагирования.

Так, согласно нормам АПК РФ прокурор так же, как и иные участники процесса, которые имеют право обжаловать судебное решение, в случае несогласия с решением суда вправе подать или апелляционную, или кассационную жалобу. Что касается представления как средства прокурорского реагирования, то оно может быть принесено в случае пересмотра судебных решений в порядке надзора согласно ч. 2 ст. 308.1 АПК РФ.

Однако лишь Генеральный прокурор РФ и его заместители обладают таким правомочием [5, с.70].

Помимо всего прочего, именно в процессуальном законодательстве отсутствует такой термин, как «протест», который можно было бы применить к деятельности прокуроров. На сегодняшний день его принято называть не иначе, как «представление». Протест представляет собой решительное возражение относительно чего-либо [5, с.69], в то время как представление есть не что иное, как письменное заявление о чем-либо. Мы считаем, что слово «представление» более применимо в данном случае, потому что оно показывает весьма уважительное отношение к судебной системе.

Вследствие этого возникает предположение относительно внесения изменений в ст. 36 ФЗ от 17.0.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации», заменяя термин «протест» понятием «представление».

Таким образом, участие прокурора в арбитражном процессе урегулировано нормами АПК РФ, а также иными законодательными актами, которые непосредственно определяют полномочия и процессуальное положение прокурора.

Однако в ходе исследования был выявлен ряд проблем, которые следует устранить в целях разъ-

яснения некоторых вопросов относительно участия прокурора в арбитражном процессе, а также были предложены пути их решения.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022) – Доступ из справ.-правовой системы Гарант. – Текст: электронный.
2. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.02.2012 № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» – Доступ из справ.-правовой системы Гарант. – Текст: электронный.
3. Ергашев Е.Р., Панкова А.А. Проблемы участия прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами. Российский юридический журнал. 2020. С. 53–61.
4. Трещева Е.А. Статус прокурора в арбитражном процессе нуждается в совершенствовании // LexRussica, 2015. № 10. С. 57–63.
5. Халатов С.А. К вопросу о роли прокурора в рассмотрении судами гражданских дел: теория и судебная практика // Закон. 2017. № 3. С. 69–81.

ON THE QUESTION OF THE PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE ARBITRATION PROCESS

Vaseva I.S., Ogarkov A.V.

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article is devoted to the problems of the prosecutor's participation in the arbitration process.

The prosecutor is an official who participates in arbitration proceedings, the main purpose of which is to protect the interests of society and the state on the grounds defined in the law. However, at the moment there is no single approach to establishing the procedural form of participation of the prosecutor in the arbitration process, which in fact should contribute to the effective protection of public and state interests.

Prosecutors have the right to apply to the court to protect the rights and freedoms of other persons, and they also participate in the judicial process to ensure law and order. Sometimes it happens that prosecutors cannot distinguish the specifics of the order of their participation in the trial.

Keywords: prosecutor, arbitration process, participation of the prosecutor in the arbitration process, protection of human rights and freedoms, ensuring law and order.

References

1. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ of 24.07.2002. (ed. of 07.10.2022) – Access from the reference.-the legal system of the Guarantor. – Text: electronic.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 02/23/2012 No. 15 “On some issues of the prosecutor's participation in the arbitration process” – Access from the reference.-the legal system of the Guarantor. – Text: electronic.
3. Ergashev E.R, Pankova A.A. Problems of participation of the prosecutor in the consideration of cases by arbitration courts. Russian Law Journal. 2020. pp. 53–61.
4. Treshcheva E.A. The status of the prosecutor in the arbitration process needs improvement // LexRussica, 2015. No. 10. pp. 57–63.
5. Khalatov S.A. On the role of the prosecutor in the consideration of civil cases by courts: theory and judicial practice // Law. 2017. No. 3. pp. 69–81.

Алешин Дмитрий Юрьевич,

аспирант Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: dmitriy574@yandex.ru

Статья посвящена особенностям правового положения субъектов общественных отношений, возникающих в сфере долевого строительства. На основе проведенного анализа положений Федерального закона от 29.07.2017 г. № 218-ФЗ «О публично-правовой компании «Фонд развития территорий» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также Федерального закона от 30.12.2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» автор выделяет три модели долевого строительства, вводит понятия подлинного и неподлинного долевого строительства, предлагает классификацию его субъектов и показывает каким образом особенности их правового положения детерминированы избранной законодателем моделью долевого строительства. Автор приходит к выводу, что модель долевого строительства, основанная на проектном финансировании, представляет собой возврат к рыночным принципам функционирования первичного оборота недвижимости на качественно новом уровне, исключающем непосредственное финансирование деятельности застройщика за счет денежных средств, которые вносят участники долевого строительства. Данное обстоятельство позволяет законодателю отказаться от большинства требований, установленных в интересах участников долевого строительства и стесняющих правоспособность застройщика, а субъектам долевого строительства сосредоточиться на автономном (частном) правовом регулировании первичного оборота недвижимости путем структурирования их договорных обязательств.

Ключевые слова: застройщик, проектное финансирование, приобретение строящейся недвижимости.

Основная проблема, связанная с научным анализом института долевого строительства, заключается в том, что на различных этапах правового регулирования соответствующих отношений с данным термином были связаны различные по своей природе экономические явления. Эффективность правового регулирования зависит от того, насколько адекватно правовые формы выражают первичные по отношению к ним экономические общественные отношения. Долевое строительство в России развивалось в рамках трех различных экономических моделей:

1. подлинное долевое строительство, основанное на рыночных принципах (до 20.10.2017 г.)
2. подлинное долевое строительство, основанное на патерналистских принципах (с 20.10.2017 г. по 30.06.2019 г.)
3. неподлинное долевое строительство, основанное на рыночных принципах (с 01.07.2019 г.)

При этом под подлинным долевым строительством мы будем понимать непосредственное финансирование деятельности застройщика участниками долевого строительства. В данном случае потребности строительства удовлетворяются за счет денежных средств, внесенных участниками долевого строительства, в той мере, в которой данных средств оказывается достаточно. Кроме того, не существует каких-либо механизмов, не зависящих от воли застройщика и способных мотивировать его восполнить дефицит денежных средств, возникающий тогда, когда отток денежных средств во времени опережает их поступление. При этом застройщик по сути выполняет функцию финансового посредника между участником долевого строительства и подрядчиком, выполняющим работы на объекте, т.е. диспетчером, управляющим потоком денежных средств, поступающих от участников в качестве цены договора.

Подлинное долевое строительство, основанное на рыночных принципах, развивалось как способ удовлетворения жилищной потребности, возникшей в условиях кризиса коллективных правовых форм [4, с.358]. В частности, в условиях прежнего социально-экономического строя потребность в жилье удовлетворялась либо за счет распределения принадлежащих государству жилых помещений (т.е. вне отношений, регулируемых частным правом), либо посредством индивидуально-жилищного строительства, либо путем участия граждан в жилищно-строительных кооперативах (т.е. в рамках коллективных гражданско-правовых форм, как их классифицирует В.А. Белов [5, с.442]). При этом участие граждан в ЖСК естественным образом опиралось на их неправосубъектную общность, возникшую, как правило, в рамках трудо-

вого коллектива, т.е. до и независимо от учреждения ЖСК. Тем не менее, наличие такой общности повышало доверие членов ЖСК к его органам, фактически распоряжавшимся денежными средствами, полученными в качестве паевых взносов.

Как показывают исследования, проведенные в начале 90-х годов прошлого века, экономические реформы привели как к уменьшению численности трудовых коллективов, так и к снижению стабильности их состава. Более того, приватизация государственных предприятий, передача их в частные руки привела к тому, что работодатель более не был заинтересован в реализации социальных проектов ценой сокращения собственной прибыли [8, с.19]. Таким образом, ЖСК как коллективная гражданско-правовая форма лишилась естественного своего основания – устойчивого трудового коллектива.

В данных условиях возникли и получили развитие индивидуальные правовые формы удовлетворения жилищных потребностей: инвестиционный договор, договор участия в долевом строительстве и прочие договоры, связывавшие застройщика с каждым отдельным физическим лицом, желавшим приобрести жилое помещение в строящемся многоквартирном жилом доме. По сути застройщик, обладавший таким правом на земельный участок, которое допускало возможность его застройки, выступал в качестве организатора строительства и его финансирования, а лицо, чьи денежные средства застройщик привлек для создания объекта, лишь присоединялось к финансированию строительства на условиях, определенных застройщиком в одностороннем порядке, и ожидало передачи жилого помещения по завершении строительства, будучи лишено контроля за деятельностью организатора и полагаясь исключительно на усилия последнего [9, с.108]

Недостатки данного способа финансирования деятельности застройщика, проявившиеся в виде т.н. «двойных продаж», были преодолены в 2004 г., когда был принят Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 214-ФЗ), предусматривавший необходимость проведения государственной регистрации договора участия в долевом строительстве.

При этом законодатель ограничил круг субъектов долевого строительства собственно участниками долевого строительства и застройщиком и сосредоточился на правовом регулировании их договорных прав и обязанностей. Правовое положение субъектов долевого строительства, будучи рассмотрено сквозь призму связывавшей их договорной конструкции, спроектированной законодателем с учётом фактически сложившихся общественных практик, не обладало какими-либо существенными особенностями, которые указывали бы на то, что их правоспособность отличается от общей.

Таким образом, сложившееся к 2017 году правовое регулирование никак не учитывало объективно- и субъективно-системный характер деятельности застройщика. Данная системность выражается в том, что

с одной стороны, ни один договор с участниками долевого строительства не может быть исполнен застройщиком сам по себе, совершенно независимо от договоров, заключенных с другими участниками долевого строительства, финансировавшими создание одного и того же объекта, поскольку каждое отдельное помещение может быть создано лишь при условии возведения здания, в котором они расположены, в целом,

а с другой стороны, процесс, который с точки зрения отдельного участника долевого строительства видится как внесение цены договора, с точки зрения застройщика воспринимается как единый поток денежных средств, направляемых на удовлетворение текущих нужд строительства и не связанных с конкретным помещением.

С точки зрения экономической науки входящий и исходящий денежные потоки связаны между собой и выступают в качестве единого комплексного объекта управления, поскольку недостаточность объемов во времени первого из этих потоков приводит к последующему сокращению объемов и второго потока [7, с. 14].

Таким образом, недостаток модели долевого строительства, основанного на рыночных принципах, проявился в проблеме т.н. «обманутых дольщиков», возникшей вследствие того, что не только злоупотребления застройщиков, выразившиеся в нецелевом использовании денежных средств, но и всякий деловой просчет, допущенный при структурировании платежей, мог привести к приостановке строительных работ на объекте.

Выход из сложившейся ситуации законодатель увидел в распространении на сферу долевого строительства положительного опыта, достигнутого в результате создания Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов». Новая экономическая модель, описанная в Федеральном законе от 29.07.2017 № 218-ФЗ «О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 218-ФЗ), предусматривала создание Публично-правовой компании «Фонд защиты прав граждан – участников долевого строительства» (далее – ППК). Дефицит денежных средств, который мог возникнуть в ходе деятельности застройщика и привести к его банкротству, восполнялся за счет средств компенсационного фонда, который в свою очередь формировался за счет обязательных отчислений застройщиков. Средства компенсационного фонда могли быть направлены на выплату возмещения участникам долевого строительства, пострадавшим вследствие банкротства застройщика, либо на финансирование меропр-

ятий по завершению строительства проблемного объекта.

Кроме того, был предпринят ряд мер, направленных на урегулирование деятельности застройщика в целом, в том числе его внутренних бизнес-процессов, что по мысли законодателя могло бы снизить риск банкротства застройщика и, как следствие, вероятность использования компенсационного фонда. В частности, были установлены требования к финансовым показателям деятельности застройщика (например, наличие уставного капитала, размер которого соответствовал бы масштабу строительства, собственных средств в размере не ниже 10% от планируемой стоимости строительства, а также денежных средств на банковском счете в размере не ниже 10% проектной стоимости строительства), соблюдение которых было условием осуществления права привлекать денежные средства граждан для финансирования создания объектов долевого строительства.

Также была создана система банковского сопровождения деятельности застройщика, которая должна была обеспечить особый порядок совершения операций по расчетному счету застройщика с тем, чтобы исключить нецелевое использование денежных средств, поступающих от участников долевого строительства. Соответствующие полномочия были возложены на новый субъект отношений, возникавших в сфере долевого строительства – уполномоченный банк. По сути, правоспособность застройщика была ограничена, поскольку он был лишен возможности свободно, по собственному усмотрению распоряжаться принадлежащими ему денежными средствами, а функция контроля за их использованием передана уполномоченному банку. Иными словами, на данном этапе законодатель уже не ограничивался урегулированием отношений, вытекающих непосредственно из договора участия в долевом строительстве, что более соответствует не цивилистическому, а коммерческо-правовому подходу к регулированию правового положения субъектов, занятых в той или иной сфере. Именно такой, коммерческо-правовой подход наиболее адекватно отражает экономическое содержание отношений, возникающих между застройщиком и участниками долевого строительства, которых застройщик, по сути, вовлекает в финансирование его коммерческой деятельности при условии, что по завершении строительства помещения, расположенные в возведенном здании, поступят в собственность участников долевого строительства. Соответственно, объектом регулирования становится деятельность и процессы, которые хотя и осуществляются за пределами договора участия в долевом строительстве, но влияют на его исполнение застройщиком. То обстоятельство, что участник долевого строительства, как правило, приобретает жилое помещение для удовлетворения личных потребностей и не имеет статуса предпринимателя, ничего не меняет в экономическом содержании его отношений с застройщиком, но лишь ставит первого в уязвимое положение

по отношению ко второму. Действительно, информационная асимметрия не позволяет участнику долевого строительства объективно оценить эффективность работы застройщика и достоверность его заверений, а слабость переговорной позиции исключает возможность повлиять на содержание договора и распределение рисков в связи с его возможным неисполнением застройщиком.

Следует отметить, что первый же год функционирования экономической модели долевого строительства, основанной на внесении застройщиком обязательных платежей, продемонстрировал ее принципиальную нежизнеспособность. Как следует из текста актуарных заключений по итогам обязательного актуарного оценивания деятельности ППК «Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства» за 2017 и 2018 годы, установленный законом тариф в размере 1,2% от цены договора участия в долевом строительстве являлся неадекватным для исполнения ППК своих обязательств и потенциально приводил к ее неплатежеспособности, поскольку даже центральная оценка тарифа (т.е. такой тариф, который обеспечил бы платежеспособность ППК хотя бы в 50% случаев дефолта застройщиков) превышала его текущий уровень в 12 раз [13, с. 16; 14, с. 18].

01 июля 2018 г. и 25 декабря 2018 г. законодатель последовательно внес в текст Закона 218-ФЗ изменения, принципиально изменившие природу отношений, которые возникали в связи с образованием и использованием имущества ППК. С одной стороны, был предусмотрен дополнительный источник финансирования мероприятий, которые позволяли удовлетворить требования участников долевого строительства, заявленные ими в случае несостоятельности застройщика (таким источником стали имущественные взносы публично-правовых образований), а с другой стороны, действие закона распространилось и на объекты, в отношении которых застройщиком не уплачивались обязательные отчисления в компенсационный фонд.

Таким образом, на позднем этапе своего существования данная экономическая модель долевого строительства была основана на использовании средств федерального и регионального бюджетов, за счет которых осуществлялось софинансирование расходов ППК. Поскольку такие отношения являются предметом не гражданского, а финансового права, попытки обнаружить их гражданско-правовой характер представляются несостоятельными [6; 12].

Тем не менее, все без исключения субъекты долевого строительства на данном этапе развития правового регулирования вопросов, связанных с их правовым положением, были так или иначе вовлечены и в гражданско-правовые отношения, что позволяет ставить вопрос о характере их гражданской правоспособности (в частности, выплата возмещения гражданам-участникам долевого строительства имела гражданско-правовые последствия в виде перехода к ППК того права

требования, которое участник строительства имел к застройщику на основании договора, предусматривавшего передачу жилого (нежилого) помещения и (или) машино-места).

Отсутствие у субъектов отношений, возникающих в сфере долевого строительства, возможностей, которые входят в состав обычной правоспособности, или существенное ограничение таких возможностей позволяет сделать вывод о том, что на данном этапе развития правового регулирования данные субъекты обладали специальной правоспособностью.

На основании анализа законодательства в сфере долевого строительства можно предложить следующую классификацию ее субъектов:

1. По выполняемым ими функциям:

а) лица, образующие первичный рынок недвижимости:

– лица, привлекающие финансирование (застройщики);

– лица, осуществляющие финансирование (участники долевого строительства).

б) лица, образующие инфраструктуру первичного рынка недвижимости:

– субъекты информационной инфраструктуры (единственный институт развития в жилищной сфере – АО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию», переименованное впоследствии в АО «ДОМ.РФ») – осуществляет сбор, хранение и предоставление информации, необходимой для эффективного функционирования первичного рынка недвижимости;

– субъекты контрольно-расчетной инфраструктуры (уполномоченный банк в сфере жилищного строительства – АО «Банк ДОМ.РФ», а также иные уполномоченные банки) – осуществляет банковское сопровождение как собственно долевого строительства, так и мероприятий по завершению строительства объектов незавершенного строительства и объектов инфраструктуры, в случае банкротства застройщика;

– субъекты, оказывающие содействие реализации прав участников долевого строительства (ППК, фонды субъектов Российской Федерации).

2. По основаниям приобретения правоспособности:

а) лица, приобретающие специальную правоспособность в добровольном, инициативном порядке (застройщик, уполномоченные банки);

б) лица, приобретающие специальную правоспособность в порядке исполнения императивных предписаний (иные субъекты отношений).

Следует отметить, что ряд указанных субъектов приобрели сингулярный правовой статус, т.е. такой, который предполагает наделение им только одной организацией. В частности, такой статус имеют ППК, фонды субъектов Российской Федерации, единственный институт развития в жилищной сфере, а также уполномоченный банк в сфере жилищного строительства. Характер правового статуса обусловлен функциями, которые выполняет соот-

ветствующий субъект: возложение на какое-либо лицо публично-значимых функций, реализация которых сопровождается финансированием за счет средств публичных фондов, исключает возможность отправления тех же функций иными лицами. Тем самым, лицо, обладающее сингулярным правовым статусом, ставится в исключительное положение, действует по сути вне рынка, монопольно извлекая как преимущества из своего положения, так и претерпевая все невыгодные связанные с ним последствия.

Это обстоятельство обуславливает взаимосвязь между наличием у субъекта сингулярного правового статуса и возможностью его приобретения только на основании закона. И напротив, субъекты, осуществляющие свою деятельность на рыночных принципах, приобретают свой правовой статус в инициативном порядке, для чего им достаточно лишь обеспечить соответствие своей деятельности установленным требованиям.

Недостатком данной экономической модели является то обстоятельство, что в ее рамках возможно лишь восполнить дефицит денежных средств, но не предотвратить его возникновение. Система правовых статусов субъектов долевого строительства организована так, чтобы реагировать только на состоявшийся факт неплатежеспособности застройщика. Деятельность уполномоченных банков, направленная на контроль осуществляемых застройщиками расчетов, может лишь пресечь противоправное поведение последних, но не оградить от возможных деловых просчетов, которые также способны привести к нарушению сроков завершения строительства.

Данный недостаток преодолен законодателем путем внедрения в практику долевого строительства экономической модели, основанной на использовании счетов эскроу для организации расчетов между застройщиком и приобретателем будущей недвижимости и хорошо зарекомендовавшей себя за рубежом [3, с. 8].

Вместе с тем с переходом к т.н. проектному финансированию вообще теряется тот смысл договора участия в долевом строительстве, который был заложен в нем изначально [10]. Применительно к данной экономической модели следует говорить скорее о неподлинном долевом строительстве – понятии, которое охватывает отношения, возникающие в случае, когда лица, желающие приобрести будущие помещения, более не осуществляют финансирование деятельности застройщика напрямую, а вносят свои денежные средства на специальный счет, открытый в банке. При этом их обязанность вносить деньги считается исполненной (т.е. фикция фактически заменяет реальное исполнение), хотя деньги для застройщика оказываются не доступны. Тем самым образован механизм, постоянно подталкивающий застройщика к поиску источника финансирования строительства. Наиболее естественным в такой ситуации оказывается обратиться к кредиту банка, в котором открыты счета эскроу участников долевого строительства.

Поскольку счет, на котором учитываются поступающие от дольщиков средства, является балансовым счетом банка, то последний распоряжается ими как собственными. Иными словами, денежные средства, поступающие от участников долевого строительства, служат источником образования актива банка – кредита, предоставляемого застройщику. При этом временной разрыв между поступлениями денежных средств и выплатами, осуществляемыми застройщиком, перестает иметь какое-либо значение: если средств, поступивших на счета эскроу, оказывается недостаточно для финансирования текущих потребностей застройщика, образовавшийся дефицит банк восполнит за счет собственных средств, предоставленных застройщику в виде кредита.

На данном этапе развития правового регулирования вопросов, связанных с правовым положением субъектов долевого строительства, договор участия в долевом строительстве утрачивает свою специфику и сводится к договору купли-продажи будущей недвижимой вещи. При этом деятельность застройщика освобождается от большинства ограничений, которые были присущи ей на предшествующем этапе. Видимо, законодатель исходит из того, что, противопоставляя интересам одного профессионала (застройщика) интересы другого профессионала (банка), не следует слишком беспокоиться о соблюдении их баланса, поскольку стороны в состоянии урегулировать данный вопрос путем заключения кредитного договора, предусмотрев в нем все необходимые ковенанты.

Таким образом, состав субъектов долевого строительства и их правовое положение не оставались неизменным, а были детерминированы той экономической моделью, которую пытался реализовать в данной сфере законодатель в разные моменты времени.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 214-ФЗ: [принят Государственной Думой 22 декабря 2004 года: одобрен Советом Федерации 24 декабря 2004 года] // СЗ РФ. 2005. – № 1 (часть 1). – ст. 40.
2. Российская Федерация. Законы. О публично-правовой компании по защите прав граждан – участников долевого строительства при несостоятельности (банкротстве) застройщиков и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 218-ФЗ: [принят Государственной Думой 21 июля 2017 года: одобрен Советом Федерации 25 июля 2017 года] // СЗ РФ. – 2017. – № 31 (Часть I). – ст. 4767.
3. Алешин, Д.Ю. Правовое регулирование отношений в сфере приобретения строящейся жилой недвижимости: типология зарубежного опыта / Д.Ю. Алешин. – Текст: непосредственный // Юридическая наука. – 2022. – № 4. – С. 4–10.
4. Алешин, Д.Ю. Частноправовые и публично-правовые механизмы регулирования отношений в сфере долевого строительства: эволюция и взаимодействие ради достижения целей устойчивого развития / Д.Ю. Алешин. – Текст: непосредственный // Правовые и финансово-экономические средства достижения целей устойчивого развития: Монография / коллектив авторов; под ред. Г.Ф. Ручкиной, М.А. Лапиной. – Москва: Прометей, 2022. – С. 356–367.
5. Белов, В.А. Гражданское право в 4 т. Том I. Общая часть. Введение в гражданское право: учебник для вузов / В.А. Белов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 622 с. – (Высшее образование). – ISBN978-5-534-08149-7. – Текст: непосредственный.
6. Биньковская, А.А. Новые механизмы защиты прав и законных интересов участников долевого строительства / А.А. Биньковская. – Текст: непосредственный // Право и экономика. – 2019. – № 7. – С. 13–20.
7. Бланк, И.А. Управление денежными потоками / И.А. Бланк. – Киев: Ника-Центр, Эльга, 2002. – 736 с. – ISBN5-94773-001-4. – Текст: непосредственный.
8. Гимпельсон, В.Е. Экономическая активность населения России в 1990-е годы / В.Е. Гимпельсон. – Москва: ГУ ВШЭ, 2001. – 48 с. – Текст: непосредственный.
9. Майфат, А.В. Инвестирование: способы, риски, субъекты: монография / А.В. Майфат. – Москва: Статут, 2020. – 176 с. – ISBN978-5-8354-1674-5. – Текст: непосредственный.
10. Пушкина, А.В. Эволюция защиты прав участников долевого строительства / А.В. Пушкина. – Текст: непосредственный // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – № 3. – С. 86–95.
11. Ручкина, Г.Ф. Банковское сопровождение долевого строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости с использованием счета эскроу: некоторые вопросы правового регулирования / Г.Ф. Ручкина. – Текст: непосредственный // Банковское право. – 2019. – № 3. – С. 7–15.
12. Хамов, А.Ю. Компенсационный фонд как специальный способ защиты прав участников долевого строительства / А.Ю. Хамов. – Текст: непосредственный // Гражданское право. – 2019. – № 2. – С. 36–38.
13. Актуарное заключение по итогам обязательного актуарного оценивания деятельности ППК «Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства» на 31 декабря 2017 года. – Текст: электронный // Фонд развития тер-

риторий: официальный сайт. https://фонд214.рф/upload/iblock/97c/actuarnoe_2017.pdf (дата обращения: 12.12.2022).

14. Актуарное заключение по итогам обязательно-го актуарного оценивания деятельности ППК «Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства» на 31 декабря 2018 года. – Текст: электронный // Фонд развития территорий: официальный сайт. https://фонд214.рф/upload/iblock/d5a/aktuarnii_otchet_2018.pdf (дата обращения: 12.12.2022).

THE SYSTEM OF LEGAL STATUSES OF SHARED-EQUITY CONSTRUCTION ENTITIES

Aleshin D. Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the peculiarities of the legal status of subjects of public relations arising in the field of shared-equity construction. Based on the analysis of the provisions of Federal Law No. 218-FZ dated 29.07.2017 “On the public law company “Territorial Development Fund” and on amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”, as well as Federal Law dated 30.12.2004. No. 214-FZ “On Participation in Shared-Equity Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amendments to Some Legislative Acts of the Russian Federation” the author identifies three models of shared-equity construction, introduces the concepts of true and false shared-equity construction, offers a classification of its subjects and shows how the features of their legal status are determined by the model of shared-equity construction chosen by the legislator. The author comes to the conclusion that the model of shared-equity construction, based on project financing, represents a return to the market principles of the functioning of the primary turnover of real estate at a qualitatively new level, excluding direct financing of the developer’s activities at the expense of funds contributed by the participants of shared-equity construction. This circumstance allows the legislator to abandon most of the requirements established in the interests of participants in shared-equity construction and constraining the legal capacity of the developer, and the subjects of shared-equity construction to focus on autonomous (private) legal regulation of the primary turnover of real estate by structuring their contractual obligations.

Keywords: developer, project finance, buying off-plan property.

References

1. The Russian Federation. Laws. On participation in the shared construction of apartment buildings and other Real estate objects and on Amendments to Some Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 214-FZ: [adopted by the State Duma on December 22, 2004: approved by the Federation Council on December 24, 2004] // SZ RF. 2005. – No. 1 (Part 1). – Article 40.
2. The Russian Federation. Laws. On a public law company for the protection of the rights of citizens participating in shared-equity construction in the event of insolvency (bankruptcy) of developers and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 218-FZ: [adopted by the State Duma on July 21, 2017: approved by the Federation Council on July 25, 2017] // SZ RF. – 2017. – No. 31 (Part I). – Article 4767.
3. Aleshin, D. Yu. Legal regulation of relations in the field of acquisition of residential real estate under construction: typology of foreign experience / D. Yu. Aleshin. – Text: direct // Legal science. – 2022. – No. 4. – pp.4–10.
4. Aleshin, D. Yu. Private law and public law mechanisms for regulating relations in the field of shared-equity construction: evolution and interaction for achieving sustainable development goals / D. Yu. Aleshin. – Text: direct // Legal and financial and economic means of achieving sustainable development goals: Monograph / collective of authors; edited by G.F. Ruchkina, M.A. Lapina. – Moscow: Prometheus, 2022. – pp.356–367.
5. Belov, V.A. Civil law in 4 vols. Volume I. The general part. Introduction to Civil Law: textbook for universities / V.A. Belov. – 3rd ed., reprint. and additional – Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. – 622 p. – (Higher education). – ISBN978–5–534–08149–7. – Text: direct.
6. Binkovskaya, A.A. New mechanisms for protecting the rights and legitimate interests of participants in shared-equity construction / A.A. Binkovskaya. – Text: direct // Law and Economics. – 2019. – No. 7. – p.13–20.
7. Blank, I.A. Cash flow management / I.A. Blank. – Kiev: Nika-Center, Elga, 2002. – 736 p. – ISBN5–94773–001–4. – Text: direct.
8. Gimpelson, V.E. Economic activity of the Russian population in the 1990s / V.E. Gimpelson. – Moscow: Higher School of Economics, 2001. – 48 p. – Text: direct.
9. Mayfat, A.V. Investing: methods, risks, subjects: monograph / A.V. Mayfat. – Moscow: Statute, 2020. – 176 p. – ISBN978–5–8354–1674–5. – Text: direct.
10. Pushkina, A.V. Evolution of the protection of the rights of participants in shared-equity construction / A.V. Pushkina. – Text: direct // Property relations in the Russian Federation. – 2019. – No.3. – pp.86–95.
11. Ruchkina, G.F. Banking support of shared-equity construction of apartment buildings and other real estate objects using an escrow account: some issues of legal regulation / G.F. Ruchkina. – Text. – direct // Banking law. – 2019. – No. 3. – pp.7–15.
12. Khamov, A.Y. Compensation fund as a special way to protect the rights of participants in shared-equity construction / A.Y. Khamov. – Text: direct // Civil Law. – 2019. – No. 2. – pp.36–38.
13. Actuarial conclusion on the results of the mandatory actuarial evaluation of the activities of the PPK “Fund for the Protection of the Rights of Citizens Participating in Shared Construction” as of December 31, 2017. – Text: electronic // Territorial Development Fund: official website. https://фонд214.рф/upload/iblock/97c/actuarnoe_2017.pdf (date of application: 12.12.2022).
14. Actuarial opinion on the results of the mandatory actuarial evaluation of the activities of the PPK “Fund for the Protection of the Rights of Citizens Participating in Shared Construction” as of December 31, 2018. – Text: electronic // Territorial Development Fund: official website. https://фонд214.рф/upload/iblock/d5a/aktuarnii_otchet_2018.pdf (date of application: 12.12.2022).

Нормативно-правовое регулирование банковского финансирования инвестиционной деятельности

Васева Ирина Сергеевна,

кандидат исторических наук, Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Пермский институт ФСИН России»
E-mail: Iris.she@yandex.ru

В экономическом и правовом поле современной России отсутствует четкая долгосрочная стратегия управления свободными денежными средствами населения, наблюдается неразвитостью нормативно-правового регулирования механизмов трансформации избыточной наличности, имеющейся в распоряжении экономических субъектов, в кредитные и инвестиционные ресурсы. Эффективность функционирования как финансово-кредитной системы региона, так и экономики в целом непосредственно зависит от нормативно-правовой базы, а также от характера денежного обращения, принимающего участие в развитии экономики региона в качестве инвестиционных ресурсов.

На определенном этапе деятельности большинство экономических субъектов сталкивается с необходимостью получения заемных средств. Предоставление денежных ссуд и инвестиции влияют на рост экономики государства, позволяют кредитору получать прибыль.

Существуют различные виды организаций, использующих свои средства для кредитования и инвестиций, в том числе пенсионные и благотворительные фонды, страховые, инвестиционные и лизинговые компании, кредитные союзы. Пенсионные фонды являются основным источником инвестиционного кредитования в большинстве экономически развитых стран. Банковские кредиты при этом занимают только четвертое место по популярности и в большинстве носят характер инвестиционного финансирования.

Ключевые слова: Центральный банк, Минфин РФ, нормативное регулирование банковской деятельности, законодательство о банкротстве.

Проблематика исследования рассматривалась в работах таких ученых как Н.Б. Ибрагимовой [5], О.М. Иванова [6], Е.А. Измалковой [7].

Инвестиционная политика в России регулируется по каналам законодательной и исполнительной власти на общегосударственном, региональном и местном уровнях.

На федеральном уровне разработкой и реализацией нормативной базы инвестиционной политики занимаются Банк России, Минфин РФ, МПТ РФ, МЭК РФ. На региональном уровне в этой политике задействованы министерства инвестиционного и экономического развития, на местном уровне – комитеты по экономике, финансовые управления. Результаты системных наблюдений свидетельствуют, что российские органы власти в недостаточной мере используют регуляторные механизмы и рычаги для стимулирования и развития банковских инвестиционных кредитов, тогда как в сложившейся ситуации банкам необходимо играть существенную роль в расширении финансирования и кредитования реального сектора экономики, формировании благоприятного инвестиционного климата.

Банковский сектор участвует в стимулировании развития инвестиций хозяйствующих субъектов на различных уровнях: на макроуровне он участвует в формировании национальной стратегии финансовой поддержки экономической деятельности, включая реализацию крупных инвестиционных проектов, стимулирование малого и среднего бизнеса; на мезоуровне, оценивая инновационный потенциал региона и осуществляя перераспределение финансовых ресурсов в пользу приоритетных проектов за счет предоставления льготных условий; на микроуровне, реализуя финансовое обеспечение проектов [8, с.14].

На сегодняшний день взаимодействие между российскими банковским и реальным сектором экономики недостаточно эффективно.

Проблемы банковского сектора обостряются в условиях экономической нестабильности. Неустойчивость, низкая капитализация, региональные диспропорции российских банков наряду с другими проблемами стали особенно заметны в последние несколько лет. В связи с этим усиливается деятельность ЦБ РФ, как ведущего органа государственного банковского регулирования, направленная на развитие и укрепление банковской системы.

Как свидетельствует мировой опыт, в развитых странах мира на преодоление разбалансированности финансового рынка направляются не только значительные средства, но и меры нормативно-правового регулирования.

Решая задачи восстановления экономики посредством инвестиционной политики, необходимо особое внимание обратить на соблюдение антимонопольного законодательства, устранить недостатки в действующем инвестиционном законодательстве, содействовать улучшению функционирования инфраструктуры инвестиционного рынка. Необходимо обеспечить соблюдение условий честной конкуренции между участниками инвестиционной сферы, оптимизировать процесс оформления документации по инвестиционным проектам, доступность консультативной помощи в области инвестирования для малого и среднего бизнеса [8, с.14].

В России финансовое оздоровление кредитных организаций регулируется федеральным законом, а исполнительные полномочия принадлежат АСВ.

Меры по оздоровлению финансов российских банков регулируются федеральными законами «О банках и банковской деятельности» [1] и «О банкротстве (банкротстве)» [2]. В соответствии со статьей 45.2 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» во избежание угроз финансовой стабильности Российской Федерации Банк России формулирует меры, направленные на снижение угрозы Российской Федерации [3].

Статья 189.14 Федерального закона № 127-ФЗ «О банкротстве» предусматривает ряд мер по восстановлению финансирования Коммерческого банка Российской Федерации [2].

В то же время собственный план мероприятий по финансовому оздоровлению банка, как следует из Инструкции Банка России № 126-И [4], в обязательном порядке должен включать: оценку финансового состояния коммерческого банка; указание форм и объемов участия учредителей банка и других лиц в его финансовом оздоровлении; перечень мер по снижению затрат на содержание банка; перечень мер, принимаемых к банку; данные о сроках восстановления банком уровня достаточности собственных средств банка и фактической ликвидности. Решение о форме и конкретных условиях финансовой помощи коммерческому банку принимается руководством самого банка и лицом, оказывающим ему финансовую помощь.

Одной из важнейших функций Банка России является поддержание стабильности банковского сектора и финансового оздоровления, что достигается путем отзыва лицензий у проблемных коммерческих банков и их реорганизации.

Обеспечение повышения уровня социально-экономического развития региона во многом зависит от результативности применения механизма рационального распределения денежной массы. Проведенные исследования свидетельствуют о том, что при наличии множества методического инструментария рациональной организации денежного обращения в рыночной экономике, существует необходимость в развитии теоретико-методологических основ механизма управления свободными денежными средствами населения и юридических лиц и разработке направлений его

совершенствования в регионах РФ за счет целевого стимулирования граждан к прямому инвестированию денежной наличности в инновационные проекты через систему банковского распределения денежной массы в перспективные отрасли экономики региона через инструменты инвестирования.

Переход отечественной банковской системы на международные стандарты финансовой отчетности, принятие Банком России ряда нормативных документов, регулирующих кредитно-финансовую деятельность организаций, предъявляющих более жесткие требования к механизму управления инвестициями банков, экономические кризисы и частые совместные аномалии на финансовых рынках обусловлены поиском принципиально иных подходов и методов банковского управления-инвестиционная система, адекватных сложившейся ситуации.

В настоящее время целесообразно сконцентрироваться на создании нормативной среды для развития добросовестной конкуренции на финансовом рынке и эффективного и активного надзора за финансовыми учреждениями.

Литература

1. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.90 N395-I (ред. от 14.07.2022) – Доступ из справ.-правовой системы Гарант. – Текст: электронный.
2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 N127-ФЗ (ред. от 21.11.2022) – Доступ из справ.-правовой системы Гарант. – Текст: электронный.
3. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон № 86-ФЗ от 27 июня 2002 года: (с изменениями и дополнениями). – Доступ из справ.-правовой системы Гарант. – Текст: электронный.
4. Инструкция Банка России от 11.11.2005 N126-И (ред. от 12.07.2017) «О порядке регулирования отношений, связанных с осуществлением мер по предупреждению несостоятельности (банкротства) кредитных организаций» (Зарегистрировано в Минюсте России 13.12.2005 N7266). – Доступ из справ.-правовой системы Гарант. – Текст: электронный.
5. Ибрагимов Н.Б. Залог как обеспечительный правовой механизм в кредитовании / Н.Б. Ибрагимов // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – № 11(27). – 2018. – С. 85–87
6. Иванов О.М. История регулирования синдицированного кредита / Иванов О.М. // Вестник МГЮА. – 2018. – № 10. – С. 104–121.
7. Измалкова Е.А. Центральный банк в системе рефинансирования коммерческих банков / Измалкова Е.А. // Вестник ОГУ. – 2010. – № 13. – С. 168–173.
8. Никулина О.В., Сердюк А.А. Механизм банковского участия в финансировании инвестицион-

ной деятельности компаний / Никулина О.В., Сердюк А.А. // Финансы и кредит. – 2016. – № 13. – С. 14–31.

REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF BANK FINANCING OF INVESTMENT ACTIVITIES

Vaseva I.S.

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

In the economic and legal field of modern Russia, there is no clear long-term strategy for managing the free monetary resources of the population, there is an underdevelopment of regulatory and legal regulation of mechanisms for transforming excess cash available to economic entities into credit and investment resources. The effectiveness of the functioning of both the financial and credit system of the region and the economy as a whole directly depends on the regulatory framework, as well as on the nature of monetary circulation that participates in the development of the region's economy as investment resources.

At a certain stage of activity, most economic entities face the need to obtain borrowed funds. The provision of cash loans and investments affect the growth of the state's economy, allow the lender to make a profit.

There are various types of organizations that use their funds for lending and investment, including pension and charitable foundations, insurance, investment and leasing companies, credit unions. Pension funds are the main source of investment lending in most economically developed countries. At the same time, bank loans occupy only the fourth place in popularity and in most cases are of the nature of investment financing.

Keywords: The Central Bank, the Ministry of Finance of the Russian Federation, regulatory regulation of banking activities, bankruptcy legislation.

References

1. Banks and banking activities: Federal Law No. 395-I of 02.12.90 (ed. of 14.07.2022) – Access from the reference.-the legal system of the Guarantor. – Text: electronic.
2. On insolvency (bankruptcy): Federal Law No. 127-FZ of 26.10.2002 (as amended on 21.11.2022) – Access from the help.-the legal system of the Guarantor. – Text: electronic.
3. About the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia): Federal Law No. 86-FZ of June 27, 2002: (with amendments and additions). – Access from the help.-the legal system of the Guarantor. – Text: electronic.
4. Instruction of the Bank of Russia dated 11.11.2005 N126-I (ed. dated 12.07.2017) "On the procedure for regulating relations related to the implementation of measures to prevent the insolvency (bankruptcy) of credit institutions" (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 13.12.2005 N7266). – Access from the help.-the legal system of the Guarantor. – Text: electronic.
5. Ibragimova N.B. Pledge as a security legal mechanism in lending / N.B. Ibragimova // Scientific and practical electronic journal Alley of Science. – № 11(27). – 2018. – Pp. 85–87
6. Ivanov O.M. History of regulation of syndicated credit / Ivanov O.M. // Bulletin of the Moscow State University. – 2018. – No. 10. – pp.104–121.
7. Izmalkova E.A. Central Bank in the refinancing system of commercial banks / Izmalkova E.A. // Bulletin of the OSU. – 2010. – No. 13. – Pp. 168–173.
8. Nikulina O.V., Serdyuk A.A. Mechanism of bank participation in financing investment activities of companies / Nikulina O.V., Serdyuk A.A. // Finance and credit. – 2016. – No. 13. – pp. 14–31.

К вопросу об определении предмета семейного права Российской Федерации

Рутковская Ольга Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса Московского университета имени А.С. Грибоедова
E-mail: Login8@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы определения предмета семейного права в условиях, когда традиционно входящие в него отношения постепенно дополняются новыми отношениями, включение которых в предмет семейного права может привести к его необоснованному расширению и ослаблению действия принципов семейного права.

Автором предлагается использовать в качестве критерия для решения вопроса о включении тех или иных отношений в предмет семейного права возможность распространения на такие отношения принципов семейного права, предопределяющих наряду с предметом и методом самостоятельность семейного права как отрасли права. Включение в предмет семейного права только отношений, к которым могут быть в полной мере применены принципы, определяемые пунктом 3 статьи 1 СК РФ, позволит обеспечить стабильность основ семейного права при одновременном учете необходимости совершенствования правового регулирования возникающих новых общественных отношений.

Ключевые слова: семья, семейное право, предмет семейного права, семейные правоотношения, принципы семейного права

Предмет является одним из системообразующих признаков семейного права [7, С. 151], при этом анализ истории развития правового регулирования семейных отношений показывает, что несмотря на весь свойственный семейному праву консерватизм, понимание его предмета изменяется в зависимости от специфики общественного строя и появления новых нуждающихся в правовом регулировании общественных отношений.

Рассмотрение в качестве предмета семейного права общественных отношений, регулируемых нормами семейного права [3, С. 2], приводит к тому, что по мере внесения изменений и дополнений в Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) и, по отдельным вопросам, в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) возникает риск отнесения к предмету семейного права несвойственных для него отношений.

Дополнительные сложности при определении предмета семейного права связаны с трансформацией представлений о семейном праве на различных этапах развития отечественной доктрины и правовом регулировании семейных отношений. Так, Ю.Ф. Беспалов [3, С. 2] обращал внимание на то, что в дореволюционный период развития отечественной правовой науки Д.И. Мейер [13, С. 348] и А.И. Загорский [5, С. 1–3] полагали, что регулирование семейных отношений не всегда может осуществляться нормами права.

В советское и постсоветское время теоретические представления о семье как особом объекте правовой охраны и семейном праве как самостоятельной отрасли права, были представлены в научных трудах В.А. Рясенцева [20, С. 15–16], А.М. Нечаевой [15, С. 32–33] и других исследователей [18]. В то же время некоторые ученые высказывали мнение о том, что семейное право не имеет самостоятельного характера [9, С. 182–185]. В советский период развития отечественного семейного права основное внимание уделялось личным неимущественным отношениям, связанным с браком, отношениями родителей и детей, имущественные аспекты признавались второстепенными по сравнению с личными неимущественными отношениями, к которым сводились смысл и основное содержание семейных отношений [19, С. 24–25]. Имущество рассматривалось в качестве возможного, но не основного объекта семейных отношений [20, С. 48].

Новые экономические реалии привели к росту значения имущественных отношений [11], [4]. На современном этапе большинство исследователей признают семейное право самостоятельной от-

раслью права [1], [25], но также расходятся в определении того, какие именно отношения должны составлять предмет семейного права, отмечая недопустимость их бесконтрольного расширения [14, С. 83], [10, С. 111].

При этом представляется невозможным согласиться с выражаемым в отдельных публикациях мнением о том, что предмет семейного права и, в частности, краеугольное для него понятие «семья» не могут быть определены однозначным образом [16, С. 864–865]. Для каждого исторического периода развития общества и каждой культуры данные понятия являются в достаточной мере определенными и стабильными, хотя употребление, например, термина «семья» может различаться в зависимости от контекста использования в различных отраслях права.

В ходе развития законодательного регулирования в СК РФ оказались включены нормы, не связанные непосредственным образом с вышеуказанными отношениями, во многом имеющие «ситуационный» характер, что привело, как представляется, к неоправданному изменению представлений о предмете семейного права, попыткам включения в него несвойственных для него отношений. Так, развитие репродуктивных технологий повлекло необходимость урегулирования отношений, связанных с суррогатным материнством, что привело к включению в СК РФ норм, ставящих родителей ребенка в зависимость от решений его суррогатной матери (абзац второй пункта 4 статьи 51 СК РФ, абзац второй пункта 3 статьи 52 СК РФ).

В СК РФ оказались включены положения, не связанные непосредственным образом с регулированием отношений внутри семьи или связанных с интересами семьи отношений между членами семьи и другими лицами. К числу таких новых направлений правового регулирования, не характерных для традиционного семейного права, наряду с вышеуказанными вопросами, связанными с использованием новых способов репродукции человека, О.Ю. Ильина относит вопросы об имущественных правах супругов при наличии у них статуса предпринимателя и их участия в корпоративных отношениях, а также вопросы реализации новых форм воспитания детей [7, С. 152], поскольку содержание возникающих при этом отношений существенным образом отличается от содержания семейно-правовых отношений [7, С. 152–153].

Таким образом, к прежней проблеме отнесения к семейным отношениям ряда отношений, имеющих межотраслевой характер, регулируемых нормами как семейного, так и гражданского [2], [22], [23] или административного права [3, С. 3], добавилась новая проблема включения в предмет семейного права новых сфер правового регулирования, не связанных непосредственно с браком, семьей, отношениями кровного родства и иными основополагающими для семейного права понятиями.

Стремление включить все смежные области правового регулирования в предмет семейного права приводит к его необоснованному расширению,

к проникновению в него положений, не связанных непосредственным образом с такими фундаментальными понятиями, как «семья» и «брак». Так, анализируя проблемы правового регулирования суррогатного материнства и приоритета социального родительства, выражающегося, в частности, в необходимости получения согласия суррогатной матери для записи родителями ребенка его биологических родителей (пункт 4 статьи 51 СК РФ), О.Ю. Ильина отмечает, что данная норма «демонстрирует трансформацию института семьи в семейные отношения: фактически между суррогатной матерью и ребенком нет кровного родства, но формально она может иметь статус его матери, традиционно ассоциируемый с семьей» [7, С. 154–155].

Важно отметить, что почти все признаваемые исследователями принципы семейного права (равенство прав супругов, приоритет семейного воспитания детей, недопустимость произвольного вмешательства в дела семьи и др.) непосредственно относятся к традиционной семье и отношениям, связанным с такой семьей. На поддержку и развитие традиционной семьи ориентирует Концепция государственной семейной политики РФ [17, С. 440], причем под «семьей» при этом понимаются лица, между которыми существуют определенные связи, основанные на биологическом или «юридическом» родстве [24, С. 130], именно наличие таких связей (родство, брак, свойство, усыновление, удочерение) позволяют разграничивать семейные правоотношения от иных видов правоотношений [12, С. 138–139].

Происходящее расширение спектра общественных отношений, регулируемых семейным законодательством, приводит к постепенному «размытию» предмета семейного права и невозможности применения в полной мере вышеуказанных принципов к новым, включаемым в предмет семейного права общественным отношениям. Кроме того, как отмечает О.Ю. Ильина, различное для разных социальных институтов понимание термина «семья», а также его использование для обозначения не связанных с ним понятий, в том числе «приемная семья», «замещающая семья», вызывают «девальвацию семейных ценностей, истинного понимания семьи как союза лиц» [7, С. 156–157]. Расширению предмета семейного права способствуют также изменения в ряде связанных с ним сфер, включая гражданское право, сферу социального обеспечения и т.п. [8].

В целях сохранения принципиальных, базовых подходов к правовому регулированию представляется необходимым ограничить предмет семейного права прежде всего отношениями с участием лиц, состоящих в браке, кровном родстве, свойственников, усыновителей и усыновленных, то есть лиц, между которыми имеются связи, обусловленные традиционными, характерными для современного этапа развития общества представлениями о семье и связанном с этим понятием круге лиц.

Иные отношения, в том числе связанные с суррогатным материнством, особыми формами

устройства детей на воспитание (передача в приемную семью, в патронатную семью, в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей), представляется целесообразным рассматривать в качестве отношений, не входящих непосредственно в предмет семейного права, поскольку к таким отношениям не могут быть в полной мере применены основные принципы семейного права. Например, вопросы нравственного выбора при определении связей между суррогатной матерью, вынашиваемым ребенком и его биологическими родителями, должны решаться в рамках специального законодательства, основанном на принципах, отличных от принципов семейного права, что обусловлено спецификой и новизной возникающих проблем.

Аналогичным образом отношения, связанные с участием органов опеки и попечительства в организации различных внесемейных форм воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, не должны входить непосредственно в предмет семейного права, поскольку к таким отношениям не могут быть в полной мере применены основные принципы семейного права. Это позволит избежать ослабления действия принципов семейного права ввиду ограниченной возможности их применения к указанным отношениям, обеспечивая в то же время развитие основанного на таких принципах законодательства в качестве основы правового регулирования семейных отношений.

На современном этапе развития отношения, традиционно входящие в предмет семейного права, постепенно дополняются новыми отношениями, критерием отнесения которых к предмету семейного права, на наш взгляд, должна служить возможность распространения на такие новые отношения принципов семейного права: «добровольности брачного союза мужчины и женщины, равенства прав супругов в семье, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи» (пункт 3 статьи 1 СК РФ).

Самостоятельность отрасли права определяется ее предметом, методом и принципами, поэтому именно возможность распространения принципов семейного права на новые отношения позволит устранить неопределенность при решении вопроса о включении таких отношений в предмет семейного права.

Предлагаемый подход позволит, с одной стороны, учесть необходимость совершенствования правового регулирования возникающих новых общественных отношений, а с другой стороны, поддерживать основы семейного права в неизменном виде на протяжении достаточно долгого периода времени, обеспечивая тем самым устойчивость регулирования такого общественного института, как семья, поддерживая стабильность семейных отношений, условий для создания семьи, воспитания

детей и их материального обеспечения, что, в свою очередь, является важнейшим элементом поддержания стабильности общества и государства.

Литература

1. Александров И.Ф. Правовая природа семейного права как самостоятельной отрасли российского права // В сборнике: Проблемы развития предприятий: теория и практика. Материалы 16-й международной научно-практической конференции: В 3-х частях. 2017. С. 162–167.
2. Бакаева И.В. Предмет современного семейного права: проблемы доктрины и перспективы развития законодательства // Современное семейное право России и тенденции его развития: теория и практика. – Ростов-на-Дону, Издательство ЮФУ, 2018. – С. 3–8.
3. Беспалов Ю.Ф. К вопросу о предмете семейного права // Семейное и жилищное право. 2013. № 6. С. 2–5.
4. Бондаренко Н.Л., Халецкая Т.М. Имущественные отношения супругов как предмет правового регулирования гражданского и семейного права // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Том 16. № 4. С. 77–87.
5. Загорский А.И. Курс семейного права. – 2-е изд., с изм. и доп. – Одесса: «Экон.» тип., 1909. – 574 с.
6. Замрий О.Н. Семейные отношения как объект государственной семейной политики и предмет семейного права: критерии пределов реализации публичного интереса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 2. С. 7–14.
7. Ильина О.Ю. К вопросу об изменении предмета и метода семейно-правового регулирования // В сборнике: Семейное право: современные проблемы теории и практики. Материалы международного круглого стола. Редколлегия: В.Н. Годунов (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2020. С. 151–157.
8. Ильина О.Ю. Расширение предмета семейного и наследственного права как рикошет пенсионной реформы // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2019. № 1. С. 14–20.
9. Иоффе О.С. Советское гражданское право: Правоотношения, связанные с продуктами творческой деятельности. Семейное право. Наследственное право. Курс лекций. Ч. 3 / Отв. ред.: Юрченко А.К. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. – 347 с.
10. Кобзарев В.О. Специфика семейного права как самостоятельной отрасли права // IV международная научно-практическая конференция «Экономика, управление и право: инновационное решение проблем». Пенза, 12 сентября 2016 года. С. 110–116.
11. Кузьминкин Г. С., Кирсанова Н.Б. Предмет и метод семейного права Российской Федерации в современной действительности //

Неделя науки СПбГПУ. Материалы научно-практической конференции с международным участием. Институт гуманитарного образования СПбГПУ. 2014. С. 138–140.

12. Леканова Е.В. Критерии и структура предмета семейного права // Социально-юридическая тетрадь. 2020. № 10. С. 134–155.
13. Мейер Д.И. Русское гражданское право. В 2-х частях: По исправленному и дополненному 8-му изданию, 1902 г. Ч. 2 / Редкол.: Ем В.С., Козлова Н.В., Корнеев С.М., Кулагина Е.В., Панкратов П.А., Суханов Е.А. – М.: Статут, 1997. – 455 с.
14. Муратбаева К. К вопросу о понятии, предмете и методе семейного права как отрасли в Кыргызской Республике // Наука и новые технологии. 2014. № 6. С. 82–85.
15. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Юрайт-Издат., 2007. – 280 с.
16. Панькова К.В. Предмет и метод семейного права // Молодой ученый. 2014. № 4. С. 864–866.
17. Постников Р.Т., Мухаметшин А.Г. Семейное право как самостоятельная отрасль науки // Аллея науки. 2020. Том 1. № 9. С. 439–442.
18. Рабец А.М. У истоков формирования и развития современной теории семейного права // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 20–23.
19. Свердлов Г.М. Советское семейное право. Учебник. – М.: Госюриздат, 1958. – 299 с.
20. Советское семейное право. Учебник / Белякова А.М., Рясенцев В.А., Яковлев В.Ф.; Под ред.: Рясенцев В.А. – М.: Юрид. лит., 1982. – 256 с.
21. Современное семейное право России и тенденции его развития: теория и практика // Всероссийская научно-практическая конференция. Сборник тезисов по итогам Всероссийской научно-практической видеоконференции, 22 мая 2018 г. / Отв. ред. И.В. Бакаева, В.Е. Стрегло. – М., 2018. – 133 с.
22. Тамразян С.С., Яхияев И.Ш. О предмете семейного права // Современная наука: ключевые проблемы и инновационные разработки. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 96–98.
23. Халецкая Т.М. О соотношении предметов семейного и гражданского права // Актуальные проблемы гражданского права. 2019. № 1–2. С. 86–94.
24. Чудесова Н.О. К вопросу об определении объекта семейных правоотношений и предмета семейного права // Сборник научных трудов преподавателей, магистрантов и аспирантов юридического факультета СФ МГПУ. Выпуск 2. – Самара, 2018. С. 130–132.
25. Якушев П.А. Автономность семейных отношений и цивилистический процесс // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 1. С. 277–293.

ON THE DEFINITION OF THE SUBJECT OF FAMILY LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Rutkovskaia O.A.

A.C. Griboyedov Moscow University

The article deals with the problems of determining the subject of family law in a context where the relations traditionally included in it are gradually supplemented by new relations, the inclusion of which in the subject of family law may lead to its unreasonable expansion and weakening of the principles of family law.

The author proposes to use as a criterion for deciding the issue of inclusion of those or other relations in the subject of family law the possibility of extending to such relations the principles of family law, predetermining along with the subject and method the independence of family law as a branch of law. Inclusion in the subject matter of family law only relations to which can be fully applied the principles defined in clause 3 of article 1 of the Family Code will ensure the stability of the foundations of family law while taking into account the need to improve the legal regulation of emerging new social relations.

Keywords: family, family law, subject of family law, family legal relations, principles of family law

References

1. Aleksandrov I.F. Legal nature of family law as an independent branch of Russian law // In the collection: Problems of Enterprise Development: Theory and Practice. Materials of the 16th International Scientific and Practical Conference: In 3 parts. 2017. S. 162–167.
2. Bakaeva I.V. The subject of modern family law: problems of doctrine and prospects for the development of legislation // Modern family law in Russia and trends in its development: theory and practice. – Rostov-on-Don, SFU Publishing House, 2018. – P. 3–8.
3. Bepalov Yu.F. To the question of the subject of family law // Family and housing law. 2013. No. 6. S. 2–5.
4. Bondarenko N.L., Khaletskaya T.M. Property relations of spouses as a subject of legal regulation of civil and family law // Bulletin of the Omsk University. Series: Law. 2019. Volume 16. No. 4. S. 77–87.
5. Zagorovsky A.I. Family law course. – 2nd ed., with rev. and additional – Odessa: “Econ.” type., 1909. – 574 p.
6. Zamriy O.N. Family Relations as an Object of State Family Policy and a Subject of Family Law: Criteria for the Limits of Realization of Public Interest // Bulletin of the Tver State University. Series: Law. 2017. No. 2. S. 7–14.
7. Ilyina O. Yu. On the issue of changing the subject and method of family law regulation // In the collection: Family Law: Modern Problems of Theory and Practice. Materials of the international round table. Editorial Board: V.N. Godunov (editor-in-chief) [i dr.]. Minsk, 2020. S. 151–157.
8. Ilyina O. Yu. Expansion of the subject of family and inheritance law as a rebound of pension reform // Bulletin of the Tver State University. Series “Right”. 2019. No. 1. S. 14–20.
9. Ioffe O.S. Soviet civil law: Legal relations connected with the products of creative activity. Family law. Inheritance law. Lecture course. Part 3 / Rep. Ed.: Yurchenko A.K. – L.: Publishing house Leningrad. un-ta, 1965. – 347 p.
10. Kobzarev V.O. The specifics of family law as an independent branch of law // IV International Scientific and Practical Conference “Economics, Management and Law: Innovative Problem Solving”. Penza, September 12, 2016. pp. 110–116.
11. Kuzminkin G.S., Kirsanova N.B. The subject and method of family law of the Russian Federation in modern reality // Week of Science of St. Petersburg State Polytechnic University. Materials of the scientific-practical conference with international participation. Institute of Humanitarian Education, St. Petersburg State Pedagogical University. 2014. S. 138–140.
12. Lekanova E.V. Criteria and structure of the subject of family law // Socio-legal notebook. 2020. No. 10. S. 134–155.
13. Meyer D.I. Russian civil law. In 2 parts: According to the corrected and supplemented 8th edition, 1902, Part 2 / Editorial staff: Em V.S., Kozlova N.V., Korneev S.M., Kulagina E.V., Pankratov P.A., Sukhanov E.A. – M.: Statute, 1997. – 455 p.

14. Muratbaeva K. To the question of the concept, subject and method of family law as an industry in the Kyrgyz Republic // Science and new technologies. 2014. No. 6. S. 82–85.
15. Nechaeva A.M. Family Law: Actual Problems of Theory and Practice. – M.: Yurayt-Izdat., 2007. – 280 p.
16. Pankova K.V. The subject and method of family law // Young scientist. 2014. No. 4. S. 864–866.
17. Postnikov R.T., Mukhametshin A.G. Family law as an independent branch of science // Alley of Science. 2020. Volume 1. No. 9. S. 439–442.
18. Rabets A.M. At the origins of the formation and development of the modern theory of family law // Family and housing law. 2018. No. 5. S. 20–23.
19. Sverdlov G.M. Soviet family law. Textbook. – M.: Gosjurizdat, 1958. – 299 p.
20. Soviet family law. Textbook / Belyakova A.M., Ryasentsev V.A., Yakovlev V.F.; Ed.: Ryasentsev V.A. – M.: Yurid. lit., 1982. – 256 p.
21. Modern family law in Russia and trends in its development: theory and practice // All-Russian Scientific and Practical Conference. Collection of abstracts based on the results of the All-Russian Scientific and Practical Video Conference, May 22, 2018 / Ed. ed. I.V. Bakaeva, V.E. Streglo. – M., 2018. – 133 p.
22. Tamrazyan S.S., Yakhiyev I. Sh. On the subject of family law // Modern science: key problems and innovative developments. Materials of the All-Russian scientific-practical conference. 2019. S. 96–98.
23. Khaletskaya T.M. On the relationship between the subjects of family and civil law // Actual problems of civil law. 2019. No. 1–2. pp. 86–94.
24. Chudesova N.O. On the issue of determining the object of family legal relations and the subject of family law // Collection of scientific works of teachers, undergraduates and graduate students of the Faculty of Law of the SF MGPU. Issue 2. – Samara, 2018. S. 130–132.
25. Yakushev P.A. Autonomy of family relations and civil process // Bulletin of the civil process. 2021. V. 11. No. 1. S. 277–293.

О некоторых отличиях состава преступления от административного правонарушения по делам о порче земли

Собольк Владимир Михайлович,

аспирант Московской академии Следственного комитета
Российской
E-mail: vladimir_sobolyk@mail.ru

Практика правоприменения свидетельствует, что довольно часто возникает проблема разграничения преступления, за которое устанавливается ответственность нормами ст. 254 УК РФ, от иных составов преступления и от административных правонарушений. Автор полагает, что основное отличие преступления, предусмотренного ст. 254 УК РФ, от административных правонарушений, состав которых закреплён нормами ст.ст. 8.3. и 8.6. КоАП РФ, заключается в том, что в составе последних исключаются последствия в виде причинения вреда здоровью человека и вреда окружающей среде. Кроме того, автор определяет разграничение данных противоправных деяний средствами их совершения. В статье проводится анализ статистических данных и эмпирического материала, которые позволяют определить проблематику разграничения уголовно-наказуемого деяния от административного правонарушения. В заключении сделан вывод о необходимости формирования единообразной правоприменительной практики по ч. 1 ст. 254 УК РФ, а именно дополнением действующей редакцию стоимостной характеристикой размера вреда, причиненного окружающей среде в результате порчи земли, в которой рекомендуемый размер вреда предлагается назвать «значительным».

Ключевые слова: преступление, административное правонарушение, порча земли, загрязнение, отравление, окружающая среда, экология, квалификация преступления.

Помимо действующих норм Основного закона страны – Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) и положений федерального законодательства, правоприменительная практика опирается на достаточно большое количество норм, охраняющих окружающую среду от преступных посягательств. Так, в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), законодательно закреплён перечень экологических преступлений, которым всецело посвящена глава 26 названного выше кодифицированного акта. При этом, преступления связанные с порчей земли, квалифицируются по ст. 254 УК РФ.

Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) содержит нормы, предусматривающие ответственность за административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования, такие как нарушение правил обращения с пестицидами и агрохимикатами (ст. 8.3. КоАП РФ) и порча земель (ст. 8.6. КоАП РФ). При этом под порчей земель понимается самовольное снятие или перемещение плодородного слоя почвы, уничтожение плодородного слоя почвы, а равно порча земель в результате нарушения правил обращения с пестицидами и агрохимикатами или иными опасными для здоровья людей и окружающей среды веществами и отходами производства и потребления. Нормы, предусмотренные в ст. 8.6. КоАП РФ, являются специальными по отношению к нормам, предусмотренным в ст. 8.3. КоАП РФ, и при конкуренции норм применяются именно они.

В отличие от норм ст. 254 УК РФ, характеризующейся тем, что по данной категории дел осуждено небольшое число лиц, соответственно латентность такого преступления чрезвычайно высока (таблица 1), норма ст. 8.3. КоАП РФ достаточно широко используется на практике.

В случае, когда возникают проблемы в разграничении уголовно наказуемого деяния и административного проступка выясняются все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 254 УК РФ, наступившие последствия противоправного деяния, размер нанесенного вреда и причиненного ущерба. Основное отличие преступления – порча земли, предусмотренного ст. 254 УК РФ, от административных правонарушений, предусмотренных ст. 8.3. и 8.6. КоАП РФ, состоит в том, что в их составе отсутствуют последствия в виде причинения вреда здоровью человека и окружающей среде либо причинения смерти по неосторожности, которые являются обязательными элементами объективной

стороны состава преступления – порча земли. Состав правонарушения, предусмотренного ст. 8.3 КоАП РФ, включает только создание угрозы причи-

нения вреда окружающей среды ст. 8.6 КоАП РФ, хотя и является материальным, включает в себя в качестве последствий только порчу земли.

Таблица 1. Сводные статистические сведения о состоянии преступлений, совершенных по ст. 254 УК РФ [10]

Год	Осужде-но	Оправда-но	Лишены сво-боды	Условное лишения свободы	Ограничение свободы	Штраф	Исправи-тельные работы	Обязатель-ные работы	Принуди-тельные ме-ры к невме-няемым
Статья 254 часть 1 УК РФ									
2016	1	0	0	0	0	0	1	0	0
2017	2	0	0	0	0	1	1	0	0
2018	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2019	2	0	0	0	0	1	0	0	2
2020	6	0	0	0	0	6	0	0	0
2021	4	0	0	1	0	3	0	0	0
Статья 254 часть 2 УК РФ									
2016	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2017	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2018	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2019	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2020	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2021	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Статья 254 часть 3 УК РФ									
2016	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2017	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2018	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2019	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2020	0	0	0	0	0	0	0	0	0
2021	0	0	0	0	0	0	0	0	0

При квалификации деяний об экологических правонарушениях следует руководствоваться положениями гражданского, административного, уголовного и иного отраслевого законодательства, в том числе положениями Земельного, Лесного, Водного кодексов Российской Федерации, Федерального закона «Об охране окружающей среды», другими законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и ее субъектов в области охраны окружающей среды и природопользования. Необходимо выяснять, какими нормативными правовыми актами регулируются соответствующие экологические правоотношения, в чем непосредственно выразились их нарушения со ссылкой на конкретные нормы (пункт, часть, статья). При этом следует отграничивать экологические преступления от экологических проступков, то есть виновных противоправных деяний, причиняющих вред окружающей природной среде и здоровью человека, за которые установлена иная ответственность.

Кроме того, средства совершения правонарушения, предусмотренного ст. 8.3 КоАП РФ, в отличие от состава преступления «порча земли» ограничены только пестицидами и агрохимикатами.

Так, в 2015 году Управлением Россельхознадзора по г. Москва, Московской и Тульской областям при проведении проверки в отношении ООО «Управляющее предприятие», являющегося арендатором земельных участков, был выявлен факт порчи земель сельскохозяйственного назначения, расположенных в Тепло-Огаревском районе Тульской области: в результате нарушения правил обращения с опасными для здоровья людей и окружающей среды веществами, а именно, осуществлялся отвод сточных вод с очистных сооружений поселка Теплое. Содержание потенциально опасных для человека микробиологических организмов в почве превышало предельно допустимые концентрации.

По факту порчи земель постановлением Центрального районного суда города Тулы, в силу ч. 2 ст. 8.6 КоАП РФ, ООО «Управляющее предприятие» было привлечено к административной ответственности. В качестве наказания был назначен штраф в размере 40 тысяч рублей.

Для устранения нарушений Управление Россельхознадзора с 2015 по 2018 годы неоднократно выдавало ООО «Управляющее предприятие» предписания с требованием принять меры по недо-

пущению негативного воздействия деятельности по удалению сточных вод на почву; провести рекультивацию загрязненных земельных участков.

Предписания систематически не исполнялись, в результате чего, основываясь на положениях чч. 25 и 26 ст. 19.5 КоАП РФ, по фактам неисполнения предписаний постановлениями мировых судов в 2016, 2017 годах ООО «Управляющее предприятие» вновь было привлечено к административной ответственности.

В октябре 2020 года Управление Россельхознадзора в целях взыскания вреда в размере 33,5 миллионов рублей, причиненного объекту охраны окружающей среды – почвам, и проведении рекультивации загрязненных земельных участков обратилось в Арбитражный суд Тульской области с иском заявлением к ООО «Управляющее предприятие». 16 ноября 2020 года указанный суд вынес решение по делу, которым иски требования к ООО «Управляющее предприятие» о взыскании вреда, причиненного почвам, были удовлетворены. Арбитражным судом Тульской области вынесено решение по иску Управления Россельхознадзора по городу Москва, Московской и Тульской областям вынесено решение взыскать с ООО «Управляющее предприятие» в бюджет муниципального образования Тепло-Огаревский район возмещение вреда в размере 33,5 миллионов рублей, а также возложил на ООО «Управляющее предприятие» обязанность провести рекультивацию загрязненных земельных участков [8]. Надзор за безопасным обращением с пестицидами и агрохимикатами, проведением фитосанитарного мониторинга состояния земель любого целевого назначения и складских помещений отнесен к полномочиям Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор) [7].

Проблема применения предписаний, установленных ч. 1 ст. 254 УК РФ «Порча земли» активно обсуждается на страницах юридической печати на протяжении достаточно длительного периода времени, но несмотря на аргументированные предложения ученых-исследователей [4] по приданию данной статье надлежащей конкретизации параметров величины вреда, причиняемого окружающей среде в результате отравления, загрязнения или иной порчи земли вредными продуктами хозяйственной или иной деятельности вследствие нарушения правил обращения с удобрениями, стимуляторами роста растений, ядохимикатами и иными опасными химическими или биологическими веществами при их хранении, использовании и транспортировке, позволяющая правоприменителю без затруднений отграничить уголовную ответственность от административной за правонарушения подобного же рода, предусмотренную ст. 8.6 КоАП РФ, по настоящее время не установлена. Как следствие из-за отсутствия конкретизированной законодательной позиции по данному вопросу продолжает формироваться противоречивая судебная практика [5].

Причина сложившейся ситуации видится в объективной сложности регулируемой сферы общественных отношений, в рамках которых предложить универсальный вариант редакции ч. 1 ст. 254 УК РФ на все случаи потенциально возможных обстоятельств различных видов загрязнения не только самой почвы, но и других объектов окружающей среды, безусловно, представляется непростой задачей. Следует отметить, что и по большинству других уголовных статей экологической направленности, объединенных гл. 26 УК РФ отмечаются подобного же свойства проблемы. Объективности ради, необходимо признать, что за последние годы законодатель последовательно стремится разрешить указанную правовую проблему, переходя от оценочных критериев «существенного» и (или) «значительного» вреда (ущерба), причиненного объектам окружающей природной среды к конкретным стоимостным величинам в денежном выражении.

Как представляется, одним из недостатков действующей редакции ч. 1 ст. 254 УК РФ следует признать отсутствие степени вредоносности причиненного различными видами отравлений, загрязнений или иных видов негативных воздействий на землю, повлекшие причинение вреда окружающей среде, что усиливает противоречивость толкования данной нормы.

Кроме того, в правоприменительной практике встречаются факты, когда возбуждаются уголовные дела за так называемый «производственный след» порчи земли, который может произойти, например, при технологической аварии, возникшей при поломке агрегатов во время внесения минеральных удобрений, обработке посевов гербицидами и образованием на месте технической поломки пятна отравленной почвы. Возникает резонный вопрос: как квалифицировать данное деяние? Лабораторный анализ взятых проб почвы с этого пятна земельного участка, безусловно, подтвердит многократное превышение ПДК содержания в почве вредных веществ, что дает формальные основания квалифицировать данный факт как уголовное деяние, поскольку вред окружающей среде причинен, а его величина действующей редакцией ч. 1 ст. 254 УК РФ носит оценочный характер. Не содержит указанная норма ни критериев по кратности допустимых превышений ПДК, ни установленных величин по площади земель, подвергшихся такому загрязнению от общей обрабатываемой площади. Оценочная формулировка по причинению вреда окружающей среде без конкретизации его величины (существенной или значительной) нуждается в надлежащих разъяснениях высших судебных инстанций. В значительной степени разрешению указанной правовой коллизии способствовало Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 года [6], в материалах которого дается разъяснение положений ст. 247 УК РФ, регулирующих смежные со ст. 254 УК РФ отношения, возникающие в результате нарушений правил обращения экологически опасных

веществ. В указанном выше Постановлении Верховный Суд разъяснил, что под уголовным деянием, возникающим при нарушении требований обращения экологически опасных веществ следует считать такую величину причинения существенно для окружающей среды вреда, которая может представлять опасность для здоровья или жизни человека (абз. 4 п. 6). Однако редакция ч. 1 ст. 254 УК РФ не содержит в отличие от ст. 247 УК РФ указания на величину причиненного вреда окружающей среде как существенного, что и порождает трудности по разграничению уголовной ответственности от административной за порчу земли.

Поэтому учитывая указанные выше аспекты, целесообразно в приведенном в ч. 1 ст. 254 УК РФ перечне негативных воздействий на землю, приведших к порче земли, применять только термин «отравление», а «загрязнение» использовать непосредственно в ст. 8.6 КоАП РФ, тем самым отразить отличительную характеристику уголовного деяния от административного проступка, поскольку смысловое значение термина «отравление земли» изначально указывает о факте наличия именно критической степени того или иного вида загрязнения, в данном случае – обусловленном нарушением правил безопасного обращения с гербицидами, инсектицидами и иными и ядохимикатами.

Важно также отметить, что факт порчи земли может произойти не только в процессе непосредственного использования в сельскохозяйственных технологиях различных химических средств и препаратов. В данном случае поддержке подлежит предложение М.А. Игнатовой и О.А. Кузнецовой [4] о целесообразности дополнения действующей редакции ч. 1 ст. 254 УК РФ в части расширения перечня действий, совершаемых при обращении с минеральными удобрениями, средствами защиты растений, стимуляторами роста и иными ядохимикатами, нарушение которых привело (может привести) к порче земли в виде не только их использования, хранения и транспортировки, но также и захоронения. Данная рекомендация объективно необходима, поскольку практика подтверждается многочисленными фактами, когда через какой-то промежуток времени применяемые в сельскохозяйственном производстве химические препараты начинают накапливаться в организме животных и даже человека в концентрациях, способных вызывать развитие тяжелых заболеваний, что обуславливает необходимость государственного реагирования в виде запрета их дальнейшего производства и обеспечения надлежащей утилизации или захоронения.

Следует отметить, что специальный Федеральный закон от 19.07.1997 № 109-ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и ядохимикатами» предусматривает полноценный перечень действий, составляющих цикл обращения указанных средств. Хотя в ст. 1 указанного выше закона и не приводится легального определения самого правового понятия «обращения пестицидов и ядохимикатов», но, тем не менее законодатель подробно в тексте

закона раскрывает содержание полного цикла действий, включая разработку, производство, реализацию, хранение, транспортировку, применение, обезвреживание, утилизацию, уничтожение, захоронение, при ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из страны пестицидов и агрохимикатов.

В связи с отмеченным дефектом в части содержания перечня действий, связанных с обращением ядохимикатов, нарушения установленных требований, по соблюдению которых может стать причиной порчи земли, имеет смысл дополнить текущую редакцию ч. 1 ст. 254 УК РФ не только термином при их «захоронении», но также и при «обезвреживании, утилизации и уничтожении». Данное дополнение, позволит частично устранить существующие коллизии правового регулирования указанной сферы общественных отношений.

На необходимость захоронения пестицидов и ядохимикатов в случае запрета их применения или утраты товарных качеств в частности указывает ст. 24 специального Федерального закона от 19.07.1997 «О безопасном обращении с пестицидами и ядохимикатами». Случаи таких запретов на дальнейшее использование в сельскохозяйственном производстве различных ядохимикатов возникали периодически на всем протяжении истории их применения. Одним из наиболее известных примеров явился запрет на применение инсектицида ДДТ, высокая эффективность действия которого позволяла успешно бороться с опасными вредителями сельскохозяйственных культур в 60–70-е годы двадцатого столетия. Но в 1973 году по решению государственной межведомственной комиссии во главе с Минздравом СССР данный инсектицид был запрещен к дальнейшему производству и использованию в сельском хозяйстве по причине выявленных фактов накопления в организме человека в концентрациях, способных вызывать развитие онкологических заболеваний. Оставшиеся на складах заводов, где их производили, а также в колхозах и совхозах, значительные объемы опасного дуста подлежали обязательной утилизации или захоронению. В Нижегородской (ранее – Горьковской) области было принято решение о централизованном захоронении оставшихся запасов ДДТ в специально построенном под эти цели хранилище. Место под возведение хранилища было выбрано в пойме реки Керженец Семеновского района. Через три года с момента захоронения в р. Керженец полностью исчезли раки (индикаторы чистоты воды). По прошествии длительного времени (в начале 2000-ых годов) с момента захоронения опасного дуста были проведены почвенные обследования сельскохозяйственных угодий, примыкающих к водоохранной зоне р. Керженец, расположенных ниже по течению от места захоронения ДДТ. Результаты лабораторных анализов отобранных почвенных проб выявили превышения ПДК содержания в почве данного химического препарата [9]. Приведенный пример наглядно показывает негативные последствия ненадлежащего захоронения опасных химических веществ и препаратов, спо-

собных на протяжении длительного времени оставаться причиной порчи не только земель, но и иных природных ресурсов и объектов (в приведенном примере – гибель водного биоразнообразия).

В целях формирования единообразной правоприменительной практики по ч. 1 ст. 254 УК РФ рациональным является дополнить действующую редакцию стоимостной характеристикой размера вреда, причиненного окружающей среде в результате порчи земли в размере 1 млн руб. Рекомендуемый размер вреда предлагаю назвать «значительным». При этом в целях защиты публичных интересов, действие предложенного дополнения можно будет считать достаточным только в отношении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, поскольку у частного земельного собственника возникновение такой ситуации маловероятно. В случае же возникновения подобной ситуации на земельном участке, находящемся в частной собственности, достаточно ограничиться увеличением размера административного штрафа (ст. 8.6 КоАП РФ), а в случае неисполнения предписаний земельного надзора по приведению земельного участка в надлежащее состояние применять судебную меру по принудительному прекращению права собственности по основанию нерационального использования земли.

Подводя итог, отметим, что основное отличие преступления – порча земли, предусмотренного ч. 1 ст. 254 УК РФ, от административных правонарушений, предусмотренных ст. ст. 8.3. и 8.6. КоАП РФ, состоит в том, что в их составе отсутствуют последствия в виде причинения вреда здоровью человека и окружающей среде, которые являются обязательными элементами объективной стороны состава преступления. Состав правонарушения, предусмотренного ст. 8.3. КоАП РФ, включает только создание угрозы причинения вреда окружающей среде, а состав правонарушения, предусмотренного ст. 8.6. КоАП РФ, хотя и является материальным, включает в себя в качестве последствий только порчу земли. В составе правонарушения, предусмотренного ст. 8.3. КоАП РФ, средства его совершения, в отличие от состава преступления – порча земли, ограничены только пестицидами и агрохимикатами, а способы обращения с пестицидами и агрохимикатами, наоборот, не ограничены никакими пределами и охватывают все способы обращения с этими веществами, а не только их хранение, транспортировку и использование, как это предусмотрено в ч. 1 ст. 254 УК РФ. Средства и способы совершения правонарушения – порча земель, предусмотренного ст. 8.6. КоАП РФ, значительно шире по объему средств и способов совершения порчи земли как преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 254 УК РФ, и включают самовольное снятие или перемещение либо уничтожение плодородного слоя почвы, а равно порчу земель отходами производства и потребления. В составе преступления – порча земли эти средства и способы порчи земель не предусмотрены.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – № 144.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – ст. 2954.
3. Игнатова М.А., Кузнецова О.А. О разграничении условий уголовной и административной ответственности за порчу земли // Российский следователь. – 2018. – № 8. – с. 55–59; Диденко К.В., Руднев Д.Н., Пятков Л.С. Уголовно-правовая охрана земли от порчи // Российский следователь. – 2015. – № 7. – с. 31–34.
4. Игнатова М.А., Кузнецова О.А. О разграничении условий уголовной и административной ответственности за порчу земли // Российский следователь. – 2018. – № 8. – с. 55–59.
5. Кассационное определение четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11.12.2019 № 7У-410/2019; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.06.2018 № Ф04–2198/2018 по делу № А45–29270/2017; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.09.2018 № Ф09–5546/17 по делу № А60–56285/2016; Апелляционное определение Новгородского областного суда от 06.06.2018 по делу № 33–1348/2018; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 14.05.2018 № Ф09–2554/18 по делу № А60–48551/2017; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.04.2018 № Ф09–1025/18 по делу № А34–544/2017 // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Пленума ВС РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // СПС КонсультантПлюс.
7. Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 327 (ред. от 19.06.2021) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по ветеринарному и фитосанитарному надзору» // Российская газета, № 150, 15.07.2004.
8. Решение по иску Управления Россельхознадзора по городу Москва, Московской и Тульской областям о возмещении вреда, причиненного почвам // Электронный ресурс: <https://fsvps.gov.ru/fsvps/news/38568.html> (дата обращения 19.10.2021).
9. Румянцев Ф.П. О некоторых проблемах применения ч. 1 ст. 254 УК РФ «Порча земли» // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 7 (187). – С. 140–142.
10. Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // <http://stat.xn——7sbqk8achja>.

ABOUT SOME DIFFERENCES BETWEEN THE CORPUS DELICTI AND AN ADMINISTRATIVE OFFENSE IN CASES OF LAND DAMAGE

Sobolyk V.M.

Moscow Academy of the Investigative Committee of Russian Federation

Abstract: The practice of law enforcement shows that quite often there is a problem of distinguishing the crime for which responsibility is established by the norms of Article 254 of the Criminal Code of the Russian Federation from other elements of the crime and from administrative offenses. The author believes that the main difference between the crime provided for in Article 254 of the Criminal Code of the Russian Federation from administrative offenses, the composition of which is fixed by the norms of Articles 8.3. and 8.6. of the Administrative Code of the Russian Federation is that the latter exclude consequences in the form of harm to human health and harm to the environment. In addition, the author defines the distinction between these illegal acts by means of their commission. The article analyzes statistical data and empirical material, which allow us to determine the problem of distinguishing a criminally punishable act from an administrative offense. In conclusion, it was concluded that it is necessary to form a uniform law enforcement practice under Part 1 of Art. 254 of the Criminal Code of the Russian Federation, namely, by supplementing the current version with the cost characteristic of the amount of damage caused to the environment as a result of damage to the land, in which the recommended amount of damage is proposed to be called “significant”.

Keywords: crime, administrative offense, land pollution, contamination, nitrification, environment, ecology, qualification of the crime.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with changes approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // Rossiyskaya Gazeta. – 2020. – No. 144.
2. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on February 24, 2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.

3. Ignatova M.A., Kuznetsova O.A. On the delimitation of the conditions of criminal and administrative liability for damage to the land // Russian investigator. – 2018. – No. 8. – p. 55–59; Didenko K.V., Rudnev D.N., Pyatkov L.S. Criminal law protection of land from damage // Russian investigator. – 2015. – No. 7. – p. 31–34.
4. Ignatova M.A., Kuznetsova O.A. On the delimitation of the conditions of criminal and administrative liability for damage to the land // Russian investigator. – 2018. – No. 8. – p. 55–59.
5. Cassation ruling of the fourth cassation court of general jurisdiction dated December 11, 2019 No. 7U-410/2019; Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated June 14, 2018 No. F04–2198/2018 in case No. A45–29270/2017; Resolution of the Arbitration Court of the Urals District dated September 4, 2018 No. F09–5546/17 in case No. A60–56285/2016; Appeal ruling of the Novgorod Regional Court dated 06/06/2018 in case No. 33–1348/2018; Resolution of the Arbitration Court of the Urals District dated May 14, 2018 No. F09–2554/18 in case No. A60–48551/2017; Resolution of the Arbitration Court of the Urals District dated April 20, 2018 No. F09–1025/18 in case No. A34–544/2017 // ATP ConsultantPlus.
6. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 18, 2012 No. 21 “On the application by courts of legislation on liability for violations in the field of environmental protection and nature management” // SPS ConsultantPlus.
7. Decree of the Government of the Russian Federation of June 30, 2004 No. 327 (as amended on June 19, 2021) “On approval of the Regulations on the Federal Service for Veterinary and Phytosanitary Surveillance” // Rossiyskaya Gazeta, No. 150, July 15, 2004.
8. Decision on the claim of the Office of the Rosselkhoz nadzor for the city of Moscow, Moscow and Tula regions for compensation for damage caused to soils // Electronic resource: <https://fsvps.gov.ru/fsvps/news/38568.html> (accessed 19.10.2021).
9. Rummyantsev F.P. About some problems of application of Part 1 of Art. 254 of the Criminal Code of the Russian Federation “Spoilage of the Earth” // Law and State: Theory and Practice. – 2020. – No. 7 (187). – S. 140–142.
10. Judicial statistics of the Russian Federation. Criminal litigation. Data on the imposed punishment under the articles of the Criminal Code // <http://stat.xn——7sbqk8achja.xn – p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (date of access: 05/25/2022)

Отдельные аспекты разработки и применения программного комплекса оценки знаний государственных служащих по вопросам противодействия коррупции

Омельченко Татьяна Александровна

старший преподаватель кафедры информационных систем и математического моделирования Волгоградского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

E-mail: omelchenko-ta@ranepa.ru

Астафурова Ольга Анатольевна,

кандидат технических наук, заведующий кафедрой информационных систем и математического моделирования Волгоградского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

E-mail: astoa@vlgr.ranepa.ru

Кулагина Ирина Ивановна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры информационных систем и математического моделирования Волгоградского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

E-mail: kulagina-ii@ranepa.ru

В статье рассмотрена проблема влияния коррупционных преступлений на различные институты общества. Являясь дестабилизирующим фактором, коррупционные процессы оказывают существенное негативное воздействие на экономическое развитие регионов, подрывают доверие населения к власти и в значительной степени препятствуют стабильному развитию и эффективному функционированию органов государственного управления. Для решения проблемы коррупции необходим комплексный подход, основной целью которого, на наш взгляд, является совершенствование профилактической деятельности по повышению общего уровня юридической грамотности и правового просвещения государственных гражданских служащих. Одним из направлений при реализации предложенного подхода стало создание и последующее внедрение программного комплекса оценки знаний государственных служащих по вопросам противодействия коррупции, являющегося частью информационно-аналитической системы противодействия коррупции. Результаты полученные в ходе апробации разработанного программного комплекса и всей системы в целом показали повышение общего уровня юридической грамотности сотрудников в вопросах противодействия коррупции.

Ключевые слова: образование, противодействие коррупции, информационные технологии, информационные системы, комплексы программ, государственные служащие.

Общепризнано, что проблема коррупции представляет серьезную угрозу стабильному развитию и эффективному функционированию органов государственного управления. Коррупционные процессы происходящие в обществе способны подорвать доверие населения к власти и существенно замедлить экономические процессы в регионах. Эта проблема носит в достаточной степени специфический характер, так как для ее решения недостаточно ограничиться лишь усовершенствованием законодательной базы и увеличением потока денежных средств. Все выше изложенное обуславливает острую необходимость применения комплексных мер, направленных, в первую очередь, на совершенствование профилактической деятельности по повышению общего уровня юридической грамотности и правового просвещения государственных гражданских служащих.

Одним из ключевых факторов, определивших новизну проведенного исследования является попытка применения системного и, что немало важно, практико-ориентированного подхода к рассмотрению института противодействия коррупции. В результате рассмотрения различных аспектов деятельности данного института были выявлены определенные недостатки правового обеспечения при реализации процедуры запретов и ограничений и изложены предложения по устранению обнаруженных проблем [1]. Таким предложением, в частности, стало внедрение новейших информационных технологий для проведения профилактических работ в вопросах противодействия коррупции.

Идея применения информационных технологий для разработки и внедрения теоретических и методологических основ практико-ориентированной информационной среды, направленной на приобретение знаний, умений и навыков по противодействию коррупции, нашла свое отражение в разработанной информационно-аналитической системе (ИАС) противодействия коррупции, одной из составляющих которой является программный комплекс оценки знаний государственных служащих по вопросам противодействия коррупции.

Работа программного комплекса обеспечивается за счет поддержки клиент-серверной архитектуры. Серверная часть программного комплекса позволяет выполнять функции централизованного администрирования и осуществляет комплекс работ по автоматической обработке результатов взаимодействия автономного клиентского модуля программного комплекса и сервера.

Программное обеспечение серверной компоненты благодаря модулю аутентификации учетных записей администраторов ведет постоянный контроль сбора параметров аутентификации и поиска эталонных параметров, хранящихся в базах данных [2]. Полученные совпадения по базе, в случае успешной аутентификации, или же их отсутствие в противном случае являются ключевой информацией, которая в дальнейшем направляется в модуль взаимодействия с учетными записями администраторов – предоставляющий учетным записям администраторов право на доступ к функциональным возможностям следующих модулей: модулю управления учетными записями администраторов, модулю управления учетными записями пользователей, модулю получения и формирования общих данных по тестам, модулю анализа данных.

Модуль управления учетными записями администраторов осуществляет добавление, изменение, удаление учетных записей администраторов и их настроек. Схожим перечнем функций обладает модуль управления учетными записями пользователей. Среди его основных возможностей добавление, изменение, удаление пользователей и отдельных параметров учетных записей.

Модуль получения и формирования общих данных по тестам в соответствии с параметрами, полученными от модуля взаимодействия с учетными записями администраторов формирует запрос, и передает его к базе данных, обрабатывает полученный результат запроса и возвращает его модулю взаимодействия с учетными записями администраторов в подготовленном к отображению формате.

Модуль анализа данных проводит расчет статистических параметров на основании данных, полученных средствами модуля взаимодействия с базой данных серверной компоненты. Результаты обработки данных и расчеты по ним передаются на модуль взаимодействия с учетными записями администраторов.

Модуль сетевого взаимодействия серверной компоненты в фоновом режиме осуществляет прослушивание сетевых интерфейсов для захвата сетевых пакетов и их фильтрации по специальным заголовкам идентифицирующих служебный протокол данной системы и передает полученные данные на модуль обработки сетевых запросов к данным.

Модуль обработки сетевых запросов к данным принимает данные от модуля сетевого взаимодействия серверной компоненты, классифицирует тип задачи, поступившей от удаленного клиента, выполняет соответствующую задаче обработку и формирует запрос к базе данных. Результаты запросов на этом этапе проходят процедуру сериализации и передаются в модуль сетевого взаимодействия серверной компоненты для последующей обратной отправки клиенту.

Модуль взаимодействия с базой данных серверной компоненты предназначен для взаимодействия всех модулей серверной компоненты с базой данных [2].

Модуль взаимодействия с учетными записями администраторов использует графические средства взаимодействия с учетными записями администраторов для реализации интерфейса между ними и всеми модулями серверной части.

Клиентское приложения отвечает за организацию рабочего пространства пользователя автоматизированного устройства путем предоставления ему необходимых программно-аппаратных средств для выполнения поставленных задач, сбора информации об их выполнении и передачи этой информации между составными частями автоматизированного устройства. Принцип работы клиентской компоненты следующий: модуль аутентификации осуществляет сбор параметров аутентификации средствами модуля взаимодействия с пользователем клиентской компоненты, выполняет поиск эталонных параметров в базе данных серверной компоненты – посредством прохождения запросов и ответов по следующей цепочке модулей: от модуля сетевого взаимодействия клиентской компоненты, к модулю сетевого взаимодействия серверной компоненты, далее, к модулю обработки сетевых запросов к данным, и к модулю взаимодействия с базой данных серверной компоненты и локально в базе данных клиентской компоненты посредством установленной связи с модулем взаимодействия с базой данных клиентской компоненты.

По результатам работы модуля аутентификации модуль взаимодействия с пользователем клиентской компоненты предоставляет пользователю право на доступ к функциональным возможностям следующих модулей: модуля работы с текстовым контентом, модуля работы с видео контентом, модуля тестирований.

Модуль работы с текстовым контентом загружает и передает данные текстового контента и данные средств, обеспечивающих его просмотр в модуль взаимодействия с пользователем клиентской компоненты.

Модуль работы с видео контентом загружает и передает данные видео контента и данные средств, обеспечивающих его просмотр в модуль взаимодействия с пользователем клиентской компоненты.

Модуль тестирований согласно запросу от модуля взаимодействия с пользователем клиентской компоненты запускает алгоритм тестирования пользователя по одной из авторских методик, и инициализирует выполнение следующих действий: прием необходимых данных из модуля взаимодействия с базой данных клиентской компоненты, передачу данных вопросов к модулю взаимодействия с пользователем клиентской компоненты и обработку полученных ответов. По завершении алгоритмов тестирований данные итогового результата передаются в модуль взаимодействия с базой данных клиентской компоненты по следующей цепочке модулей: от модуля сетевого взаимодействия клиентской компоненты, к модулю сетевого взаимодействия серверной компоненты, далее к модулю обработки сетевых запросов

к данным, в модуль взаимодействия с базой данных серверной компоненты.

Модуль сетевого взаимодействия клиентской компоненты реализует обработку, подготовку и упаковку данных и последующую отправку их по сети к серверной компоненте на модуль сетевого взаимодействия серверной компоненты. Модуль взаимодействия с базой данных клиентской компоненты предназначен для взаимодействия всех модулей клиентской компоненты с локальной базой данных. Модуль взаимодействия с пользователем клиентской компоненты использует графические средства взаимодействия с пользователем для реализации интерфейса между ним и всеми модулями клиентской компоненты.

Применение технология систем управления базами данных позволило обеспечить постоянное хранение, обращение и изменение информации по тестам, всей информации о пользователях ИАС, результатов тестирований и обучения (с указанием даты последнего прохождения определенного теста или урока и занесением в отчеты, являющиеся аналогами журналов, которые ведут кадровые подразделения органов власти и отделы по профилактике и противодействию коррупции) [1].

Программная реализация ИАС и четырех тестирующих оболочек, внедренных в нее (разработанных на языке C# в среде разработки VisualStudio) предназначена для эксплуатации в операционных системах Windows 7 и Windows10. В перечень системных требований входит наличие двух основных компонентов: .NetFramework – обеспечивает функционирование разработанного программного продукта, и MSSQLLocalDB – обеспечивает взаимодействие с базами данных.

По запросам государственных органов, участвовавших в апробации ИАС, и в связи с тем, что большинство сотрудников во время пандемии коронавируса Covid-19 работало удаленно был разработан отдельный программный продукт, который позволяет автоматизировать оценку знаний государственных служащих по вопросам противодействия коррупции. Особенностью данного программного продукта является то, что кроме тестирующей оболочки на компьютер пользователя устанавливается база данных, в которую записываются результаты тестирования. Также для целей апробации ИАС была разработана и протестирована ее облегченная мобильная версия. Она позволила провести оценку знаний сотрудников в таких аспектах как соблюдение запретов, ограничений и требований к служебному поведению [3]. Доступность приложения для пользователей мобильных устройств определило наличие операционной системы семейства Android 6.0 и выше. Функциональные возможности мобильной версии ИАС позволяют осуществлять выгрузку тестовых вопросов из встроенной базы данных SQLite; автоматически формировать варианты тестов; получать, сохранять и обрабатывать полученные результаты посредством их сравнения с эталонными; формировать общие результаты тестирования и своевременно опове-

щать о них пользователей [4]. Программа написана в интегрированной среде разработки Visual Studio, на платформе Xamarin и языке C# с использованием встроенной базы данных SQLite.

Анализ различных информационных систем, функционирующих в антикоррупционной сфере и обеспечивающих деятельность органов исполнительной власти регионов Российской Федерации, проводимый в рамках исследования показал, что, ни одна из них не предполагает доступа к обучающим материалам и возможности контроля их усвоения [1], а значит, разработанная ИАС, и, в частности, программный комплекс оценки знаний государственных служащих по вопросам противодействия коррупции имеет возможность занять свою нишу среди информационно-аналитических систем применяемых в области подготовки и переподготовки государственных служащих. Построенная ИАС, при последовательном ее внедрении в деятельность подразделений по противодействию коррупции, способна автоматизировано осуществлять оценку знаний по вопросам владения государственными служащими основами антикоррупционного законодательства, по предоставлению сведений о доходах, аналитике психологического состояния, денежного поведения и его предпосылок, а также по изучению склонности должностных лиц к коррупции.

Литература

1. Астафурова, О.А. Концептуальная модель практико-ориентированной информационно-аналитической системы противодействия коррупции / О.А. Астафурова, А.С. Борисова, Т.А. Омельченко // Бизнес. Образование. Право. – 2019. – № 3(48). – С. 238–243. – DOI 10.25683/VOLBI.2019.48.348. – EDN LEFULA.
2. Голоманчук, Э.В. Методические особенности обучения служащих отдельным аспектам противодействия коррупции и перспективы цифровизации данного процесса / Э.В. Голоманчук, О.А. Астафурова, Т.А. Омельченко // Право и образование. – 2022. – № 10. – С. 28–36. – EDN DKSUDE.
3. Астафурова, О.А. Разработка программного средства оценки знаний государственных служащих по вопросам противодействия коррупции / О.А. Астафурова, Т.А. Омельченко, Э.В. Голоманчук // Безопасность информационных систем и технологий в условиях цифровой экономики: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Волгоград, 27–28 октября 2021 года / Редколлегия: О.А. Какорина, Ю.С. Бахрачева, Т.А. Попова. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2021. – С. 3–9. – EDN AXICLD.
4. Голоманчук, Э.В. Информационные технологии в противодействии коррупции: теория и практика внедрения / Э.В. Голоманчук, О.А. Астафурова // Безопасность в совре-

менном мире: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Волгоград, 17 февраля 2021 года / Отв. редактор С.А. Бондарева. – Волгоград: Волгоградский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2021. – С. 25–29. – EDN JWVKIB.

SOME ASPECTS OF THE DEVELOPMENT AND APPLICATION OF A SOFTWARE PACKAGE FOR ASSESSING THE KNOWLEDGE OF CIVIL SERVANTS ON ANTI-CORRUPTION ISSUES

Omelchenko T.A., Astafurova O.A., Kulagina I.I.

Volgograd Institute of Management – a branch of the federal state budgetary educational institution of higher education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation»

The article considers the problem of the influence of corruption crimes on various institutions of society. Being a destabilizing factor, corruption processes have a significant negative impact on the economic development of regions, undermine public confidence in the authorities and significantly hinder the stable development and effective functioning of public administration bodies. To solve the problem of corruption, an integrated approach is needed, the main purpose of which, in our opinion, is to improve preventive activities to increase the overall level of legal literacy and legal education of state civil servants. One of the directions in the implementation of the proposed approach was the creation and subsequent implementation of a software package for assessing the knowledge of civil servants on anti-corruption issues, which is part of the information

and analytical anti-corruption system. The results obtained during the testing of the developed software package and the entire system as a whole showed an increase in the overall level of legal literacy of employees in anti-corruption issues.

Keywords: education, anti-corruption, information technology, information systems, software packages, government employees.

References

1. Astafurova, O.A. Conceptual model of a practice-oriented information and analytical anti-corruption system / O.A. Astafurova, A.S. Borisova, T.A. Omelchenko // Business. Education. The right. – 2019. – № 3(48). – PP. 238–243. – DOI 10.25683/VOL-BI.2019.48.348. – EDN LEFULA.
2. Golomanchuk, E.V. Methodological features of employee training in certain aspects of anti-corruption and prospects for digitalization of this process / E.V. Golomanchuk, O.A. Astafurova, T.A. Omelchenko // Law and education. – 2022. – No. 10. – PP. 28–36. – EDN DKSUDE.
3. Astafurova, O.A. Development of a software tool for assessing the knowledge of civil servants on anti-corruption issues / O.A. Astafurova, T.A. Omelchenko, E.V. Golomanchuk // Security of information systems and technologies in the digital economy: Materials of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Volgograd, October 27–28, 2021 / Editorial Board: O.A. Kakorina, Y.S. Bakhracheva, T.A. Popova. – Volgograd: Volgograd State University, 2021. – pp. 3–9. – EDN AXICLD.
4. Golomanchuk, E.V. Information technologies in combating corruption: theory and practice of implementation / E.V. Golomanchuk, O.A. Astafurova // Security in the modern world: Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Volgograd, February 17, 2021 / Editor S.A. Bondareva. – Volgograd: Volgograd Institute of Management – branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation”, 2021. – pp. 25–29. – EDN JWVKIB.

Документы стратегического планирования как источник целеполагания в системе оценки устойчивости регионального развития с точки зрения эффективности деятельности государственных процедур и научных институтов

Разов Павел Викторович,

доктор социологических наук, профессор, профессор
Департамента социологии Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации
E-mail: PVRazov@fa.ru

Чернов Виталий Вениаминович,

кандидат социологических наук, доцент, научный сотрудник
Центра изучения и мониторинга эффективности мер
социально-экономической поддержки промышленности
и предпринимательства «Локомотивы роста» Финансового
университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: VVChernov@fa.ru

Гараганов Артур Владимирович,

доктор психологии, профессор, научный сотрудник
Центра изучения и мониторинга эффективности мер
социально-экономической поддержки промышленности
и предпринимательства «Локомотивы роста» Финансового
университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: arturcompany21@gmail.com

В статье представлен авторский подход к анализу документов стратегического планирования в нашей стране с точки зрения закрепленного в них целеполагания в оценке обеспечения устойчивости регионального развития. Обосновывается необходимость более полного внедрения программно-целевого подхода в построение системы оценки процесса устойчивости, а также соотнесения получаемых при этом результатов в государственном управлении на региональном уровне и в муниципальном управлении. Отдельно выделяются закрепленные в документах стратегического планирования требования к качеству используемых показателей, индикаторов, административных регламентов, а также норм исследования содержания и выраженности характеристик процесса устойчивого развития. Раскрыта авторская позиция учета эффективности государственных процедур и научных институтов, закрепленная в документах стратегического планирования, для оценки процесса устойчивого развития.

Ключевые слова: устойчивое региональное развитие, оценка процесса устойчивости, документы стратегического развития, целеполагание, эффективность деятельности, оценка деятельности органов власти, эффективность государственных процедур, научные институты.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Достижение устойчивости социально-экономического развития страны и ее регионов предполагает обеспечение достойного уровня жизни населения, что отвечает интересам местных сообществ [1; 3; 4]. В связи с этим концепция устойчивости вошла в качестве методологической основы в различные отрасли права, нормы, регулирующие функционирование правовых институтов и субинститутов.

В рамках реализации федеральных программ и проектов реализуется долгосрочная региональная экономическая стратегия устойчивого развития, подразумевающая максимально полное использование преимуществ цифровой экономики и укрепления государственных институтов поддержки региональных планов повышения благосостояния граждан, сохранения экологического равновесия, социально-экономического потенциала, оптимизации механизмов управления, что является сутью процессов развития субъектов Российской Федерации на основе принципов устойчивости.

Важной задачей регионального развития в современных условиях, характеризующихся санкционным давлением со стороны недружественных стран, является обеспечение социально-экономического развития. Ее выполнение производится на основе тщательного анализа ситуации, сложившейся в экономике региона и ее ключевых секторах, позволяющего определить степень ресурсной обеспеченности территории и, соответственно, реализовать управленческие решения, позволяющие обеспечить устойчивое региональное развитие. Базовые экономические цели региональной политики опираются на принципах устойчивого развития, заключающихся в сохранении природного богатства территории и достижение баланса экономических, социальных и экологических интересов.

Условия обеспечения качества жизни населения регионов включают также и сохранение экосистем региона, возобновление природно-ресурсного потенциала, использования механизмов активизации процессов освоения новых возможностей цифровой экономики.

Устойчивость регионального развития основывается на системном подходе и должно учитывать комплексность социально-экономических связей на его территории. При этом приоритеты устойчивого регионального развития определяются

не только органами власти, а также предпочтениями граждан как потребителей.

Формирование законодательной базы устойчивого регионального развития опирается на соответствующие политико-правовые условия функционирования народно-хозяйственного комплекса регионов, организации социальных связей в местных сообществах.

На первоначальном этапе государственная политика в области устойчивого развития опиралась на концепцию защиты окружающей среды, экологическую проблематику [7]. При этом отечественные документы стратегического планирования используют следующие термины определения компонентов устойчивого развития, подразумевая под ними – сопряженность, сбалансированность природы, населения, хозяйства [7].

При формировании концепции перехода к устойчивому развитию и включения ее в правовую базу регулирования этой области, правотворчество учитывало следующие принципы: а) развитие регионов на основе принципа «устойчивости» является условием устойчивого развития всей страны; б) этот процесс включает формирование пространственной экономики страны; в) целесообразно использовать региональные программы перехода к устойчивости; г) эти программы необходимо интегрировать в интересах достижения устойчивости на федеральном уровне; д) предусмотреть использования комплексных межрегиональных схем; е) документы федерального уровня должны включать в качестве ориентиров программные и прогнозные документы [7].

Устойчивое развитие, как социально-экономический феномен и объект научного исследования, включает взаимосвязанные понятия: потребности развития и возможности обеспечения его устойчивости [5; 6]. Исходя из подобного понимания, необходимо создавать условия для стабильного удовлетворения потребностей на конкретный момент времени, а также и в будущем, которые предполагают обеспечить: рациональное использование ресурсов; постоянное технологическое совершенствование; качество государственного и муниципального управления.

Понятийно-категориальный аппарат по проблемам регионального устойчивого развития находится в постоянном изменении, наполняясь новым смыслом в процессе социально-экономических изменений, трансформации механизмов государственного управления, появлением новых теоретических концепций функционирования экономики, общества, государства.

Отечественная научная школа постоянно обращалась к проблеме устойчивого развития, раскрывая ее отдельные аспекты. Наиболее известными являются концепции: «существования биосферы и ноосферы» (В.И. Вернадский); «русского космизма» (Н.Ф. Федоров) и другие.

Достаточно распространенной в научной среде является подход современного ученого и практика В.И. Данилова-Данильянца, который считает, что

устойчивое развитие имеют целью не навредить природе и развитию человека [2]. Имеются отечественные научные школы, которые преимущественно занимаются обоснованием показателей эффективности процессов регионального развития, использованием математико-статистического аппарата в модели оценки содержания этого процесса и другие).

Характерно, что нормы документов стратегического развития в нашей стране отражают позицию законодателей по необходимости согласования различных научных концепций:

а) сбалансировать все компоненты устойчивого развития (экологический, экономический, социальный);

б) достижение справедливого распределения доходов и целевая помощь социально уязвимым слоям населения (соотнесение экономических законов и принципов социально ориентированного государства);

в) необходимость стоимостной оценки затрат на устойчивое региональное развитие (соотнесение экологического и экономического подходов);

г) соблюдение прав будущих поколений (соотнесение экологических принципов и принципов социальной устройства жизни);

д) использование проектно-целевого подхода в государственном управлении процессами обеспечения национальной безопасности и устойчивости социально-экономического развития.

Характерной чертой современной правовой базы обеспечения устойчивого социально-экономического развития является органичное включения концепции устойчивости в систему обеспечения национальной безопасности. При этом понятийно-категориальный аппарат этих подходов имеет некоторые отличия. Так, переход к устойчивому развитию определяется такими нормами, как «сбалансированность», «природно-ресурсный потенциал», «благоприятная окружающая среда», «биосфера» и другими терминами доминирующей при создании документа экологической концепции [7]. Одновременно система обеспечения национальной безопасности оперирует понятиями «угроза», «опасность», «вызовы», «безопасность».

Организационно-технологическую основу учета регионального компонента устойчивого развития составляет совокупность норм этого документа, которые содержат требования: а) институциональные – необходимость формирования особого регионального хозяйственного механизма; б) природоохранные – санитарная очистка и рекультивация земель; в) медико-санитарные – оздоровление населения; г) ресурсные – повышение плодородия земель; д) индустриальные – совершенствование региональной промышленной системы [7].

Однако, достаточно интересным с точки зрения интеграции обоих подходов является норма о том, что переход нашей страны к устойчивому развитию как концепции характеризуется следующим образом: а) идеи устойчивого развития оказываются чрезвычайно созвучными традициям, духу

и менталитету России; б) они могут сыграть важную роль в консолидации российского общества; в) способствует определению государственных приоритетов; г) влияют на формулирование перспектив социально-экономических преобразований.

Это создает определенную системную правовую базу для дальнейшего сближения правового регулирования устойчивого регионального развития в системе обеспечения национальной безопасности в условиях санкций и недобросовестной конкуренции.

Законодателями нашей страны вводятся различные финансовые механизмы поддержки важнейших отраслей народного хозяйства Российской Федерации и обеспечения устойчивой работы предприятий этих отраслей [8] в современных условиях. К этим механизмам, в частности, относятся снижения ставок специального налога, отмена специальных налогов с отдельных категорий предприятий и другие.

Имеется практика законодательного регулирования в сфере устойчивого развития российской экономики в условиях кризисных ситуациях, в частности коронавирусной инфекции [9]. При этом неотложные меры отнесены к следующим сферам правоотношений: с обеспечением доставки обязательного экземпляра юридически значимых документов в отдельных случаях; с предоставлением дополнительных государственных пособий гражданам, имеющим детей и другие.

Наработанный опыт правового регулирования устойчивого развития в кризисных ситуациях помогает создать необходимый потенциал из представителей научных школ и административного персонала органов власти для быстрого и качественного реагирования в сходных условиях. Соответственно, создаются дополнительные условия для эффективной реализации государственных регламентов и функционирования научных институтов в области обеспечения устойчивого регионального развития.

Таким образом, важной задачей современного социально-экономического развития страны в условиях санкционной политики недружественных западных стран является обеспечение условий сохранения и реализация стратегии устойчивого развития страны и обеспечения на этой основе национальной безопасности.

Литература

1. Беленов О.Н. Политика социально-экономического развития регионов / О.Н. Беленов, Е.В. Мишон, Л.П. Пидоймо. – Воронеж: Воронежский межрегиональный институт общественных наук, 2002.
2. Данилов-Данильян, В.И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ // Экономика и математические методы / В.И. Данилов-Данильян. – 2003. – Том 39. – № 2. – С. 123–135.

3. Мишон Е.В. Резервы стратегического развития Воронежской области: социально-экономический аспект / Е.В. Мишон // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2009, № 22. – С. 47–55.
4. Николаева Н.А. Подходы к региональному развитию в общей концепции устойчивого развития внешнеэкономической деятельности // Высокие технологии, наука и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2021. С. 83–85.
5. Попков, В.В. Устойчивое экономическое развитие в условиях глобализации и экономики знаний: концептуальные основы теории и практики управления / В.В. Попков. – М.: Экономика, 2007. – 295 с.
6. Стрекалова Н. Д., Татарникова М.А., Фролова Н.Н. Демографическая политика в контексте устойчивого регионального развития // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 1. С. 281–294 и др.
7. Указ Президента РФ от 01.04.1996 N440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» / «Собрание законодательства РФ», 08.04.1996, N15, ст. 1572 / Документы-Правительство Российской Федерации. Электронный формат: [<http://government.ru/docs/all/17992/>]: Дата обращения 1 июля 2022 г.
8. Федеральный закон от 23 февраля 1995 г. № 25-ФЗ «О специальном налоге с предприятий, учреждений и организаций для финансовой поддержки важнейших отраслей народного хозяйства Российской Федерации и обеспечения устойчивой работы предприятий этих отраслей». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/> (Дата обращения: 02.04.2022).
9. Федеральный закон от 8 июня 2020 г. N166-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий распространения новой коронавирусной инфекции». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/74231523/paragraph/1:0> (Дата обращения: 02.04.2022).

STRATEGIC PLANNING DOCUMENTS AS A SOURCE OF GOAL-SETTING IN THE SYSTEM OF ASSESSING THE SUSTAINABILITY OF REGIONAL DEVELOPMENT FROM THE POINT OF VIEW OF THE EFFECTIVENESS OF STATE PROCEDURES AND SCIENTIFIC INSTITUTIONS

Razov P.V., Chernov V.V., Garaganov A.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article presents the author's approach to the analysis of strategic planning documents in our country from the point of view of the goal-setting fixed in them in assessing the sustainability of regional development. The necessity of a more complete implementation of the program-target approach in the construction of a system for assessing the process of sustainability, as well as the correlation of the results obtained in this case in public administration at the regional level and in municipal management is substantiated. Separately, the requirements fixed in the strategic planning documents

for the quality of the indicators used, indicators, administrative regulations, as well as norms for the study of the content and severity of the characteristics of the sustainable development process are highlighted. The author's position of taking into account the effectiveness of state procedures and scientific institutions, fixed in strategic planning documents, for assessing the process of sustainable development is revealed.

Keywords: sustainable regional development, assessment of the sustainability process, strategic development documents, goal setting, efficiency of activities, evaluation of the activities of authorities, efficiency of state procedures, scientific institutions.

References

1. Belenov O.N. Policy of socio-economic development of regions / O.N. Belenov, E.V. Mishon, L.P. Pidoimo. – Voronezh: Voronezh Interregional Institute of Social Sciences, 2002.
2. Danilov-Danilyan, V.I. Sustainable development (theoretical and methodological analysis // Economics and mathematical methods / V.I. Danilov-Danilyan. – 2003. – Volume 39. – No. 2. – pp. 123–135.
3. Mishon E.V. Reserves of strategic development of the Voronezh region: socio-economic aspect / E.V. Mishon // National interests: priorities and security. – 2009, No. 22. – pp. 47–55.
4. Nikolaeva N.A. Approaches to regional development in the general concept of sustainable development of foreign economic activity // High technologies, science and education: current issues, achievements and innovations. 2021. Pp. 83–85.
5. Popkov, V.V. Sustainable economic development in the context of globalization and the knowledge economy: conceptual foundations of management theory and practice / V.V. Popkov. – M.: Ekonomika, 2007. – 295 p.
6. Strelakova N. D., Tatarnikova M.A., Frolova N.N. Demographic policy in the context of sustainable regional development // Creative Economy. 2022. Vol. 16. No. 1. Pp. 281–294, etc.
7. Decree of the President of the Russian Federation of 01.04.1996 N440 "On the Concept of transition of the Russian Federation to sustainable development" / "Collection of Legislation of the Russian Federation", 08.04.1996, N15, Article 1572 / Documents-Government of the Russian Federation. Electronic format: [<http://government.ru/docs/all/17992/>]: Accessed July 1, 2022.
8. Federal Law No. 25-FZ of February 23, 1995 "On a special Tax on Enterprises, Institutions and Organizations for Financial Support of the Most Important Sectors of the National Economy of the Russian Federation and Ensuring the Sustainable Operation of Enterprises in these Industries." URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/> (Accessed: 02.04.2022).
9. Federal Law No. 166-FZ of June 8, 2020 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Order to Take Urgent measures aimed at ensuring sustainable economic development and Preventing the consequences of the Spread of a new coronavirus infection". URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/74231523/paragraph/1:0> (Accessed: 02.04.2022).

Правовые основы деятельности советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью в условиях распада СССР

Кужахметова Сауле Нарбулатовна,

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России
E-mail: kuzsaule@yandex.ru

В пред- и собственно «перестроечный» период, основные направления функционирования советской милиции оставались неизменными – таковыми являлись обеспечение и охрана общественного порядка, а также противодействие преступности, в том числе, через инструменты ее первичной профилактики. В статье рассматривается вопрос изменений правовой регламентации деятельности советской милиции в административной и уголовной сферах, акцентируется внимание на причинах активизации организованной преступности. Определено, что на деятельность милиции в сфере обеспечения общественной безопасности в рассматриваемый период в определенной степени оказало влияние упорядочение законодательства об административной ответственности, включая его кодификацию. В условиях исключительного ослабления центральной власти, наблюдаемого в конце 1980-х гг., первенство в борьбе с преступностью, в частности, с ее организованным уровнем, переходит к укрепляющимся и все более автономным республиканским системам органов внутренних дел. республиканские министерства становятся полноправными субъектами международного сотрудничества органов внутренних дел.

Ключевые слова: правовое регулирование, деятельность советской милиции, охрана общественного порядка, борьба с преступностью.

В пред- и собственно «перестроечный» период, основные направления функционирования советской милиции оставались неизменными – таковыми являлись обеспечение и охрана общественного порядка, а также противодействие преступности, в том числе, через инструменты ее первичной профилактики. Между тем, в определенной степени трансформировались взгляды государственного и общественного руководства как по поводу методов и инструментов достижения целей деятельности органов внутренних дел, так и по поводу оценки ее эффективности; менялось и общественное восприятие по данному поводу.

В настоящее время принято считать едва ли не аксиомой наличие высокого уровня латентной преступности, накопленного и значительно выросшего в период «застоя», и не отраженного в официальной статистике [1, с. 7], показатели которой лишь изредка приводились в относительное соответствие с объективной криминогенной обстановкой, как правило, в целях обоснования конкретных мер по реформированию советской милиции, зачастую, радикальных.

В остальных случаях, декларировалось, что в стране «победившего социализма» констатировалась также и победа социалистической законности, – лишь некоторые авторы отмечали противоположное (и только в эпоху гласности, при смене философии государственно-правового строительства), утверждая, что преступность не могла сократиться сама по себе, и низкие показатели преступности отражают бездействие советской милиции в обнаружении преступлений [2, с. 12].

Сменившийся в эпоху «перестройки» вектор общественно-правового развития, ориентированный на идеалистическую цель построения правового государства, между тем, «задвигал» на задний план идеи борьбы с преступностью, которые, по сути, не удавалось встроить в новую систему понимания приоритетного характера прав человека в системе государственного управления [3, с. 8]. При этом, по данным органов внутренних дел периода «поздней перестройки», число преступлений, зарегистрированных в период с 1973 по 1983 г. выросло вдвое [4, с. 18], что, наоборот, свидетельствовало о масштабных задачах и вызовах в сфере борьбы с преступностью.

Дезориентированная в условиях стремительно трансформирующихся общественных отношений и агрессивно критикуемая вследствие эксплуатации коррупционной тематики в средствах массовой информации, советская милиция в условиях «перестройки» также утрачивала и основные целевые ориентиры своей деятельности.

Соответствующей логике следовали и трансформации основ и правового регулирования деятельности советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью, накануне и в период «перестройки».

На некоторую активизацию деятельности милиции в сфере обеспечения общественной безопасности, в значительной степени оказало влияние упорядочение законодательства об административной ответственности в первой половине 1980-х г., включая его кодификацию.

При этом, в 1980-е гг., как и прежде, советские власти продолжали настаивать на необходимости усиления борьбы с антиобщественными явлениями. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 05.06.1981 г. «О внесении изменений и дополнений в Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за хулиганство»» [5] предусматривал усиление административной ответственности за мелкое хулиганство, уголовной ответственности за хулиганство, ввел иные меры ответственности за нарушения общественного порядка.

Приказ МВД СССР от 03.07.1981 г. № 215 объявлял о вступлении в силу законодательных актов СССР об усилении ответственности за хулиганство [6]. На основании принятых мер по усилению союзного законодательства, предусматривалась разработка внутренних нормативных актов СССР по усилению ответственности за хулиганство. Впрочем, в данном случае, как и во многих других, речь шла не о фактической активизации деятельности советской милиции, а, скорее, о создании видимости активной деятельности [7, с. 394–395].

В июне 1981 г., органы внутренних дел СССР были наделены правом применять меры административного принуждения по отношению к иностранным гражданам, нарушившим законодательство СССР.

С 1 сентября 1983 г. действовали Указ Президиума Верховного Совета СССР № 8918-Х «Об административной ответственности за нарушение правил дорожного движения» [8], сформировавший систему мер и инструментов административной ответственности в сфере дорожно-транспортных происшествий с быстро растущим числом правонарушений.

С 1 января 1985 г. вступали в силу нормы об административной ответственности за нарушение правил в сфере оборота оружия и боеприпасов, новацией здесь выступила ответственность за нарушения в сфере оборота не только собственно оружия, но и боеприпасов, а сотрудники милиции были уполномочены изымать оружие и боеприпасы до рассмотрения дела об административных правонарушениях. Соответствующие решения дополнительно способствовали повышению защищенности сотрудников правоохранительных органов в условиях стремительно ухудшавшейся криминальной обстановки, разгула бандитизма и вооруженной преступности. Соответствующим аспектам способствовало принятие Постановления Прези-

диума Верховного Суда СССР от 12.08.1984 г., где были прояснены правила применения сотрудниками милиции огнестрельного оружия и специальных средств при обороне от общественно-опасных посягательств, включая трактовку пределов права на необходимую оборону.

Кодификация союзного законодательства об административных правонарушениях, в значительной степени поспособствовавшая упорядочению административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел, была завершена к 1984 г., с принятием кодексов об административных правонарушениях в союзных республиках.

Между тем, соответствующие новации в системе административно-юрисдикционной деятельности, по сути, остались одним из немногочисленных «светлых пятен» в совершенствовании деятельности советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью, накануне «перестройки». Уже в период «перестройки» другим положительным явлением в рассматриваемой сфере стало повышенное внимание к институту участковых инспекторов милиции, обеспечившее его своеобразное возрождение.

Реформирование системы первичной профилактики правонарушений не исключало сохранение за участковыми инспекторами милиции важной роли в профилактике правонарушений на местах и взаимодействии с населением в данных целях. С декабря 1986 г. при ГУ ООП МВД действует вновь созданное Управление организации работы участковых инспекторов милиции и их взаимодействия с общественностью; профилактической работе участковых инспекторов милиции и активизации их взаимодействия с населением отводится огромная роль в системе первичного предупреждения преступности. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 03.02.1987 г. «О мерах по совершенствованию работы участковых инспекторов милиции, улучшению их материального положения» были предусмотрены дополнительные меры, направленные на кадровое обеспечение службы участковых инспекторов милиции, включая расширение возможностей масштабного привлечения на службу кадров высокой квалификации через улучшение материального обеспечения, расширение перечня льгот и реализацию мер по улучшению жилищных условий. При этом, численность участковых инспекторов милиции еще в первой половине 1980-х гг. была увеличена на четверть, а организация работы была перестроена таким образом, чтобы большую часть времени им доводилось проводить на вверенном участке [9].

Впрочем, соответствующих мер по активизации деятельности советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью, предпринимавшихся накануне и в период «перестройки», было крайне недостаточно для успешного противодействия быстрорастущей волне негативных социальных явлений.

Примечательно, что на фоне растущих негативных явлений в среде особо опасной преступности

(экстремизм, массовые беспорядки, бандитизм, «мафия» и рэкет, этническая преступность и сепаратизм, молодежные преступные группировки и терроризм), в начале «перестройки» по указанию высших партийных властей, основным направлением деятельности советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью выступила борьба с пьянством. Безусловно, пьянство вносило некоторый вклад в общее состояние общественного порядка, однако основные угрозы в данной сфере локализовались, безусловно, по совершенно иным направлениям, а собственно борьба с пьянством едва ли требовала столь радикальных мер, включая направление чрезмерных организационно-кадровых ресурсов органов внутренних дел.

Представляется целесообразным учитывать масштабы новых вызовов, с которыми сталкивалась советская милиция в сфере обеспечения общественного порядка и борьбы с преступностью. Таковыми, в частности, стали массовые беспорядки, многие из которых возникали на этнической почве и, зачастую, имели сепаратистскую направленность. В 1970-е гг. вовсе отсутствовала необходимость применения оружия для подавления массовых беспорядков [10, с. 8], а советскому режиму, в целом, не доводилось прибегать к массовому насилию для обеспечения собственной легитимности и устойчивого функционирования. Между тем, межэтнические конфликты не были в полной мере разрешены (ключевыми точками напряжения являлись Казахстан, Армения, Абхазия), – они были лишь заморожены, а одной из основных причин консервации может быть названа благополучная социально-экономическая обстановка, имевшая место в период «застоя» [11, с. 135].

Проводимая в первой половине 1980-х гг. масштабная «чистка» кадрового состава органов внутренних дел крайне негативно сказывалась на состоянии преступности через общее их ослабление, формировавшееся как в связи с деморализацией работников ОВД, так и ввиду практической невозможности в одночасье заменить сотни сотрудников кадрами с соответствующими квалификацией и опытом. Как отмечает Ф.И. Раззаков: «ломалось старое с таким рвением и лёгкостью, что у многих волосы шевелились на голове. В Иркутской области, например, под лозунгом борьбы с мафией в милицейских рядах из 28 начальников горрайорганов внутренних дел области 27 были сняты с работы, 103 сотрудника уволены из органов МВД, 56 – понижены в должности, более 100 человек наказаны в дисциплинарном порядке, 56 коммунистов исключены из членов КПСС, а 162 получили партийные взыскания. Ответом на такую вакханалию в милицейских рядах стала резкая вспышка преступности в области, которой деморализованная милиция ничего не могла противопоставить» [12].

В частности, активизируется организованная преступность, формируемая по национально-этническому принципу, в частности, в начале

1980-х гг. упоминается о деятельности чеченской этнической группировки.

Во второй половине 1980-х гг. наблюдается резкий рост молодежной преступности, которая также начинает приобретать организованный характер. Такие явления, как «любера» – подмосковная молодежная бандитская группировка, представители которой ездили в Москву «наводить порядок», а, по сути, устраивать физические разборки с молодежью в целом (в зоне особого интереса были неформальные объединения молодежи), стали известны на всю страну; каких-либо значимых успехов в противодействии молодежной преступности не наблюдалось, в том числе по причине уничтожения в первой половине 1980-х гг. профилактической службы милиции, которая неоднократно прежде доказывала свою эффективность именно в сфере профилактики преступности в подростковой и молодежной среде.

Особую же общественную опасность представляло такое явление, как «торговая мафия». Речь идет не о «простых» преступных группировках, ориентированных на совершение преступлений в хозяйственной сфере (прежде всего, спекуляций по всей цепочке товародвижения), – формируются эшелонированные преступные сообщества, тесно сращиваемые с коррумпированными чиновниками на местах и высокопоставленными «покровителями» в верхних эшелонах партийной и государственной власти, силами которых совершаются не только экономические, но и сопряженные с ними насильственные преступления; масштабы хищений социалистической собственности в 1980-е гг., особенно, в период «перестройки», приобретают беспрецедентный характер, будучи не только спровоцированными реформами и общим социально-политическим хаосом, но и катализируя последний.

К концу 1980-х гг. существование «торговой мафии», а, равно как и засилье преступности в торговой сфере становится общественной нормой; тотальный товарный дефицит вынуждает граждан практически неизбежно обращаться к «подпольной» торговле. Легализация кооперативной торговли, деятельности хозрасчетных предприятий, проблематику не решила, однако способствовала ее переструктурированию: криминальные структуры под видом кооперативной деятельности получали возможность, по сути, беспрепятственного доступа на потребительские рынки, однако в целях удержания и укрепления своего влияния, начинают действовать в направлении блокирования доступа других, как правило, добросовестных, кооператоров на рынки. Как отмечает в связи с этим Ф.И. Раззаков, «вступление страны на рельсы рыночной экономики, как это ни парадоксально, укрепило организованную преступность, сделало её ещё более мощной и неуязвимой» [13].

Сращивание торговой мафии с представителями «воровских» сообществ (традиционной криминальной среды), этническими бандитскими группировками, порождают формирование бандитских

конгломератов различных масштабов и влиятельности, которые пытаются брать под свое влияние контроль над новыми сферами экономической активности, преимущественно через инструментарий прямого рэкета, – вымогательства, насильственных действий, похищений и убийств. Советская милиция не просто бессильна перед лицом данных явлений: актуальной задачей выступает сохранение костяка кадров от перехода в криминальные и полукриминальные структуры.

Для обеспечения результативного противодействия организованной преступности, советской милиции приходилось группировать лучшие силы, реализовывать меры и направления воздействия, по сути, становившиеся уникальной практикой. Ф. Раззаков приводит следующий пример относительно успешной борьбы с «торговой мафией»: «в августе 1984 года, на Петровке, 38, совместно с опытнейшими сотрудниками ГУБХСС МВД СССР создаётся специальная группа, которая в строжайшей тайне начинает разработку последующих арестов в среде московских торговых мафиози. Первым номером значился директор универсама «Сокольники» Владимир Кантор, имевший весьма высоких покровителей в самых верхах Московского горкома партии и Моссовета» [14]. Между тем, речь идет, в целом, об эпизодическом успехе в борьбе с преступностью, пусть даже и связанном с масштабными действиями по координации и планированию специальных групп профессионалов оперативно-розыскной деятельности. Не только на местах, но и в центре для активизации подобных разработок не хватало ни кадров, ни организационных возможностей: стремительно разрастающаяся и набирающая как организационно-финансовую, так и аппаратную (через коррупционные связи вплоть до высших эшелонов государственного и партийного управления) власть, «торговая мафия» «переигрывала» советскую милицию как в количественном, так и в качественном аспекте, оставаясь, по сути, неуязвимой.

Необходимость активизации борьбы с организованной преступностью, предотвращения и скорейшего пресечения массовых беспорядков, предопределила создание отрядов милиции особого и специального назначения, существенного повышения их значимости в общей системе обеспечения общественной и национальной безопасности в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Между тем, ни ОМОН, ни спецназ не смогли обеспечить сохранение советской государственности, в том числе, предотвратить явления национального экстремизма и сепаратизма.

В 1980-е гг., по сути, впервые за весь период послевоенного существования советского государства, важнейшей повесткой уголовной политики становится борьба с незаконным оборотом наркотиков. Масштабы наркопреступности в СССР не поддаются точным оценкам, в немалой степени по причине того, что истинное осознание опасности преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков не сформировалось, по крайней мере,

в прикладной науке и на уровне высшего государственного управления. Специализированная служба по борьбе с данным явлением была создана впервые лишь в конце 1991 г., и на республиканском уровне. При этом, активное формирование бандитских группировок, задействованных в производстве и сбыте наркотических средств, к этому времени уже, по сути, закончилось. Их значительное число концентрировалось в республиках Средней Азии, где выращивалось сырье для производства наркотических средств; местная милиция не просто была бессильна в противостоянии с вооруженными и хорошо организованными бандами, – нередко имели случаи вхождения работников органов внутренних дел в состав бандитских формирований. Так, действовавшая в середине 1980-х гг. в УзССР банда Юна (23 участника) совершила 42 преступления. «Эта банда контролировала сбыт и производство наркотиков в шести районах республики, и в её рядах состояло на службе четыре милиционера. Они требовались для того, что припугнуть и «официально» конфисковать у сбытчиков спрятанную партию наркотиков» [15].

В целом, с учетом дальнейшего роста масштабов и углубления значимости антиобщественных проявлений, а также понимания бессилия милицеских служб перед ними, обеспечение общественного порядка в поздний период «перестройки» в значительной степени возлагалось на внутренние войска (выведенные в 21 марта 1989 г. из-под ведомства Министерства обороны СССР), специальные и особые подразделения милиции. Показательным в этой связи выступает Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.07.1988 г. № 9307-XI «Об обязанностях и правах внутренних войск МВД СССР при охране общественного порядка» [16], существенно расширивший права и возможности соответствующих подразделений, в том числе, в части применения спецсредств, и определивший их важную роль в обеспечении общественного порядка, по сути, не в особых условиях, а в повседневной жизни.

Говоря о последних годах существования СССР, было бы неверным утверждать, что о преступности вовсе забывали, тем более, что общественное мнение по данному вопросу активно подогревалось средствами массовой информации, информационная политика которых в условиях определенной гласности мало чем контролировалась и ограничивалась, и далеко не все сведения, ретранслируемые в широкую общественность, являлись достоверными. Так или иначе, в период, когда закрывать глаза на состояние преступности было совершенно невозможным, даже при наличии других приоритетных целей по сохранению государственности, на высшем уровне власти были предприняты запоздавшие попытки, по меньшей мере, обозначить глубокую заинтересованность и активность в решении лавины проблем с преступностью. При этом, по большей части, дальше декларативных заявлений и организационных решений преимущественно формального характера,

советские власти уже не продвинулись: времени для проведения кардинальных реформ не оставалось, равно как и организационных, и финансовых возможностей.

Так, еще в январе 1989 г. создается ГУБОП МВД СССР. В Постановлении Верховного Совета СССР от 14.08.1989 г. «О решительном усилении борьбы с преступностью» указывается о необходимости создания по всей системе государственного управления, в том числе, и на местах, временных комитетов по борьбе с преступностью (примерное Положение о которых было одобрено Президиумом Верховного Совета СССР 20.10.1989 г.), с участием руководства органов внутренних дел, прокуратуры, госбезопасности, юстиции и судов, народных депутатов СССР на подведомственном им территориях.

С учетом исключительно сложной экономической ситуации, сочетающейся с попытками поиска виновных в ней, Президент СССР публикует Указ от 26.01.1991 г. № УП-1380 «О мерах по обеспечению борьбы с экономическим саботажем и другими преступлениями в сфере экономики» [17]. В числе объявленных мер, которые носили, по сути, экстренный характер, – наделение сотрудников милиции (наряду с сотрудниками органов государственной безопасности) при осуществлении ими оперативно-розыскных мероприятий правом беспрепятственного проникновения в помещение хозяйствующих, предпринимательских субъектов всех форм собственности, для проведения осмотров.

Осознавая важность усиления противодействия быстрорастущей наркотической преступности, в том числе, в контексте нахождения отдельных союзных республик на путях магистрального международного наркотрафика, в ноябре 1990 г. по инициативе и на базе МВД СССР проводится первое совещание руководителей национальных полицейских органов стран Европы по вопросам борьбы с наркотиками.

В связи с существенным усилением в сфере изготовления и распространения информационных и иных материалов, содержащих порнографию, пропагандирующих культ насилия и жестокости, активизируется борьба по направлению, нормативно-правовой основой которой выступило Постановление Верховного Совета СССР от 12.04.1991 г. № 2101–1 «О неотложных мерах по пресечению пропаганды порнографии, культа насилия и жестокости» [18]. Соответствующая борьба осуществлялась преимущественно силами упомянутых ранее вновь созданных специализированных подразделений МВД.

В условиях исключительного ослабления центральной власти, наблюдаемого в конце 1980-х гг., первенство в борьбе с преступностью, в частности, с ее организованным уровнем, переходит к укрепляющимся и все более автономным республиканским системам органов внутренних дел. Республиканские министерства становятся полноправными субъектами международного сотрудничества орга-

нов внутренних дел. В частности, в октябре 1990 г. в РСФСР создано Национальное центральное бюро Интерпола. В результате, обязанности по охране общественного порядка и борьбе с преступностью, накануне и в период «перестройки» де-факто полностью переходят к республиканской милиции, до юридического закрепления сложившейся системы организации управления и подчинения.

Литература

1. Калашников В.В. Исторический опыт борьбы с преступностью в РСФСР (1985–1991 гг.): дисс. ... канд. историч. наук: 07.00.02. М., 2008. 203 с.
2. Конев Л.А. Преступные формы извлечения нетрудовых доходов и измерение реальной преступности. Горький. 1989. 78 с.
3. Калашников В.В. Указ. соч.
4. Власов А. Укреплять законность, правопорядок // Политическое образование. 1988. № 14. 21 с.
5. Архив ИЦ УМВД России по Астраханской области. Ф. 70. Оп. 3. Д. 3. Том 5. Л. 78–80.
6. Там же. Ф. 70. Оп. 3. Д. 3. Том 5. Л. 76–77.
7. Блок А.Ю. Реформирование правоохранительных органов СССР: 1953–1985 гг.: дисс. ... докт. историч. наук: 07.00.02. М., 2003. 456 с.
8. Ведомости ВС СССР. 1983. № 12. Ст. 174.
9. Федорчук В.В. По строгому счету // Литературная газета. 1984. 29 августа.
10. Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 – начало 1980-х гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. 543 с.
11. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М. РОССПЭН, 2006. 92 с.
12. Раззаков Ф.И. Бандиты времен социализма: Хроника рос. преступности, 1917–1991. М.: ЭКСМО, 1996. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.x-libri.ru/elib/razkv001/index.htm>, свободный (Дата обращения 10.12.2022).
13. Раззаков, Ф.И. Бандиты времен социализма. Указ. соч.
14. Раззаков, Ф.И. Бандиты времен социализма. Указ. соч.
15. Раззаков, Ф.И. Бандиты времен социализма. Указ. соч.
16. Ведомости ВС СССР. 1988. № 31. Ст. 505.
17. Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 5. Ст. 155.
18. Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 16. Ст. 451.

LEGAL BASIS FOR THE ACTIVITIES OF THE SOVIET MILITIA IN THE PROTECTION OF PUBLIC ORDER AND THE FIGHT AGAINST CRIME IN THE CONDITIONS OF THE COLLAPSE OF THE USSR

Kuzhakhmetova S.N.

Academy of management of the Interior Ministry of Russia

The article examines the issue of changes in the legal regulation of the activities of the Soviet police in the administrative and criminal spheres, focuses on the causes of the activation of organized crime.

It is determined that the activities of the police in the field of public security during the period under review were influenced to a certain extent by the streamlining of legislation on administrative responsibility, including its codification. In the conditions of the exceptional weakening of the central government observed in the late 1980s, the primacy in the fight against crime, in particular, with its organized level, passes to the strengthening and increasingly autonomous republican systems of internal affairs bodies. Republican ministries become full-fledged subjects of international cooperation of internal affairs bodies.

Keywords: legal regulation, the activities of the Soviet militia, the protection of public order, the fight against crime.

References

1. Kalashnikov V.V. Historical experience in the fight against crime in the RSFSR (1985–1991): diss. ... cand. historical Sciences: 07.00.02. M., 2008. 203 p.
2. Konev L.A. Criminal forms of extraction of unearned income and measurement of real crime. Bitter. 1989. 78 p.
3. Kalashnikov V.V. Decree. op.
4. Vlasov A. Strengthen the rule of law, the rule of law // Political education. 1988. No. 14. 21 p.
5. Archive of the Information Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Astrakhan region. F. 70. Op. 3. D. 3. Volume 5. L. 78–80.
6. Ibid. F. 70. Op. 3. D. 3. Volume 5. L. 76–77.
7. Blok A. Yu. Reforming the law enforcement agencies of the USSR: 1953–1985: diss. ... doc. historical Sciences: 07.00.02. M., 2003. 456 p.
8. Gazette of the USSR Armed Forces. 1983. No. 12. Art. 174.
9. Fedorchuk V.V. According to a strict account // Literary newspaper. 1984. August 29.
10. Kozlov V.A. Mass riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev (1953 – early 1980s). Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1999. 543 p.
11. Gaidar E.T. The death of an empire. Lessons for modern Russia. M. ROSSPEN, 2006. 92 p.
12. Razzakov F.I. Bandits of the times of socialism: Chronicle of growing up. Crime, 1917–1991. M.: EKSMO, 1996. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.x-libri.ru/elib/razkv001/index.htm>, free (Accessed 10.12.2022).
13. Razzakov, F.I. Bandits of the times of socialism. Decree. op.
14. Razzakov, F.I. Bandits of the times of socialism. Decree. op.
15. Razzakov, F.I. Bandits of the times of socialism. Decree. op.
16. Gazette of the USSR Armed Forces. 1988. No. 31. Art. 505.
17. Vedomosti SND USSR and USSR Armed Forces. 1991. No. 5. Art. 155.
18. Vedomosti SND USSR and USSR Armed Forces. 1991. No. 16. Art. 451.

Правовое регулирование разработки и внедрения системы показателей устойчивости регионального развития с точки зрения эффективности государственных процедур и научных институтов в условиях санкций

Элькинова Елена Алексеевна,

кандидат экономических наук, доцент Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: Eaelkanova@fa.ru

Кибакин Михаил Викторович,

доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра изучения и мониторинга эффективности мер социально-экономической поддержки промышленности и предпринимательства «Локомотивы роста» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: MVKibakin@fa.ru

Штанова Ксения Алексеевна,

младший научный сотрудник Международного центра развития инноваций и студенческих инициатив Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: KAShtanova@fa.ru

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования мониторинговой системы оценки устойчивости регионального развития с точки зрения ее создания и внедрения. Представлен авторский взгляд на полноту и возможность совершенствования нормативно-правовой базы исследования процесса устойчивости регионального развития, а также уточнения показателей системы оценки устойчивого развития. Содержатся выводы из анализа интегрального подхода к оценке устойчивого регионального развития. Описана системная модель, лежащая в основе общей системы оценки, а также выделенные подсистемы, в которых необходимо реализовать комплекс исследовательских действий. Представлены результаты описания социальной и экономической эффективности процесса устойчивого регионального развития субъектов Российской Федерации, а также значения экологического компонента в развитии регионов. Обоснована необходимость дальнейшего обобщения и структуризации параметров устойчивого регионального развития по различным основаниям – темпоральные параметры, натуральные и условные, стоимостные параметры, социальные, инновационные экологические и другие, а также возможности их учета в системе оценки устойчивого развития. Обосновываются рекомендации по совершенствованию правового регулирования разработки и внедрения системы оценки устойчивого регионального развития в стране.

Ключевые слова: региональное развитие, устойчивое развитие, показатели системы развития, разработка оценки устойчивого развития, внедрение оценки устойчивого развития, интегральный подход, регионы Российской Федерации.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Экономические, экологические, управленческие и иные проблемы устойчивого развития стран, регионов, территорий занимают важное место в современных попытках научного осмысления современного этапа и перспектив совершенствования социальных отношений в социуме [2;4]. В современных же условиях незаконной санкционной политики против нашей страны и недобросовестной международной конкуренции перед регионами Российской Федерации стоят серьезные вызовы и проблемы обеспечения устойчивого социально-экономического развития, с чем связано принятие важных решений на уровне государственного руководства [5; 6].

Поэтому достижение устойчивого развития регионов России – это одна из наиболее актуальных целей, стоящих перед руководством и обществом нашей страны, в том числе в контексте достижения целей национального развития [7]. Вопрос сбалансированного развития регионов напрямую зависит от деятельности их руководства с перспективой защиты экономических интересов хозяйствующих субъектов, населения от угроз замедления социально-экономического развития в условиях санкционной политики враждебных стран.

Недобросовестная конкуренция на международном рынке разделения труда, к сожалению, не может быть остановлена применением правовых институтов международных экономических организаторов и регуляторов. Хозяйственные международные связи ухудшаются в условиях санкций в различных секторах рынка: а) сырьевого; б) потребительских товаров; в) сектора высокотехнологической продукции; г) рынка труда; д) финансового и других, что негативно отражается на устойчивости развития стран и территорий.

Прежде всего санкции нарушают принципы движения международных финансов, что затрудняют взаимные расчеты хозяйствующих субъектов на уровне регионов различных стран. Соответственно, это влечет нарушение договорных обязательств, наступление форс-мажора и увеличение недобросовестного административного государственного вмешательства в хозяйственную деятельность. При этом санкционная политика включает арсенал мер заведомо недобросовестного использования правовых механизмов ограничения лицензирования, отказа в страховании грузов, проведение национализации зарубежных активов с нарушением национального и международного законодательства.

В процессы недобросовестной конкуренции в условиях санкционной политики включаются

не только отдельные страны, но и группы стран, международные экономические союзы и военно-политические блоки, которые согласованно принимают «пакеты санкций». В этих условиях нашей страной принимаются правовые меры обеспечения устойчивого развития в системе обеспечения национальной безопасности.

В целях сохранения имеющегося в нашей стране опыта обеспечения устойчивого регионального развития в условиях возрастания кризиса международных отношений, целесообразно уточнить индикаторы устойчивого социально-экономического развития, как систему более общих показателей национальной безопасности. При этом объективно возрастает включение в индикативное насыщение модели устойчивости развития таких понятий, как «опасность», «угроза», «безопасность». В этой связи устойчивость социально-экономических показателей может быть рассмотрена как отдельная подсистема, которая во многом завесит от того, эффективно ли реализованы показатели их обеспечения в форме реализации закрепленных в документах стратегического планирования правовых норм предотвращения или снижения внешних и внутренних угроз негативного воздействия (обеспечивающая подсистема) на социально-экономические процессы.

В условиях санкций оценка эффективности используемых подходов к обеспечению устойчивого регионального развития должна включать в себя частную оценку функционирования сферы национальной безопасности и частную оценку функционирования социально-экономической сферы. При этом в общем случае под эффективностью понимается результативность процесса, операции, проекта, определяемая как отношение эффекта (результата) к затратам, обусловившим его получение [3], что вошло в обычай правового оборота применительно к общим показателям устойчивости регионального развития.

На методологическом уровне региональной экономики результативность процессов устойчивого регионального развития определяется на основе оценки следующих ее компонентов а) бюджетный процесс; б) деятельность хозяйствующих субъектов; в) финансово-экономическая (в частности, оценка средств, вложенных в обеспечение устойчивости регионального развития [8]); г) природоохранная деятельность и обеспечение благоприятных природных условий жизни; д) развитие социальной инфраструктуры и другие.

В условиях санкционного давления каждый из этих компонентов получает дополнительное правовое толкование. Так, бюджетный процесс должен быть спрогнозирован с учетом все внедрения все больших дискриминационных мер на внешне-экономическую деятельности с возможными бюджетными потерями от этого обстоятельства.

Еще больше это относится к соблюдению прав и защиты частных интересов хозяйствующих субъектов на международных рынках. Так, имеется германский опыт незаконной национализации га-

зотранспортной инфраструктуры российских компаний, ограничение цен на нефтепродукты, а также ограничение прав отдельных лиц и компаний.

В силу необходимости оперативной оценки возникающих санкционных трудностей, сложности прогнозирования в силу субъективно принимаемых санкционных решений, объективно возрастает значение экспертных процедур для оценки условий обеспечения устойчивости регионального развития. Экспертные процедуры решают также проблему получения интегральных оценок функционирования обеих подсистем процесса устойчивости, а именно: а) показателей в системе национальной безопасности; б) традиционных показателей социально-экономического развития и экологически благоприятной природной среды.

Экспертная оценка позволяет также соотнести интегральные показатели устойчивости с содержанием процесса государственного и муниципального управления, которое в условиях санкций приобретает еще большее значение как регулятивный правовой механизм достижения целей развития страны и регионов с учетом изменившихся условий внешнеэкономической деятельности. Это объективный процесс, так как наша страна имеет свою нишу в международном разделении труда не только как источник сырья, но как занимающая лидирующие позиции в секторе атомной энергетики, космосе, оборонно-промышленном комплексе.

Большое значение в разработке системы показателей устойчивого развития имеет уточнение показателей устойчивого регионального развития в области эффективности применения государственных регламентов и процедур, а также эффективности функционирования научных институтов.

В связи с этим важно при выработке современных подходов к устойчивому региональному развитию решить следующих комплекс методологических, методических и иных проблем.

Во-первых, – целесообразно в рамках единой концепции интегрировать используемый в настоящее время в нашей стране комплекс индикаторов: а) в рамках международных программ и рекомендаций устойчивого развития преимущественно экологически ориентированного подхода; б) в рамках национальных проектов и программ на основе программно-целевого подхода, как условия перехода на следующему (цифровому) технологическому укладу.

На основе международных норм и договорных отношений, представляется целесообразным сохранить возможности использования обеих групп индикаторов. Первую – как возможность налаживания международных связей при повышении благоприятности обстановки и снижения санкционного давления. Вторую группу – как условие обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны и регионов в системе обеспечения национальной безопасности. При этом приоритет, очевидно, необходимо отдать второй группе индикаторов, что и закреплено в принятых документов противодействия санкционной политики. При этом

меру соотношения места и роли этих индикаторов и должна обосновать современная концепция устойчивости регионального развития.

Во-вторых, на методическом уровне основные усилия сосредоточить на обоснование индикативной модели, которая позволяет провести достоверную оценку:

а) эффективности реализации государственных процедур (административных регламентов) в процессе обеспечения устойчивости регионального развития с использованием имеющихся наработок в системе научного знания по проблемам: обеспечения экологически благоприятной среды обитания; экономической эффективности устойчивости с учетом снижения угроз санкционной политики; социальной результативности и поддержки населения решений по обеспечению качества жизни по месту жительства; проведения постоянного мониторинга достижения органами власти индикативных показателей эффективности деятельности; уточнения содержания и возможностей оценки результативности государственных процедур (регламентов) в условиях санкций; уточнение порядка взаимодействия органов власти на региональном уровне по проблемам обеспечения безопасности; согласования регламентов межгосударственного взаимодействия по проблемам обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития с нашими союзниками и партнерами; продолжение условий цифровизации в сфере государственного управления, построения цифровой экономики и развития информационного общества на отдельных территориях и другие.

б) эффективности деятельности научных институтов в интересах обеспечения устойчивого развития по проблемам: научной поддержки процессов государственного и муниципального управления в рамках программно-целевого подхода; обоснования мер коррекции процессов цифровизации всех сфер жизни цифрового общества в зависимости от конкретных социально-экономических условий; участия ученого сообщества в подготовке и переподготовке должностных лиц органов власти на основе современных достижений отечественных и зарубежных ученых; уточнения региональной модели устойчивого развития в условиях санкций с использованием «кластерного» подхода, концепции «точек роста», теории «опережающего развития», «импортозамещения» и других.

Таким образом, разработка и обоснование перечня показателей современной системы оценки устойчивого регионального развития в Российской Федерации опирается на современные тренды цифровизации и концепции обеспечения экономического суверенитета нашей страны в условиях санкционной политики, недобросовестной конкуренции враждебных стран и с учетом потребностей обеспечения системы национальной безопасности.

Литература

1. Воробьев А.А. Оценка социальной эффективности инновационно-инвестиционной деятель-

ности / Воробьев А.А., Чудинова Л.Н. // Проблемы и перспективы современной экономики: сб. ст. / под ред. Г.В. Голиковой. – Воронеж, 2014. – С. 361–369.

2. Декларация по окружающей среде и развитию. Принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-Жанейро, 1992 г.) / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Электронный формат: [<https://docs.cntd.ru/document/8308082>]: Дата обращения 1 июля 2022 г.
3. Лозовский Л.Ш. Универсальный бизнес-словарь / Л.Ш. Лозовский, Б.А. Райзберг, А.А. Ратновский. – М, 1997. – 640 с.
4. Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. Интернет-портал ООН. Русскоязычная версия. Электронный формат: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml]: Дата обращения: 1 июля 2022 г.
5. Постановление Правительства РФ от 04.03.2022 N288 (ред. от 11.04.2022) «О преобразовании Правительственной комиссии по повышению устойчивости развития российской экономики и признанию утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 05.03.2022 / «Собрание законодательства РФ», 14.03.2022, N11, ст. 1682.
6. Постановление Правительства РФ от 21.01.2022 N25–2 (ред. от 14.03.2022) «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по повышению устойчивости Российской экономики в условиях санкций» / Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 02.03.2022 / «Собрание законодательства РФ», 07.03.2022, N10, ст. 1485.
7. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. N474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» / Текст Указа опубликован на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 21 июля 2020 г. N0001202007210012 / Собрание законодательства Российской Федерации от 27 июля 2020 г. N30 ст. 4884.
8. Фетисов Г.Г. Региональная экономика и управление / Г.Г. Фетисов, В.П. Орешин. – М., 2006. – С. 341.

LEGAL REGULATION OF THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF A SYSTEM FOR MONITORING THE SUSTAINABILITY OF REGIONAL DEVELOPMENT FROM THE POINT OF VIEW OF THE EFFECTIVENESS OF STATE PROCEDURES AND SCIENTIFIC INSTITUTIONS

Elkanova E.A., Kibakin M.V., Shtanova K.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article discusses the issues of legal regulation of the monitoring system for assessing the sustainability of regional development from the point of view of its creation and implementation. The author's view is presented on the completeness and possibility of improving the regulatory framework for the study of the process of sustainability of regional development, as well as clarifying the indicators of the sustainable development assessment system. The conclusions from the analysis of the integral approach to the assessment of sustainable regional development are contained. The system model underlying the general assessment system is described, as well as the selected subsystems in which it is necessary to implement a set of research actions. The results of the description of the social and economic efficiency of the process of sustainable regional development of the subjects of the Russian Federation, as well as the importance of the ecological component in the development of the regions are presented. The necessity of further generalization and structuring of the parameters of sustainable regional development on various grounds – temporal parameters, natural and conditional, cost parameters, social, innovative environmental and others, as well as the possibility of their consideration in the system of sustainable development assessment is substantiated. The recommendations on improving the legal regulation of the development and implementation of a system for assessing sustainable regional development in the country are substantiated.

Keywords: regional development, sustainable development, indicators of the development system, development of a sustainable development assessment, implementation of a sustainable development assessment, integrated approach, regions of the Russian Federation.

References

1. Vorobyov A.A. Evaluation of the social efficiency of innovation and investment activity / Vorobyov A.A., Chudinova L.N. // Problems and prospects of modern economy: collection of articles / edited by G.V. Golikova. – Voronezh, 2014. – pp. 361–369.
2. Declaration on Environment and Development. Adopted at the UN Conference on Environment and Development (Rio Janeiro, 1992) / Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents. Electronic format: [https://docs.cntd.ru/document/8308082]: Accessed July 1, 2022
3. Lozovsky L.S. Universal Business Dictionary / L.S. Lozovsky, B.A. Raizberg, A.A. Ratnovsky. – M., 1997. – 640 p.
4. Agenda for the XXI century. Adopted by the UN Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, June 3–14, 1992. UN Internet Portal. Russian-language version. Electronic format: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml]: Accessed: July 1, 2022
5. Decree of the Government of the Russian Federation of 04.03.2022 N288 (ed. of 11.04.2022) "On the transformation of the Government Commission for improving the sustainability of the Development of the Russian Economy and invalidation of certain acts and certain provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation" / Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 05.03.2022 / "Collection of Legislation of the Russian Federation", 14.03.2022, N11, v. 1682.
6. Decree of the Government of the Russian Federation of 21.01.2022 N25–2 (ed. of 14.03.2022) "On approval of the Regulations on the Government Commission on Improving the Sustainability of the Russian Economy under sanctions" / Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 02.03.2022 / "Collection of legislation of the Russian Federation", 07.03.2022, N10, article 1485.
7. Decree of the President of the Russian Federation No. 474 of July 21, 2020 "On National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030" / The text of the Decree is published on the Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru) July 21, 2020 N0001202007210012 / Collection of Legislation of the Russian Federation of July 27, 2020 N30 Article 4884.
8. Fetisov G.G. Regional economy and management / G.G. Fetisov, V.P. Oreshin. – M., 2006. – p. 341.

Особенности реализации принципа добросовестности в вещном праве

Кузнецов Андрей Витальевич,

кандидат юридических наук, кафедра гражданско-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний
E-mail: andruvk@mail.ru

В работе рассматривается специфика применения принципа добросовестности в отношениях, регулируемых нормами вещного права. Специфика различных правоотношений подотраслей гражданского права предопределяет характер применяемого к ним правового регулирования. Принцип добросовестности же, представляя собой непосредственный и неотъемлемый элемент гражданско-правового регулирования, также применяется с учетом особенностей тех или иных правоотношений. Рассматривая принцип добросовестности в вещном праве, в первую очередь следует говорить о защите добросовестного приобретателя, а также об оценке добросовестности владельца для признания права собственности по приобретательной давности. Именно на примере применения указанных норм возможно наиболее ярко проиллюстрировать действие принципа добросовестности в вещных правоотношениях. В статье проанализированы позиции цивилистов по обозначенной проблематике, судебная практика, обозначены направления совершенствования исследуемых норм гражданского законодательства.

Ключевые слова: принцип добросовестности, вещное право, самовольная постройка, приобретательная давность, добросовестный приобретатель.

Специфика различных правоотношений подотраслей гражданского права предопределяет характер применяемого к ним правового регулирования. Принцип добросовестности же, представляя собой непосредственный и неотъемлемый элемент гражданско-правового регулирования, также применяется с учетом особенностей тех или иных правоотношений. Принятие во внимание отличительных черт отношений различных подотраслей гражданского права позволяет системно подходить к исследованию вопроса о его применении, определить функции, содержательную часть, через которые воплощается рассматриваемый принцип относительно всякого рода гражданско-правовых отношений.

В этом контексте укажем на значимые для реализации принципа доброй совести специфические свойства вещно-правовых и обязательственных правоотношений. Так, обязательственные правоотношения характеризуются относительностью, динамичностью, высокой интенсивностью, противопоставлением направленности интересов сторон. Указанные характеристики служат предпосылками для возникновения ситуаций, когда результат формального применения не согласуется с его настоящими целями. В связи с чем применение принципа добросовестности к обязательственным отношениям наиболее распространено на практике.

Вещно-правовые же отношения основаны на статике права, характеризуются высокой степенью устойчивости, преимущественно большим жизненным циклом, невысоким уровнем интенсивности. Кроме того, вещные правоотношения отличаются абсолютностью, а то есть в них отсутствует конкретный адресат. В этом смысле ставится под сомнение применение принципа доброй совести к вещным правам, учитывая основное назначение принципа, выражающееся в корректировании осуществления права субъектами. Также, стоит отметить, что сам смысл существования вещных прав заключается в установлении гарантий надежности правомочий в отношении какого-либо имущества, правовой связи субъекта с вещью.

Разрешая высказанные сомнения относительно применимости принципа доброй совести к вещным правоотношениям, цивилист К. Нам указывает на необходимость разграничения наличествования самого вещного права с присущей ему устойчивостью, статичностью, определенностью и осуществление такого права. Так, при осуществлении субъектом вещного права существует вероятность ущемления прав и интересов иных лиц, что задает в некоторых случаях необходимость корректирования, ограничения, конкретизации реализации вещного права посредством принципа доброй совести [1, с. 128].

Подтверждением необходимости применять принцип доброй совести к вещным правоотношениям подтверждается и использованием Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) рассматриваемого принципа в целях правового регулирования общественных отношений, связанных с приобретением и реализацией права собственности и других вещных прав. Как уже упоминалось, принцип добросовестности заключен не только лишь в ст. 1 ГК РФ, он пронизывает весь кодекс, предусмотрен и многими другими нормами, в которых его применение адаптировано под конкретный вид гражданских правоотношений, в зависимости от отнесения правоотношения к той или иной подотрасли гражданского права. В настоящее время принцип доброй совести в сфере вещного права, к примеру, содержится в нормах гражданского кодекса, регулирующих вопросы признания зданий, сооружений или других строений самовольными постройками, а также оценки поведения давностного владельца в целях признания права собственности по приобретательной давности как добросовестного или недобросовестного.

Относительно самовольных построек ГК РФ в ст. 222 устанавливает, что к таковым не относятся различного рода строения, «возведенные или созданные с нарушением установленных в соответствии с законом ограничений использования земельного участка, если собственник данного объекта не знал и не мог знать о действии указанных ограничений в отношении принадлежащего ему земельного участка». Соответственно, в упомянутой норме усматривается критерий субъективной добросовестности. Таким образом, с наличием или отсутствием субъективной добросовестности в данном случае закон связывает применение выгодных или невыгодных последствий для лица, создавшего то или иное строение.

Приведем пример такого исключения в признании объекта недвижимости, возведенного с нарушениями, самовольной постройкой в связи с установлением судом субъективной добросовестности застройщика. Так, Верховный Суд РФ в своем обзоре судебной практики отмечает, что несоблюдение ограничений, предусмотренных для охранных зон трубопроводов, не служит основанием для признания сооружения самовольной постройкой, если застройщик не знал или не мог знать о наличии указанных ограничений в связи с отсутствием публичного доступа к сведениям о зоне с особыми условиями использования территории и о границах такой зоны [2]. В обозреваемом Верховным Судом РФ деле, информация о наличии ограничений, связанных с нахождением на земельном участке магистрального газопровода, не содержалась ни в выданном застройщику градостроительном плане, ни в правилах землепользования и застройки, ни в генеральном плане муниципального образования. Кроме того, в едином государственном реестре недвижимости не были отражены сведения о границах минимальных расстояний до магистрального трубопровода. В связи, с чем судом

была установлена добросовестность застройщика, которая явилась основанием для непризнания возведенных сооружений самовольными постройками.

В данном случае принцип доброй совести участвует в урегулировании правового конфликта как между застройщиком и собственником трубопровода, так и между застройщиком и государством, основанного на нарушении норм градостроительного и земельного законодательства, а именно публичного порядка застройки в охранных зонах.

Представляется целесообразным распространить влияние, установить необходимость учета принципа доброй совести при рассмотрении частных конфликтов между застройщиком и собственником смежного земельного участка в случаях, когда застройщик вышел за границы собственного участка, возведя часть здания с капитальной стеной уже в границах соседнего земельного участка. При этом сам застройщик считает осуществленное строительство правомерным, возведенное сооружение находящимся в границах собственного земельного участка, основываясь на составленном кадастровым инженером межевом плане. На деле же оказывается, что имеющийся у застройщика план земельного участка содержит ошибки относительно координат границ участка. У собственника смежного участка же наличествует верный межевой план. Соответственно, застройщик, в сущности, заблуждался относительно границы участка и не имел намерения своими действиями осуществить неправомерный захват части чужого земельного участка.

В настоящее время сообразно актуальному законодательству в указанной ситуации за застройщиком не может быть признано право собственности на возведенное сооружение, объект же недвижимости подлежит сносу, как нарушающий права и интересы других лиц, если, например, собственник смежного земельного участка предъявит негаторный иск. В этом контексте можно, конечно, говорить об отказе в заявленных исковых требованиях в связи со злоупотреблением правом истцом согласно ст. 10 ГК РФ. Но при таком разрешении дела возникает риск захвата части чужого земельного участка без какого-либо на то основания, безвозмездно посредством недобросовестного поведения со злонамеренными мотивами.

Однако решением для представленной проблемы при отсутствии возможности установить между сторонами какого-либо соглашения может послужить встраивание в норму о самовольной постройке принципа добросовестности и в рамках подобных ситуаций, продолжая общую тенденцию внедрения рассматриваемого принципа в правовой массив.

Категория добросовестности, как уже указывалось ранее, учитывается и при оценке поведения давностного владельца в контексте применения ст. 234 ГК РФ для признания права собственности по приобретательной давности. В данном случае добросовестность субъекта выступает усло-

вием установления за ним права собственности на какое-либо имущество.

Совместным постановлением Пленума ВС РФ пленума ВАС РФ дается толкование условия добросовестности при разрешении споров, связанных с возникновением права собственности в силу приобретательной давности [3]. Так, раскрывая содержание критерия, Верховный Суд РФ указывает, что «давностное владение является добросовестным, если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии основания возникновения у него права собственности». Таким образом, согласно постановлению, право собственности на вещь может быть признано за давностным владельцем, если судом будет установлено его добросовестность в субъективном смысле.

Считаем, зафиксированное в пленуме толкование условия для признания права, не соответствующим реалиям правовой действительности, весьма ограничивающим возможность признания права давностными владельцами, а также делающее норму права неэффективной и малоприменимой. По мнению ряда цивилистов, у давностного владельца изначально не возникает какого-либо извинительного незнания, если только это имущество не приобретено по сделке. В этом видится отличие критерия доброй совести в рамках истребования имущества от добросовестного приобретателя.

Правовед К.И. Скловский также считает, что добросовестность давностного владельца в субъективном смысле возможна лишь при обращении вещи в свое владение на основании сделки о приобретении-отчуждении [4, с. 454]. Получение вещи по иным основаниям, хотя бы в силу передачи вещи во владение и пользование по иному договору не дает никаких оснований давностному владельцу считать себя правомерным собственником, ведь из природы договоров, не связанных с приобретением, следует, что получатель имущества не имел намерения владеть им как своим.

Цивилист М.Г. Масевич, критикуя толкование рассматриваемого условия как классической субъективной добросовестности, указывают, что владелец по давности в отличие от добросовестного приобретателя, изначально понимает и осознает факт незаконного владения вещью, т.е. вещью, право собственности, на которую принадлежит третьему неизвестному лицу. В этой связи представляется интересным высказывание М.Г. Масевича. Профессор считает, что недобросовестный приобретатель способен быть владельцем, если владение осуществляется им добросовестно [5, с. 25].

На данный момент добросовестность владения является отдельной темой для дискуссии из-за теории развития гражданского законодательства Российской Федерации, которая предлагает данную дефиницию исключить из числа обязательных условий для приобретения права собственности по ст. 234 ГК РФ. Однако исключение данного критерия может повлечь риск приобретения права собственности на вещи согласно рассматриваемой статье путем недобросовестного, эгоцентрического

го поведения, то есть получения имущественных выгод при отклонении субъектов от обязанности действовать добросовестно. Также такое решение не соответствует магистралям гражданского права по все большему внедрению в правовой массив принципа доброй совести.

Практика Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации на сегодняшний день не исключает приобретения права собственности в силу приобретательной давности и в тех случаях, когда давностный владелец должен был быть осведомлен об отсутствии оснований возникновения у него права собственности. В таких случаях суды приводят следующее толкование условия добросовестности «когда вещь приобретается внешне правомерными действиями». В данном случае, раскрывая признак добросовестности давностного владения, Верховный суд расширяет границы указанного признака. Такое толкование условия приобретения права собственности по приобретательной давности позволило бы наибольшему числу граждан узаконить принадлежность какого-либо имущества, которым они фактически владеют.

Так, следовало бы изменить понимание признака добросовестности давностного владения на уже используемое в судебной практике посредством вынесения нового постановления с разъяснениями его содержания, то позволило бы актуализировать норму, заключенную в ст. 234 ГК РФ, преобразовать ее из своеобразного правового рудимента в наиболее применимый способ приобретения права собственности.

Литература

1. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. Москва: Статут, 2019. 278 с.
2. Обзор судебной практики по спорам, связанным с возведением зданий и сооружений в охранных зонах трубопроводов и в границах минимальных расстояний до магистральных или промышленных трубопроводов: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 июня 2021 г. // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного суда РФ № 10 и Пленума Высшего Арбитражного суда РФ № 22: от 29 апреля 2010 г. // Вестник ВАС РФ. 2010 (№ 6).
4. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве: учебное пособие для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 1016 с.
5. Масевич М.Г. Основания приобретения права собственности на бесхозные вещи // Проблемы современного гражданского права: сборник статей / под ред. В.Н. Литовкина, В.А. Рахмиловича. М., 2000.

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN PROPERTY LAW

Kuznetsov A.V.

St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service

The article discusses the specifics of the application of the principle of good faith in relations regulated by the norms of property law. The specificity of various legal relations of sub-branches of civil law pre-determines the nature of the legal regulation applied to them. The principle of good faith, representing a direct and integral element of civil law regulation, is also applied taking into account the peculiarities of certain legal relations. Considering the principle of good faith in property law, first of all, we should talk about the protection of a bona fide purchaser, as well as the assessment of the owner's good faith in order to recognize the right of ownership by acquisitive prescription. It is on the example of the application of these norms that it is possible to most clearly illustrate the operation of the principle of good faith in real legal relations. The article analyzes the positions of civilists on the designated issues, judicial practice, and outlines the directions for improving the studied norms of civil legislation.

Keywords: principle of good faith, property law, unauthorized construction, acquisitive prescription, bona fide purchaser.

References

1. Nam K.V. The principle of conscientiousness: development, system, problems of theory and practice. Moscow: Statut, 2019. 278 p.
2. Review of judicial practice on disputes related to the construction of buildings and structures in the protected zones of pipelines and within the boundaries of minimum distances to main or industrial pipelines: approved. By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 23, 2021 // Access from the reference legal system "ConsultantPlus".
3. On some issues arising in judicial practice in resolving disputes related to the protection of property rights and other rights in rem: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 22: dated April 29, 2010 // Vestnik VAS RF. 2010 (No. 6).
4. Sklovsky K.I. Property in civil law: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 1016 p.
5. Masevich M.G. Grounds for acquiring ownership of ownerless things // Problems of modern civil law: collection of articles / ed. V.N. Litovkina, V.A. Rakhmilovich. M., 2000.

Реализация принципа светскости в российском конституционном праве

Лапшина Ирина Евгеньевна,

кандидат юридических наук, доцент, кафедра «Безопасность в цифровом мире», ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»
E-mail: i-lapshina@yandex.ru

Лядовская Нелли Игоревна,

студент, кафедра «Безопасность в цифровом мире», ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»
E-mail: nellileadovskaia@gmail.com

Писанова Виктория Алексеевна,

студент, кафедра «Безопасность в цифровом мире», ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»
E-mail: viktorija-pisanova@rambler.ru

Предметом исследования являются правовые нормы, устанавливающие и регламентирующие принцип светскости в Российской Федерации. Работа посвящена анализу принципа светскости, закрепленного в ст. 14 Конституции Российской Федерации. Цель данной работы являлось рассмотреть понятие «светскость», выявить содержательные элементы принципа светскости в Российской Федерации, рассмотреть зарубежный опыт правового закрепления принципа светскости. Методологию исследования составили логические приемы анализа и синтеза, метод историзма, сравнительно-правовой метод. В результате проведенного исследования был сделан вывод о том, что принцип светскости государства в российском нормативной базе не имеет конкретного содержания и универсальности. Предложен комплекс мер по устранению противоречий, связанных с реализацией принципа светскости в Российской Федерации.

Ключевые слова. Конституция, конституционное право, государство, Российская федерация, светскость, принцип светскости, религия, государственная религия

Нормативные положения статьи 14 Конституции Российской Федерации закрепляют принцип светскости государства. Однако однозначного доктринального дефинитивного закрепления «светскость» в науке конституционного права не находит, что влечет за собой соответствующие дискуссии относительно сущности такового. Исследование в этой области весьма актуально в силу наличествующей теоретической и обусловленной ей практической проблемы применения нормативных положений, то есть фактической невозможности корректного правоприменения ст. 14 Конституции РФ и соответствующих положений федеральных законов, детерминированной отсутствием унифицированного понимания терминологического содержания. В свою очередь, такая проблема, в целом, ставит под сомнение следование такому принципу, лежащему в основе конституционного строя Российской Федерации. Концептуальное оформление и обеспечение качественного нормативного правоприменения предопределено необходимостью детального исследования и системного обобщения значимых сущностных характеристик анализируемого в настоящем исследовании принципа, а также разработки перспективных направлений укрепления и его динамики в национальной правовой системе России.

Толковый словарь Ожегова определяет «светский» в трёх значениях [1, с. 1760]. В первом, ныне устаревшем значении, слово светский соотносимо с понятием свет или означает нечто с ним связанное.

Согласно второму значению, светский – это таковой, который отвечает требованиям света, т.е. принятый в свете. Например, светская жизнь или светские манеры. В данном случае синонимами могут выступать слова утонченный или галантный.

В третьем, последнем из значений, светский означает не церковный, мирской. Например, светский характер образования. Очевидно, что именно в таком значении следует понимать термин светский в контексте понятия «светское государство».

Принцип светского государства закреплен в 14 статье Конституции РФ. Вместе с тем, в этой же статье указывается недопустимость установления государственной религии, отделение государственных организаций от государства, а также равенство их перед законом.

Впервые упоминание о светском государстве появилось в Конституции 1993 г., в то время, как ни одна из конституций СССР подобного не имела.

Государства «светского типа» названы так в противоположность странам, где установлена государственная религия, однако официальное определения понятия «светское государство» от-

сутствует. Существующих же в толковых словарях и научной литературе определений недостаточно детально раскрывают смысл данного понятия. Большая часть авторских определений предлагает трактовку, полностью основанную на 14 статье Конституции, и наделяет светское государство признаками:

- отсутствия государственной или обязательной религии
- отделения религиозных объединений от государства
- равенство последних перед законом [2].

Однако если исходить из такого толкования, то можно прийти к выводу, что упоминания светскости в Конституции или же последующие дополнения о принципе отделения и недопустимости государственной религии являются излишними, поскольку представляют собой фактически тавтологию, дважды закрепляя одни и те же принципы.

Конституции зарубежных государств также не содержат прямого указания на то, что же такое светское государство. Большинство конституций современных государств провозглашают светский характер опосредованно, посредством указаний на отделение церкви от государства и запрет на установления государственной религии. Само же понятие «светское государство» встречается крайне редко.

В статье 1 Конституции Франции вместе с неделимостью, социальностью и демократичностью устанавливается светскость. Какое-либо толкование или дополнение по этому принципу отсутствуют [3].

В основном законе Федеральной Республики Германии термин «светскость» отсутствует. В статье 4 закрепляется неприкосновенность свободы вероисповедания, совести, религиозных и мировоззренческих убеждений. А в статье 20 указывается, что вся государственная власть исходит от народа [3, с. 182].

Конституция Польши наряду с свободой религиозных, мировоззренческих и философских убеждений в рамках реализации принципа светскости устанавливает равноправие религиозных организаций, их беспристрастность в вышеуказанных вопросах и уважение, автономию, независимость (в своей области) во взаимоотношениях последних с государством (публичной властью). Отношения с религиозными организациями, в частности, с Католическим костелом и другими определяются международными договорами, договорами и законами (ч. 4 и 5 ст. 25 Конституции Республики Польша) [4, с. 301].

В то же время, положения Конституции Турции в качестве элементов принципа светскости (ст. 2 Конституции Турции) содержат следующие специфические черты (ст. 24):

- свобода совести, вероисповедания и религиозных убеждений,
- свобода богослужений, обрядов и церемоний,
- контроль государства за религиозным образованием и этикой, культурой,

- запрет эксплуатации религии и злоупотребления ею и священными вещами в личных и политических целях.

Ряд проанализированных стран не закрепляет в своих Конституциях одновременно и принцип светскости, и принцип отделения религиозных организаций от государства. Например, во Франции, которую принято считать эталоном светского государства [5], вышеуказанное положение никогда не закреплялось. Между тем, Государственный Совет (орган, осуществляющий конституционный контроль) дает разъяснение термину «светское государство» и выделяет в качестве компонентов светскости следующие черты:

- религиозную нейтральность государства,
- религиозную свободу и уважение к плюрализму,
- одинаковое обращение государства со всеми культурами [5].

Однако присутствующий в российской конституции принцип отделения религиозных объединений от государства во Франции не считается компонентом светского государства.

Таким образом, принцип светскости государства лишен конкретного содержания и универсальности не только в российском, но и в зарубежном законодательстве. В тех государствах, где принцип светскости интегрирован в правовую систему, его реализация имеет различную идеологическую, культурную, нормативную базу и весьма специфичен с точки зрения реализации. Проведенное исследование позволяет констатировать отсутствие концептуальной модели «светскости», которую можно было бы реплицировать и совершенствовать. В отличие от светскости, толкование и реализация принципа отделения религиозных объединений от государства в большинстве стран единообразно.

Доктор юридических наук А.В. Пчелинцев констатирует, что «сравнительный анализ западных конституций с Конституцией Российской Федерации показывает, что с формально-правовой точки зрения Россия является одним из самых светских государств мира» [6]. Данная позиция представляется справедливой ввиду закрепления в отечественной системе права практически не имеющей аналогов в зарубежных странах статьи о светскости государства. Но вместе с тем, унифицированного понимания и строгой юридической определенности данное понятие не имеет.

Многие отечественные ученые указывали на неопределенность принципа светскости и представляли авторские определения. Среди этих работ выделяется уникальное исследование И.В. Понкина «Светскость государства». По итогам исследования автор выделяет следующие существенные признаки светского государства:

1. Отделение от государства религиозных объединений и объединений, деятельность которых направлена на распространение идеологии.
2. Недопустимость установления общеобязательной религии или идеологии [7, с. 48].

На основании данных признаков можно сформулировать следующий концептуально значимый терминологический аппарат:

Светскость государства – это характеристика государства, обозначающая независимость религиозных объединений и объединений, деятельность которых направлена на распространение идеологии, в пределах сферы своей деятельности и компетенции, гарантируемая недопустимостью установления общеобязательной религии и изъятием их из сферы влияния или управления государства.

Светское государство – это государство, неизменно следующее принципу светскости, то есть обеспечивающее суверенность государственных институтов и религиозных объединений (равно как и объединений, деятельность которых направлена на распространение идеологии) в пределах сферы своей деятельности и компетенции, гарантируемая недопустимостью установления общеобязательной религии и изъятием их из сферы влияния или управления государства.

Еще одной важной характеристикой светского государства является его нейтральность по отношению ко всем религиозным, в том числе и атеистическим воззрениям. Отдельно следует отметить и тот факт, что принцип светскости не препятствует сотрудничеству государства и религиозных объединений в социальной сфере.

В свете внесенных в 2020 году поправок нельзя не упомянуть новеллу статьи 67.1 Конституции, в которой упоминается «вера в Бога», переданная Российской Федерации предками. Еще до вступления новой Конституции в силу разгорелись дебаты, касающиеся возможности упоминания Бога в Конституции светского государства, и не является ли такое упоминание нарушением принципа светскости. Официальное толкование или какие-либо комментарии статьи 67.1 пока отсутствуют. Однако, беря во внимание то, что в нашей стране понятие «светское государство» конкретного содержания не имеет, можно сделать вывод, что и упоминание о Боге никак не будет ему противоречить.

Приводящаяся в настоящий момент государственная политика по вопросу светскости крайне неоднозначна. С одной стороны, теория Ч. Дарвина преподается школьникам как аксиома, все же прочие, если и упоминаются, то называются не иначе, как устаревшими [7, с. 15]. Вместе с тем в законодательстве Российской Федерации предусмотрены общероссийские религиозные праздничные дни. Например, нерабочим днем по Трудовому кодексу (далее – ТК РФ) Российской Федерации является 7 января – Рождество. Однако общеизвестно, что оно является религиозным праздником лишь для православных христиан. Кроме того, с 2010 года день Крещения Руки – 28 июня, – считается памятной датой России [8]. Принцип светскости же, как было установлено ранее, подразумевает нейтральность по отношению ко всем религиозным организациям. В таком случае возникает вопрос, почему государство не устанавливает в качестве

государственных нерабочих праздничных дней или памятных дат другие праздники иных конфессий. Предположение же о том, что законодатель исходил из светского понимания Рождества, и устанавливал его в качестве государственного праздника в знак признания его исторического и культурного значения едва ли может быть принято последователями иных религиозных, в том числе и атеистических, учений [9, с. 22]. С точки же зрения православного христианина провозглашение одного из важнейших праздников как исключительно светского и вовсе может быть оценено как оскорбление чувства верующего.

В правоприменительной практике имеют место случаи оспаривания политическими деятелями, представителями науки нормы ТК РФ, закрепляющей Рождество как нерабочий праздничный день. Так гражданин С.К. Дулов обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение его конституционных прав абзацем третьей части 1 статьи 112 Трудового кодекса Российской Федерации и пунктом 7 статьи 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях». По мнению Дулова, оспариваемые нормы нарушают его право на труд и противоречат конституционным положениям о светском характере Российского государства и об отделении религиозных объединений от государства. Конституционным судом было вынесено определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы в связи с ее несоответствием критерию допустимости обращений в Конституционный Суд РФ [10].

На данный момент легитимное понятие «светское государство» в нормативных актах Российской Федерации отсутствует. В связи с этим установить, насколько данный конституционный принцип исполняется в РФ, не представляется возможным, поскольку отсутствует ясность относительно того, что именно вкладывалось законодателем в данный принцип. Вместе с тем оказывается невозможной и правильная реализация Федерального закона «Об образовании», в частности п. 1 ст. 3, устанавливающего светский характер образования в государственных, муниципальных организациях, осуществляющих образовательную деятельность, Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», а также законодательства во многих иных сферах.

Весьма значимым представляется дефинитивное закрепление «светского государства», где последнее представлено характеристикой государства, обозначающей независимость религиозных объединений и объединений, деятельность которых направлена на распространение идеологии, в пределах сферы своей деятельности и компетенции, гарантируемую недопустимостью установления общеобязательной религии и изъятием их из сферы влияния или управления государства. Однако подобная мера не является исчерпывающей на пути комплексного решения проблемы и требует целый комплекс необходимых мер, в том числе:

- законодательное закрепление религиозной терминологии;
- формирование единой концепции в сфере сотрудничества государства и религиозных объединений;
- принятие закона, регламентирующего важные аспекты преподавания основ религии в государственных и муниципальных школах;
- правовое регулирование вопросов поведения высших должностных лиц государства, связанного с их участием в религиозных обрядах и церемониях;
- отладка правового механизма поддержки государством религиозных организаций;
- приведение гражданского законодательства в соответствие с принципом светскости (ликвидация правовых привилегий и льгот для так называемых традиционных религиозных организаций; упрощение доступа к получению религиозным объединением статуса юридического лица и проч.)

Литература

1. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., М., 1997. – 2314 с.
2. Шахов М.О «Нужно ли России именовать себя в Конституции «светским государством»? // Славянский правовой центр. – 06.04.2015 (Дата обращения: 19.11.2022)
3. Конституции государств Европейского Союза» М., Издательская группа ИНФРА, 1997–802 с.
4. Афанасьева, О.В. Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов / О.В. Афанасьева, Е.В. Колесников, Г.Н. Комкова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 401 с. URL: <https://urait.ru/bcode/510482> (дата обращения: 01.12.2022).
5. Шахов М. О. К вопросу о правовом соотношении принципа светскости государства и принципа отделения от него религиозных объединений в современной Франции // Религия и право. – 2014. – № 2 (Дата обращения: 29.11.2022).
6. Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и деятельность религиозных объединений в Российской Федерации. Конституционно-правовые основы. М., 2012. – С. 64.
7. Понкин И.В. Светскость государства. – М.: Издательство Учебно-научного центра довузовского образования, 2004. – 468 с.
8. Федеральный закон от 23 июля 2010 года № 170-ФЗ «О внесении изменения в статью 1.1 Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России”» // СЗ РФ. 2010. № 30. Ст. 4001.
9. Религиозные нерабочие праздники в светском государстве Маркова Е.Н.// Конституционное и муниципальное право. 2012. № 3. С. 19–24.

10. Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2011 г. N1846-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дулова Сергея Константиновича на нарушение его конституционных прав абзацем третьей части первой статьи 112 Трудового кодекса Российской Федерации и пунктом 7 статьи 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС ГАРАНТ (Дата обращения 11.11.2022).

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF SECULARISM IN RUSSIAN CONSTITUTIONAL LAW

Lapshina I.E., Lyadovskaya N.I., Pisanova V.A.
Bauman Moscow State Technical University

The subject of the study is the legal norms that establish and regulate the principle of secularism in the Russian Federation. The purpose of this work was to consider the concept of “secularism”, to identify the substantive elements of the principle of secularism in the Russian Federation, to consider foreign experience of legal enshrining the principle of secularism. The methodology of the study consisted of the logical methods of analysis and synthesis, the method of historicism, the comparative legal method. As a result of this study, it was concluded that the principle of secularism in the Russian normative framework does not have a specific content and universality. A set of measures to eliminate the contradictions associated with the implementation of the principle of secularism in the Russian Federation is proposed.

Keywords: constitution, constitutional law, state, Russian Federation, secularism, principle of secularism, religion, state religion.

References

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. The Explanatory Dictionary of the Russian Language. – 4th ed., M., 1997. – 2314 p.
2. Shakhov M.O. “Does Russia need to call itself a “secular state” in the Constitution? // Slavic Legal Centre. – 06.04.2015 (Date of reference: 19.11.2022).
3. Constitutions of the European Union States” Moscow, INFRA Publishing Group, 1997–802 p.
4. Afanasyeva, O.V. Constitutional law of foreign countries: textbook for universities / O.V. Afanasyeva, E.V. Kolesnikov, G.N. Komkova. – 7-th edition, revised. and supplementary – Moscow: Publishing house Dryt, 2023. – 401 c. URL: <https://urait.ru/bcode/510482> (accessed 01.12.2022).
5. Shakhov M.O. On the Legal Correlation of the Principle of Secularity of the State and the Principle of Separation of Religious Associations in Modern France // Religion and Law. – 2014. – No. 2 (Date of reference: 29.11.2022).
6. Pchelintsev A.V. Freedom of religion and activity of religious associations in the Russian Federation. Constitutional and legal foundations. M., 2012. – P. 64.
7. Ponkin I.V. Secularity of the State. – Moscow: Publishing house of the Educational and Research Centre for Pre-college Education, 2004. – 468 p.
8. Federal Law of July 23, 2010 № 170-FZ ‘On Amendment of Article 1.1 of the Federal Law ‘On Days of Military Glory and Remembrance Dates of Russia’ // СЗ РФ. 2010. № 30. Art. 4001.
9. Religious Non-Working Holidays in a Secular State Markova E.N. // Constitutional and Municipal Law. 2012. № 3. P. 19–24.
10. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 21, 2011 N1846-O-O “On refusal to accept for consideration the complaint of the citizen Dulov Sergey Konstantinovich on violation of his constitutional rights by paragraph three of part one of Article 112 of the Labour Code of the Russian Federation and paragraph 7 of Article 4 of the Federal Law “On Freedom of Conscience and Religious Associations” // GARANT (accession date: 11.11.2022).

Сравнительный анализ отечественного и зарубежного нормативно-правового регулирования, научных методов и инструментария системы оценки устойчивого социально-экономического территориального развития

Разов Павел Викторович,

доктор социологических наук, профессор, профессор
Департамента социологии Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: PVRazov@fa.ru

Вольф Константин Владимирович,

директор Центра изучения и мониторинга эффективности
мер социально-экономической поддержки промышленности
и предпринимательства «Локомотивы роста» Финансового
университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: KVWolf@fa.ru

Кибакин Михаил Викторович,

доктор социологических наук, доцент, ведущий научный
сотрудник Центра изучения и мониторинга эффективности
мер социально-экономической поддержки промышленности
и предпринимательства «Локомотивы роста» Финансового
университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: MVKibakin@fa.ru

В статье представлен сравнительный анализ системы оценки устойчивого развития регионов в нашей стране и за рубежом. Показана специфика учета социально-экономического компонента устойчивого развития территорий в этой оценке. Проведено описание генезиса экологической составляющей устойчивого развития в связи с изменениями социально-экономической обстановки в мире и системы международной безопасности. Приведены данные обзора отечественного опыта и зарубежной практики обоснования оценки устойчивого социально-экономического развития территорий. Осуществлено сравнительное описание различных компонентов этой оценки – структуры, приоритетности исследования отдельных элементов процесса устойчивого развития, методов сбора данных, использования различных способов получения обобщенных показателей с учетом территориальной (региональной) специфики. Показаны сходство и различия в правовом регулировании и научном обеспечении развитии системы оценки устойчивости развития территорий в нашей стране и за рубежом.

Ключевые слова: устойчивое региональное развитие, социально-экономические проблемы развития, правовое регулирование, сравнительный анализ, отечественный опыт оценки, зарубежная практика оценки устойчивости.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Особенностями разработки и внедрения концепции устойчивого развития в современном обществе в целом и в отдельных регионах является ее появление в качестве коллективного труда и принятие международными институтами [4; 7; 8]. Наша страна сразу включилась в процесс ее имплементации [9].

Однако, в связи с укреплением российской государственности, стали все более заметными процессы уточнения сущности и содержания международных экологических показателей устойчивости с включением в них экономических, социальных, информационно-технологических и иных показателей, которые определяют устойчивость развития как комплексных показателей способности страны обеспечить реализацию собственного «цивилизационного проекта» в конкретных социально-экономических условиях. Результатом этого стало, в частности, принятие совокупности федеральных проектов и программ достижения целей национального развития в современных условиях.

По мнению многих ученых и различных научных школ в нашей стране и за рубежом имеются и общие объективные детерминанты концепции обеспечения устойчивости регионального развития и социально-экономической практики их реализации [1, 2, 3].

Экологическая повестка дня продолжает существенно влиять на национальные концепции устойчивого развития, однако большинство стран все больше ориентируются на военно-политические аспекты развития, установления прагматических межгосударственных связей, создания экономических союзов, которые защищают собственные интересы, даже вопреки общечеловеческим целям установления глобального рынка капиталов, экономических связей, регулирования вопросов безопасности, что закономерно ведет к определенной деградации международных институтов обеспечения сбалансированности и устойчивости цивилизационного развития (Всемирная организация труда, Организация объединенных наций и др.).

В процессе изучения объективности показателей устойчивости развития, применяемых в нашей стране и за рубежом, необходимо отметить, что уровень и качество жизни рассматриваются, как результат экономического роста. При этом в разных странах используются различные экономические, экологические и психологические составляющие.

По утверждению ряда ученых качество жизни населения определяется жизненным потенциалом

общества, входящих в него социальных групп, отдельных граждан и соответствием характеристик процессов, средств, условий и результатов их жизнедеятельности социально позитивным потребностям, ценностям и целям [5].

В настоящее время большинством стран, научными школами используется триединая концепция устойчивого развития, которая объединяет в себя экономический, экологический и социальных компоненты.

Более частные концепции связаны с теориями: а) коэволюции природы и общества (Н.В. Тимофеев-Ресовский); б) концепция «пределов роста» (Н. Донелла и др.); в) «модель роста» (Р. Солоу); г) теория «экономика устойчивого состояния» (Г. Дейли); д) интерактивная модель (П. Виктор) и др.

На основе используемых индикаторов составляются и публикуются глобальные рейтинги устойчивого развития.

Имеется существенная национальная специфика с точки зрения обеспечения равной динамики отдельных компонентов устойчивого развития – экологического, экономического, организационно-технологического, компонента безопасности. Особенно важно обеспечить сбалансированность динамики инвестиционного, инновационного, инфраструктурного и иных потенциалов.

Для раскрытия отдельных аспектов затронутой проблематики применительно к нашей стране в 2022 году было проведено экспертное исследование, включающее опрос 126 экспертов, объединенных в 6 экспертных групп по своему должностному положению и профессиональной деятельности.

Для анализа выраженности устойчивого регионального развития экспертиза проводилась по трем социально-экономическим ситуациям и правовым условиям: 1) на текущий момент; 2) на перспективу позитивных изменений; 3) в условиях санкций, что отражено на рисунке 1.

Рис. 1. Значимость компонентов устойчивого регионального развития в различных ситуациях социально-экономического положения (по материалам собственного исследования)

Полученные результаты экспертного исследования позволяют сделать выводы о том, что содержание процесса устойчивости в процессе развития значительно зависит от социально-экономических, военно-политических и иных условий. Методика экспертизы предусматривала возможность оценки каждого из компонентов: а) экономического; б) социального; в) экологического; г) управленческого; д) культурного; е) безопасности. Обобщенным показателем стала интегральная экспертная оценка со шкалой от «0%» (минимальное значение) до «100%» – максимальное значение.

Так, эксперты считают, что в текущих условиях значимость экономического компонента составляет 94,6% из 100% возможных. Также ведущим он остается и при прогнозе позитивных изменений (73,3%). Однако, в условиях санкций, значение экономического компонента существенно меньше и составляет 46,7%. Экспертные оценки при этом отражают общее представление о приоритетах для людей, в которых материальное обеспечение (экономический достаток) всегда коррелировался с более важными вопросами в кризисных условиях.

Достаточно показательным является и изменение уровня значимости компонента «безопасность». В обычных условиях это 40,0%, на позитивную перспективу в два раза меньше (20,0%). Но в условиях санкций этот компонент переходит на ведущую позицию и составляет 73,3% – выше, чем любой другой компонент. Эти оценки отвечают общей трансформации концепции устойчивости развития в нашей стране, которая все больше коррелируется с документами национальной безопасности.

В этих условиях достаточно показательными являются оценки более устойчивых компонентов, которые не имеют такой большой динамики: социальный (53,3%, 60,0%, 60,0%) и управленческий (53,3%, 53,3%, 66,7%). Тем самым понимание устойчивости, в феномене которого есть потенциал стабильности и динамики, может адаптироваться к различной ситуации и это положительно.

По мнению экспертов санкции угнетающее влияют на культурный компонент устойчивости, который в обычных условиях составляет 40,0%, при позитивных изменениях остается таким же (40,0%).

Он же резко снижается в условиях санкций и составляет 26,7%.

Достаточно скептически относятся эксперты к значению экологического компонента. Лишь при допущении позитивного сценария развития событий этот показатель достигает 26,7%. В обычных же условиях значение экологии оценивается в 7,1%, а в условиях санкций и того меньше – 6,7%. Иными словами благоприятная природная среда и решение вопросов экологии по мнению экспертов имеют смысл только в том случае, если решены все другие вопросы обеспечения устойчивости регионального развития.

Анализ фактологического материала в области устойчивости регионального развития, получаемого с помощью зарубежных и отечественных подходов, методик, инструментария подтверждает наличие проблемы неполной соизмеримости получаемых показателей.

Общими в изучении проблем устойчивости также является практико-ориентированный характер исследований в нашей стране и за рубежом применительно к интеграции опыта в практической деятельности.

При этом имеется сходный опыт в разных странах обеспечения устойчивости процессов развития «точек роста», в том числе и с использованием кластерного подхода [6]. В нашей стране в практике государственного управления в сфере обеспечения устойчивого регионального развития широко применяются закрепленные правовые нормы концепции «стратегического планирования», «программно-целевого подхода», использования федеральных и региональных проектов и программ национального развития, а также «индикативных моделей» оценки эффективности государственного и муниципального управления на основе нормативных установок достижения комплексных показателей социально-экономического развития.

С точки зрения реализации прогностической функции системы оценки устойчивого регионального развития в дальнейшем целесообразно сосредоточиться на следующих проблемах возможностей соединения отечественного и зарубежного опыта научного сопровождения обеспечения феномена устойчивости:

а) возможностей достижения целей устойчивого развития с учетом трансформации глобального рынка общей хозяйственной деятельности в условиях санкций с поиском новых партнеров, механизмов ответственной межгосударственной экономической политики;

б) совершенствование методологического и методического арсенала прогностики с использованием глобальных цифровых платформ;

в) прогноз возможностей использования в целях устойчивого развития в новых условиях потенциала наиболее авторитетных правовых институтов регулирования общемирового порядка (прежде всего ООН) с учетом резкого ухудшения социально-экономической ситуации и наступа-

тельной политики нашей страны по защите национальных интересов;

г) прогнозирование развития рынка цифровых технологий и возможностей его регулирования на рыночных условиях, но и с учетом национальных интересов с установлением общих норм соблюдения правил рыночной экономики с установлением сбалансированного представительства отдельных стран в правовых институтах регулирования информационно-коммуникационной сети «Интернет»;

д) прогнозирования трансформации существующих и новых угроз устойчивого развития территорий, стран, межгосударственных образований и другие.

Таким образом, современная отечественная научная школа устойчивого развития интегрировала в себя зарубежные теоретические концепции и методические подходы, учитывает опыт нормативно-правового регулирования этой сферы в других странах, а социально-экономическая практика обеспечения устойчивого регионального развития вобрала в себя положительный опыт других стран с учетом национальной специфики.

Литература

1. Алихаджиева Д.Ш. Региональные аспекты развития России в рамках реализации целей устойчивого развития // Вестник Академии знаний. 2021. № 5 (46). С. 43–46.
2. Алферова Т.В. Концептуальное моделирование определения категории «устойчивое развитие» // Журнал экономической теории. 2012. № 4. С. 46–52.
3. Андрианов, В. Эволюция основных концепций регулирования экономики (от теории меркантилизма до теории функциональных экономических систем) / В. Андрианов // Общество и экономика. – 2005. – № 4. – С. 3–47.
4. Декларация по окружающей среде и развитию. Принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-Жанейро, 1992 г.) / Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Электронный формат: [<https://docs.cntd.ru/document/8308082>]; Дата обращения 1 июля 2022 г.
5. Землянухина Е.И. Управление качеством жизни населения в системе планирования устойчивого развития Воронежской области / Е.И. Землянухина, А.А. Слинько // Регион: системы, экономика, управление. – 2015, № 3 (30). – С. 86–90.
6. Лабутина Н.Н. Устойчивое развитие региональной экономики через создание и развитие инновационных территориальных кластеров // Устойчивое развитие и кооперация: содействие внедрению инноваций. 2021. С. 159–164.
7. Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. Интернет-портал ООН. Русскоязычная вер-

сия. Электронный формат: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml]: Дата обращения: 1 июля 2022 г.;

8. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. 70/1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года / ООН. Цели в области устойчивого развития. Интернет-портал. Электронный формат: [<https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/>]: Дата обращения 1 июля 2022 г.
9. Указ Президента РФ от 01.04.1996 N440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» / «Собрание законодательства РФ», 08.04.1996, N15, ст. 1572 / Документы-Правительство Российской Федерации. Электронный формат: [<http://government.ru/docs/all/17992/>]: Дата обращения 1 июля 2022 г.

COMPARATIVE ANALYSIS OF DOMESTIC AND FOREIGN LEGAL REGULATION, SCIENTIFIC METHODS AND TOOLS OF THE ASSESSMENT SYSTEM OF SUSTAINABLE SOCIO-ECONOMIC TERRITORIAL DEVELOPMENT

Razov P.V., Wolf K.V., Kibakin M.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article presents a comparative analysis of the system for assessing the sustainable development of regions in our country and abroad. The specifics of taking into account the socio-economic component of sustainable development of territories in this assessment are shown. The data of the review of domestic experience and foreign practice of substantiating the assessment of sustainable socio-economic development of territories are presented. A comparative description of the various components of this assessment is carried out – the structure, the priority of the study of individual elements of the sustainable development process, data collection methods, the use of various ways to obtain generalized indicators taking into account territorial (regional) specifics. The similarities and differences in legal regulation and scientific support for the development of the sustainability assessment system are shown.

Keywords: sustainable regional development, socio-economic problems of development, legal regulation, comparative analysis, domestic assessment experience, foreign practice of sustainability assessment.

References

1. Alikhajeva D.S. Regional aspects of Russia's development in the framework of the implementation of the Sustainable Development Goals // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2021. No. 5 (46). pp. 43–46.
2. Alferova T.V. Conceptual modeling of the definition of the category "sustainable development" // Journal of Economic Theory. 2012. No. 4. pp. 46–52.
3. Andrianov, V. Evolution of the basic concepts of economic regulation (from the theory of mercantilism to the theory of functional economic systems) / V. Andrianov // Society and Economics. –2005. – No. 4. -p.3–47.
4. Declaration on Environment and Development. Adopted at the UN Conference on Environment and Development (Rio Janeiro, 1992) / Electronic Fund of Legal and Regulatory Documents. Electronic format: [<https://docs.cntd.ru/document/8308082>]: Accessed July 1, 2022
5. Zemlyanukhina E.I. Management of the quality of life of the population in the planning system of sustainable development of the Voronezh region / E.I. Zemlyanukhina, A.A. Slinko // Region: systems, economics, management. – 2015, № 3 (30). – Pp. 86–90.
6. Labutina N.N. Sustainable development of the regional economy through the creation and development of innovative territorial clusters // Sustainable development and cooperation: promoting innovation. 2021. pp. 159–164.
7. Agenda for the XXI century. Adopted by the UN Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, June 3–14, 1992. UN Internet Portal. Russian-language version. Electronic format: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml]: Accessed: July 1, 2022;
8. Resolution adopted by the General Assembly on September 25, 2015. 70/1. Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development / UN. Sustainable Development Goals. Internet portal. Electronic format: [<https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/>]: Accessed July 1, 2022.
9. Decree of the President of the Russian Federation of 01.04.1996 N440 "On the Concept of transition of the Russian Federation to sustainable development" / "Collection of Legislation of the Russian Federation", 08.04.1996, N15, Article 1572 / Documents-Government of the Russian Federation. Electronic format: [<http://government.ru/docs/all/17992/>]: Accessed July 1, 2022.

Нормативная база и научные методы зарубежных стран системы оценки устойчивого регионального развития

Эльканова Елена Алексеевна,

кандидат экономических наук, доцент Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: Eaelkanova@fa.ru

Вольф Константин Владимирович,

директор Центра изучения и мониторинга эффективности мер социально-экономической поддержки промышленности и предпринимательства «Локомотивы роста» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: KVWolf@fa.ru

Чернов Виталий Вениаминович,

кандидат социологических наук, доцент, научный сотрудник Центра изучения и мониторинга эффективности мер социально-экономической поддержки промышленности и предпринимательства «Локомотивы роста» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: VVChernov@fa.ru

Объектом исследования в данной статье является устойчивое региональное развитие, как объект исследования зарубежными учеными, которые основываются на различных концепциях социально-экономического развития и правового регулирования процессов обеспечения стабильности и согласованности различных компонентов экономики и управления территориями. Проводится описание правового регулирования и нормативной базы в зарубежных странах системы оценки устойчивого регионального развития. Содержится обзор основных концепций изучения содержания и показателей устойчивого развития, дается классификация используемых научных методов определения качественных и количественных характеристик этого процесса. Излагается опыт построения национальных и международных основ правового регулирования и обеспечения достоверности оценки устойчивости регионального развития. Представлена авторская позиция возможности использования зарубежного опыта нормативно-правового обеспечения построения зарубежных систем оценки устойчивости регионального развития.

Ключевые слова: правовое регулирование, нормативная база, устойчивое региональное развитие, зарубежные страны, научный метод, оценка регионального развития, методология оценки, инструментарий оценки устойчивости.

Научный генезис проблем устойчивого развития, как научной категории проистекает из того, что впервые термин «устойчивое развитие» был использован в концепции «Всемирной стратегии охраны природы» [7]. Он явился важным этапом эволюционного развития научной мысли человечества, связанной с попыткой обосновать необходимость гармонии человека и природы, основанной на понимании исчерпаемости природных ресурсов, а также понимания тупиковости «общества потребления». Общественные инициативы, научные форумы, требования населения к избираемым политикам создал условия для одобрения этой социально значимости инициативы на уровне международных политико-правовых институций.

После принятия соответствующих документов на международном уровне произошла имплементация этих в национальные системы правового регулирования устойчивого развития стран и территорий, а также в практику хозяйственной деятельности, государственного и муниципального управления.

На сегодняшний день учеными и практиками устойчивость развития рассматривается как комплексное понятие, включающее понятийно-категориальный аппарат различных наук, связанных с изучением процессов и явлений в различных сферах жизни и интегрирующих три компонента: а) экономическую эффективность; б) социальное равенство; в) экологическую устойчивость [6]. Важно обратить внимание, что каждый из компонентов имеет достаточно широкое толкование, что и отразилось в законодательствах различных стран, в том числе и в Российской Федерации.

Используемый на международном уровне подход к определению устойчивого развития нашел свое отражение в организации глобальных экономических связей, что нашло, в частности, отражение в политике глобальных экономических институтов, в частности Всемирного банка [5].

Этот факт вызвал дополнительный интерес к проблематике устойчивости среди научных центров, образовательных организаций, исследовательско-аналитических структур, так как она стала финансировать в достаточно больших объемах. При этом международные финансово-экономические институты преследовали свои прагматические интересы, последовательно создавая систему сбора информации для обеспечения обоснованных решений по выделению кредитов, финансировании глобальных инфраструктурных проектов, инвестировании в страны и территории с устойчивым развитием.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финиуниверситета

Понятие устойчивости рассматривается традиционно западными авторами преимущественно рассматривается с решения экологических проблем и воплощаются в концепциях: 1) неоинституционализма; 2) неоклассической теории; 3) консервационистской; 4) эколого-экономической; 5) структурного функционализма [4].

Концепция неоинституционализма (Р. Куз, О. Уильямсон, представители «чикагской школы», «вирджинской школы») в рамках концепции устойчивого развития основывается на предположении о том, что этот процесс носит объективный, социально одобряемый и основанный на систематическом выделении средств, то есть институциональный характер. В такой характеристике имеется достаточно оснований, так как под влиянием ООН большинство стран имплементировали нормы перехода к устойчивому развитию на уровне национальных законодательств, стали поддерживать соответствующие социально-экономические практики и выделять бюджетные средства. Более того, созданы организационные структуры, которые выполняют функции субъектов организации деятельности по осуществлению мер поддержки процессов устойчивого развития.

Неоклассическая теория (Дж. Хикс, Дж. Стиглер, представители «Австрийской школы», «Кембриджской школы», «Лозанской школы») подчеркивает необходимость сохранения преемственности научного знания о природе, о человеке, государстве и обществе, сохранению гармонии и стабильности в их взаимодействии. При использовании данного подхода происходит своеобразное «переоткрытие» научных трудов мыслителей классических школ на всех этапах развития человечества.

Весьма популярной среди экологов является концепция консервационизма (А. Мальро). Ее представители призывают ограничить потребление природных ресурсов, снизить темпы экономического роста, то есть «сохранить природные ресурсы» для последующих поколений. Очевидно, что несмотря на принятые ООН документы устойчивого развития на основе экологической ориентации, эта концепция входит в противоречие с интересами хозяйствующих субъектов, а значит встречает на практике определенное противодействие.

Более рациональной является эколого-экономическая теория (М. Стронг), предусматривающая рациональное использование природных ресурсов с максимальным учетом интересов экономики с одной стороны, и сохранения благоприятных природных условий с другой стороны. Одной из форм проявления этой теории является развитие «зеленой энергетики». Представляется, что подобный подход в современных условиях показал свою уязвимость и необходимость его переосмысления.

В силу своей простоты среди ученых и практиков имеет широкое хождение и теория структурного функционализма (Э. Дюргейм, Т. Парсонс), на основе которой происходит осмысление процессов устойчивого регионального развития. При этом вы-

деляются структурные компоненты на различных уровнях (конкретном социально-экономическом, институционально-организационном, государственном, межгосударственном) и в различных сферах (нормативно-правовой, ресурсной, ценностной). Приверженцы этой теории каждый из этих структурных компонентов связывают с функциями сохранения стабильности социально-экономической системы: целеполагания, интеграции, адаптации и сохранения нормы.

Одно из заметных мест в зарубежной методологии и используемых методиках занимает кластерная концепция изучения регионов, институтов и организаций, а также их сбалансированного и устойчивого развития. При этом происходит формирование особого понятийно-категориального аппарата для описания феномена кластеров, в который включаются эколого-экономические, управленческие, географические, пространственные компоненты, демографические процессы, формирование новых рынков труда. Соответственно обеспечение устойчивости социально-экономических кластеров имеет существенные отличия от традиционно обжитых территорий. Создание кластеров, как особых территорий, производится, как правило в рамках государственных программ пространственного развития.

При анализе зарубежных подходов можно также выделить подход к устойчивому развитию, при котором региональная политика понимается близкой по содержанию государственному регулированию. Этот подход представлен в работах представителей немецкой научной школы, шведской научной школы, американской научной школы, французской научной школы и другие.

На методическом уровне изучения опыта западных стран по проблемам оценки целесообразно указать на реализацию таких подходов, как: а) осуществления группировки методов и инструментов оценки устойчивости; б) описания отдельных аспектов этого понятия (инновационный, экологический, технологический и т.д.). Широкое распространение в методике оценки устойчивости развития среди зарубежных ученых, научных школ и «мозговых центров» получил индексный метод интеграции первичных характеристик индикаторов состояния экологического, социального и экономического компонентов процесса устойчивого развития.

Ученые в различных странах используют в качестве индикативных показателей устойчивого развития регионов (территорий) принципы устойчивого развития территорий ООН. Они включают следующие группы индикаторов: экологические, социальные, экономические.

Первая группа – индикаторы экологического компонента:

во-первых, – нормы регулирования транспортной сферы в интересах устойчивого развития: а) приоритет экологическому транспорту; б) развитие общественного транспорта; в) стимулируются велосипеды; г) развивается система парковых мест возле домов;

во-вторых, – нормы водоснабжения в интересах устойчивого развития: а) качественное водоснабжение; б) эффективное водоотведение; в) использование технологий рециркуляции воды;

в-третьих, – нормы утилизации мусора в интересах устойчивого развития: современные технологии сортировки и переработки мусора.

Вторая группа – индикаторы социального компонента:

во-первых, – градостроительные нормы в интересах комфортной жизни населения; д) особое внимание благоустройству на основе учета потребности жителей;

во-вторых, – нормы ресурсного обеспечения энергии в интересах устойчивого развития;

в-третьих, – нормы развития позитивных социальных отношений в интересах устойчивого развития; развитие местной самоуправляемой демократии.

Третья группа – индикаторы экономического компонента.

Во-первых, – нормы развития экономического компонента устойчивого развития; создание местного рынка для своих; г) содействие развитию бартерных отношений; д) создание предприятий на территориях с учетом макроэкономических процессов.

В методическом арсенале оценки устойчивости регионального развития отдельную группу составляют средства, методы и технологии, связанные с исследованием устойчивого развития городов и иных территорий. Имеются методические подходы оценки устойчивости на отраслевом уровне. Практически повсеместно эти методики основаны на применении глобальных цифровых платформ, сбора постоянной информации и формирования так называемых Big Data.

На организационном уровне можно указать на реализованный рядом зарубежных авторов корпоративный подход к оценке устойчивости регионального развития. В частности, в рамках этого направления [1]: а) исследованы возможности использования определенных индикаторов для мониторинга устойчивого развития компании; б) обоснованы правила интеграции индексов на основе аналитических технологий; в) сформулированы принципы интерпретации получаемых количественных индексных данных для принятия решений, что позволило реализовать аналогичный подход использован при обосновании исследовательского инструмента для оценки устойчивости отдельного предприятия в рамках отрасли на основании интегрирования составного индекса [2].

Проблемы устойчивости рассматривались зарубежными авторами и на производственном (маркетингово-продуктовом) уровне при оценке устойчивости продукта на разных этапах жизненного цикла некоторыми авторами [3].

Таким образом, проблемы устойчивости развития рассматривались зарубежными учеными на различных уровнях с использованием современного математико-статистического аппарата,

позволяющего на основании выявления первичных показателей провести оценку устойчивости государственного, отраслевого, корпоративного развития, а также устойчивости жизненного цикла продуктов (товаров), что представляет определенный интерес для отечественных ученых и практиков.

Литература

1. Krajnc, D., Glavic, P. (2005). A model for integrated assessment of sustainable development, In Resources, Conservation and Recycling, 43, 189–208. DOI: 10.1016/j.resconrec.2004.06.002.
2. Madanchi, N. (2013). A rapid assessment tool to assess factory sustainability, In Open Access Master's Theses, 133. Available at: <https://digitalcommons.uri.edu/theses/133> (accessed 10 February 2019).
3. Poenitz, R. (2014). Assessing global product sustainability of consumer electronic products – development of an integrated approach, In Open Access Master's Theses, 366. Available at: <http://digitalcommons.uri.edu/theses/366> (accessed 10 February 2019).
4. UNDP China and Institute for Urban and Environmental Studies, Chinese Academy of Social Sciences (2013). China National Human Development Report. Sustainable and Liveable Cities: Toward Ecological Civilization. Beijing, China Translation and Publishing Corporation, 179 p. Available at: <http://www.cn.undp.org/> (accessed 10 February 2019).
5. Доклад о мировом развитии «Мышление, общество и поведение / Группа Всемирного банка [Электронный ресурс]: Режим доступа <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/20597/WDR2015Overview-Russian.pdf?sequence=5>. – Дата последнего обращения 14.04.2022 г.
6. Пчелинцев О.С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М., 2004.
7. Современный энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tolks.ru/?to=2&what=view_word&file_id=37478&from=base.

REGULATORY FRAMEWORK AND SCIENTIFIC METHODS OF FOREIGN COUNTRIES SYSTEMS FOR ASSESSING SUSTAINABLE REGIONAL DEVELOPMENT

Elkanova E.A., Wolf K.V., Chernov V.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The object of research in this article is sustainable regional development as an object of research by foreign scientists. The description of the legal regulation and regulatory framework in foreign countries of the system for assessing sustainable regional development is carried out. An overview of the main concepts of studying the content and indicators of sustainable development is provided, a classification of the scientific methods used to determine the qualitative and quantitative characteristics of this process is given. The article describes the experience of building national and international foundations of legal regulation and ensuring the reliability of the assessment of the sustainability of regional development. The author's position on the possibility of using foreign experience of regu-

latory support for the construction of foreign systems for assessing the sustainability of regional development is presented.

Keywords: legal regulation, regulatory framework, sustainable regional development, foreign countries, scientific method, regional development assessment, assessment methodology, sustainability assessment tools.

References

1. Krajnc, D., Glavic, P. (2005). A model for integrated assessment of sustainable development, In *Resources, Conservation and Recycling*, 43, 189–208. DOI: 10.1016/j.resconrec.2004.06.002.
2. Madanchi, N. (2013). A rapid assessment tool to assess factory sustainability, In *Open Access Master's Theses*, 133. Available at: <https://digitalcommons.uri.edu/theses/133> (accessed 10 February 2019).
3. Poenitz, R. (2014). Assessing global product sustainability of consumer electronic products – development of an integrated approach, In *Open Access Master's Theses*, 366. Available at: <http://digitalcommons.uri.edu/theses/366> (accessed 10 February 2019).
4. UNDP China and Institute for Urban and Environmental Studies, Chinese Academy of Social Sciences (2013). *China National Human Development Report. Sustainable and Liveable Cities: Toward Ecological Civilization*. Beijing, China Translation and Publishing Corporation, 179 p. Available at: <http://www.cn.undp.org/> (accessed 10 February 2019).
5. World Development Report “Thinking, Society and Behavior / World Bank Group [Electronic resource]: Access mode <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/20597/WDR2015Overview-Russian.pdf?sequence=5>. – Last accessed 14.04.2022
6. Pchelintsev O.S. *Regional economy in the system of sustainable development*. M., 2004.
7. *Modern encyclopedic dictionary* [Electronic resource]. – Access mode: http://tols.ru/?to=2&what=view_word&file_id=37478&from=base.

Правовая природа преимуществ статуса залогового кредитора при несостоятельности (банкротстве) должника

Лапина Елизавета Вадимовна,

бакалавр, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: elizavet01.04.2000@gmail.com

Хаустов Никита Сергеевич

бакалавр, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»
E-mail: n.khaustov@gmail.com

Данная статья посвящена анализу преимуществ статуса залогового кредитора в деле о несостоятельности (банкротстве) залогодателя, а также возможных рисков, которые данный статус влечет за собой в случае залога прав участников должника-залогодателя. Рассмотрена обоснованность установления приоритета требований налогового органа на основе залога из ареста имущества должника. Были исследованы ограничения залогового приоритета обеспеченного кредитора: ограничения на основе закона и ограничения, сформированные судебной практикой (удовлетворение текущих налоговых обязательств на имущество, находящееся в залоге, вперед требований налогового кредитора; понижение очередности выплаты мораторных процентов по требованиям залогового кредитора). Залог как эффективный экономический инструмент обеспечивает не только приоритет при погашении обязательства, но и функцию контроля за поведением должника (в особенности при залоге корпоративных прав). Исследованы риски кредитора, обеспеченного залогом корпоративных прав, на примере ситуаций, рассмотренных в доктрине и судебной практике (ответственность залогодержателя в виде убытков, понижение в очередности требований залогодержателя).

Ключевые слова: кредитор, залог, залоговый приоритет, корпоративные права, контроль, субординация.

Залоговый приоритет кредитора в деле о несостоятельности (банкротстве) должника означает возможность за счет стоимости предмета залога преимущественного удовлетворения требования обеспеченного кредитора перед иными необеспеченными кредиторами. Такой приоритет необходимо рассматривать с другими свойствами залога как вещного обеспечения. В частности, в силу свойства следования залога за вещь, кредитор как залогодержатель не связан присутствием в отношении конкретного лица-залогодателя, а вправе получить погашение своих требований за счет предмета залога в независимости от перехода прав на него к другому лицу (ст. 353 ГК РФ). А в силу свойства эластичности залог как имущество определенной ценности сохраняется в независимости от изменения его внешнего вида, если существует фактический или юридический заменитель этой ценности (п. 2 ст. 334 ГК РФ) [2, с. 29]. Так, в недавнем Обзоре об установлении требований залогодержателей при банкротстве залогодателя Верховный Суд РФ обозначил позицию, согласно которой приоритет залогового требования должен распространяться и на сумму страхового возмещения, и на сумму процентов по нему в случае предоставления такого возмещения при гибели предмета залога [6].

Выбиваясь из принципа равенства положения кредиторов и равной защиты их требований при банкротстве должника, залог как вещное обеспечение наделяет залогодержателя в банкротстве защитой против третьих лиц, то есть других кредиторов [4, с. 115].

То есть, залог для кредиторов в деле о банкротстве является, своего рода, гарантией его защиты в части сокращения возможных финансовых рисков, позволяя залогодержателям преимущественно перед иными кредиторами получить удовлетворение своих требований за счёт денежной суммы, вырученной от продажи предмета залога (ст. 134, ст. 138 Закона о банкротстве).

По сути, реестр требований кредиторов в третьей очереди делится на обеспеченных и необеспеченных кредиторов, причём первые имеют преимущества и действительно получают наиболее полное погашение задолженности. В силу особой природы отношений несостоятельности и конкурса в рамках этих отношений, который можно расценивать как коллективное исполнительное производство, у всех кредиторов имеется единая цель получения удовлетворения своих требований за счёт общей для них конкурсной массы. Однако положение залогового кредитора в этих отношениях

становится иным, поскольку он не имеет общего с остальными конкурсными кредиторами интереса. Можно сказать, что между обеспеченными и необеспеченными кредиторами должника отсутствует конкуренция в реестре, потому что притязания залогового кредитора направлены на вещь, находящуюся в залоге, конкурс в отношении которой не предполагается [21, с. 34–35].

В плане проявления залогового приоритета примечательна конструкция внедоговорного залога, а именно залога, возникающего у налогового органа на основании ареста имущества (п. 2.1 ст. 73 НК РФ). Такое относительно недавнее нововведение [22] оценено негативно среди юристов, поскольку реализация данного положения может повлечь за собой отрицательные последствия для иных частных залоговых кредиторов налогоплательщика [19]. Некоторые обосновывают целесообразность введения налогового залога исключительно политическими мотивами, которые заключаются в том, чтобы повысить очередность удовлетворения требований уполномоченного органа без внесения изменений в Закон о банкротстве [16, с 52].

Учитывая, что позиция Верховного Суда РФ по отношению к арестному залому (п. 5 ст. 334 ГК) однозначна (залоговый статус не возникает из ареста имущества – п. 4 Обзора ВС РФ об установлении требований залогодержателей при банкротстве залогодателей), открытым остается вопрос об особенностях налогового залога. Суды, не смотря на возражения сторон со ссылкой на позицию Верховного Суда РФ по арестному залому [7], все же признает требования налогового органа как обеспеченное залогом на основании ареста имущества налогоплательщика [15].

Возможно законодателю следует уточнить п. 2.1 ст. 73 НК с учётом применения банкротного законодательства и указать, что уполномоченный орган не наделяется автоматически полноценным статусом залогового кредитора и правами, закреплёнными в ст. 18.1 и ст. 138 Закона о банкротстве. Хотя, в силу обеспечения налоговыми платежами публичных интересов, направленных на реализацию социальных функций государства, законодатель, скорее окончательно приравнивает налоговый залог к ординарному или же создаст отдельную привилегированную очередь уполномоченного органа в реестре требований кредиторов должника.

Однако залоговый приоритет не является абсолютным и предусматривает некоторые ограничения. В Законе о банкротстве такие ограничения устанавливаются в п.п. 1–3 ст. 138 и направлены на распределение денежных средств от реализации предмета залога между недобровольными и социально значимыми кредиторами и финансированием процедуры банкротства.

Ограничения статуса залогового кредитора выработаны также судебной практикой. Так, Верховный Суд РФ распространяет правило о приоритете погашения издержек по сохранению предмета залога, указанному в п. 6 ст. 138 Закона о банкрот-

стве, на текущие обязательства должника по уплате имущественных налогов, начисленных на залоговое имущество за период нахождения должника в банкротных процедурах [8]. Обоснование такой позиции сводится к тому, что первоочередное удовлетворение требования залогового кредитора способно привести к дисбалансу в объёме прав кредиторов в силу того, что имущественная выгода от продажи предмета залога будет предоставляться только залоговому кредитору, а расходы, непосредственно связанные с этим же имуществом (т.е. текущие обязательства по уплате налогов за имущество), будут погашаться за счёт иных активов должника в ущерб интересам необеспеченных кредиторов, что не может считаться справедливым. Также Суд добавил, что у залоговых кредиторов в значительной степени имеется власть над судьбой предмета залога, в следствие чего они имеют возможность эффективно влиять на скорость решения вопроса о реализации залогового имущества и, тем самым, избегать накопления долговых обязательств по текущим имущественным налоговым платежам. Таким образом, сохраняя ценность обеспечительной функции залога, Верховный Суд РФ установил, что требования залогового кредитора должны погашаться за счёт предмета залога за вычетом издержек, непосредственно связанных с этим имуществом, включая текущие налоговые обязательства на имущество, находящееся в залоге.

Не бесспорным является сформированное судебной практикой ограничение касательно очередности взыскания мораторных процентов по требованиям залоговых кредиторов. Так, Верховный Суд РФ в 2021 году установил [9], что мораторные проценты по требованиям залогового кредитора подлежат погашению после удовлетворения требований всех кредиторов третьей очереди (в том числе необеспеченных кредиторов) преимущественно перед удовлетворением незалоговых требований кредиторов по мораторным процентам. Суд определил правовую природу мораторных процентов, которая, по мнению Верховного Суда РФ, носит характер финансовых санкций и не позволяет погашать их ранее оставшихся неудовлетворенными требованиями иных кредиторов по основному долгу. То есть, начисление и выплата мораторных процентов по требованиям залогового кредитора при непогашенном реестре существенно нарушают имущественные интересы остальных (незалоговых) кредиторов. Такая позиция ВС РФ продублирована и более поздними решениями [10,11].

Мнения юристов по оценке данного Определения ВС РФ разделились [20]. Одни считают, что Верховный Суд РФ установил баланс интересов между залоговыми и незалоговыми кредиторами, когда в приоритет ставится именно основной долг кредитора, а начисленные в период действия процедур банкротства мораторные проценты подлежат погашению лишь после уплаты включенных в реестр основных долгов, что служит целям максимального сохранения возможности возврата

долга более уязвимым необеспеченным кредиторами, которые не обладают такой защитой своих имущественных прав и интересов как залоговые кредиторы. Другие утверждают, что Верховный Суд РФ применил по аналогии правила о преимущественном удовлетворении залоговых финансовых санкций, к которым суд отнес мораторные проценты, перед незаლოговыми санкциями, чем нивелировал положения п. 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 06.12.2013 № 88 и, по сути, приравнял между собой мораторные и штрафные проценты.

Указав ограничения статуса залогового кредитора в деле о несостоятельности (банкротстве), нельзя не упомянуть про риски, с которыми может столкнуться залоговый кредитор. Для этого проанализируем еще одно преимущество залога – функцию контроля за предметом залога.

Возможность контролировать активы залогодателя и управлять ими в целях сохранения заложенного имущества представляет существенную гарантию для залогодержателя. Наиболее очевидно возможность такого контроля над имуществом должника и над самим должником проявляется в ситуации залога корпоративных прав (ст. 358.15 ГК РФ), ведь в этом случае залогодержатель доли/акций вправе, например, голосовать на общем собрании участников общества, получать информацию о деятельности должника, оспаривать его сделки и т.д.

Однако, чем больше предоставляемый залогодержателю в результате залога прав участия в организации должника и наделения залогодержателя по соглашению о залоге определенными полномочиями по управлению компанией объем прав, тем более вероятен риск наступления ответственности залогового кредитора за управленческие решения, принимаемые вразрез с обеспечительной целью, которую сторонами изначально преследовалась [1, с. 21–22].

Предоставляя залогодержателю возможность осуществлять права участников, законодатель, как отмечает Р.С. Бевзенко, сближает статус кредитора и участника юридического лица-должника, хотя их дихотомия заключается в том, чтобы противопоставить кредитора, не участвующего в управлении деятельностью компании должника, и участника, который в силу корпоративного членства может нести риски убыточного руководства должником [1, с. 15].

При наличии такой возможности определять действия должника не исключено привлечение залогодержателя как контролирующего лица к ответственности за убытки перед должником (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ). И.С. Шиткиной справедливо отмечено, что залогодержателю корпоративных прав предписывается необходимость соблюдения более высокого стандарта поведения в отношении залогодателя-должника, чем при ординарных условиях залога, когда наличествуют только приоритет, свойство следования, а само имущество может находиться вовсе в распоряжении залогодателя [5, с. 210].

Видимо, в этом случае залогодержателю и залогодателю необходимо находить баланс интересов, и в случае появления признаков неплатежеспособности у должника-залогодателя, залогодержателю не следует препятствовать заключению выгодных для залогодателя сделок, хотя они и могут частично способствовать ухудшению положения кредитора.

Законопроект № 1172553–7 [12] выделил критерий разграничения заинтересованных лиц в банкротстве от не являющихся таковыми. В частности, заинтересованными лицами не являются кредиторы, получившие корпоративный контроль на основании договора залога прав участия в компании должника в обеспечительных целях и, имея право голоса на собраниях участников, не задействованы в распределении прибыли и получения выгоды от деятельности должника.

Как утверждает Д.О. Османова, у залогодержателя, намеренного сохранить статус залогового кредитора, обеспеченного залогом корпоративных прав, именно при предстоящей или имеющейся неплатежеспособности должника уменьшается в целом объем возможных прав, возникающих из участия в деятельности должника [14, с. 34].

При залоге корпоративных прав нельзя исключать риск субординации требования залогового кредитора. В особенности у суда и участников конкурсного процесса могут возникнуть сомнения в добросовестности залогового кредитора, если он аффилирован с залогодателем-должником. Однако судебной практикой выработаны правовые подходы, позволяющие сделать вывод о наличии или отсутствии оснований для понижения очередности (субординации) требования аффилированного с должником лица. Такие примеры обобщены и сформулированы в Обзоре судебной практики по субординации. При этом само по себе нахождение в реестре аффилированного с должником лица не влечет для других кредиторов негативных последствий.

Ключевым в такой ситуации является выяснение характера взаимоотношений залогодержателя и залогодателя. Залогодержатель, действуя согласно принципу доброй совести и имея интерес лишь в обеспечении исполнения обязательства должника, но не управлении должником в целях получения прибыли и перераспределения финансовых рисков, не станет трансформировать отношения по обеспечению в корпоративные.

Однако само по себе нахождение кредитора в силу залога прав участия в корпоративной структуре должника означает, что у такого кредитора имеется определенная власть над поведением должника. В следствие этого, к таким кредиторам применяется повышенный стандарт доказывания [18, с. 101].

Залоговое обеспечение, установленное с целью контроля над заложенными активами (в частности, в целях поддержания действительной стоимости доли в уставном капитале должника) и защитой таких активов от вывода из имущественной массы

должника, требует доказательств типичности и отсутствия какого-либо злоупотребления со стороны лица, которому предоставлено такое обеспечение. Суду, в свою очередь, необходимо полно исследовать обстоятельства и анализировать структуру взаимоотношений сторон, выясняя каков характер взаимоотношений был в действительности – корпоративный или обязательственный.

При доказанности корпоративной природы отношений сторон (в частности в виде дачи каких-либо указаний должнику по управлению, которые были должником исполнены, навязывание органам управления должника заведомо невыгодных управленческих решений, блокировка принятия явно выгодных решений или совершение действий, выходящих за пределы обычных интересов кредитора-залогодержателя и ключевое – преследование цели участия в распределении прибыли от деятельности должника) требования залогового кредитора будут субординированы и приравнены к требованиям участников должника.

Согласно позиции Верховного Суда РФ одного лишь контроля и права получать информацию о деятельности должника на основе обеспечительной сделки не достаточно для понижения требования залогового кредитора в очередности. Необходимо установить именно цель участия в распределении прибыли залогодателя-должника, то есть возможность получения всех потенциальных доходов от предпринимательской деятельности (п. 11 Обзора по субординации).

Примечательным является точка зрения А.И. Шайдуллина, который считает, что в п. 11 Обзора заложена привилегия санирования как исключение из правил о капиталозамещении, когда залогодержатель доли (акций) в случае банкротства залогодателя обращает взыскание на доли (акции) в капитале должника в целях вывести должника из кризисной ситуации [17, с. 251]. В данном случае предмет залога (доля, акции) могут уже не представлять какой-либо ценности в виде ликвидного актива, так как стоимость доли может существенно снизиться. Эффект залога в данном случае проявляется в другом – в возможности управлять предметом залога (голосовать на общих собраниях, к примеру), тем самым контролируя должника. Если такой кредитор имел обоснованный экономический план по выведению должника из финансового кризиса и предпринимал действия по санации должника, а сама компания-должник в принципе была еще способна к предотвращению банкротства, то его требования не следует понижать в очередности. Такая модель санации применяется в зарубежных правовых порядках, в частности, в Германии [23, с. 57–63].

Нередким является представление должником кредитору гарантий исполнения обязательств в рамках двух обеспечительных конструкций – поручительства и залога. В случае если поручитель контролирующее лицо, а отношения между таким поручителем и должником признаны отношениями покрытия (отношения, когда третье лицо выда-

ет должнику обеспечение в силу наличия связей между ним и должником и заинтересованности такого лица в участии в деятельности должника) [3, с. 62], то имеется риск субординации требования поручителя, исполнившего обязательство за должника. При этом, перешедшее от первоначального кредитора в порядке суброгации требование, обеспеченное залогом, будет также субординировано. Приоритет сохранится лишь перед кредиторами в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что кредитор, обязательства которого обеспечены залогом, в силу особых свойств такого вещного обеспечения приобретает особый статус в деле о несостоятельности (банкротстве). Не конкурируя с остальными кредиторами, залоговый кредитор получает преимущественное удовлетворение своего требования из стоимости реализованного предмета залога. Однако залоговый приоритет не обладает абсолютным характером и имеет ряд ограничений, установленных законом и выработанных судебной практикой. В случае если в залог предоставлены корпоративные права, то кредитор-залогодержатель реализуя права участника приобретает одновременно контроль над поведением должника. В целях сохранения залогового статуса такому кредитору не следует переходить грань, когда заканчиваются обеспечительные отношения с возможностью поддержания действительной стоимости доли в уставном капитале и возникают корпоративные отношения, преследующие цель распределения прибыли от деятельности должника, иначе последствием станет субординация требования залогового кредитора, а сам статус такого кредитора фактически будет лишен залоговых преимуществ. Также риск утраты преимуществ статуса залогового кредитора имеется и у кредитора, получившего в порядке суброгации обеспеченное залогом требование, в случае, если такой кредитор был контролирующим должника лицом, предоставившим поручительство.

Литература

1. Бевзенко Р.С. Вещное обеспечение как механизм контроля и управления активами должника // Вестник гражданского права. 2018. №1. С. 10–22.
2. Бевзенко Р.С. Понятие и возникновение права залога // Закон. 2016. №3. С. 26–37.
3. Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. М., 2000.
4. Вещное обеспечение: залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции: специальность 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Бевзенко Роман Сергеевич. Москва, 2022. 493 с.
5. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах / В.А. Вай-

- пан, А.В. Габов, Е.П. Губин и др.; под ред. И.С. Шиткиной. Москва: Статут, 2021. Т. 1. 622 с.
6. Обзор судебной практики по спорам об установлении требований залогодержателей при банкротстве залогодателей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.12.2022) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 23.12.2022)
 7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.02.2017 N301-ЭС16–16279 по делу N A11–9381/2015 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
 8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2021 N305-ЭС20–20287 по делу N A40–48943/2015 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
 9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.08.2021 N303-ЭС20–10154(2) по делу N A51–25767/2015 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
 10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2022 N305-ЭС20–7883(3,4) по делу N A41–4000/2016 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
 11. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.02.2022 N12АП-1505/2022 по делу N A57–6120/2019 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
 12. Проект Федерального закона N1172553–7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.05.2021) [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553-7> (дата обращения: 13.12.2022)
 13. Определение Верховного Суда РФ от 18.03.2022 N304-ЭС20–9784(4) по делу N A46–19753/2017 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
 14. Османова Д.О. Правовой статус залогодержателя доли в уставном капитале ООО в случае банкротства // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2022. N1. С. 31–36.
 15. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.10.2022 N Ф09–5562/22 по делу N A60–19031/2021 // Консультант Плюс: справ.-прав. система.
 16. Сайфуллин Р.И. Внедоговорный залог: оптимальная модель регулирования // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N10. С. 34–78.
 17. Субординация обязательственных требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ: специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шайдуллин Айнура Ильшатович. Москва. 2022.
 18. Суворов Е.Д. Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. N4. С. 130–161; N5. С. 53–107.
 19. Статья на сайте «Пепеляев Групп» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/alerts/mortgage-status-requirements-of-the-authorized-body-in-affairs-about-bankruptcy-risks-and-consequences/> (дата обращения: 21.11.2022).
 20. Статья на сайте [Электронный ресурс]. URL: <https://bosfera.ru/bo/k-voprosu-ob-ocherednosti-pogasheniya-moratornyh-procentov-potrebovaniyu-zalogovogo-kreditora> (дата обращения: 17.11.2022)
 21. Титова, Е.С. Формирование реестра требований кредиторов: правовые аспекты / Е.С. Титова, С.С. Занковский. Москва: Издательский дом «Юр-ВАК», 2020. 84 с.
 22. Федеральный закон от 29.09.2019 N325-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ, 30.09.2019, N39, ст. 5375
 23. Kübler B., Prütting H., Bork R. (Hrsg.). InsO – Kommentar zur Insolvenzordnung, In 5 Bänden. Band 1. Loseblatt. Köln. 2017. § 39

THE LEGAL NATURE OF THE ADVANTAGES OF THE STATUS OF A SECURED CREDITOR IN CASE OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF THE DEBTOR

Lapina E.V., Khaustov N.S.
Novosibirsk State University

This article is devoted to the analysis of the advantages of the status of a secured creditor in the case of insolvency (bankruptcy) of the pledgor, as well as the possible risks that this status entails in case of pledge of the rights of the participants of the debtor-pledger. The validity of establishing the priority of the requirements of the tax authority on the basis of a pledge from the seizure of the debtor's property is considered. The limitations of the secured creditor's collateral priority were studied: limitations based on the law and limitations formed by judicial practice (satisfaction of current tax liabilities on pledged property ahead of the claims of the tax creditor; lowering the order of payment of moratorium interest on the claims of the secured creditor). Pledge, as an effective economic instrument, provides not only priority in the repayment of an obligation, but also the function of controlling the behavior of the debtor (especially when pledging corporate rights). The risks of a creditor secured by a pledge of corporate rights are studied, using the example of situations considered in the doctrine and judicial practice (the responsibility of the pledgee in the form of losses, lowering the order of the pledgee's claims).

Keywords: creditor, pledge, pledge priority, corporate rights, control, subordination.

References

1. Article on the Pepeliaev Group website [Electronic resource]. URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/alerts/mortgage-status-requirements-of-the-authorized-body-in-affairs-about-bankruptcy-risks-and-consequences/> (date accessed: 11/21/2022).
2. Article on the site [Electronic resource]. URL: <https://bosfera.ru/bo/k-voprosu-ob-ocherednosti-pogasheniya-moratornyh->

- procentov-po-trebovaniyu-zalogovogo-kreditora (Date of access: 11/17/2022)
3. Belov V.A. Singular succession in obligation. M., 2000.
 4. Bevzenko R.S. Property security as a mechanism for monitoring and managing the debtor's assets // Bulletin of Civil Law. 2018. N1. P. 10–22.
 5. Bevzenko R.S. The concept and emergence of the right of pledge // Law. 2016. N3. P. 26–37.
 6. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of February 27, 2017 N301-ES16–16279 in case N A11–9381 / 2015 // Consultant Plus: reference-right. system.
 7. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/08/2021 N305-ES20–20287 in case N A40–48943 / 2015 // Consultant Plus: ref.-right. system.
 8. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of August 23, 2021 N303-ES20–10154 (2) in case N A51–25767 / 2015 // Consultant Plus: reference-right. system.
 9. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of March 18, 2022 N304-ES20–9784 (4) in case N A46–19753/2017 // Consultant Plus: reference-right. system.
 10. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of February 3, 2022 N305-ES20–7883 (3.4) in case N A41–4000 / 2016 // Consultant Plus: ref.-right. system.
 11. Draft Federal Law N1172553–7 “On Amendments to the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation”. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172553–7> (date of access: 12/13/2022)
 12. Federal Law of September 29, 2019 N325-FZ (as amended on July 2, 2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation, September 30, 2019, N39, art. 5375
 13. Kübler B., Prütting H., Bork R. (Hrsg.). InsO – Kommentar zur Insolvenzordnung, In 5 Bänden. Band 1. Loseblatt. Köln. 2017. § 39
 14. Osmanova D.O. Legal status of the pledge holder of a share in the authorized capital of an LLC in the event of bankruptcy // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2022. N1. P. 31–36.
 15. Real security: pledge, retention and title security structures: specialty 5.1.3 – private law (civilistic) sciences: dissertation for the degree of Doctor of Law / Bevzenko Roman Sergeevich. Moscow, 2022. 493 p.
 16. “Review of judicial practice in disputes on the establishment of claims of pledgees in the bankruptcy of pledgers” (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 21, 2022) [Electronic resource]. URL: <http://www.vsrfr.ru/> (date of access: 12/23/2022)
 17. Resolution of the Twelfth Arbitration Court of Appeal dated February 3, 2022 N12AP-1505/2022 in case N A57–6120/2019 // Consultant Plus: reference-right. system.
 18. Resolution of the Arbitration Court of the Urals District dated 05.10.2022 N F09–5562/22 in case N A60–19031/2021 // Consultant Plus: reference-right. system.
 19. Saifullin R.I. Non-contractual pledge: the optimal model of regulation // Bulletin of economic justice of the Russian Federation. 2020. N10. P. 34–78.
 20. Scientific and practical commentary on the Federal Law “On Limited Liability Companies”: in 2 volumes / V.A. Vaypan, A.V. Gabov, E.P. Gubin and others; ed. I.S. Shitkina. Moscow: Statut, 2021. Vol. 1. 622 p.
 21. Subordination of liability claims of the controlling debtor and persons affiliated with him in cases of bankruptcy of business entities: specialty 12.00.03 – civil law; business law; family law; international private law: dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Shaydullin Ainur Ilshatovich. Moscow. 2022.
 22. Suvorov E.D. Claims of persons related to the debtor in the case of his bankruptcy: from objective to subjective imputation // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2019. N4. S. 130–161; N5. P. 53–107.
 23. Titova, E.S. Formation of the register of creditors' claims: legal aspects / E.S. Titova, S.S. Zankovsky. Moscow: Yur-VAK Publishing House, 2020. 84 p.

Сравнительно-правовой анализ трудового законодательства России, США и Китая

Роженцева Арина Павловна,

студент Юридической школы, Дальневосточного
федерального университета
E-mail: rozhentceva.ap@students.dvfu.ru

Иванов Владислав Робертович,

студент Юридической школы, Дальневосточного
федерального университета
E-mail: ivanov.vr@students.dvfu.ru

Зинченко Данил Романович,

студент Юридической школы, Дальневосточного
федерального университета
E-mail: zinchenko.dr@students.dvfu.ru

Повсеместное распространение трудовых отношений в разных странах объясняет важность сравнения и изучения трудового законодательства этих стран. Многонациональные предприятия должны уметь адаптироваться к различиям по мере расширения своей деятельности и найма большего числа местных сотрудников, на которых распространяется иное трудовое законодательство.

Авторами приведен анализ, сосредоточенный на разъяснение различий и сходств конкретных положений, наиболее распространенных в разных странах и культурах трудового законодательства Китая, России и США. Это демонстрирует, как миметические изоморфные тенденции и общие принципы справедливости, такие как равноправие и потребность, возможно, привели к сходству в трудовом законодательстве во всех 3 странах. Исследовались уникальные культурные, социальные и исторические факторы, создавшие значительные различия в этих законах о труде.

Были изучены мнения практикующих менеджеров в данных странах, о вопросе ключевых законов о труде в их собственных странах. Затем был проведен обзор литературы по трудовому законодательству Китая, России и США. Результатом данной работы может являться расширение международного экономического сотрудничества и экономический рост.

Ключевые слова: работник, работодатель, трудовой договор, трудовое законодательство, сравнительный анализ, трудовые отношения.

Люди работают на работодателей по всему миру. Было подсчитано, что существует более 4 миллиардов человек, вовлеченных в трудовые отношения [1]. На самом фундаментальном уровне эти трудовые отношения представляют собой двусторонний обмен по взаимному согласию, при котором работник соглашается предоставлять рабочую силу в обмен на заработную плату и льготы от своего работодателя. Таким образом, работник удовлетворяет свои интересы в получении дохода, а работодатель удовлетворяет свою заинтересованность в получении услуг работника.

Неудивительно, что эти симбиотические отношения разрешены и поощряются правительствами во всех странах мира. Это не только приносит пользу обеим сторонам (работнику и работодателю), но и другим заинтересованным сторонам.

Тем не менее, интересы работников и работодателей не всегда совпадают. Работники хотят более высокой заработной платы, лучших льгот и лучшей гарантии занятости; но работодатели хотят более низких затрат, а также большей отдачи и лучшего качества работы от своих сотрудников.

Правительства всех стран признали потенциальную возможность эксплуатации, которая может нанести вред работникам, а также контрпродуктивного поведения работников, которое может нанести ущерб работодателям. В ответ они приняли правовые меры защиты для предотвращения эксплуатации работников [2], а также меры защиты работодателей для ограничения контрпродуктивного поведения сотрудников [3]. Однако каждая страна приняла свой собственный уникальный набор законов о труде, основанный на ее собственных культурных и исторических влияниях. Некоторые законы разработаны таким образом, чтобы требовать надлежащих условий труда и защищать права работников [4]. Другие призваны запретить дискриминацию в отношении работников на основе демографических различий.

Понятно, что трудовое законодательство одной страны, как правило, не применяется в другой стране [5]. Таким образом, хотя трудовые отношения повсеместно распространены во всем мире, законы, регулирующие эти отношения, являются эксклюзивными для каждой страны. Существует два следствия такого широкого разнообразия трудового законодательства по всему миру.

Первое следствие большого разнообразия законов о труде заключается в том, что важно понимать сходство между странами, где они существуют. Выявление сходств позволяет сделать широкие выводы и прийти к согласию относительно

основополагающих принципов, которые глобально применимы в разных странах.

Самый важный принцип заключается в том, что трудовое законодательство может способствовать справедливости в трудовых отношениях. Широко используемая модель правосудия предполагает, что существуют три универсально применимых критерия для оценки справедливости: равенство, равноправие и потребность [6]. Каждый из этих трех критериев может быть использован для объяснения того, как справедливость в трудовых отношениях может быть достигнута путем принятия определенных видов трудового законодательства.

Принцип справедливости оправдывает законы, которые требуют, чтобы сотрудники получали различные результаты на основе некоторых законных и объективных критериев.

Принцип необходимости оправдывает законы, которые требуют лучших результатов для сотрудников, имеющих большие потребности.

Вторым следствием разнообразия трудового законодательства в разных странах является важность определения различий в трудовом законодательстве разных стран. Выявление различий позволяет проводить сравнения и контрасты, которые могут выявить альтернативные положения, которые разработчики политики могли бы рассмотреть для принятия в своих собственных странах.

Китай предоставляет 128 дней оплачиваемого отпуска по семейным обстоятельствам [7], а Россия предоставляет 140 дней оплачиваемого отпуска по семейным обстоятельствам.

Поэтому важно изучить трудовое законодательство в разных странах. В данной статье сравнивается трудовое законодательство Китая, России и США. В положениях трудового законодательства разных стран есть несколько общих черт. Двумя из этих общих черт являются структура трудового законодательства и источники трудового законодательства.

Во-первых, в каждой стране существуют общегосударственные федеральные законы, а также местные законы с различными стандартами. В Китае, России и США существуют стандартизированные федеральные законы о труде, которые обеспечивают определенный уровень защиты работников, одинаковый по всей стране [8]. Однако в каждой стране также действуют трудовые законы, которые несколько отличаются в политических подразделениях внутри страны, таких как провинции, регионы, штаты или города [9]. Также следует отметить, что в каждой стране различия обычно обеспечивают большую защиту работников на местном уровне, чем защита, доступная на национальном уровне.

Во-вторых, в каждой стране существует несколько аналогичных источников трудового законодательства. Они начинаются с конституции страны; а затем включают федеральные законы о труде, заявления главы исполнительной власти страны, решения судов и постановления административных органов, которые фокусируются

на конкретных темах, таких как равные возможности трудоустройства, методы выплаты заработной платы, безопасность.

Таким образом, несмотря на культурные и исторические различия между странами, существует определенная степень миметического изоморфизма в методах создания трудового законодательства. Миметический изоморфизм – это теория, которая предсказывает, что одна организация будет копировать структуры, которые, по ее мнению, использует другая организация, когда она считает, что это хорошо сработало для другой организации [10]. Хотя было показано, что эта теория объясняет, почему одна компания копирует структуры другой компании, она также может объяснить, почему одна страна принимает структурные элементы трудового законодательства, используемые в другой стране. Более того, эти сходства могут включать аналогичные положения в самих законах о труде. Например, если страна видит, что другие страны установили минимальные уровни заработной платы в интересах своих работников, они могли бы принять их и в своей собственной стране. Есть несколько примеров этого в Китае, России и США.

Рассмотрим сходства в защите и льготах для работников. Учитывая сходство структуры и источников трудового законодательства в разных странах, неудивительно, что исторические факторы, влияющие на принятие нормативных актов в разных странах, привели к появлению аналогичных законов в Китае, России и США [11].

Более того, каждая страна приняла несколько аналогичных законов, которые отвечают общепринятым принципам справедливости, равноправия и необходимости.

Минимальная заработная плата: В каждой стране существуют национальные положения о минимальном уровне заработной платы, с некоторыми различиями на местном уровне в рамках конкретных юрисдикций. Кроме того, с течением времени каждая страна повысила уровень минимальной заработной платы. Это пример универсальности принципа справедливости, основанного на равенстве. Все 3 страны признают, что работникам должен выплачиваться по крайней мере некоторый равный уровень заработной платы.

Оплата за сверхурочную работу: кроме того, каждая страна требует, чтобы сотрудникам платили в 1,5 раза больше обычной ставки оплаты за сверхурочную работу или часы, отработанные сверх определенного уровня.

Однако право на оплату сверхурочных в разных странах различается. В Китае оплата сверхурочной работы применяется за отработанные более 8 часов в день или 40 в неделю [12].

В России и США оплата сверхурочной работы применяется за отработанные более 40 часов в неделю. Это пример универсальности принципа справедливости, основанного на равенстве. Все 3 страны признают, что работники, отработавшие более определенного количества часов, заслужили право на более высокую ставку заработной платы.

Налоги на заработную плату социального страхования: кроме того, каждая страна также требует уплаты налогов, основанных на размере заработной платы, которую получают работники. Эти налоги предназначены для финансирования программ социального страхования, выхода на пенсию и так далее. На которые работники могут иметь право в какой-то момент своей жизни. Это пример основанного на потребностях принципа справедливости. Все 3 страны признают, что работники в какой-то момент своей жизни, например, при выходе на пенсию, будут нуждаться в некоторой финансовой поддержке, которая выходит за рамки заработной платы и льгот, предоставляемых их работодателем.

Все это важные меры защиты для работников. Большинство предшествующих исследований, как правило, фокусируются почти исключительно на степени, в которой трудовое законодательство обеспечивает защиту работников. Однако, поскольку занятость – это отношения между работниками и работодателями, необходимо учитывать влияние трудового законодательства также и на работодателей.

Далее следует поговорить о сходствах в защите и льготах для работодателей. Существуют также некоторые сходства в типах защиты, которые предоставляются работодателям от возможного контрпродуктивного поведения работников.

Во всех 3 странах работодатели имеют право выбирать, кого нанимать, хотя это право имеет ограничения. Кроме того, во всех 3 странах работодатели могут в одностороннем порядке расторгнуть трудовые отношения даже без согласия работника. Однако в каждой стране существуют очень разные ограничения на это право.

В США общим правилом является то, что называется «трудоустройство по желанию». В соответствии с этим общим принципом общего права либо работник, либо подчиненная могут прекратить трудовые отношения без требования доказать, что у них были веские и законные основания для этого. Тем не менее, есть несколько категорий работников, которые пользуются большей защитой, таких как учителя, которые имеют право на работу, работники, на которых распространяется действие коллективного договора, государственные служащие и так далее. Для таких сотрудников, как правило, требуется, чтобы работодатель мог доказать, что они установили правила, работник знал о правилах и что работник нарушил правила. Это можно назвать требованием наличия «уважительной причины» для увольнения с работы. Трудовое законодательство в Китае и России не соответствует принципу трудоустройства по желанию. Их законы ближе к требованию «правого дела», которое применяется к некоторым сотрудникам в США.

В Китае работодателям проще уволить работника во время его первоначального испытательного срока. После этого работодатель может договориться с работником о заключении срочного трудового договора на ограниченный период времени

или о бессрочном контракте без фиксированного срока [12].

Прекращение трудовых отношений после испытательного срока обычно требует, чтобы работодатель установил правила работы, чтобы работник знал об этих правилах, и чтобы работник нарушил эти правила.

В России тоже есть аналогичные законы. Эти законы, как правило, требуют от работодателя доказать, что работодатель совершил серьезные нарушения правил труда [13].

В каждой стране существуют определенные меры защиты для работников и некоторые меры защиты для работодателей. Однако трудовое законодательство обеспечивает большую защиту для работников, чем для работодателей. Это различие в первую очередь является результатом справедливости, основанной на потребностях. Как правило, работодатели обладают большей потенциальной властью в трудовых отношениях, поскольку они могут заменить сотрудников другими людьми. Это создает асимметричный дисбаланс власти, который благоприятствует работодателям, а не наемным работникам. Таким образом, работники больше нуждаются в защите в трудовых отношениях, чем работодатели. Эта потребность удовлетворяется правительствами каждой страны, предоставляющими определенную защиту работникам.

Теперь о сравнении сходств между странами. Трудовое законодательство в разных странах имеет схожие структурные основы; а также источники этих трудовых законов, как правило, схожи. Структурные основы включают стандартизированные законы по всей стране с адаптацией в местных политических юрисдикциях. Сходства также включают национальную конституцию, федеральные законы о труде и так далее. Это говорит о том, что перспектива миметического изоморфизма может дать объяснительное обоснование тому, как развивалось трудовое законодательство по всему миру.

Тем не менее, даже при сходстве структурных основ и источников трудового законодательства сохраняются уникальные различия. Например, хотя во всех трех странах установлена минимальная заработная плата и предусмотрены положения об увеличении минимальной заработной платы с течением времени, фактические уровни минимальной заработной платы в разных странах сильно различаются.

Это указывает на то, что давление миметического изоморфизма, по крайней мере, несколько ограничено другими факторами, такими как экономические условия в каждой стране. Это также говорит о том, что, хотя основанный на равенстве принцип равного отношения ко всем работникам может служить оправданием минимальной заработной платы, равенство, которое обеспечивается, является равным в их собственной стране, а не равным тому, что обеспечивается в других странах. Таким образом, сфера применения стандарта сравнения для обеспечения справедливости

равенства может быть ограничена границами каждой страны.

Кроме того, материальная защита некоторых законов о труде действительно демонстрирует некоторую согласованность. Например, во всех странах предусмотрена оплата сверхурочной работы, положения схожи в том, что они требуют оплаты сверхурочной работы в размере 40 отработанных часов в неделю; но только Китай также требует оплаты сверхурочной работы в размере 8 отработанных часов в день. Это говорит о том, что основанный на равенстве принцип различного отношения к сотрудникам в зависимости от того, что они заработали в зависимости от количества отработанных часов, был принят несколько по-разному в разных странах.

Таким образом, можно заметить, что тенденции к миметическому изоморфизму и общепринятые принципы справедливости могут объяснить многие сходства между странами, но остаются существенные различия.

Несмотря на тенденции этих 3 стран к изоморфному принятию аналогичных законов по некоторым темам, основанных на схожих фундаментальных принципах справедливости, тем не менее, также сохраняются существенные различия.

Первыми рассмотрим различия в защите и льготах для работников:

Праздники: Во всех 3 странах в той или иной форме признается возможность оплачиваемого отпуска в определенные праздничные дни. Китай и Россия требуют, чтобы сотрудникам выплачивался отпуск в определенные праздничные дни. Однако праздники в Китае и России разные. В США предусмотрены праздничные дни, но не требуется оплата труда всех работников в эти дни. В разных странах определение конкретных дней, которые признаются праздничными, основывается на культурных, исторических и других факторах. Таким образом, трудовое законодательство страны использует праздники для увековечения памяти и продолжения этих национальных приоритетов, предоставляя сотрудникам свободное от работы время.

Оплачиваемый отпуск в Китае основан в первую очередь на социальной и культурной истории. Оплачиваемыми праздниками в Китае являются: Новый год, Лунный Новый год (называемый китайским Новым годом или Весенним праздником), Фестиваль Цин Мин (День уборки могил), День труда (приходится на 1 мая), Фестиваль лодок-драконов, Фестиваль середины осени, Национальный день (выпадает на первый день октября) [14].

Оплачиваемые отпуска в России частично основаны на тех же праздниках, которые используются в других странах, и частично основаны на уникальной политической истории России. Оплачиваемыми праздниками в России являются: Новый год (1 января), Рождество (7 января), Международный женский день (8 марта), Международный день труда (1 мая), День весны (2 мая), День Победы во Второй мировой войне (9 мая), День независимости (июнь 12), День революции (7 ноября) и День Конституции (12 декабря).

Федеральное правительство США действительно определяет определенные праздничные дни как национальные, но оно не требует, чтобы все сотрудники получали оплачиваемый отпуск в эти дни. Федеральные офисы закрыты, а федеральным служащим выплачивается зарплата. Однако федеральный закон не требует, чтобы другие нефедеральные служащие получали заработную плату. В основе этих федеральных праздников лежат значимые культурные и исторические события. Федеральными праздниками США являются: Новый год (1 января), День рождения Мартина Лютера Кинга-младшего (понедельник в феврале), День рождения Вашингтона (понедельник в феврале), День памяти (понедельник в мае), День независимости (4 июля), День Колумба (понедельник в октябре), День благодарения (четверг в ноябре) и Рождество (25 декабря).

Требование обязательного оплачиваемого отпуска в Китае и России является примером основанной на равенстве справедливости в трудовом законодательстве, поскольку все работники получают одинаковые отпуска.

В России все работники получают 28 дней оплачиваемого отпуска в год, независимо от того, как долго они проработали у своего работодателя.

В Китае трудовое законодательство предусматривает, что работники получают по крайней мере минимальное количество оплачиваемых дней отпуска в зависимости от количества лет, которые они проработали у своего работодателя, хотя работодатели могут предоставить большее количество оплачиваемых дней отпуска. Сотрудники со стажем работы более 1 и менее 10 лет получают 5 оплачиваемых дней отпуска, сотрудники со стажем работы более 10 и менее 20 лет получают 10 дней, а сотрудники со стажем работы более 20 лет получают 15 дней [14].

Письменный контракт: Китай и Россия требуют, чтобы трудовые отношения были оформлены в письменном документе, который подписывается работником и работодателем [14].

США не требуют письменного трудового договора. Однако в некоторых ситуациях, например, для топ-менеджеров, профессиональных спортсменов, менеджеров по продажам и так далее в США чаще можно увидеть письменный трудовой договор.

Требование к письменному контракту в Китае и России можно частично рассматривать как результат двух принципов справедливости: равенства и необходимости. Поскольку и Китай, и Россия требуют, чтобы все работники имели письменный контракт, и что все трудовые договоры должны содержать определенные минимальные гарантии, требование письменного контракта поддерживает цель гарантировать, что все трудовые отношения имеют по крайней мере некоторый одинаковый уровень стандартов. Таким образом, письменный контракт является примером справедливости, основанной на равенстве. Кроме того, поскольку Китай и Россия требуют, чтобы работники были защищены положениями письменного контракта, по-

требности работников удовлетворяются. Отдельные сотрудники будут иметь письменный контракт для удовлетворения своих потребностей, поскольку федеральный закон требует наличия письменных контрактов. Таким образом, требование письменного контракта является примером справедливости, основанной на потребностях.

Обсудим различия в защите работодателей. В разных странах существует не так уж много различий в мерах защиты, предоставляемых работодателям. Тем не менее, отметим один из самых важных – неконкурентные соглашения. Неконкурентные соглашения – это юридически закрепленные обещания, которые запрещают работнику увольняться и переходить на работу к конкуренту своего работодателя. Эти соглашения иногда регулируются трудовым законодательством разных стран. Эти соглашения также используются для того, чтобы запретить сотрудникам использовать знания, которые они получили, работая у первого работодателя, например, данные, списки клиентов, собственные и конфиденциальные процессы, методы выполнения своих операций и так далее, и раскрывать эту информацию последующему работодателю.

В Китае закон разрешает работнику заключать соглашение о том, чтобы не переходить на работу к конкуренту на срок до 2 лет, при условии, что работодатель компенсирует работнику это неконкурентное соглашение [14]. Однако эти соглашения, как правило, подлежат исполнению только для руководителей высшего звена и в том случае, если географический охват соглашения является разумным. Кроме того, соглашение может потребовать от работника возместить ущерб работодателю, если он нарушит соглашение.

Неконкурентные соглашения, как правило, не допускаются в России [15]. В США на федеральном уровне нет законодательного положения, запрещающего неконкурентные соглашения, но законы штатов и судебные решения, как правило, ограничивают время, характер и географический охват исполняемых неконкурентных соглашений.

Возможность принудительного исполнения соглашений о неконкуренции в Китае и США можно рассматривать как пример принципа справедливости, основанного на равенстве. Работодатель предоставил работнику полезные знания и информацию во время работы на него. Таким образом, работодатель имеет определенную справедливую заинтересованность в защите своей интеллектуальной собственности от потери конкурентами.

Далее проведем сравнение различий между странами. Это сравнение трудового законодательства показало множество различий в разных странах. Таким образом, несмотря на давление с целью принятия аналогичных мер защиты, которые могут вытекать из миметического изоморфизма и общепринятых принципов справедливости, не все положения трудового законодательства в разных странах учитывают.

Например, хотя все 3 страны предусматривают, что определенные конкретные дни должны признаваться праздничными, особенности сильно различаются в разных странах. Таким образом, можно сказать, что определение особых дней как праздничных остается примером основанного на равенстве принципа справедливости, который одинаков для всех работников; но стандарт, по которому можно воспринимать равенство, применяется внутри стран, а не между ними.

Кроме того, когда дело доходит до оплачиваемых отпусков, все 3 страны разрешают сотрудникам брать оплачиваемый отпуск с работы. Однако только Китай и Россия делают это общим юридическим требованием. Хотя можно было бы утверждать, что основанный на равенстве принцип справедливости является основной движущей силой положений трудового законодательства об отпусках, потому что те, кто проработал больше лет на своего работодателя, получают больше отпускных в Китае. Однако в России все сотрудники получают 28 дней отпуска. Это больше похоже на пример справедливости, основанный на равенстве, поскольку ко всем относятся одинаково.

В Китае, и в России существует требование о том, чтобы трудовые договоры заключались в письменной форме, в то время как в США этого нет. Это говорит о том, что Китай и Россия, возможно, с большей вероятностью будут использовать мотивы необходимости и равенства в качестве обоснования своих требований к письменным контрактам.

Напротив, в разных странах существуют значительные различия в федеральных законах, касающихся соглашений о неконкуренции. В то время как Китай допускает возможность принудительного исполнения соглашений о неконкуренции, Россия, как правило, этого не делает, а в США нет какого-либо федерального закона, который требует или запрещает их. В то время как справедливость может быть основой для принудительного исполнения соглашений о неконкуренции в Китае, можно утверждать, что Россия предпочитает придерживаться более ориентированного на потребности подхода, не допуская их.

По итогу исследования можно судить, о том, что трудовое законодательство в каждой стране разработано таким образом, чтобы обеспечить основу, которая примиряет дисбаланс власти между работниками и их работодателями.

Тем не менее, большинство законов о труде обеспечивают большую защиту работников, чем работодателей. Вероятно, так оно и есть, поскольку чаще всего наблюдается асимметричный дисбаланс власти в пользу работодателей. Таким образом, неудивительно, что большинство законов о труде, по-видимому, разработаны с учетом принципов справедливости, равенства, равноправия и потребностей с точки зрения работников.

Более того, различия между этими тремя странами могут быть обусловлены еще одним фактором. Законы, проанализированные в этом исследовании,

довании, по-видимому, показывают, что работники в Китае и России, по-видимому, имеют большую защиту и льготы в своем трудовом законодательстве, чем их работодатели. Напротив, США, похоже, в целом придерживаются другого подхода.

США, по-видимому, все чаще придерживаются подхода «свободной торговли» в нескольких областях. Это означает, что трудовое законодательство, как правило, допускает, чтобы отношения между работодателями развивались своим собственным путем, без ограничений со стороны федеральных законов о труде.

Эти области включают в себя следующее. В США, как правило, не требуется, чтобы работодатели оплачивали сверхурочную работу за отработанные более 8 часов в день. США не требуют оплачиваемых отпусков или оплачиваемых каникул, а также письменного трудового договора для всех работников. Тем не менее, работники, на которых распространяются коллективные договоры и законы некоторых штатов, действительно имеют эти льготы.

Следует отметить, что несколько авторов утверждали, что существуют различия между формально принятыми положениями трудового законодательства и фактическим применением этих законов. Этот вопрос был поднят во всех 3 странах [16, 17]. Интересным вопросом для будущих исследований было бы непредвзятое сравнение фактического осуществления мер защиты и льгот трудового законодательства в разных странах как для работников, так и для работодателей. Например, было бы интересно изучить, является ли система с большей конкретизацией или система с большей свободой действий более эффективной в достижении намеченных результатов трудового законодательства в каждой стране.

Было показано, как миметические изоморфные тенденции, возможно, побудили каждую страну копировать законы других стран. Более того, обобщаемые принципы справедливости могут быть использованы для объяснения того, почему в каждой стране существуют определенные законы. Эти принципы включают равенство или равное обращение, справедливость, основанную на том, что было заработано, и потребности работников в защите. Как схожие, так и различные трудовые законы в Китае, России и США, возможно, были результатом осознанных потребностей в равенстве, равноправии и/или потребностях работников в каждой стране. Таким образом, движущая сила миметического изоморфизма, который привел к аналогичным законам о труде, может быть объяснена общечеловеческими ценностями справедливости, воплощенными в модели справедливости равенства, равноправия и потребности.

Однако законы в этих разных странах по-прежнему имеют уникальные характеристики с различной защитой как для работников, так и для работодателей. Уникальные культурные, социальные и исторические условия также могут объяснить различия в трудовом законодательстве разных стран.

Тем не менее, понимание этих сходств и различий важно как для политиков, так и для бизнес-лидеров. Этот обзор трудового законодательства дает представление, которое могло бы подсказать директивным органам, какие законы они могли бы принять или какие изменения они могли бы внести в свои законы, основываясь на их понимании законов, которые были успешно приняты в других странах. Это могло бы также подсказать руководителям бизнеса, какие преимущества они могли бы предоставить своим работникам, которые выходят за рамки юридических требований в их собственной стране, которые были кодифицированы в законах других стран.

Литература

1. Торрес Р. «Отчет о мире труда за 2021 год: Восстановление экономической и социальной структуры». Международная организация труда, Международный институт трудовых исследований, Женева, 2021. – URL: <https://doi.org/10.1002/wow3.34>. (дата обращения: 13.10.2022).
2. Постума Р. А., Флорес Г.Л. «Социальный контекст и разрешение трудовых споров. Международный журнал управления конфликтами, № 27, 2016, 547–569 с.
3. Постума Р. А., Дворкин Дж. Б. «Законы о труде и занятости в Мексике и США: международное сравнение». Журнал трудового права, № 51, 2000, 95–111 с.
4. Постхума А. «Положения о труде в торговых соглашениях: текущие тенденции и перспективы». Дискуссионный документ Международного института трудовых исследований, 2017, 205 с.
5. Постума Р. А., Ролинг М.В. «Применение законов США о дискриминации в сфере занятости к международным работодателям: советы для ученых и практиков». Психология персонала, № 59, 2016, 705–739 с.
6. Роулз Дж. «Теория справедливости». Кембридж, Массачусетс: Издательство Гарвардского университета, 1971.
7. Цзя Н., Донг Х. «Оплачиваемый отпуск по беременности и родам и грудное вскармливание в городских районах Китая». Экономика, № 24, 2019, 31–53 с.
8. Демидов Н. В. «Критерии формирования отрасли трудового права в России». Российский юридический журнал, № 128, 2019, 118–131 с.
9. Постхума Р. А. «Будут ли Ваши работники подавать на Вас в Суд?» Риски для отдельных штатов и стратегические ответные меры. Деловые горизонты, № 55, 2017, 65–79 с.
10. Ди Маджио П. Дж., Пауэлл У.У. «Институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных областях». Американское социологическое обозрение, № 48, 2000, 147–160 с.

11. Митчелл Р. «Правовые истоки, Трудовое право и регулирование трудовых отношений». Справочник по сравнительным трудовым отношениям, 2017, 75–97 с.
12. Богуэн А. «Понимание китайского законодательства о занятости и труде». Шанхай: Глобальные партнеры «Новых горизонтов», 2019. – URL: <https://nhglobalpartners.com/china-employment-law>. (дата обращения: 16.10.2022).
13. Герасимова Е., Коршунова Т. «Новое российское законодательство о найме телеработников: сравнительная оценка и последствия для будущего развития». Право. Журнал Высшей школы экономики, № 2, 2017, 116–129 с.
14. Цзин Л. «Новый закон Китая о трудовых договорах и защите работников». Журнал международного права: «Фордхэма», № 32, 2017, 1083 с.
15. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Письмо № 14–2/В-942, 2017. – URL: <https://www.borenius.ru/en/2017/11/ministry-labour-on-non-compete-clauses>. (дата обращения: 18.09.2022).
16. Гонсалес А., Шарма С. «Правоприменительный потенциал и влияние трудового регулирования: данные Российской Федерации». Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк, 2021. – URL: <https://doi.org/10.1596/1813–9450–7888>. (дата обращения: 13.10.2022).
17. Пайпер Д. «Министерство людских ресурсов Китая издает три новых постановления для усиления соблюдения трудового законодательства в 2017 году», 2017. – URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=9f8c2e5d-91f8–4171-b5847804afc1ddc4>. (дата обращения: 12.10.2022).

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LABOR LEGISLATION OF THE RUSSIA, USA AND CHINA

Rozhentseva A.P., Ivanov V.R., Zinchenko D.R.
Far Eastern Federal University

The ubiquity of labor relations in different countries explains the importance of comparing and studying the labor laws of these countries. Multinational enterprises should be able to adapt to differences as they expand their activities and hire more local employees who are subject to different labor laws.

The authors present an analysis focused on explaining the differences and similarities of specific provisions that are most common in different countries and cultures of labor legislation in China, Russia and the United States. This demonstrates how mimetic isomorphic tendencies and general principles of justice, such as equality and need, may have led to similarities in labor legislation in all 3 countries. The unique cultural, social and historical factors that created significant differences in these labor laws were investigated.

The opinions of practicing managers in these countries were studied on the issue of key labor laws in their own countries. Then a review

of the literature on the labor legislation of China, Russia and the USA was conducted. The result of this work may be the expansion of international economic cooperation and economic growth.

Keywords: employee, employer, employment contract, labor legislation, comparative analysis, labor relations.

References

1. Torres R. “The World of Work Report for 2021: Restoring the Economic and Social Structure”. International Labour Organization, International Institute for Labour Studies, Geneva, 2021. – URL: <https://doi.org/10.1002/wow3.34>. (date of address: 10/13/2022).
2. Postuma R. A., Flores G.L. “Social context and labor dispute resolution. International Journal of Conflict Management, No.27, 2016, 547–569 p.
3. Postuma R. A., Dvorkin J.B. “Labor and employment laws in Mexico and the USA: an international comparison”. Journal of Labor Law, No. 51, 2000, 95–111 p.
4. Postuma R. A. “Labor provisions in trade agreements: current trends and prospects”. Discussion paper of the International Institute of Labor Studies, 2017, 205 p.
5. Postuma R. A., Roling M.V. “Application of US employment discrimination laws to international employers: tips for scientists and practitioners”. Personnel Psychology, No.59, 2016, 705–739 p.
6. Rawls J. “The theory of justice”. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1971.
7. Jia N., Dong H. “Paid maternity leave and breastfeeding in urban areas of China”. Economics, No.24, 2019, 31–53 p.
8. Demidov N. V. “Criteria for the formation of the branch of labor law in Russia”. Russian Law Journal, No.128, 2019, 118–131 p.
9. Postuma R. A. “Will your employees sue you?” Risks for individual states and strategic responses. Business Horizons, No.55, 2017, 65–79 p.
10. DiMaggio P. J., Powell W.W. “Institutional isomorphism and collective rationality in organizational domains”. American Sociological Review, No. 48, 2000, 147–160 p.
11. Mitchell R. “Legal origins, Labor law and regulation of labor relations”. Handbook of Comparative Labor Relations, 2017, 75–97 p.
12. Boguen A. “Understanding Chinese legislation on employment and labor.” Shanghai: Global Partners of New Horizons, 2019. – URL: <https://nhglobalpartners.com/china-employment-law>. (accessed: 10/16/2022).
13. Gerasimova E., Korshunova T. “The new Russian legislation on the hiring of teleworkers: a comparative assessment and implications for future development.” Right. Journal of the Higher School of Economics, No. 2, 2017, 116–129 p.
14. Jing L. “China’s new Law on Labor Contracts and protection of Workers.” Journal of International Law: “Fordham”, No. 32, 2017, 1083 p.
15. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Letter No. 14–2/В-942, 2017. – URL: <https://www.borenius.ru/en/2017/11/ministry-labour-on-non-compete-clauses>. (accessed: 09/18/2022).
16. Gonzalez A., Sharma S. “Law enforcement potential and the impact of labor regulation: data from the Russian Federation”. Washington, DC: World Bank, 2021. – URL: <https://doi.org/10.1596/1813–9450–7888>. (accessed: 13.10.2022).
17. Piper D. “China’s Ministry of Human Resources issues three new regulations to strengthen compliance with labor laws in 2017,” 2017. – URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=9f8c2e5d-91f8–4171-b5847804afc1ddc4>. (accessed date: 12.10.2022).

Современные государственно-политические и правовые механизмы противодействия финансирования терроризма. Международный опыт взаимодействия

Ужахов Магомед Карханович,

аспирант, кафедра экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: uzhakh.magomed@gmail.com

Терроризм – это практически лабораторный пример того драматичного зазора, который случается между реальностью и медийным ее отражением. Любой террористический акт привлекает массу внимания, о нем пишут СМИ, высказываются политики и спорят в соцсетях. Терракты сеют в обществе страх и ужас, они влекут политические изменения и в то же время если смотреть на это рационально – терроризм – это последнее чего стоит бояться, потому что вероятность погибнуть из-за него очень мала. Снижение насилия, падение толерантности к насилию, общий рост цены человеческой жизни – это конечно хорошо, но как к любого большого явления у этого есть свои оборотные стороны. Чем меньше насилия в жизни общества, там меньшее насилия производит большой эффект. Цель террора не жизни людей, объекты инфраструктуры, здания или транспорт, а – СМИ, политики, общественное мнение. Ущерб терроризма не прямой, а кумулятивный, призван вызвать очень дорогостоящую для общества и государства реакцию, а также гражданскую напряженность. Если это происходит – террор работает, и не работает если общество и государство продолжают относиться к преступлению как к преступлению без далеко идущих выводов.

Ключевые слова: террористический акт, безопасность, правовые механизмы противодействия терроризму, сравнительный анализ террористической угрозы.

Терроризм представляет собой лабораторный пример того драматичного зазора, который случается между реальностью и медийным ее отражением.

Любой террористический акт привлекает массу внимания, о нем пишут СМИ, высказываются политики и спорят в соцсетях. Терракты сеют в обществе страх и ужас, они влекут политические изменения и в то же время если смотреть на это рационально – терроризм это последнее чего стоит бояться, потому что вероятность погибнуть из-за него очень мала.

Формально терроризм немного уступает стихийным бедствиям, но если из общего числа погибших отнять страны вроде Сомали, где терроризм это просто реальность гражданской войны, то будет совсем последним.

В 2017 году во Франции терроризм стал причиной гибели семи человек. 230 человек за это же время насмерть отравились, 540 были убиты, 1000 утонули, 1200 сгорели, 4000 погибли в ДТП, 11 000 покончили с собой. Не очень сложно посчитать, что на одного погибшего в террористическом акте – 37 человек отравились, 77 убиты, 142 утонули, 171 сгорел, 571 погибли в ДТП, а чуть больше 1500 решили покончить жизнь самоубийством [2].

В качестве примера была взята Франция (т.к. за последнее время именно там была череда громких терактов), но если бы цифры были бы по любой другой стране, на территории которой не происходит кровавой резни, то были бы те же самые соотношения. Для России, например в 2017 году соотношение погибших в ДТП и террористических актах было 1 к 399. Для США – 1 к 463 [2].

Отсюда возникает вопрос – почему настолько статистически не значимые события привлекают столько внимания? И на то есть рациональные причины.

Так за последние 30 лет уровень убийств в Западной Европе сократился вдвое. Для Италии это падение с 1,9 убийств на 100 тыс. чел, до 0,9 на 100 тыс. чел. Для Англии с 0,9 до 0,5. Если взять выборку побольше и смотреть с начала XX века, то падение в отдельных случаях будет ровно на порядок [1].

В России цифры еще более впечатляющие. С 2001 по 2019 год число зарегистрированных убийств и покушений на убийство упало в 4 раза с 8500 до 3300. И это совсем не уникальный пример. Снижается количество всех насильственных преступлений. За один доперестроичный 1985 год в РСФСР по статье «изнасилование» осуждено только несовершеннолетних граждан гораздо больше чем в 2018 году в колониях для несовершенно-

летних всего заключенных (по всем преступлениям): 2500 граждан в 1985 против 1300 сегодня [3].

Здесь уместно отметить для адептов восхваляющих СССР, что Советский Союз даже для своего времени был страной с запредельным числом преступлений в отличие от современной России [3].

Снижение насилия, падение толерантности к насилию, общий рост цены человеческой жизни – это конечно хорошо, но как у любого большого явления у этого есть свои оборотные стороны. То есть, чем меньше насилия в жизни общества, тем меньшее насилия производит большой эффект (резонанс). По этому поводу существуют две тематические карты мира. На одной показаны страны с наибольшей террористической угрозой. В основном это катастрофические страны третьего мира в Африке и Азии. На второй карте – степень опасения граждан относительно терактов. И тут в основном выделяются развитые страны с низким уровнем насильственной преступностью [4].

По сути, когда человек живет в начале XX века или в очень плохой стране XIX века и опасается грабителя с ножом в каждой подворотни, его очень сложно впечатлить гибелью 2–3 человек. Так как банальная магазинная кража может закончиться чем-то подобным. Но когда человека в детстве не били, он не боится возвращения домой по темной улице, когда насилие перестало быть нормой (и восприниматься нормой), он с ним не сталкивается – гибель буквально двух человек становится новостью такого уровня, которого более полувека назад достигла бы только объявленная война.

В этом ключе, теракты 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке называют «первой катастрофой в прямом эфире». Когда весь мир смотрел CNN и наблюдал столкновение второго борта с южной башней Всемирного торгового центра. Это был крупнейший теракт в развитой стране XIX века, погибло 2077 человек. Но даже от диареи в США в это год умерло больше человек, но об этом никто не говорит и не обсуждает.

Сегодня любая катастрофа – это «катастрофа в прямом эфире». У каждого в кармане камера лучше, чем 20 лет назад стояла на самой передовой эфирной студии. Каждый человек может оказаться очевидцем знаменательного события пусть оно произошло на дорогом конце поленты и в былые времена вряд ли могло рассчитывать на первую полосу. Теперь каждый может увидеть, как один человек стреляет в другого. И не важно, что таких случаев происходит в разы меньше, важно, что все это видят. Причем информационная картина настолько искажает реальность, что всерьез, кажется, что террористическая угроза прямо сейчас находится на максимуме, что сейчас жизнь протекает в жуткое время разгула исламского террора. Однако реальность в том, что пик терактов приходится на 70–80-ые года, когда одни европейцы убивали других европейцев (сепаратистские группы вроде Ирландской республиканской армии).

В 2017 году суммарно в Северной Америке, Восточной и Западной Европе (включая Россию)

погибло 308 человек. Локальная же причина кроется в самой цели любого современного террора [2].

Современный терроризм не ставит себе цели убивать людей. Рандомно убивать массу случайных людей вообще очень странная идея в которой не хватает как минимум мотива. Насильственные преступления в том и отличаются от имущественных, что они совершаются в отношении близких, знакомы и родственники [1]. Вероятность погибнуть от руки незнакомца исчезающе мала. Поэтому цель террора не жизни людей, объекты инфраструктуры, здания или транспорт. Цель террора – СМИ, политики, общественное мнение.

Террор стремится влиять на политику, общественное мнение и «торгует» не трупами, а страхом, который является очень эффективным «товаром», работающим сразу во все стороны. Он ставит политиков в безвыходное положение. Запрос на какие-нибудь действия, на сколько бесполезны бы они не были, во имя страха – это не то, что можно игнорировать.

Невозможно сказать избирателю правду, так как у статистической погрешности в виде террористического акта нет эффективного решения и нужно жить дальше, как раньше. В политике нужно, что-то делать – показывать заботу о безопасности граждан в диапазоне от установки рамок повсюду до визовых ограничений в отношении «провинившейся нации», как это сделали в США, например.

Страх работает в этом случае, на раскол общества. Этническая и религиозная принадлежность террористов всегда становится предметом дискуссий. Террор всегда подпитывает националистический и изоляционистские настроения. Никому не интересна расовая и национальная принадлежность участников пьяной поножовщины – обычно насильственного преступления каких большинство. Но всем важно, что, к примеру, именно араб расстрелял именно синагогу или именно уроженец Москвы чеченского происхождения отрезал голову французскому учителю [5].

Изоляционистские и националистические настроения – это прямой ущерб гражданскому миру, экономике, культуре. Ущерб возникает не от того, что какое-то количество людей погибло, но потому что обществу успешно продали страх – в этом цель террористов.

Нужно понимать, что ущерб терроризма не прямой, он всегда кумулятивный, призван вызвать очень дорогостоящую для общества и государства реакцию – ограничение гражданских прав, большие непроизводительные бюджетные расходы, расширение власти спецслужб и правоохранительных органов, а также гражданскую напряженность. Если это происходит – террор работает, и не работает если общество и государство продолжают относиться к преступлению как к преступлению без далеко идущих выводов. К примеру, в виду контртеррористических мер в Израиле уголовно-наказуема любая критика действий специальных служб в любых ее проявлениях.

Прямой эффект терроризма можно наблюдать в современной жизни каждый день. К примеру, в России каждый раз при входе в здание аэропорта нужно пройти совершенно бессмысленную рамку, которой нет больше нигде в мире (есть скрининг при выходе на посадку, но не у кого нету рамок на входе в аэропорт). Когда-то произошел взрыв в аэропорту Домодедово и в рамках запроса на такие меры – теперь во всех российских аэропортах стоят рамки. Кроме аэропортов подобное распространилось на вокзалы и на станции метро.

Таким образом каждый человек сейчас может наблюдать как терроризм в далеком году преуспел и заставил общество и государство очень кардинально изменить свое поведение, закупиться дорогостоящим и никому не нужным оборудованием и мешать тысячам людей спокойно проходить в аэропорт, на вокзал или в метро. Так работает современный терроризм.

Получается, что терроризм – это издержка совершенно спокойной и безопасной жизни. Потому, что только в такой среде актами насилия можно достигать таких выдающихся результатов с точки зрения политического и общественного влияния – фанатик взорвал бомбу в аэропорту и теперь все должны входить на вокзал через рамку.

Буквально единичные радикалы и буквально подручными средствами напав с ножом на полицейского, врезавшись в толпу на автомобиле могут запустить в обществе дискуссию об ограничении свободы слова – базовой ценности демократического общества, навлечь репрессии на мусульман, заставить развитое государство потратить миллионы процентов ВВП на решение проблемы, которая им ничего не стоила.

Издержка благополучия в том, что 100 лет назад для продажи страха нужна была вооруженная до зубов иностранная ария, то сегодня им способен торговать любой, кто в принципе готов применять любое насилие. Не нужно много смертей – достаточно лишь факт бессмысленных смертей.

Каждая смерть – это трагедия, но всегда нужно помнить, что цель террористов это страх и раскол. Террористический акт – это деяние за который конкретные люди должны понести наказание по закону. Наказание должны понести не граждане сломанным образом жизни и ограничением свобод, не нации и религии, преследованием на национальной и религиозной почве. Именно в этом цель террористов, чтобы за их действия наказание несли посторонние люди, тогда терроризм работает. Если ответственность несут только террористы, а общество живет по прежним правилам, тогда терроризм не работает.

Литература

1. Алиева С.В., Жамборов А.А., Семиглазов А.Г. Социально-психологические аспекты профилактики экстремизма и терроризма в молодежной среде // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 7 (170). – С. 394–396.

2. Скребец Е.С. Некоторые особенности классификации экстремизма на современном этапе развития общества // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – С. 116–121.
3. Жамборов А.А. Современный терроризм и экстремизм как потенциальная угроза безопасности государства // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 14. № 3. С. 32–36.
4. Прохоров В.В. Организационно-правовые основы профессиональной подготовки кадров крымской милиции в предвоенные и послевоенные годы // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 6 (133). – С. 341.
5. Пермьяков М. В., Гаскаров И.Ф., Ходасевич О.Н. Проблемы реализации личных прав и свобод человека и гражданина // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 10. – С. 129–130.

MODERN STATE-POLITICAL AND LEGAL MECHANISMS FOR COMBATING THE FINANCING OF TERRORISM. INTERNATIONAL EXPERIENCE OF INTERACTION

Uzhakhov M.K.

Moscow State University M.V. Lomonosov

Terrorism is practically a laboratory example of the dramatic gap that occurs between reality and its media reflection. Any terrorist act attracts a lot of attention, the media write about it, politicians speak out and argue on social networks. Terror attacks sow fear and horror in society, they entail political changes, and at the same time, if you look at it rationally, terrorism is the last thing to be afraid of, because the probability of dying because of it is very small. A decrease in violence, a decrease in tolerance for violence, a general increase in the cost of human life – this is certainly good, but like any big phenomenon, this has its downsides. That is, the less violence there is in society, the less violence produces a greater effect. Modern terrorism, however counterintuitive it may sound, does not aim to kill people. Randomly killing a lot of random people is generally a very strange idea that lacks at least a motive. Violent crimes differ from property crimes in that they are committed against loved ones, acquaintances and relatives. The probability of dying at the hands of a stranger is vanishingly small. Therefore, the goal of terror is not people's lives, infrastructure, buildings or vehicles. The purpose of terror is the media, politicians, public opinion.

Keywords: terrorist act, security, legal mechanisms for countering terrorism, comparative analysis of the terrorist threat.

References

1. Alieva S.V., Zhamborov A.A., Semiglazov A.G. Socio-psychological aspects of prevention of extremism and terrorism in the youth environment // Eurasian Legal Journal. – 2022. – № 7 (170). – Pp. 394–396.
2. Skrebets E.S. Some features of the classification of extremism at the present stage of development of society // Uchenye zapiski Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky Jurisprudence. – 2015. – Vol. 1 (67). No. 4. – p. 116–121.
3. Zhamborov A.A. Modern terrorism and extremism as a potential threat to the security of the state//Problems of economics and legal practice. 2021. V. 14. No. 3. p. 32–36.
4. Prokhorov V.V. Organizational and legal basis for the professional training of personnel of the Crimean police in the pre-war and post-war years // Eurasian legal journal. – 2019. – No. 6 (133). – S. 341.
5. Permyakov M. V., Gaskarov I.F., Khodasevich O.N. Problems of realization of personal rights and freedoms of man and citizen // Scientific journal "Eurasian legal journal". – 2021. – No. 10. – p. 129–130.

Формирование института пробации в России: аспекты нормативного закрепления механизма правового регулирования

Филоненко Татьяна Викторовна,

декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации; к.ю.н., советник юстиции, Дальневосточный Юридический институт (филиал) университета прокуратуры Российской Федерации
E-mail: tanya.f-vlad@mail.ru

В статье проведен анализ законопроекта о пробации в Российской Федерации, внесенного на рассмотрение в Государственную Думу РФ в ноябре 2022 года. Критический анализ основан на экспертном мнении автора, являющегося практическим работником правоохранительных органов с большим стажем, а также на обобщении замечаний, высказанных в отношении законопроекта в рамках Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний «Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года», состоявшейся 17–18 ноября 2022 г. в Рязани. Автор выделяет содержательные и формальные моменты критического анализа. Сделан вывод о том, что рецидивная преступность в значительной степени обусловлена имущественным положением лиц, освободившихся из мест лишения свободы, а также всем комплексом трудностей, с которыми они сталкиваются в период постпенитенциарной адаптации. Перечислены указанные трудности. В заключение автор предлагает собственные варианты изменения некоторых формулировок законопроекта, а также модель описания субъектов пробации в виде разграничения понятий «субъект» и «участник» пробации.

Ключевые слова: пробация, уголовно-исполнительная система, законопроект о пробации, постпенитенциарный рецидив, постпенитенциарная преступность, постпенитенциарная адаптация, лишение свободы.

Введение

В 2022 году в правовой жизни России произошло событие, являющееся знаковым в контексте реформирования уголовно-исполнительной системы России: на официальном уровне был представлен законопроект о пробации в Российской Федерации. История формирования службы пробации в России насчитывает несколько десятилетий. Сюда входят и теоретические разработки, и научные дискуссии и официальные попытки инициировать процесс создания службы пробации. Например, на официальном уровне предложение о создании службы пробации прозвучало в Докладе Уполномоченного по правам человека еще в 2005 г. Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы России до 2030 г., постпенитенциарная адаптация лиц, освободившихся из мест лишения свободы, должна осуществляться через службу пробации [15].

В разделе II Концепции сформулированы вызовы, стоящие перед современной уголовно-исполнительной системой России (далее – УИС). По сути, эти вызовы представляют собой неразрешенные проблемы организации и деятельности УИС, на преодоление которых и направлена названная Концепция. В качестве одного из вызовов документ называет тот факт, что лица, освободившиеся из мест лишения свободы, не адаптированы к жизни в гражданском обществе. В Концепции подчеркивается, что на рост рецидивной преступности влияют такие факторы, как потеря социальных связей, отсутствие востребованности профессиональных навыков, жилья, средств к существованию у лиц, освободившихся из исправительных учреждений.

Исследователи выделяют 2 группы факторов, влияющих на рецидивную преступность: 1) факторы, связанные с различными недостатками в деятельности правоохранительных органов и судов, снижающие или сводящие на нет результаты воздействия правоохранительной системы на лиц, совершивших преступления, и 2) факторы, влияющие на неблагоприятное протекание постпенитенциарной адаптации [1, с. 138].

Пробация является механизмом, призванным сократить и предотвратить постпенитенциарную рецидивную преступность, обеспечив лицам, освобождаемым из мест лишения свободы, постпенитенциарную адаптацию как возможность вернуться к «нормальной» жизни в обществе.

Вообще постпенитенциарный рецидив следует рассматривать как ключевой показатель эффек-

тивности системы исправительных учреждений, ведь целями уголовно-исполнительного законодательства, как известно, являются исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ). Постпенитенциарный рецидив преступлений – это разновидность криминологического рецидива, состоящая в совершении лицом, освобожденным из исправительного учреждения, в течение срока судимости всякого нового преступления, независимо от формы его вины [2, с. 105–106]. При этом под пенитенциарным рецидивом следует понимать совершение нового преступления осужденным, отбывающим наказание в местах лишения свободы [3].

Согласно официальной статистике МВД за 2021 г., больше половины расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления, что составляет 60,0% от общего числа расследованных преступлений [16] (п. 19 отчета). В целом эта цифра составила 618158 преступлений, из них 346328 преступлений совершено ранее судимыми лицами (что составляет 33,6%). Тенденция подтверждается и в 2022 г. По данным Генеральной прокуратуры РФ за семь месяцев 2022 г., большинство преступников в 2022 г. – это рецидивисты [4].

При этом очевидны некоторые тенденции. Во-первых, большая часть преступлений, приходящихся на долю лиц, ранее совершавших преступления, не относится к группе тяжких и особо тяжких. По данным МВД РФ лицами, ранее совершавшими преступления, в 2021 г. совершено 124775 тяжких и особо тяжких преступлений, что составляет 20,2% от общего количества преступлений в этой группе [16]. По данным Судебного департамента за 2021 г. большая часть преступлений (50,9%) приходится на преступления небольшой тяжести, и только 5,4% от общего количества составили приговоры за особо тяжкие преступления [17].

Во-вторых, среди совершенных преступлений лидирует кража (ст. 158 УК РФ, ч. 2 и ч. 3), как и в целом преступления против собственности [18]. Все это свидетельствует в пользу довода о том, что рецидивная преступность в значительной степени обусловлена имущественным положением лиц, освободившихся из мест лишения свободы, а также всем комплексом трудностей, с которыми они сталкиваются в период постпенитенциарной адаптации.

По данным исследователей лица, освобожденные из мест лишения свободы, испытывают наибольшие сложности в следующих направлениях:

- во-первых, сбор необходимых документов,
- во-вторых, помощь в трудоустройстве,
- в-третьих, место жительства,
- в-четвертых, восстановление социальных связей [5, с. 105].

Именно на разрешение названных сложностей и направлена пробация.

Основные результаты исследования

Согласно ст. законопроекта, пробация представляет собой совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, а также лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, включая их ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию, защиту прав и законных интересов указанных лиц, контроль и надзор за их поведением, предупреждение совершения ими преступлений и правонарушений.

В настоящее время публикуется достаточно много работ, посвященных исследованию зарубежного опыта организации службы пробации, ресоциализации осужденных и постпенитенциарной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Такие исследования, несомненно, полезны в целях изучения и заимствования опыта ресоциализации осужденных, показавшего свою эффективность [5; 6; 7; 8; 9]. Однако заимствование такого опыта бывает затруднительным из-за существенной разницы в социальных и организационных условиях. Например, совершенно неинформативно будет сравнивать опыт государства с развитой службой пробации с опытом государства, в котором такая служба отсутствует или находится в стадии становления. Этими соображениями во многом объясняется столь долгая история создания службы пробации в РФ.

В 2022 году дискуссия о формировании службы пробации в России вышла на новый уровень. Во-первых, весной был представлен проект федерального закона о пробации, вынесенный на общественное обсуждение Министерством юстиции России [19]. Во-вторых, в ноябре 2022 г. законопроект о пробации впервые был официально внесен на рассмотрение в Государственную Думу РФ от имени Правительства РФ [20]. Последнее событие принципиально меняет ход формирования службы пробации в России, потому как переводит вопрос из научно-доктринальной плоскости в официальную и практическую.

Представленный Минюстом РФ проект закона о пробации является далеко не первым. Необходимо отметить, что альтернативные проекты активно дискутировались в науке, что дало рабочей группе обсуждаемого законопроекта 2022 г. много идей [10; 11; 12].

Имеющийся законопроект имеет рамочный характер и это нужно учитывать при анализе документа. Многие положения, которые прорабатывались рабочей группой и по которым не было единства мнений ни на доктринальном уровне, ни среди экспертов, не вошли даже в первый законопроект. А окончательный проект, внесенный в Госдуму в ноябре, претерпел еще ряд изменений по сравнению с первоначальными версиями, что во многом, как хочется надеяться, связано с критическими публикациями в адрес вынесенного на общественное обсуждение документа [13; 14].

В результате документ получился достаточно формальным. Его нужно рассматривать как первый шаг на пути формирования в России эффективной системы ресоциализации и социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы и попавших в трудную жизненную ситуацию. Проект направлен на то, чтобы закрепить правовые основы пробации в РФ, ее принципы, субъектов и их основные полномочия. То есть ждать от документа слишком многого не приходится, ведь все спорные практические вопросы должны быть разрешены в подзаконных актах, которые будут приняты на основе будущего закона. Конечно, такое положение дел затрудняет анализ документа, ведь гораздо перспективнее оценивать не отдельные правовой акт, в правовое регулирование вопроса в целом. Это можно было сделать, если оценить сочетание рамочного закона и конкретизирующих подзаконных актов. Однако на данный момент такая возможность отсутствует.

Несмотря на все оговорки о рамочном характере законопроекта, оценивать его регулятивный потенциал можно и нужно. Более того, уже в имеющемся виде документ вызывает нарекания у экспертов по ряду вопросов.

17–18 ноября 2022 г. в Рязани на базе Академии ФСИН России прошли две конференции:

- Международная научно-практическая конференция по проблемам исполнения уголовных наказаний «Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года»;
- Международная научно-практическая конференция «Современная пенитенциарная практика: воспитательная, социальная и психологическая работа».

На названных конференциях, среди прочего, активно обсуждался вопрос о формировании службы пробации в России и осуществлялся критический разбор названного выше законопроекта о пробации. Можно констатировать, что замечания экспертов достаточно единообразны, что позволяет сделать обзор основных недостатков имеющегося проекта. В настоящий момент такая критика будет весьма полезной, ведь имеющаяся правотворческая процедура после первого рассмотрения в парламенте предполагает внесение содержательных правок в законопроект. Поэтому можно надеяться, что мнение научной общественности законодателя тоже учтут, что пойдет на пользу итоговому документу, избавив его от большого количества изменений и доработок в дальнейшем (во всяком случае, сократив их).

Критику документа можно осуществлять по 2-м направлениям:

- формальные аспекты (юридическая техника документа);
- содержательные аспекты.

В случае конкретного законопроекта это деление весьма условно, так как регулятивные

и формально-юридические моменты оказываются тесно переплетены. Так что эти направления выделены, скорее, для удобства изложения материала и структурирования текста.

Содержательные моменты касаются собственно отдельных регулятивных положений проекта, которые выглядят противоречивыми, входят в конфликт с имеющимся правовым регулированием либо иным образом неудачно определяют модели правоотношений. Формальные моменты касаются вопросов юридической техники. По нашему мнению, в документе достаточно много неудачно сформулированных положений, которые снижают его качество. Вопрос здесь не столько в содержании планируемых правил поведения, сколько в обеспечении свойства формальной определенности права: недостатки юридической техники очевидным образом будут существенным образом затруднять правоприменительную практику в случае с конкретным законопроектом.

Содержательные моменты. В пояснительной записке к законопроекту говорилось, что этот документ не предполагает дополнительного специального финансирования из бюджета, а должен быть реализован за счет организационной реформы перераспределения функций имеющихся органов уголовно-исполнительной системы и других структур. Именно этот аспект проекта преподносится разработчиками как плюс (и он же позволяет надеяться, что закон о пробации в такой интерпретации все же будет принят в России после десятилетия обсуждения проблемы). Однако в этой позиции разработчиков скрыты не только плюсы, но и одно из самых слабых мест документа.

Основным субъектом, фактически осуществляющим пробацию, согласно документу будут уголовно-исполнительные инспекции. Для юристов-практиков очевидно: путем возложения на уголовно-исполнительные инспекции дополнительных функций и полномочий проблему решить не удастся. Инспекции являются объективно перегруженными уже сейчас. В последние годы им добавлялся все новый и новый функционал. Так, в 2005 г. уголовно-исполнительным инспекциям был передан контроль исполнения наказаний в виде ограничения свободы и исправительных работ. Позже, в 2016 г. на инспекции был возложен контроль за подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Потом инспекциям был поручен контроль исполнения мер пресечения в виде залога и запрета совершения определенных действий, а недавно – контроль за соблюдением условно-досрочно освобожденными лицами установленных ограничений.

Каждое из этих поручений – это маленькая реформа уголовно-исполнительной системы. Для того чтобы служба пробации стала реально функционирующим институтом, работы по перераспределению полномочий недостаточно. Здесь требуется финансирование, расширение штатов, создание новой инфраструктуры. Кадровые проблемы

уголовно-исполнительных инспекций на сегодняшний день огромны. На вышеупомянутых конференциях, прошедших в Рязани с участием ФСИН РФ в 2022 г., неоднократно поднималась проблема недостаточности кадров уголовно-исполнительных инспекций. По данным разных докладчиков кадровый дефицит составляет от 35 до 45% (цифры в разных регионах и учреждениях могут отличаться). В таких условиях возложением на уголовно-исполнительные инспекции дополнительных функций и, соответственно, огромной дополнительной отчетности, проблему ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, не решить.

Формально-юридические моменты. Представляется, что в документе есть некоторые погрешности с точки зрения терминологии и правил юридической техники, которые существенно снижают его регулятивный потенциал.

Первое, о чем хочется сказать: в документе весьма размыто сформулированы полномочия субъектов пробации. Это порождает проблему корреляции законопроекта с действующим уголовно-исполнительным законодательством, в частности, в отношении правового положения лиц, отбывающих наказание, и в отношении полномочий уголовно-исполнительных инспекций. Дело в том, что большая часть перечисленных в законопроекте о пробации действий по оказанию социальной помощи лицам, освобождаемым из мест лишения свободы, уже закреплена законодательно. В настоящее время действуют законы о профилактике правонарушений [21] и безнадзорности [22], которые по кругу регулируемых вопросов пересекаются с документом.

Полномочия органов власти субъектов федерации в сфере пробации сформулированы через модус «вправе» (ст. 8 проекта). Во-первых, сама такая модель запрещается документами о проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов (п. 3 подпункт «б» Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов) [23]. Во-вторых, такая формулировка позволяет органам не предпринимать никаких необходимых мер, так как обязанности закон напрямую не налагает.

Полномочия органов в подавляющей части статей проекта не сформулированы через права и обязанности конкретных субъектов. Проект использует по большей части формулировку «органом оказывается содействие», которая имеет скорее информативное и декларативное, а не регулятивное значение. Чтобы положения проекта превратились в действующие нормы права, они должны быть сформулированы через права и обязанности участников описываемых правоотношений. Об обязанностях в законе говорится лишь применительно к лицам, подвергающимся пробации, и к социальным учреждениям.

Еще один аспект, связанный с формулированием полномочий в проекте, – это расширение полномочий уголовно-исполнительных инспекций в от-

ношении лиц, подвергаемых пробации. Например, проект предусматривает, что сотрудники уголовно-исполнительных инспекций имеют право *вызывать к себе лиц*, в отношении которых применяется исполнительная или постпенитенциарная пробация, *для разъяснения оснований, порядка и условий применения мер ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, предусмотренных индивидуальной программой, получения информации о ходе ее выполнения, а также для предупреждения о возможности прекращения оказания помощи* (ч. 2 ст. 28 проекта). В федеральном законе «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [24] полномочия сформулированы гораздо уже и четче (сотрудники уголовно-исполнительных инспекций могут вызывать лиц, освобожденных из мест лишения свободы, только в определенных случаях – ч. 2 ст. 12 Закона). Иными словами, проект расширяет полномочия уголовно-исполнительных инспекций по сравнению с другими законами (при этом важно учитывать, что законодательство об административном надзоре имеет ограничительный характер).

О том же говорит и п. 5 ч. 3 ст. 28 проекта: сотрудники уголовно-исполнительных инспекций вправе посещать по месту нахождения, в том числе по месту жительства и работы (учебы), лиц, в отношении которых применяется исполнительная или постпенитенциарная пробация, в рамках реализации полномочий в сфере исполнительной или постпенитенциарной пробации. Большие сомнения вызывает пункт о праве свободно посещать лиц по месту жительства – здесь явно должен быть прописан механизм реализации этой нормы. По законодательству об административном надзоре, например, посещения возможны только в определенное время, в ограниченных случаях и сопровождаются обязанностями поднадзорных. Если лица, проходящие программу пробации, проживают с другими людьми, то такие полномочия уголовно-исполнительных инспекций нарушают права иных проживающих на неприкосновенность жилища. Даже для органов полиции установлено множество ограничений на проникновение в жилище и «посещения» граждан в каких бы то ни было случаях, а в проекте закона о пробации при этом использована простая формулировка без всяких ограничений «вправе посещать по месту жительства». Эта формулировка явно неудачна с точки зрения требований юридической техники.

Второе, о чем надо сказать как о недостатке юридической техники проекта – это формулирование в законе перечня субъектов пробации. Он необоснованно широк. Во многом это вытекает из слишком обобщенных формулировок, использованных в ст. 6 Проекта. Получается, что все органы федеральной исполнительной власти, органы власти субъектов федерации являются субъектами пробационной деятельности. Такое изложение размывает идею и противоречит самой юридической конструкции субъекта права и правоотношения. По законопроекту в системе пробации задейство-

ван чуть ли не весь государственный аппарат, который должен оказывать соответствующие услуги. Это противоречит самой идеи службы пробации как специализированной системы по оказанию помощи лицам, освобождаемым из мест лишения свободы. В дальнейших статьях проекта названы отдельные органы исполнительной власти, у которых есть полномочия в сфере пробации. Но в таком случае в ст. 6 лучше использовать ограничительную формулировку, конкретизировав круг федеральных органов исполнительной власти, задействованных в пробации. Например, «федеральные органы исполнительной власти, на которые настоящим законом или другими федеральными законами и указами Президента РФ возложены полномочия в сфере пробации».

Но главный недостаток даже не в этом, а в том, что статья 6 проекта ставит в один ряд структуры с совершенно разным и несравнимым функционалом, окончательно размывая и формализуя реальную деятельность по пробации. Представляется, что субъектом пробации должны быть те органы и учреждения, которые фактически будут проводить мероприятия по ресоциализации социальной адаптации осужденных и лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Все же роль министерства, которое будет осуществлять нормативно-правовое регулирование в сфере пробации, непоставима с ролью уголовно-исполнительной инспекции, которая будет проводить фактические ресоциализационные мероприятия.

Фактическим субъектом пробации, у которых будут права и обязанности в этой сфере, будет уголовно-исполнительная система и ее подразделения в виде уголовно-исполнительных инспекций. Представляется, что именно это и должно быть отражено в законе. Нормативно-правовое регулирование, организация взаимодействия и контроль деятельности относятся к обычному функционалу министерств и федеральных служб, что само по себе не превращает их в субъектов пробации. То же самое можно сказать и об органах власти субъектов федерации, и об органах местного самоуправления – они не являются и не должны являться субъектами пробации, хотя участвуют в соответствующей деятельности в пределах своих полномочий, если это будет оговорено законом.

Нужно помнить, что субъект права с точки зрения правовой теории должен обладать субъективными правами и юридическими обязанностями. А теория в данном случае – это не декларация, а описание регулятивной модели, на которой строится современное правовое регулирование. В пробационном правоотношении будут состоять лицо, подвергающееся пробации, с одной стороны, и сотрудник уголовно-исполнительной инспекции или иного учреждения, с другой. Пробационные правоотношения не скрадываются между федеральными органами исполнительной власти в процессе их правотворческой или контрольно-надзорной деятельности – в этом плане они остаются субъектами правотворческой или надзорной деятельности

с соответствующим функционалом, меняется лишь предмет регулирования издаваемых и применяемых нормативно-правовых актов.

Выводы

В качестве меры по совершенствованию юридической техники проекта можно предложить конструкцию, предполагающую деление субъектов деятельности на виды в зависимости от имеющихся полномочий. Всех акторов пробационной деятельности предлагается разделить на субъектов и участников. Субъекты являются основными акторами, которые реализуют суть деятельности и вокруг обязанностей которых будут строиться соответствующие правоотношения и последующий процесс реализации права. Без субъектов соответствующая деятельность (в данном случае – пробационная деятельность) невозможна. А участники – это акторы, привлекаемые к отдельным аспектам деятельности или отдельным мероприятиям в рамках основной деятельности, разово или на регулярной основе. Так, например, органы местного самоуправления, волонтеры, некоммерческие организации, общественные наблюдательные советы в случае с пробацией могут выступать как участники пробации. В то время как органы и учреждения уголовно-исполнительной системы, государственные учреждения службы занятости населения, отдельные организации социального обслуживания являются собственно субъектами пробации.

Что касается федеральных органов исполнительной власти, органов власти субъектов федерации и органов местного самоуправления, то их функционал лучше описывать через такой прием юридической техники, как выделение в начале соответствующей главы (или в общих положениях закона) статей со следующими наименованиями: «Полномочия федеральных органов исполнительной власти в сфере пробации», «Полномочия органов власти субъектов федерации в сфере пробации», «Участие органов местного самоуправления в процедурах пробации».

Третий момент, который надо упомянуть в плане критики юридико-технического оформления закона – это огромные по размерам статьи, в которых использован описательный стиль изложения, а не сформулированы нормы права. Давно известно, что длинные статьи и большие фрагменты текста в нормативных правовых актах без рубрикации – это показатель низкого уровня юридической техники документа, который свидетельствует, в том числе, о «сыром» правовом регулировании, непродуманности будущих юридических конструкций и моделей типичных правоотношений. К сожалению, в этом плане проект весьма похож на текст учебного пособия: рубрикация есть, а четких норм права нет.

В заключение необходимо отметить, что законопроект о пробации – это значительный шаг в деле реформы уголовно-исполнительной системы России, который в идеале позволит собрать

все мероприятия, связанные с ресоциализацией и социальной адаптацией лиц, освободившихся из мест лишения свободы, воедино, обеспечив по итогу комплексное правовое регулирование. Создание службы пробации в государстве ведет к снижению рецидивной преступности, социально-экономической напряженности и обеспечивает безопасность общества и его граждан.

Литература

1. Хикматзода Дж.У. Криминологическая характеристика рецидива преступления // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2016. № 3 (31). С. 138–144.
2. Городнянская В.В. Структура рецидивной преступности (постпенитенциарный рецидив) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 105–108.
3. Филиппова О. В., Садовникова М.Н. Пенитенциарный рецидив и пенитенциарная преступность: понятие и криминологическая характеристика // Сибирский юридический вестник. 2017. № 2 (77). С. 76–80.
4. Черкесова А. Большую часть преступников в РФ в 2022 году составили рецидивисты // Профиль: еженедельный журнал. 30.08.2022 г. URL: <https://profile.ru/news/society/osnovnymiprestupnikami-v-rf-priznany-recidivisty-i-ljudi-bezpostoyannogo-dohoda-1152049/> (дата обращения: 10.10.2022)
5. Шамсунов С.Х., Егоров В.А., Корнев А.С., Новиков А.В. Постпенитенциарный период как эффективный механизм в социальной адаптации осужденных // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 6А. С. 105. DOI: 10.34670/AR.2021.99.95.012
6. Чигринцев Е.А. Опыт зарубежных стран по ресоциализации и социальной адаптации осужденных к лишению свободы // ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: теория и практика. 2019. № 7 (175). С. 108–110.
7. Чигринцев Е.А. Положительные и отрицательные примеры действий, оказывающих влияние на ресоциализацию и социальную реабилитацию осужденных: США, Германия, Нидерланды // Право и современные государства. 2019. № 2. С. 28–36. DOI: <http://dx.doi.org/10.14420/ru.2019.2.4>.
8. Алексеева Е.С. Институт подготовки к освобождению из мест лишения свободы в пенитенциарных системах стран Скандинавии: особенности формирования и современное состояние // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. N 4. С. 33–36. DOI: 10.18572/2072-4438-2020-4-33-36 (www.doi.org).
9. Режапова И.М., Заборовская Ю.М. Сравнительно-правовой анализ государственных и муниципальных программ по социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы, в России и США // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. N 9. С. 55–58. DOI: 10.18572/1813-1247-2019-9-55-58 (www.doi.org).
10. Ельчанинов А.П. Понятие и особенности реализации досудебной пробации по проекту федерального закона «О системе пробации в Российской Федерации» // В сб.: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 61–65.
11. Антипов А.Н., Строгович Ю.Н. Пробации в России быть. Проект федерального закона «О пробации в Российской Федерации» // Право и образование. 2021. № 10. С. 108–123.
12. Грушин Ф.В., Белова Е.Ю. Федеральный закон «О системе пробации в Российской Федерации»: некоторые замечания // В сб.: Уголовно-исполнительная система: реалии и перспективы развития. Материалы III Международной научно-практической конференции. Ответственность за содержание материалов несут авторы. Псков, 2021. С. 97–101.
13. Скороходова А.С. Проект федерального закона «О пробации в Российской Федерации»: анализ новелл // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2022. № 2 (12). С. 99–106.
14. Сержкина М.А. Институт пробации в уголовно-исполнительной системе РФ // В сб.: Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Новосибирск-Новокузнецк, 2022. С. 141–146.
15. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. N 1138-р Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г. // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 5 мая 2021 г. N 0001202105050004; Собрание законодательства Российской Федерации. 17 мая 2021 г. N 20 ст. 3397.
16. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2021 года // Официальный сайт МВД РФ. Раздел «Состояние преступности». URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 10.10.2022)
17. В РФ становится меньше рецидивистов // Информационный портал Право.ру. 19.04.2022 г. URL: <https://pravo.ru/news/240437/> (дата обращения: 10.10.2022)
18. За что чаще всего отправляли в колонию в первом полугодии 2021-го. Инфографика // Информационный портал Право.ру. URL: <https://pravo.ru/news/235910/> (дата обращения: 10.10.2022)
19. О пробации в Российской Федерации: текст законопроекта (представлен Минюстом РФ на общественное обсуждение) // URL: <https://>

regulation.gov.ru/projects#npa=126333 (дата обращения: 10.10.2022)

20. Законопроект № 232770–8 «О пробации в Российской Федерации» // URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/232770–8](https://sozd.duma.gov.ru/bill/232770-8) (дата обращения: 20.11.2022)
21. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 182-ФЗ // Российская газета. 28 июня 2016 г. N 139.
22. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ (в редакции от 21.11.2022 г.) // Российская газет. 30 июня 1999 г. N 121.
23. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. N 96 (с изм. и доп. От 10.07.2017 г.) // Российская газета. 5 марта 2010 г. N 46.
24. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. N 64-ФЗ // Российская газета. 8 апреля 2011 г. N 75.

FORMATION OF THE INSTITUTE OF PROBATION IN RUSSIA: ASPECTS OF REGULATORY FIXING OF THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION

Filonenko T.V.

Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The article analyzes the draft law on probation in the Russian Federation, submitted for consideration to the State Duma of the Russian Federation in November 2022. The critical analysis is based on the expert opinion of the author, who is a practical worker of law enforcement agencies with a long experience, as well as on the generalization of the comments made regarding the draft law in the framework of the International Scientific and Practical Conference on the Problems of the Execution of Criminal Punishments "The penitentiary system at the present stage, taking into account the implementation Concepts for the development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030", which took place on November 17–18, 2022 in Ryazan. The author highlights the substantive and formal aspects of the critical analysis. It is concluded that recidivism is largely due to the property status of persons released from places of deprivation of liberty, as well as the whole range of difficulties that they face during the period of post-penitentiary adaptation. These difficulties are listed. In conclusion, the author proposes his own options for changing some of the wording of the bill, as well as a model for describing probation subjects in the form of a distinction between the concepts of "subject" and "participant" in probation.

Keywords: probation, penitentiary system, bill on probation, post-penitentiary recidivism, post-penitentiary crime, post-penitentiary adaptation, deprivation of liberty.

Referents

1. Hikmatzoda J.U. Criminological characteristics of the recidivism of the crime // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. 2016. No. 3 (31). pp. 138–144.
2. Gorodnyanskaya V.V. The structure of recidivism (post-penitentiary recidivism) // Tomsk State University Bulletin. 2010. No. 335. S. 105–108.
3. Filippova O. V., Sadovnikova M.N. Penitentiary recidivism and penitentiary crime: concept and criminological characteristics // Siberian Legal Bulletin. 2017. No. 2 (77). pp. 76–80.

4. Cherkesova A. Most of the criminals in the Russian Federation in 2022 were recidivists // Profile: weekly magazine. 08/30/2022 URL: <https://profile.ru/news/society/osnovnymi-prestupnikami-v-rf-priznany-recidivisty-i-ljudi-bez-postoyannogo-dohoda-1152049/> (date of application: 10.10.2022)
5. Shamsunov S. Kh., Egorov V.A., Kornev A.S., Novikov A.V. Post-penitentiary period as an effective mechanism in the social adaptation of convicts // Issues of Russian and international law. 2021. Volume 11. No. 6A. P. 105. DOI: 10.34670/AR.2021.99.95.012
6. Chigrinets E.A. Experience of foreign countries on resocialization and social adaptation of convicts to deprivation of liberty // LAW AND STATE: theory and practice. 2019. No. 7 (175). pp. 108–110.
7. Chigrinets E.A. Positive and negative examples of actions influencing the resocialization and social rehabilitation of convicts: the USA, Germany, the Netherlands // Law and Modern States. 2019. No. 2. S. 28–36. DOI: <http://dx.doi.org/10.14420/ru.2019.2.4>.
8. Alekseeva E.S. Institute for preparation for release from places of deprivation of liberty in the penitentiary systems of the Scandinavian countries: features of formation and the current state // Penitentiary system: law, economics, management. 2020. N 4. P. 33–36. DOI: 10.18572/2072-4438-2020-4-33-36 (www.doi.org).
9. Rezhapova I.M., Zaborovskaya Yu.M. Comparative legal analysis of state and municipal programs for the social adaptation of persons released from institutions of the penitentiary system in Russia and the USA // State power and local self-government. 2019. N 9. P. 55–58. DOI: 10.18572/1813-1247-2019-9-55-58 (www.doi.org).
10. Elchaninov A.P. The concept and features of the implementation of pre-trial probation under the draft federal law "On the probation system in the Russian Federation" // In: Proceedings of the FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2021, pp. 61–65.
11. Antipov A.N., Strogovich Yu.N. There will be probation in Russia. Draft Federal Law "On Probation in the Russian Federation" // Law and Education. 2021. No. 10. P. 108–123.
12. Grushin F.V., Belova E. Yu. Federal law "On the probation system in the Russian Federation": some remarks // In the collection: The penitentiary system: realities and development prospects. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. The authors are responsible for the content of the materials. Pskov, 2021, pp. 97–101.
13. Skorokhodova A.S. Draft federal law "On probation in the Russian Federation": analysis of short stories // Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Studies of Workers of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2022. No. 2 (12). pp. 99–106.
14. Serezhkina M.A. Institute of probation in the penitentiary system of the Russian Federation // In: Development of the penitentiary system: organizational, legal and economic aspects. Collection of materials of the international scientific-practical conference. Novosibirsk-Novokuznetsk, 2022, pp. 141–146.
15. Decree of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 N 1138-r On approval of the Concept for the development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030 // Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru) May 5, 2021 Mr. N 0001202105050004; Collection of legislation of the Russian Federation. May 17, 2021 No. 20 st. 3397.
16. The state of crime in the Russian Federation for January–December 2021 // Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Section "State of Crime". URL: <https://mvd.rf/reports/item/28021552/> (date of application: 10.10.2022)
17. There are fewer repeat offenders in the Russian Federation // Information portal Pravo.ru. April 19, 2022 URL: <https://pravo.ru/news/240437/> (date of application: 10.10.2022)
18. What was most often sent to a colony for in the first half of 2021. Infographics // Information portal Pravo.ru. URL: <https://pravo.ru/news/235910/> (date of application: 10.10.2022)
19. On probation in the Russian Federation: the text of the draft law (submitted by the Ministry of Justice of the Russian Federation for public discussion) // URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=126333> (date of application: 10.10.2022)

20. Draft Law No. 232770–8 “On Probation in the Russian Federation” // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232770–8> (date of application: 20.11.2022)
21. On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation: Federal Law of June 23, 2016 N 182-FZ // Rossiyskaya Gazeta. June 28, 2016 No. 139.
22. On the basics of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law of June 24, 1999 N 120-FZ (as amended on November 21, 2022) // Rossiyskaya Gazeta. June 30, 1999 No. 121.
23. On anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts: Decree of the Government of the Russian Federation of February 26, 2010 N 96 (as amended and supplemented on July 10, 2017) // Rossiyskaya Gazeta. March 5, 2010 No. 46.
24. On administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty: Federal Law of April 6, 2011 N 64-FZ // Rossiyskaya Gazeta. April 8, 2011 No. 75.